Бюджетное учреждение высшего образования
Ханты–Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Рашевский Василий Викторович

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГЕОЛОГОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ В КОНЦЕ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ

Специальность 5.6.1. Отечественная история (исторические нуки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Гололобов Евгений Ильич

Сургут – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА 1. СИБИРСКИЕ НЕФТЕРАЗВЕДЧИКИ В АВАНГАРДЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ 38

1.1 Политика геологического освоения территории Среднего Приобья..... 38

1.2 Десанты геологов-первопроходцев в Сургутское Приобье..... 58

1.3 Сургутская нефтеразведочная экспедиция: формирование, численность, структура..... 82

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ГЕОЛОГОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ В КОНЦЕ 1940-х– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ..... 106

2.1 Организация снабжения и стратегии потребления..... 106

2.2 Производственное снабжение и обеспечение одеждой 133

2.3 Организация жилого пространства геологоразведчиков в «поле» и стационарных местах проживания..... 155

2.4 Сфера здоровья и медицинское обслуживание геологов..... 181

ГЛАВА 3. ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ГЕОЛОГОВ В КОНЦЕ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ..... 203

3.1 Повседневные трудовые практики геологоразведчиков..... 203

3.2 Хозяйственно-бытовая деятельность геологов..... 225

3.3 Досуговые практики геологоразведчиков 239

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 265

Список сокращений и условных обозначений..... 273

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 275

Приложения 316

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Формирование и становление крупнейшего Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960-1980-е годы – важнейшая страница истории нашего государства, которая не остается без внимания современных исследователей. Одним из значимых природных ресурсов, имеющих большее значение в экономике советского государства, выступает нефть. В результате героического и самоотверженного труда тысяч первопроходцев были открыты уникальные по своим объемам углеводородные ресурсы. Эти колоссальные объемы продолжают оставаться гарантом энергетической безопасности нашей страны. В их формировании определяющая роль принадлежала геологам-первопроходцам, тем, кто стоял у истоков геолого-геофизических работ в Западной Сибири.

Антропологический поворот, произошедший в исторической науке во второй половине XX века, позволил сделать конкретный человеческий опыт объектом внимания научных исследований, рефлексируя «традиционные» темы исследований по-новому. Источники личного происхождения, воспоминания непосредственных участников значимых событий в истории страны дают исследователям новые возможности для осмысления прошлого, более глубокого понимания социальных процессов.

Обращение к первоисточникам – нарративам, раскрытие практик и приемов выстраивания повседневной жизни людей – является актуальной научной задачей. В государственных, муниципальных, ведомственных архивных и музейных учреждениях Российской Федерации хранится немало документов по истории геологического освоения Западной Сибири. Но при всей значимости данные документальные комплексы позволяют воссоздать лишь часть социальной истории, задают ей определенный тон и направление. Голоса очевидцев и участников событий прошлого способны дополнить героический нарратив освоения новыми существенными деталями, реконструировать повседневные устойчивые модели поведения. Устные нарративы передают уникальный опыт и особое восприятие

действительности внутри гетерогенного профессионального сообщества геологов. Объединение множества людей, каждый из которых имел свой индивидуальный семейный, социальный, профессиональный статус, в одну группу, различные нормативные тексты, архивные документы и материалы ведет к нивелированию различий, а разнообразие жизненных траекторий сводится к одному знаменателю – геологоразведчики. Изучение повседневной жизни работников геологической отрасли позволяет проследить долгий и трудный путь к первым открытиям «черного золота» глазами самих акторов нефтепоиска.

Кроме того, следует отметить, что в логике осмысления исторической памяти районов нового индустриального освоения геологические коллективы во многом растворяются в общем потоке деятельности более мощных корпоративных акторов – нефтяников и газовиков, значимость и роль геологического этапа нивелируется на фоне последующих успехов в освоении нефтяной целины.

Актуальность исследования напрямую связана с положениями «Стратегии развития геологической отрасли до 2030 года», утвержденной распоряжением правительства Российской Федерации от 21 июня 2010 г.[1], а также «Стратегией развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года», принятой 11 июля 2024 г.[2] в которых рекомендовано изучение опыта геологического освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Данное обстоятельство наряду с научной новизной подчеркивает социально-политическую актуальность заявленной темы исследования.

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.06.2010 г. № 1039-р об утверждении «Стратегии развития геологической отрасли до 2030 года» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации: [Электронный ресурс]. – URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-21062010-n-1039-r/ (дата обращения 21.08.2025).

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.07.2024 г. № 1838-р об утверждении «Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации: [Электронный ресурс]. – URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-11072024-n-1838-r-ob-utverzhdenii/ (дата обращения 21.08.2025).

Степень изученности темы. Геологическое освоение огромной территории поиска, заключенное в границах «большой Тюменской области», нашло широкое отражение в исторических и естественно-научных исследованиях. Историографический анализ работ позволяет выделить несколько групп литературы по исследуемой теме.

Первая группа работ – это исследования, написанные самими представителями геологической профессии: С.Б. Аксельруд[3], И.И. Нестеров[4], Н.П. Запивалов[5], Ф.К. Салманов[6], Н.К. Байбаков[7], А.А. Трофимук[8], Ф.Г. Гурари[9], Н.Н. Ростовцев[10], Ю.Г. Эрвье[11]. Определенный вклад в изучение данного вопроса внесли сборники научно-популярных публицистических статей под редакцией Л.В. Цареградской[12].

Литература данной группы посвящена рассмотрению вопросов регламентирования и организации производственной деятельности геологов, основным нормативам их деятельности в различных отраслях геологоразведочных работ. Анализ данных работ позволил лучше понять специфику каждой отдельной отрасли и определить наиболее важные

---

[3] Аксельруд С.Б. Организация работ геологоразведочных партий. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1966; Сибирская нефть / под ред. В.И. Муравленко, В.И. Кремнева. М., 1977.

[4] Нестров И.И., Рябухин Г.Е. Тайны нефтяной колыбели. Свердловск, 1984.

[5] Запивалов Н.П., Кальман А.Ш. Будет сибирское Баку. Новосибирск, 1963.

[6] Салманов Ф.К. Ускорение поиска. М., 1985.

[7] Байбаков Н.К. Большая нефть Тюмени. Свердловск, 1965.

[8] Трофимук А.А. Важные уроки истории открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции // Геология и геофизика. 1974. № 5. С. 29-36; Трофимук А.А. Некоторые проблемы развития Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции // Нефть и газ Тюмени. 1969. № 1. С. 1-4. Трофимук А.А. Сорок лет борения за развитие нефтегазодобывающей промышленности Сибири. Новосибирск, 1997.

[9] Гурари Ф.Г. Геология и перспективы нефтегазоносности Обь Иртышского междуречья. Л., 1959; Гурари Ф.Г., Казаринов В.П. и др. Западно-Сибирская низменность – новая база нефтегазодобычи СССР // Геология и геофизика. 1961. № 10. С. 3–14; Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция – открытие века! Новосибирск, 1996; Гурари Ф.Г. Мое участие в открытии нефти и газа сибирских недр // Из истории отечественной геологии нефти и газа / Под ред. А.Э. Конторовича, А.А. Трофимука, Г.С. Фрадкина. Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 145–198; Гурари Ф.Г. Штурман нефтегазового океана // Энергия Ямала / Сост. В.Н. Битюков, А.М. Брехунцов. Тюмень, 2000. С. 214–221.

[10] Ростовцев Н.Н., Симоненко Т.Н. О поисках нефти и газа в Западно-Сибирской низменности // Геология нефти и газа. 1959. № 6. С. 8–13; Основные черты геологии и перспективы нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности // Труды ВНИГРИ. 1959. Вып. 132. Л., 1959. С. 85–93.

[11] Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты. Свердловск, 1968.

[12] «Западная Сибирь: история поиска», подготовленные Музеем геологии нефти и газа ХМАО-Югры, редакцией окружной газеты «Новости Югры» и сотрудниками окружного архива. Западная Сибирь: история поиска. 1900–1940 годы. Екатеринбург, 2005; Западная Сибирь: история поиска. 1940–1975 годы: Публицистический научно-популярный сборник / ред.-сост. Л.В. Цареградская. М., 2007; Западная Сибирь: история поиска. 1940–1975 годы. Часть вторая: Публицистический научно-популярный сборник / ред.-сост. Л.В. Цареградская. Екатеринбург, 2008.

аспекты производственных процессов. Работы специалистов, непосредственно принимавших участие в геологоразведочных работах и решениях, связанных с этой деятельностью, позволяют значительно обогатить имеющийся материал и выделить основные трудности и сложности организации процесса нефтепоиска. Данные публикации отличают фрагменты воспоминаний, насыщенных эмоциями и интересными наблюдениями, отсутствующими в носящих официальный характер материалах.

Вторая группа работ включает исторические труды, посвященные развитию тюменской геологии, а также описанию трудового пути отдельных геологов[13]. В работах затрагиваются как частные вопросы истории нефтепоиска, отдельных представителей геологической отрасли, так и освещение основных событий геологоразведочных работ на локальных территориях округа. Отдельно стоит отметить ряд работ по истории Западно-Сибирской геологии обобщающего характера: в них используется широкий пласт разнообразных архивных источников, статистических данных и воспоминаний участников геологического освоения[14].

[13] Осипов И.З. Сокровища Конды: о разведчиках сибирской нефти. М., 1964; Швирикас А.И. Ф.К. Салманов: документальная повесть. Свердловск, 1982; Биография Великого подвига: Тюменская геология: Годы. Люди. События (1953-2003). Екатеринбург, 2003; Биография великого подвига: Тюменская геология: Годы. Люди. События (1953-2011). Тюмень, 2011; Неменова Л.М. Главный геолог. М., 1975; Нефть Сибири. Авт.: В.Д. Шашин, Б.Е. Щербина, В.И. Муравленко и др. М., 1973; Живая память: Виктор Фёдоров / авт-сост. З.С. Сенькина. Ханты-Мансийск, 2007; Живая память: Антонина Георгиевна Григорьева / Авт. текста Г.В. Кондрякова. Сургут, 2008; Живая память: Нажмиден Уакпаевич Жумажанов / авт.-сост. И.В. Кондрякова. Сургут, Омск, 2013; Редикульцев В.Ф. Сопряжение времен. Усть-Балык. Екатеринбург, 2009; Редикульцев В.Ф. Сопряжение времен. Нефтеюганск. Екатеринбург, 2011; Тюменский меридиан. М., 1983; Бирюков В.П. Годы и люди земли тюменской: Книга в трех частях. Тюмень, 2000; Тюменский самородок. М., 1974; Богатко С.А. По праву первых: очерки о первооткрывателях нефти и газа в Тюменской области. Свердловск, 1973; Карпов В.П. Спорные вопросы истории геологоразведки в публикациях тюменских историков // Горные ведомости. 2008. № 5 (48). С. 90-94; Буксина О. Счастливы геолог. М., 2018.

[14] Энергия Ямала / сост. В.Н. Битюков, А.М. Брехунцов. Тюмень, 2000; Открытые горизонты. Т. 1 (1962–1980 гг.) / Сост. А.М. Брехунцов, В.Н. Битюков. Екатеринбург, 2002; История геологического поиска. К 50-летию открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Москва, 2003; Герои ямальских открытий / Состав. А.М. Брехунцов, А.М. Иванова. Тюмень, 2014; 70 лет тюменской геологии: служа Отечеству: в 2-х Т. Т.1. Под общ. ред. А.М. Брехунцова и В.Н. Битюкова. Тюмень, 2018; Люди и недра: к 75-летию тюменской геологии: в двух томах. Т. 1. / под общей редакцией А.М. Брехунцова. Тюмень, 2023; Люди и недра: к 75-летию тюменской геологии: в двух томах. Т. 2. / под общей редакцией А.М. Брехунцова. Тюмень, 2023.

Одной из новейших работ по истории геологии Тюменской области, которая заслуживает особого внимания, является работа М.В. Комгорт[15]. В книге на значительном архивном материале показана государственная политика по изучению территории Западной Сибири и ее реализация на местах в период становления Министерства геологии СССР вплоть до начала активного нефтяного освоения региона.

Весомый вклад вносят исследования, посвященные деятельности отдельных нефтеразведок, располагавшихся на территории округа[16]. Работы этой группы не столь многочисленны, но значимость их высока, поскольку в них рассматриваются частные детали функционирования отдельных геологических единиц. Авторам удавалось привести в историографию новые малоизвестные факты. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что ряд работ содержит терминологические неточности и фактологические ошибки.

Третья группа исследований представлена трудами по истории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). В советский период историю ЗСНГК и его освоения изучали сибирские историки Б.А. Ним, Н.М. Пашков, А.Н. Санников, И.В. Меха, Л.Е. Киселев, С.Е. Мишенин, В.В. Веселкина и др[17]. Тема партийного руководства процессом создания

---

[15] Комгорт М.В. Тюменская геология до эпохи «великих геологических открытий». Тюмень, 2019.

[16] Усть-Балык. Пионеры нефтяной целины / В.Ф. Редикульцев. Тюмень, 2004; Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958-1972 гг.). В документах и воспоминаниях / авт.-сост. Н.К. Эскина. Нефтеюганск, 2004; Геологи Среднего Приобья: 65 лет пути / Под общ. ред. А.Н. Тюрина и В.В. Рашевского. Сургут, Тюмень, 2023; Прищепа А.И. Сургутская геологоразведочная экспедиция и командно-административная система управления: опыт сопротивления // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера. Тюмень, 2010. С. 49-52; Прищепа А.И. Нефтеразведочная экспедиция Фармана Курбановича Салманова в истории строительства города Сургута // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. №. 4. С. 101-108; Прищепа А.И. Нефтяные геологоразведочные работы в Ханты-Мансийском национальном округе в 1930-е-1950-е гг. // Вопросы истории. 2021. № 5 (1). С. 50-57; Цысь В.В. Геологоразведка Мегионского Приобья в конце 1950-х - начале 1980-х гг.: биография трудового подвига. Екатеринбург, 2024; Пахотин С.С. Сургутские геологи наступают и выигрывают // Западная Сибирь: история поиска. 1940-1975 гг. Ч.1. М., 2007. С. 107-116; Пахотин С.С. Начало пути: 50-летию высадки нефтяного десанта посвящается // Полярная сова. № 4. 2007. С. 6-11.

[17] Ним Б.А. Партийное руководство развитием геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири // Коммунисты Западной Сибири. 1917-1967 гг. Тюмень, 1967. Он же. Периодизация и основные направления деятельности Тюменской областной парторганизации по развитию геологоразведочных работ на нефть и газ // На путях строительства коммунизма. Тюмень, 1968. С. 64-79; Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса 1964-1980.Томск, 1988; Санников А.Н. Борьба КПСС за создание и развитие нефтегазодобывающей промышленности в Западной Сибири 1951-1970: Автореф. дисс. к.и.н. Воронеж, 1972; Меха И.В. Руководство партийных организаций Западной Сибири строительством предприятий нефтепромышленного комплекса 1951-1970 гг.: Автореф. дисс. к.и.н. Челябинск, 1983; Киселев Л.Е. От патриархальщины к

нефтегазового комплекса преобладала в 1960-1980-е годы. Наиболее авторитетная работа вышла из-под пера В.В. Алексеева и В.А. Ламина[18], представивших хронологию геологических исследований в Сибири.

Отдавая должное историкам советского периода в исследовании роли государства и партии в развитии производительных сил региона, изучении проблем создания материально-технической базы комплекса, трудовой активности коллективов, подготовки кадров для нефтегазовой промышленности, формирования социальной инфраструктуры, необходимо указать на то, что работы обозначенного периода несли на себе отпечаток господствующей партийной идеологии. Исследования базировались на широком круге источников с ярко выраженной историко-партийной направленностью.

В конце 1980-х годов отмечается снижение количества публикаций по исследуемой тематике. В 1990-е–начале 2000-х годов в Тюмени сформировалась научная школа историков Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которая на основе архивного материала детально изучила производственную структуру, кадровые, социальные, демографические проблемы, материально-техническую базу комплекса. Вышли в свет работы, внимание в которых было уделено различным аспектам социального развития нефтегазового региона в 1960-1980-е годы[19]. В данных трудах затрагивается и геологическая тематика, однако фокус на нефтяную отрасль остается заметно превалирующим.

социализму. Свердловск, 1974; Мишенин С.Е. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по повышению культурно-технического уровня рабочих топливно-энергетических отраслей промышленности 1959-1970 гг.: Автореф. дисс. к.и.н. Кемерово, 1987; Веселкина В.В. Нефтегазовый комплекс и коренные народы Тюменского Севера. Тюмень, 1984.

[18]Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск, 1989.

[19] Карпов В.П. «Третье Баку». Формирование и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960-90-е гг. // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2002. С. 215-237; Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.). Тюмень, 2002; Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень, 2002; Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири 1960-1980 гг. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 111-118; Комгорт М.В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень, 2008.

В исследованиях С.М. Панарина[20] освещались вопросы организации и управления геологоразведкой, формирования материально-технической базы и кадрового состава предприятий Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Одновременно в 2000-е годы в Сургуте сформировалось направление исследований, которое также реконструировало нефтегазовое развитие региона, в том числе в контексте геологического освоения[21].

Фундаментальные труды об истории становления нефтяного комплекса России, включая исследования роли геологов в открытии сибирской нефти, были написаны московскими историками[22]. В научных работах о развитии

[20] Панарин С.М. Некоторые вопросы историографии деятельности партийных организаций по развитию геологоразведочных работ на нефть и газ в Сибири // Проблемы историографии партийных организаций Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1989. С. 137-140; Панарин С.М. Проблема дискриминации западносибирской геологоразведки: исторический аспект // Сургут, Сибирь, Россия: доклады межд. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 154-157; Панарин С.М. создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1961-1975 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 1995; Панарин С.М. Основные этапы в развитии отечественной нефтяной промышленности // Налоги, инвестиции, капитал. 1999. №. 1-2. С. 2; Панарин С.М. Инженеры Западно-Сибирской геологоразведки в 1961-1975 гг. // Проблемы профессиональной подготовки: Тюменский исторический сборник. Тюмень: ТюмГУ, 2002. Вып. 5. С. 47-53. 597; Панарин С.М. Открытие сургутской нефти // Очерки истории Сургута / под ред. А.И. Прищепы. Сургут: Диорит, 2002. С. 161-173; Панарин С.М. Научно-технический прогресс на геологоразведочных предприятиях Западной Сибири. 1966-1975 гг. // Социально-экономические проблемы научно-технического прогресса в сибирской индустрии (1950-80-е гг.). Новосибирск, 1990. С. 196-208; Карпов В.П., Панарин С.М. Нефтегазодобывающая промышленность Западной Сибири: Исторические корни современных проблем // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2002. С. 228-237.

[21]Стафеев О.Н. Воспоминания Ф.К. Салманова как исторический источник развития нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1960-1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 166-169; Некрасов В.Л., Хромов Е.А. Партийные, региональные и ведомственные интересы в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961-1965) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2(3). С. 45-53; Гололобов Е.И. История взаимодействия человека и природы на Севере Западной Сибири // Вестник Югорского государственного университета. 2014. № 3 (34). С. 25-31; Хромов Е.А. Формирования ведомственных и региональных интересов в нефтегазовом секторе СССР в 1957–1965 гг.: автореф. ... канд. истор. наук. Томск, 2010; Некрасов В.Л., Стафеев О.Н., Хромов Е.А. Нефтегазовый комплекса СССР (вторая половина 1950–х – первая половина 1960–х гг.): экономические и институциональные аспекты развития / Под науч. ред. проф. В.П. Зиновьева. Ханты-Мансийск, 2012.

[22]Славкина М.В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960-1980-е гг. М., 2002; Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945-1991 гг. М., 2007; Калинов В.В., Бодрова Е.В. О стратегии освоения Западной Сибири в послевоенные десятилетия и их реализации // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего. Тюмень, 2019. С. 10-18; Бодрова Е.В., Калинов В.В. Техническое оснащение геологоразведочных работ в ссср в 1950-1960-е гг./Е.В. Бодрова, В.В. Калинов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. №. 6. С. 95-105; Бодрова Е.В., Калинов В.В. Эволюция государственной политики в вопросе об освоении территории Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции в 1960-е гг. (по рассекреченным архивным документам) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 64-72; Бодрова Е.В., Калинов В.В. Начало освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции: альтернативные подходы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. №. 6. С. 77-85; Евдошенко Ю.В.

геологии доминирует социальная и экономическая история цифр и «больших нарративов», в которой лишь изредка удается увидеть судьбы обыкновенных людей в период нефтегазового освоения региона.

В 2000-е годы для многих региональных исследователей человек и его роль в создании нефтегазового освоения, условия его жизни в новых промышленных районах становятся привлекательными темами исследований[23].

Историк О.Н. Стафеев первым в современной отечественной науке предпринял попытку обратиться не к производственно-техническим и экономическим аспектам истории нефтегазового комплекса Тюменской области, а к отдельному человеку. Посредством анализа мемуаров участников создания нефтегазового комплекса он обратил внимание на ключевые элементы сознания авторов мемуаров, ценности и мотивы людей, побуждающие их принимать активное участие в нефтегазовом освоении региона. В своей работе автор проанализировал образы территории и основных творцов индустриализации региона – труженика, партийного и хозяйственного руководителей[24]. Несмотря на новизну научного взгляда О.Н. Стафеева, стоит отметить, что нефтегазовый комплекс в его работе был рассмотрен лишь через призму воспоминаний виднейших деятелей, занимавших руководящие посты в структуре управления геологической отраслью (В.В. Бахилов, Н.К. Байбаков, Ю.Г. Эрвье, Ф.К. Салманов, Б.Е. Щербина). Попыток комплексного рассмотрения начального этапа

Рождение нефтяной Сибири. Нефтеразведка против углеперегонки на рубеже 1920-1930-х гг. Ч. 2 // ЭКО. 2023. № 2 (584). С. 172-192.

[23] Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: сб. ст. Всерос. науч. конф. Тюмень, 2010; Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Повседневность Тюменского Севера в 1960-е – 80-е гг. // Горные ведомости. 2011. № 1(80). С. 84-96; Рафикова С.А. Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярск, 2007; Стась И.Н. Формирующееся социокультурное пространство городов нефтяников Западной Сибири (1960-е гг.) // Повседневность российской провинции XIX–XX вв.: сб. ст. Всерос. науч. конф. Пермь, 2013. С.171-178; Жидченко А.В., Рыженко В.Г. История повседневной жизни омского городка нефтяников в 1950-1960-е гг. Омск, 2015; Карпов В.П. Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень, 2014; Жидкова Е.М. Организация питания и досуговые практики в дискуссии о советском человеке (1950-1960-е гг.) // Проблемы российской истории. 2013. № 1. С. 307-317; Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири 1960-1980 гг.// Отечественная история. 2003. № 5. С. 111-118.

[24] Стафеев О.Н. Мемуары как источник по истории нефтегазового комплекса Западной Сибири: Автореф. дисс. к.и.н. Томск, 2007.

формирования и становления нефтегазоносной провинции через рядовых исполнителей предпринято не было.

Особого внимания заслуживает монография В.П. Карпова, где рассмотрены социальные аспекты индустриального освоения Севера. Автор выделяет причины, не позволившие решить проблему комплексного развития региона, в котором человеку труда и его нуждам уделялось бы первоочередное внимание. Порожденная открытыми месторождениями «скоростная индустриализация» конца 1960-1980-х годов, включающая в себя превалирование производства над социально-бытовой составляющей, признавала неудобства и лишения естественным «спутником героизма». Автор, рассуждая об особенностях жизненного пути разных поколений «покорителей нефтяной целины», приходит к выводу о дифференциации восприятия трудового подвига и героизма у поколений 1950-1960-х и 1970-1980-х годов[25]. При всех достоинствах указанной работы необходимо отметить, что автор опирается в основном на нарративы ключевых акторов нефтегазового освоения, что в значительной степени ограничивает круг обсуждаемых проблем. Кроме того, в центре внимания многих исследователей находятся преимущественного нефтяники, а не геологи[26].

В современной региональной историографии нефтегазового комплекса популярным направлением является персональная история и историческая биография, которая частично расширяет возможности исследования исторической памяти. Показательно, что за последнее десятилетие вышел ряд биографий нефтепромышленников и геологов, написанных профессиональными историками[27].

---

[25]Карпов В.П. Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень, 2014.

[26] Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. От макро – к микроистории: смещение приоритетов в изучении процесса индустриализации Тюменского Севера // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: матер. Всерос. науч. конф. Тюмень, 2010. С. 14-25; Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Повседневность Тюменского Севера в 1960-1980-е гг. // Горные ведомости. Тюменский научный журнал. 2011. № 1. С. 84–92.

[27]Комгорт М.В. А.К. Протозанов – секретарь промышленного обкома // Горные ведомости. 2013. № 1 (104). С. 88-100; Карпов В.П., Колева Г.Ю. А. Протозанов, Б. Щербина и тюменская нефть // Нефтяное хозяйство. 2013. № 9. С. 126-128; Евдошенко Ю.В. Геолог Н.А. Гедройц и его оценки перспектив нефтеносности Севера Западной Сибири // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. № 4. С. 6-17.

Несомненным достижением биографического метода является раскрытие мотивационных, личностных и антропосоциокультурных аспектов в истории отечественной нефтяной промышленности. Однако здесь историкам необходимо привлекать новые междисциплинарные подходы в рамках персональной истории, а также методы из репертуара Oral History и Memory Studies, позволяющие зафиксировать не только индивидуальное, но и межличностное взаимодействие, саму логику вспоминания о прошлом.

Узость круга привлекаемых устных источников в значительной мере приводит к тому, что даже в антропоориентированных работах по истории нефтегазового и геологического освоения дискуссия в значительной мере сводится к проблеме сакрализации/десакрализации трудового подвига новых покорителей Севера. Общей проблемой является недостаточная изученность геологических нарративов, представленных в краеведческой периодике[28]. В целом, большинство коммеморативных нарративов остаются невостребованными исследователями.

Таким образом, для постсоветского этапа характерно расширение источниковой базы и проблематики исследований, в том числе связанной с отдельными сторонами повседневной жизни преимущественно нефтяников, а не геологов. Наличие устных историй и записанных рассказов, а также мемуаров «генералов» геологии и воспоминаний о них не привели к историческому осмыслению всего спектра индивидуальных жизненных стратегий рядовых тружеников геологического освоения.

В четвертую группу включены работы по истории округа и отдельных населённых пунктов[29]. На страницах изданий рассматривается период

[28] Козлов В.Н. Первопроходцы: Очерки истории разведочных работ на нефть и газ в Нижневартовском районе в лицах. Екатеринбург, 2003; Федотов В.А. Первые шаги // Новый город. 14.09.2007. № 172 (2819). С. 9; Тепляков Е.А. «Вот такую тяжелую первую зиму пережили…» // Кристалл. 2011. № 3-4 (27-28). С. 17-27. и др.

[29] Нефтеюганск рожден не по указу: в документах и воспоминаниях / Под ред. О.А. Григорьевой. 2-е изд, доп. и перераб. Нефтеюганск, 2017; Урай – город новых открытий: Историко-краеведческое издание / Г. Евсеева, А. Конев, О. Конева. Тюмень, 2015; История Нижневартовского района / Л.В. Алексеева, Я.Г. Солодкин, В.В. Цысь и др; под общ. ред. Л.В. Алексеевой. Екатеринбург, 2013; Это нашей истории строки: 90 лет Сургутскому району. Автор текстов В.Ф. Домрачеев. Красноярск: Платина, 2013; Прищепа А.И. История Сургута второй половины XX века. Сургут: Диорит, 2005; Окно в Югру. Атлас – путеводитель. 75-летию Ханты-Мансийского автономного округа посвящается (1930 - 2005) / Авт. Сост. В.М. Куриков. ООО

геологических изысканий на конкретно выделенной территории. Это позволяет дополнять имеющуюся исследовательскую лакуну частными фактами. Работы, приуроченные к юбилейным датам и посвященные истории округа, создавались на основе новых материалов. Они не только дополнили картину геологического поиска и отметили ключевых участников нефтегазового освоения, но и пополнили фонд нематериального наследия ценными воспоминаниями старожилов и ветеранов отрасли.

В академической версии истории Ханты-Мансийского округа основной акцент сделан на изучении государственной политики по расширению географии нефтепоиска, открытию первых месторождений, реализации планов нефтепоисковых работ[30], в то же время за цифрами остались скрыты повседневные практики тысяч рядовых первооткрывателей сибирской нефти.

В пятую группу исследований вошли работы иностранных авторов. Большинство зарубежных исследователей истории Западной Сибири в период нефтегазового освоения описывали районы нового промышленного освоения как дикое, неосвоенное пространство, а людей нефтегазового комплекса как покорителей-первопроходцев. Поднимая вопрос о цене промышленного рывка в «нефтяном» крае, зарубежные исследователи считают характерной чертой нефтегазового комплекса официальное пренебрежение к жизненным условиям рабочих[31]. Зарубежных авторов волновали проблемы различных этнических и социальных групп на территории Западно-Сибирского региона. Д. Форсайт в своем обобщающем труде по истории народов Сибири рассматривает историю региона с точки зрения межэтнического взаимодействия и русской колонизации (освоения)

«Рекламно-издательский центр Зёбра», 2005; Югра: 75 ступеней вверх / Ред-сост. Ю.А. Дорохов. Екатеринбург, 2005; Зубарев А.П. Сургутские тетради. Екатеринбург, 2009; Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). Под ред. Р.Г. Пихои. М., Х-М; проект «Академическая история Югры». 2020.

[30] Академическая история Югры. Т. 6: Югра в 1917–1953 гг.: на пути модернизации. Ханты-Мансийск, 2024. С. 565-584; Академическая история Югры. Т. 7: Второе «покорение Сибири». Ханты-Мансийск, 2024.

[31]Connolly V. Siberia today and tomorrow. A study of economic resourses: problems and achievements. Glasgow, 1975; Campbell R.W. Trends in Soviet oil and gas industry. Baltimore, 1976; Dienes L., Shabad T. The Soviet energy system: resources use and politics. Washington, 1979; Wilson D. Soviet oil and gas to 1990.L. 1982.

территории. Английский специалист полагает, что «1960-е годы принесли неожиданно массовое вторжение советско-российского индустриального развития в этот ранее не привлекавший особого внимания регион»[32]. Фактически продолжает рассуждения Д. Форсайта Ю. Слёзкин, раскрывая дихотомию природы и культуры применительно к взаимодействию коренного и пришлого населения. Ю. Слезкин обращает внимание на появление в 1960-х годах нового поколения советских писателей, «…отвергавших «культуру» Москвы и Ленинграда в пользу «природы» далёких окраин»[33]. Эта «природа» получила глубокие и обширные образы в литературе о геологическом освоении.

Подводя итоги, необходимо отметить, что исследователями сформирована значительная база для изучения практик повседневной жизни населения в период активного развития ЗСНГК, отчасти и геологов. Авторы подготовили коллективные труды с примерами применения нарративного анализа к историческому материалу. В этих работах предложен специальный инструментарий для решения исследовательских задач в области устной истории и социальной истории нефтегазовых регионов. Однако в научный оборот до настоящего времени не введено множество свидетельств геологов из числа управленцев среднего звена и рядовых тружеников, оставшихся «в тени» ключевых акторов исторического процесса, что не позволяет воссоздать объемную картину будней геологического освоения региона. Отсутствуют работы, которые комплексно характеризуют геологоразведчиков как специфическое профессиональное сообщество в разрезе их повседневных практик. Соответственно, не предпринималось попыток осмысления на основе устных источников ключевых элементов повседневной жизни геологоразведчиков.

[32]Forsyth J. A history of the Peoples of Siberia.Russia’s North Asian colony 1581-1990.Cambridge, 1994.
[33]Slezkine, Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994.

Объектом исследования выступают представители профессионального сообщества геологов в период активного геологического освоения Среднего Приобья в конце 1940-х–первой половине 1960-х годов.

Предметом исследования является совокупность основных элементов повседневной жизни геологов Сургутской нефтеразведочной экспедиции, наиболее крупной организационной единицы периода геологического освоения.

Целью работы является реконструкция и выявление основных элементов повседневной жизни работников геологической отрасли Среднего Приобья в конце 1940-х–первой половине 1960-х годов.

Задачи исследования:

1. Выделить определяющие аспекты политики геологического освоения, способствовавшие смещению вектора нефтепоиска и локализации геологов на территории Среднего Приобья в конце 1940-х–первой половине 1950-х годов.

2. Дать характеристику первым десантам геологов-первопроходцев, прибывшим в Сургутское Приобье в конце 1950-х годов.

3. Выявить и охарактеризовать структуру ключевой единицы геологов в районе поисков Сургутской нефтеразведочной экспедиции во второй половине 1950-х–первой половине 1960-х годов.

4. Раскрыть организацию снабжения и стратегии потребления геологов в конце 1940-х–первой половине 1960-х годов.

5. Реконструировать жилищно-бытовые условия и хозяйственно-бытовые занятия геологоразведчиков в конце 1940-х–первой половине 1960-х годов.

6. Определить роль медицинского обслуживания и опыт взаимодействия членов геологического коллектива с сетью медучреждений в конце 1940-х–первой половине 1960-х годов.

7. Выделить специфические особенности организации трудовой повседневности «мобильных» и «стационарных» профессий геологов, их досуговых практик в конце 1940-х–первой половине 1960-х годов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1940-х годов до первой половины 1960-х годов. Нижняя граница исследования обусловлена началом активного геологического освоения региона, связанного с постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1947 г. № 3573 «О первоочередных задачах на 1948-1950 годы по поиску месторождений нефти и газа на Востоке страны, в том числе районе Западно-Сибирской низменности». Верхняя граница определяется концом 1965 года вследствие ввода в эксплуатацию первого в Сибири нефтепровода Шаим – Тюмень, ознаменовавшего уже не пробную, как в 1964 году, а промышленную эксплуатацию нефтяных месторождений.

Территориальные рамки исследования охватывают центральную частью Западно-Сибирской низменности с фокусом на районе Среднего Приобья – среднего течения реки Обь и ее притоков Б-Юган, Аган, Тром-Юган, Вах, на которой разворачивалась деятельность Сургутской нефтеразведочной экспедиции, а также в дальнейшем выделившихся из ее состава самостоятельных структурных единиц, продолживших изыскательные работы. Эпизодически территория поисков, заключенная в пределах Сургутского и смежных районов, именуется в работе Сургутским Приобьем. Подобная формулировка не ошибочна, а является неотъемлемой частью рассматриваемой нами территории Среднего Приобья.

Методологическая основа исследования.

Методологической основой исследования являются несколько подходов, которые позволяют наиболее полно раскрыть изучаемую проблему.

Несмотря на то, что развитие истории повседневности как направления исторических исследований началось еще в середине прошлого века, на данный момент в исторической науке до сих пор нет единого мнения

относительно содержания понятия «повседневность». Наиболее значимые концепции повседневности хотя и различаются между собой, но все же имеют много сходного в понимании этой проблемы. Все исследователи, так или иначе, согласны, что повседневность представляет собой особую сферу опыта, которая формируется на основе практической деятельности людей[34].

В большинстве теоретических исследований происходит противопоставление обыденного и необыденного (необычного, выходящего за пределы привычного уклада). Повседневное рассматривается как обязательное, постоянное, привычное, вполне предсказуемое, добровольно выбираемое, узнаваемое, совершаемое полу- или даже бессознательно[35].

Чаще всего в повседневность включают будничные практики частной жизни индивидов, которые связаны с домом, бытом, семьей, ближайшим окружением, досугом и рутинными каждодневными занятиями; человеческий опыт; форму восприятия и осмысления мира; сферу человеческой обыденности; мир обыденного сознания; жизненный мир; реальность людей, их поведение и эмоциональные реакции на события.

Диссертация подготовлена на основе теоретических разработок социальной истории и истории повседневности, основанной на концепции А. Людке, который понимал историю повседневности как тщательное исследование повседневных практик рядовых людей в конкретных жизненных ситуациях. В его понимании история повседневности должна проявлять особый интерес к микроисторическим явлениям и процессам, к истории малых социумов и трудовых коллективов, в которой человек одновременно выступает и как объект, и как субъект истории[36]. «Практика»

---

[34] Шубина М.Н. О понятии и природе повседневности // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 42. С. 58. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=11932440 (дата обращения 25.02.2026).

[35] Отюцкий Г.П. Структура повседневности: методологическое подходы российских исследователей // Система ценностей современного общества: сборник материалов XXXVIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2014. С. 15.

[36] Журавлев С.В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 19.

означает такое поведение, посредством которого люди осваиваются с условиями своей жизни (выживания)[37].

Таким образом, процесс повседневного существования является двуединым, включающим в себя повседневное взаимодействие конкретного человека с разными реалиями окружающего его мира и субъективной интерпретацией этого взаимодействия[38].

Кроме того, в работе используется средовой подход, предложенный В.Л. Глазычевым[39]. Развивая положения, выдвинутые в работах В.Л. Глазычева, отраженная в рассказах геологов среда обитания рассматривается нами как конкретная предметная и социально-административная обстановка, которая окружает человека и лимитирует его пребывание на улицах, в общественных местах, на работе, дома. В результате действия порожденных средой обстоятельств создается общий фон, на котором протекает жизнь геологов, а также совершаются все повседневные действия.

Исследование основывается на принципах социокультурного подхода[40] и метода микроанализа[41], что позволяет представить, как вели себя люди в экстремальных условиях геологического освоения по отношению друг к другу, как взаимодействовали с органами власти в самых разных обстоятельствах.

Исследование в русле истории повседневности органично сочетается с родственным направлением – антропологически ориентированным подходом, известным как «устная история». Работа с устными свидетельствами дает возможность изучить поставленные задачи со стороны самих участников

[37] Людке А. История повседневности в Германии: от маргинальной к модной теме? Дискуссии и историографическая практика с 1990-х годов // История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 58.
[38] Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 1. С. 13.
[39] Глазычев В. Л. Городская среда. Технология развития: Настольная книга. М, 1995.
[40] Репина Л. П. Новая историческая наука и социальная история. М., 2009.
[41] Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

исторического процесса и тем самым «добиться более значительного, фундаментального с точки зрения исторической науки результата»[42].

Исследование базируется на основных принципах, присущих исторической науке:

1. Принцип историзма позволил рассмотреть объект научного исследования в конкретных хронологических рамках и с учетом конкретно-исторических условий. Каждый проблемный вопрос диссертации рассматривался в развитии и в совокупности со всеми другими явлениями.

2. Принцип системности позволил рассмотреть происходящие в рассматриваемый период события как единый комплексный процесс.

Кроме того, в диссертационном исследовании применялись как общенаучные (анализ, синтез, классификация, сравнение, статистический, графический), так и конкретно-исторические методы.

Методы анализа и синтеза используются в работе для выделения и характеристики основных элементов повседневной жизни геологов Среднего Приобья. С помощью метода классификации были выделены основные типы жилых построек геологов, виды досуга. Статистический метод позволил провести анализ количественной информации, имеющейся как в опубликованных, так и неопубликованных документах рассматриваемого периода. С помощью графического метода обработанная статистическая информация была преобразована в таблицы, диаграммы, графики и схемы.

Конкретно-исторические методы исследования:

1. Применение проблемно-хронологического метода позволило разделить предмет исследования на ряд аспектов, отражающих структуру работы, и рассмотреть их в исторической последовательности.

2. Историко-генетический метод позволил последовательно изучить изменения в повседневной жизни геологов исследуемого периода, раскрыть причинно-следственные связи в развитии изучаемой реальности,

[42] Томпсон П. Голос прошлого. Устная история: М., 2003. С. 100.

охарактеризовать исторические события и личности в их индивидуальности и образности.

3. Сравнительно-исторический метод дал возможность рассмотреть сущность исследуемых аспектов повседневной жизни геологов во всем многообразии, сравнивая их во времени и пространстве, выделяя в них общее и особенное.

Таким образом, используемый комплекс концептуально-методологических подходов и методов современной исторической мысли позволяет реконструировать реалии повседневной жизни геологов Среднего Приобья исследуемого периода.

Источниковую базу исследования составили разнородные группы материалов, позволяющих реконструировать историческую действительность и делать обоснованные выводы для решения поставленных исследовательских задач.

Специфика выбранной темы предполагает обращение в первую очередь к источникам личного происхождения. В связи с этим источниковая база работы разделена на следующие группы.

1. Устные источники: материалы полевых исследований, собранные автором в 2009-2023 гг. методом биографического интервью участников геологического освоения региона 1950-1960-х годов. На протяжении десятка лет проводилась работа по интервьюированию ветеранов геологической отрасли, данные материалы составили основу исследования. Среди героев интервью как представители управленческого звена, так и работники различных подразделений отрасли, а также дети геологов.

При работе с устными источниками мы принимали во внимание обстоятельства временной дистанции между описываемыми событиями и составлением воспоминаний, степень включенности автора, учитывались показания других свидетелей эпохи. Безусловно, оценки респондентов носят во многом субъективный характер, но при этом они часто опираются не только на свою память, но и на материалы собственных архивов.

Историческая ценность воспоминаний о прошлом имеет три сильные стороны: во-первых, они дают нам важную, а порой и бесценную информацию о прошлом; во-вторых, они в равной мере способны отразить и индивидуальное, и коллективное сознание, которое неотъемлемо принадлежит прошлому; в-третьих, осмысление прошлого позволяет нам понять истинное значение истории в долгосрочной перспективе[43].

В ходе исследования были созданы аудиозаписи интервью с 45 респондентами. Беседы с ними проходили в два этапа: «life story» и работа по опроснику. В рамках первой части опрашиваемый самостоятельно рассказывал о своей жизни. Вторая часть предполагала ответы респондента на вопросы заранее разработанной анкеты, состоящей из нескольких тематических групп, посвященных основным аспектам повседневной жизни геологов в рассматриваемый период *(Приложение В)*.

Интервью собирались частями, в несколько визитов, что позволило уточнить и исправить неточности, встречающиеся в рассказах респондентов. Устные свидетельства фиксировались в их первоначальном, эмоциональном выражении: респондентам давали свободу выбора тем и сюжетов, не ограничивая их жесткими рамками опросника. Проведенные беседы позволили детально разобраться в мотивации сотрудников, особенностях их работы в полевых условиях и формах организации досуга.

Устные истории и рассказы передают уникальный опыт и особое восприятие действительности профессионального сообщества геологов, которые волею судеб оказались на территории Среднего Приобья и запечатлели в своей памяти уникальные моменты начального этапа нефтепоиска. Нарративы очевидцев наполняют прошлое конкретным и насыщенным, живым содержанием, которое не сможет обеспечить ни один нормативный документ. Делясь воспоминаниями, информанты передают эмоциональную атмосферу периода геологического освоения: они мысленно возвращаются в прошлое и вновь проживают его в процессе интервью.

[43] Томпсон П. Голос прошлого. Устная история: М., 2003. С. 174.

В среде работников Сургутской нефтеразведочной экспедиции (СНРЭ) было немало представителей самых разных профессий: топографов, геодезистов, геофизиков, геологов, буровых мастеров, дизелистов, водителей и других специалистов. Среди представителей топографо-геодезической профессии ярчайшей личностью выступал Александр Иоси(ф)пович Гомбер (1930 г.р.) *(Приложение А. Рис. 1.).* Топографом он начал трудиться с 1951 года. Он возглавлял топографический отряд Березовской комплексной геологоразведочной экспедиции. В составе СНРЭ возглавлял геодезическую партию № 49. Его воспоминания и материалы позволили раскрыть основную суть труда полевых отрядов, сформировать четкое понимание «работы в поле».

В числе респондентов-геофизиков выделяются фигуры Анатолия Николаевича Задоенко (1937 г.р.), Бориса Ивановича Шияна (1937 г.р.), Натальи Анатольевны Глух (Утробина) (1943 г.р.) *(Приложение А. Рис. 2.).* Особняком стоит супруга легендарного геолога Ф.К. Салманова – Тамара Васильевна Салманова (Гришаева) (1935 г.р.) *(Приложение А. Рис. 3.)*. Их воспоминания помогли реконструировать многие аспекты непростой геофизической работы, основу которой составляют различные методы исследования. Наиболее ценной является информация об организации жизни «в поле», особенностях проведения полевых маршрутов и методик геофизической деятельности в суровых природно-климатических условиях.

Наиболее выдающимся респондентом из числа геологов, несомненно, выступает уроженец Омска, залуженный геолог РСФСР – Евграфий Артемьевич Тепляков (1934 г.р.) *(Приложение А. Рис. 4.)*. Вместе со своей супругой Валентиной Степановной Тепляковой (Трехсвоякова) (1937 г.р.) *(Приложение А. Рис. 5.)* они прошли долгий геологический путь. Е.А. Тепляков, прибыв вслед за десантом геологов в Сургут в 1957 году, работал главным геологом экспедиции. Именно информация от этих респондентов была наиболее полной и развернутой. Она позволила досконально реконструировать начальный этап становления Сургутской нефтеразведки,

выделить особенные моменты в жизни и трудовой деятельности геологоразведчиков на протяжении исследуемого периода.

Неоценимую информацию предоставили участники первого десанта геологов в лице Вячеслава Николаевича Иванова (1934 г.р.) *(Приложение А. Рис. 6.)*, Пискулиных Виктора Александровича (1937 г.р.) и Ильды Ивановны (1939 г.р.) *(Приложение А. Рис. 7.)*.

Ключевые аспекты бурового дела были изучены благодаря детализированным воспоминаниям Николая Егоровича Перепелюка-Кучерова **(**1938 г.р.) *(Приложение А. Рис. 8.)*, Ивана Федоровича Волкова (1931 г.р.). Их деятельность в исследуемый период была связана с работой и обслуживанием буровых установок и их комплектующих. Ценные данные были получены по организации быта вдали от населенных пунктов и выстраиванию трудовой деятельности, проводимых операциях. Это способствовало раскрытию специфических особенностей их труда в наиболее трудный период времени – до начала промышленного освоения открытых геологоразведчиками месторождений.

Бронислав Максимович Суходолов (1940 г.р.), уроженец Донецкой области, боксер и легкоатлет, кандидат в мастера спорта. В 1960-1980-е годы занимался вопросами организации спортивной работы при северных экспедициях, позднее в главном управлении геологов – Главтюменьгеологии. Он внес вклад в раскрытие темы о досуговой составляющей жизни геологов, особенно ее спортивной части. Пристальное внимание заслуживает период его работы с Ф.К. Салмановым по развитию большого футбола в регионе *(Приложение А. Рис. 9.)*.

Со всеми ветеранами, интервью с которыми были использованы при подготовке данного исследования, автор знаком лично. Благодаря респондентам удалось конкретизировать многие аспекты повседневной жизни геологоразведчиков. Женская половина геологоразведчиков, в числе которых Лидия Ивановна Халилова (Прохорова) (1937 г.р.), Эльза Мусаевна Гильманова (1932 г.р.), Маргарита Григорьевна Рыжова (1937 г.р.)

(Приложение А. Рис. 10.), Валентина Ивановна Перепелюк (Алексейченко) (1940 г.р.), подробно раскрыла бытовые вопросы жизни, организации досуга и отдыха, трудности совмещения работы и домашних дел. Многие геологи и геологини внесли свой неоценимый вклад в освещение темы и главное – сохранили уникальный пласт истории региона *(Приложение А. Рис. 11.)*.

Многие нарративы ветеранов раскрывают неизвестные страницы в истории региона, позволяют взглянуть на сложные технологические процессы нефтепоиска простым «человеческим взглядом». Особенно важно, что в научный оборот вводится множество малоизвестных и неопубликованных свидетельств очевидцев и участников событий, представителей различных геологических профессий, ранее остававшихся в «тени» ключевых акторов исторического процесса. Это обстоятельство ранее не позволяло воссоздать полную картину истории геологического освоения Западной Сибири, а также осмыслить реальное содержание жизненного пространства геологоразведчиков. Именно рассказы «маленьких» людей позволят отобразить повседневный мир геологов эпохи активного нефтепоиксса и сохранить уникальное историко-культурное наследие региона.

2. Источники личного происхождения. «Нефтяная эпопея» второй половины XX века способствовала появлению большого количества воспоминаний и мемуаров о трудностях и подвигах в процессе создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Эти источники воссоздавали на региональном уровне значительное число нарративов, что несколько «очеловечило» историю нефтегазового комплекса[44].

Источники личного происхождения представлены как опубликованными сборниками воспоминаний участников и очевидцев

[44] Высота: Книга воспоминаний о В.И. Муравленко. Тюмень, 1997; В пламени жизни: Книга воспоминаний о Б.Е. Щербине. Тюмень, 1999; Бирюков В.П. Годы и люди земли Тюменской: Кн. в 3 ч. Тюмень, 2000; Салмин В.Д. Звезды Приобья: Очерки о людях. Екатеринбург, 2003; Редикульцев В.Ф. Усть-Балык: Пионеры нефтяной целины. Тюмень, 2004; Эскина Н.К. Нефтеюганск: Усть-Балыкская экспедиция. Нефтеюганск, 2004; Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики. Екатеринбург, 2001.

геологического освоения региона[45], так и опубликованными в периодической печати нарративами, обладающими большим эвристическим потенциалом[46]. Ценность данного вида источников определяется его субъективностью, позволяющей показать те элементы повседневности геологов, которые не находили отражение в делопроизводственных документах всех уровней.

3. Делопроизводственная документация, большая часть из которой впервые вводится в научный оборот. Основная ее масса выявлена в одном центральном, четырёх региональных и одном муниципальном архивах: Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Государственном архиве Югры (ГАЮ); Государственном архиве Тюменской области (ГАТО), Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО), Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), Муниципальном архиве города Сургута (МАГС).

В данную группу материалов входят несколько видов источников: документы Министерства геологии СССР, документы региональных органов власти и правящей партии (Тюменского обкома КПСС, Ханты-Манскийского окружкома, Сургутского райкома КПСС, Ханты-Мансийского совета народных депутатов, Сургутского района советов депутатов трудящихся), представленные протоколами партийных конференций, заседаний бюро и пленумов, а также перепиской местных властей с министерствами о работе промышленности региона, сведениями предприятий о выполнении планов.

---

[45]Азимут судьбы. Хроника, воспоминания, материалы к 300-летию геологической службы России в Ханты-Мансийском автономном округе. Ханты-Мансийск, 2000; История СНРЭ. Воспоминания, рассказы о людях-первооткрывателях 1957-1985 гг. в 2 Ч / Ч. 1. Сост. Л.Е. Каденкова. Тюмень, 1985; История СНРЭ. Воспоминания, рассказы о людях-первооткрывателях 1957-1985 гг. в 2 Ч / Ч. 2. Сост. Л.Е. Каденкова. Тюмень, 1985; Разбудившие землю: документальная повесть о первооткрывателях тюменской нефти и газа / Отв. ред. Ю.Г. Эрвье. Свердловск, 1965; Семеркин В.И., Бобровник И.И. Воспоминания тюменских геофизиков. Екатеринбург, 2002; Летопись открытия: документы, дневники, воспоминания, письма / Сост. М.М. Никифорова и др. Свердловск, 1979; Моя судьба в истории Югры: Сборник документов / Сост.: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. Тюмень, 2005; Геологи-испытатели вспоминают…: сб. очерков / Под ред. А.К. Ягафарова. 2-е изд. доп. Тюмень, 2006; Козлов В.Н. Навстречу притяжению: записки нефтеразведчика. Екатеринбург, 2000; Соловьёв В.С. Бригада трудовой славы. Сургут, Тюмень, 2025.

[46] Грошева Е. Преждевременная экспедиция // Югра. 1992. №3. С. 46-54; Грошева Е. Преждевременная экспедиция // Югра. 1992. №4. С. 57-62; Грошева Е. Преждевременная экспедиция // Югра. 1992. № 5. С. 50-58; Грошева Е. Преждевременная экспедиция // Югра. 1992. №6. С. 50-56; Грошева Е. Березово – пуп земли // Югра. 1993. № 5. С. 39-43; Грошева Е. Березово – пуп земли // Югра. 1993. № 8. С. 36-41; Грошева Е. Березово – пуп земли // Югра. 1993. № 9. С. 42-46; Грошева Е. Березово – пуп земли // Югра. 1993. №10. С. 42-46.

При изучении политики геологического освоения Среднего Приобья были привлечены делопроизводственные документы (приказы, решения и распоряжения, отчеты и объяснительные записки к ним, планы по геологоразведочным работам, акты) Министерства геологии и Министерства геологии и охраны недр СССР, опубликованные[47] и выявленные в фондах Российского государственного архива экономики[48], а также профильных организаций Новосибирска и Тюмени.

Микроисторический подход способствует решительной переоценке в отношении к документам регионального уровня, так как эти документы обладают важным преимуществом первичности. Будучи ближе к жизни, они в сравнительно меньшей степени подвергались искажениям и зачастую достовернее отражают сложность и противоречивость советской действительности.

Документация первичных партийных организаций[49] представлена протоколами заседаний партийных собраний и партийных бюро, а также отчетными докладами секретарей партбюро о проделанной работе. Ценными источниками для реконструкции повседневности геологов являются протоколы заседаний территориального комитета профсоюза рабочих геологоразведочных работ[50]. На профсоюзных собраниях обсуждались многие вопросы организации труда и быта работников геологической отрасли.

Важное место занимает организационно-распорядительная и информационно-отчетная документация Сургутской нефтеразведочной экспедиции, позволяющая представить штатную численность экспедиции,

[47] Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск: Свердловское книжное издательство. [Т. 1]: 1901-1965 / Сост. В. Н. Клепиков, М. М. Никифорова, Н. Д. Радченко [и др.]. 1971.
[48] Ф. 9571. Оп. 6. Д. 63, 64, 87, 88, 112, 124, 137, 175, 176, 216, 217, 251, 297, 455, 470, 475, 481, 484, 503, 508, 561, 569, 620, 628, 684, 693, 751, 828, 1199, 1200, 1201, 1202; Оп. 7. Д. 27, 56, 57, 63а, 66, 110, 216, 252. 253, 261; Ф. 9580. Оп. 1. 6, 7, 19, 22, 24, 35, 37, 43, 48, 50, 57, 58, 61, 68, 75, 77, 106, 135, 136, 147, 150, 177, 178, 181, 185, 188, 191, 192, 196, 209, 210, 212, 220, 222, 238, 242, 248, 249, 258, 273, 274.
[49] ГАСПИТО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26; Ф. 2821. Оп. 1. Д. 10, 11; Ф. 3642. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5.
[50] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 1, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 16, 17, 19, 20, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32.

особенности организации трудовой деятельности, формы снабжения геологов, организацию медицинского обслуживания.

4. В работе использованы материалы областной газеты – «Тюменская правда» (орган Тюменского областного и городского комитетов КПСС, областного и городского совета депутатов трудящихся), окружной газеты – «Ленинская правда» (орган Ханты-Мансийского окружкома КПСС и окружного Совета депутатов трудящихся Тюменской области) и районной газеты «К победе коммунизма» (орган районного комитета КПСС). В первую очередь в газетах печатались заметки о трудовых достижениях нефтеразведчиков: выполнении производственных планов, открытии новых месторождений, особенностях работы геологов, сейсморазведчиков и геофизиков, обустройстве первых поселков. В меньшей степени формат заметок носил критический характер, незначительные недостатки в работе упоминались вскользь.

Важное место среди периодических изданий занимает отраслевая газета «Тюменский геолог» (орган Тюменского территориального геологического управления и группкома профсоюза рабочих геологоразведочных работ), издание которой началось с 1964 года. На страницах этого специализированного издания были обнаружены, на первый взгляд, рядовые заметки воспоминаний геофизиков и геологов. Однако за обыденными рассказами можно увидеть многие уникальные детали. Несмотря на относительные недостатки советской периодической печати, эта группа источников дополняет основной фактический материал, позволяя подтвердить и углубить отдельные аспекты, связанные с повседневной деятельностью и жизнью геологоразведчиков.

5. Опубликованные документы высших органов государственной и партийной власти: постановления Верховного Совета, ЦК КПСС и Совета Министров СССР[51] позволяют сделать вывод о векторе государственной

[51] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 4. 1953-1961 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М., 1968; Решения партии и правительства по хозяйственным

политики в области геологического изучения территории Среднего Приобья в исследуемый период. В этих документах содержится информация о разрабатываемых партией и правительством мероприятиях, направленных на поиск и активизацию геологоразведочных работ в Западной Сибири. В постановлениях центральных партийных органов и правительства ставились конкретные задачи по развитию отрасли, четко прописывался комплекс мероприятий для подведомственных организаций, устанавливались сроки для практической реализации поставленных целей.

6. Статистические материалы, представленные информацией из архивных документов, приходилось обобщать и систематизировать в графической форме. Данный вид источника позволяет проанализировать происходящие структурные изменения в Сургутской нефтеразведочной экспедиции, динамику численности трудового коллектива, источники и формы пополнения кадров, количественные показатели подготовки и повышения квалификации работников, сведения о текучести кадров, причинах и количестве нарушений трудовой дисциплины. Во многом представленные в диссертации статистические данные носят отрывочный характер, что объясняется либо нерегулярностью ведения отчетной документации в экспедиции, либо ее плохой сохранностью.

7. Для более глубокого осмысления описываемых событий и понимания специфики изучаемого периода, в том числе ценностей и ориентиров людей прошлой эпохи, социальных норм общества, а также мотивов поведения геологов, в исследовании используются произведения художественной литературы[52].

вопросам: Сб. док. за 50 лет. Т. 5. 1962-1965 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М., 1968; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 9. 1956-1960 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 19864 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 10. 1961-1965 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1986.

[52] Лагунов К.Я. Одержимые. Роман. Свердловск, 1976; Лагунов К.Я. Больно берег крут: Роман. М, 1988; Сибирское притяжение. Повести, рассказы, очерки / Сост. Р.И. Лыкосова. Свердловск, 1980; Осипов И.З. Дальняя разведка. М., 1962; Осипов И.З. Земля искателей. М., 19744 Емельянова Н.А. На перекрестке ста дорог. М., 1968; Колыхалов В.А. Дневник путешествий: Повести. М: Сов. Россия, 1980; Веселов В.В. Путешествие: Повести и рассказы. М: Мол. гвардия, 1979; Куваев О.М. Территория: роман. СПб, 2022; Вам,

Одним из первых советских авторов, предпринявших попытку представить нефтегазовый комплекс Тюменской области в «человеческом измерении», стал К.Я. Лагунов, который в своем романе «Одержимые» отметил, что «нефть заслонила человека»[53]. Сотрудники ЗапСибНИГНИ Н.А. Гольдина и С.Ю. Андреева в своей книге «Чрезвычайные люди» постарались показать «конфликт интересов» между наукой и отраслевой геологией, он отразился на характере нефтепоисковых работ[54]. Зачастую произведения современников содержат множество подробностей, которые едва ли можно найти в других исторических источниках, что позволяет «погрузиться в атмосферу» изучаемого периода.

8. Аудиовизуальные материалы составили еще одну группу источников. Часть материалов удалось собрать в ходе интервьюирования ветеранов, предоставивших редкие фотографии из своих личных архивов, часть материалов была найдена в музейных собраниях Сургутского краеведческого музея и Музея геологии нефти и газа (г. Ханты-Мансийск)[55]. Использование видеохроники и документальных фильмов[56] о работе геологоразведчиков, записей интервью с ветеранами позволили детализировать и конкретизировать изучаемые аспекты повседневной жизни геологов исследуемого периода.

9. Вещественные источники использовались при описании элементов повседневной жизни геологов: организации жилого пространства, особенностей трудовой деятельности, а также хозяйственно-бытовых занятий. Большая часть источников была выявлена и изучена в рамках постоянной экспозиции мемориального комплекса геологов-первопроходцев

романтики! Проза и стихи / Отв. ред. К.Я. Лагунов. Свердловск, 1978; Андреев С.Ю., Гольдина Н.А. Чрезвычайные люди. Свердловск, 1989; Велиев С. Узлы. М., 1971; Осипов И. Дальняя разведка. М., 1962.

[53] Лагунов К.Я. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7. С. 197-218; Лагунов К.Я. Как искали тюменскую нефть. М., 1979; Лагунов К.Я. Здравствуй тюменская нефть. М., 1982.

[54] Андреев, С.Ю., Гольдина Н.А. Чрезвычайные люди: [О пробл. развития Зап.-Сиб. нефтегазонос. провинции]. Свердловск, 1989.

[55] Черное золото Югры. Фотоальбом / авт-сост. А. Щукин. – Тюмень, ООО «Печатный дом Тюмень», 2008.

[56] Документальный фильм «У нефтяного континента». 1984. – URL: https://rutube.ru/video/aba0e9086860dc85f2e89f9fac73aa2a/ (дата обращения 20.03.2023); Ровнин Л.И. Лекция об открытии нефти и газа в Западной Сибири. – URL: https://rutube.ru/video/18c4d866f3463fa1c9ddb5f868e31fde/ (дата обращения 20.03.2022); Воспоминания Герасимовой А.Н. // Видеоархив ОАО «Обьнефтегазгеология».

«Дом Ф.К. Салманова» (структурное подразделение Сургутского краеведческого музея), фондовом собрании Музея геологии нефти и газа г. Ханты-Мансийска, Музейного комплекса им. И.Я. Словцова г. Тюмени. Музейное сообщество и краеведы вносят свой вклад в дело сохранения исторического наследия. Обращение к артефактам прошлого позволяет исследователю буквально «прикоснуться» к рассматриваемой эпохе, отметить частные детали.

Таким образом, критический анализ и взаимопроверка разнообразных источников позволяют решить поставленные задачи исследования и раскрыть основные элементы повседневной жизни геологов Среднего Приобья изучаемого периода.

Научная новизна исследования.

Научная новизна заключается в рассмотрении ранее слабоизученных в историографии регулярно воспроизводимых пространственно-локализованных повседневных практик работников геологоразведочной отрасли Среднего Приобья конца 1940-х – середины 1960-х годов. Данное исследование является первой работой посвящённой совокупности индивидуальных опытов и практик конкретного профессионального (геологического) позднесоветского сообщества отдельного региона.

Детально раскрывается роль низовых активностей и инициатив коллектива геологоразведчиков в процессе активизации работ в Среднем Приобье, экспертные знания и совокупность каждодневных опытов которых способствовали определению одного из ключевых районов дальнейшего нефтепоиска. На основе нарративов первопроходцев и широкого круга исторических материалов впервые в исторической науке дана всесторонняя оценка ключевого эпизода пионерного этапа нефтяного освоения – прибытия геологов во главе с Ф.К. Салмановым и формирования ключевой геологической единицы – Сургутской нефтеразведочной экспедиции.

Автором вводится в научный оборот значительное число новых архивных материалов, широкий массив источников личного происхождения

(эго-документов), вещественных источников, не находивших применение в исследовательском поле ранее. Создана база воспоминаний респондентов – работников геологической отрасли. Кроме того, вводятся в научный оборот многие аудиовизуальные источники – фотографии, часть из которых сделаны автором лично, а часть обнаружена в личных архивах геологоразведчиков (Гомберг, Перепелюк-Кучеров, Сабахутдинов, Тепляков, Пискулин, Рыжова и др.), архиве общественной организации «Ветераны геологии», музейных комплексах Тюмени, Сургута, Ханты-Мансийска, Нефтеюганска, Когалыма.

Благодаря вариативности источниковой базы, используя методологический инструментарий истории повседневности и микроистории, удалось воссоздать целостный образ повседневных практик отдельного профессиоонального коллектива (геологоразведчиков) исследуемого периода, локализованных в территориальных границах Среднего Приобья, как отражения совокупности опытов позднесоветского.

Теоретическая значимость. Диссертационное исследование вносит вклад в социальную историю страны, в преодоление дефицита научных трудов по повседневности населения СССР второй половины XX века, а также историческое осмысление основополагающей промышленной отрасли нефтяного региона. Аргументированные положения и сформулированные выводы, которые подтверждаются совокупностью источников и научной литературы, позволяют по-новому взглянуть на начальный этап формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Профессиональное сообщество нефтеразведчиков впервые показано на основе теоретических принципов истории повседневности как социальная общность, характеризуемая совокупностью опытов, представлений и экспертного знания представителей ключевых отраслевых профессий, каждая из которых по-своему специфична, но является взаимосвязанным и взаимодополняющим звеном единого советского опыта.

Также работа вносит вклад в активизировавшиеся в последние годы дискуссии о материальности, ведомственности и советской субъектности в

жизнях «маленьких» людей, окружённых социалистическим вещным миром, страхами и легендами городского и сельского, а также пространствами, порождёнными инфраструктурой обширных ведомственных систем[57].

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования для проведения дальнейших научно-исследовательских работ в рамках социальной истории Сибирского Севера, разработки учебно-методических пособий для обучающихся для учреждений высшего, среднего профессионального и общего образования.

Кроме того, результаты исследования будут полезны при разработке культурной, социальной, молодежной политики, и что немаловажно, недропользования. Именно при дальнейших корректировках ресурсной политики необходимо учитывать предыдущий опыт. Это позволит избежать повторения ошибок «пионерного» периода нефтяного освоения, как в человеческом измерении, так и в теоретическом подходе оценки ресурсной базы страны. Выявление фактов и конкретно-исторических сюжетов наполняют научно-информационную базу для популяризации истории края, что сегодня особенно важно в решении задачи государственной политики по историческому просвещению населения[58].

Положения, выносимые на защиту:

1. В послевоенный период геологоразведочные работы приобрели системный характер. В контексте научного дискурса территория Западной Сибири рассматривалась относительно перспективной, однако требовала конкретизации на уровне теоретических подходов. Вследствие этого реализовывались программы комплексного изучения территории с преимущественным акцентом на южные районы, располагающие минимальной инфраструктурой для проведения геологоразведочных работ.

---

57 Николаи Ф.В. Ностальгия, советские вещи и антропология "стихийного материализма" // Новое литературное обозрение. 2022. № 2. С. 338-346; Ушакин, С. Ключ и двери ведомственности // Ab Imperio. 2025. № 4. С. 137-144.

58 Указ Президента России от 08 мая 2024 г. №314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [Электронный ресурс]. – URL: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-08052024-n-314-ob-utverzhdenii/ (дата обращения 21.08.2025).

Северная часть по темпам геологического изучения оставалась вторичной до момента пересмотра стратегии поиска. Ускорение и результативность разведочных работ стали возможными благодаря инновациям в геофизических исследованиях, которые на начальном этапе нефтепоиска оставались отстающим звеном. Ключевым аспектом стало внедрение водной сейсмики, позволившее кратно увеличить масштабы изучаемой территории и подготовку перспективных участков для поисково-разведочного бурения. Симбиоз научного сообщества и практиков способствовал выделению района Среднего Приобья в число первоочередных территорий по поиску промышленных запасов жидких углеводородов.

2. К середине 1950-х годов вектор развития геологического поиска сместился в северную часть территории Западной Сибири, несмотря на сохраняющуюся важность исследования южных районов. Среднее Приобье выделилось в число ключевых центров нефтепоискового процесса. Закономерным итогом стало увеличение геологического потенциала в указанном районе поиска. Перебазировка геологов во главе с Ф.К. Салмановым в Сургут и создание Сургутской нефтеразведочной экспедиции стали логичным следствием комплексного развития нефтепоисковых работ, но не «самовольным побегом», исполненным по личной инициативе советского геологоразведчика. Данная мифологема, будучи одним из наиболее известных сюжетов периода нефтяного освоения региона, оказала существенное влияние на общественное сознание, хотя и не имеет под собой реальной исторической основы.

3. В условиях недостаточной развитости социальной инфраструктуры региона освоения разрешение комплекса вопросов социально-бытового устройства работников геологоразведочной отрасли во многом ложилось на плечи самих представителей геологического коллектива, обретая форму инициатив «снизу». Данные усилия были направлены на улучшение условий быта, компенсацию трудовых нагрузок и разрешение проблем социальной сферы в целом. Улучшение качества жизни и комфорта достигалось за счет

формирования комплекса индивидуальных стратегий потребления и выживания, которые предполагали активные (формальные и неформальные) коммуникации с местным населением и организациями, а также привлечение собственных ресурсов. Нефтеразведчики воспринимались местным населением как «носители цивилизации и прогрессивных веяний», что предполагало реализацию усилий по развитию не только производственных мощностей, но и местной социальной среды. Инвестиции в общественную инфраструктуру северных поселений, в свою очередь, обеспечивали интеграцию в местные формальные и неформальные сети, что позволяло компенсировать недостатки централизованного снабжения.

4. Жилищно-бытовые условия и проблематика хозяйственно-бытовой деятельности геологоразведчиков составляли «слабое звено» всей системы геологии. Совокупность производственных активностей неизменно превалировала над социальными вопросами. Из-за этого вопросы размещения геологов, бытового обслуживания не претерпевали качественных изменений, что приводило к феномену оттока профессиональных кадров из отрасли. «Временщический» подход первых лет освоения ограничивал вариативность жилых пространств, во многом оставляя решение данного жилищного вопроса на усмотрение представителей геологического ведомства. Это порождало постройку «универсальных» типов жилья, которые можно было встретить как в местах стационарного поселения геологов, так и при производстве. Лишь в более крупных населенных пунктах, местах концентрации основных сил нефтеразведчиков наблюдались капитальные дома. Однако возведённые по ведомственной инициативе, они не обеспечивали функционирование всех необходимых инженерных коммуникаций и соответствующего комфорта проживания. В течение всего исследуемого периода главное место занимало временное жилье, которое пополнялось за счет увеличивающегося контингента работников геологической отрасли.

5. Сфере здравоохранения и медицинской помощи отводилась второстепенная роль, она зачастую носила формальный характер. Требуемый минимум не соблюдался практически ни в одной геологической организации. В области медицины и здравоохранения геологоразведчики опирались на местную сеть, ресурсы которой были незначительны. Поскольку вопросы сохранения здоровья кадров и успешного восстановления после травм на производстве являлись актуальными, геологоразведчики активно включались в модернизацию существующей сети медучреждений. Подобное взаимодействие способствовало улучшению положения стационарных медучреждений при населенных пунктах, а также стимулировало рост и качественные изменения в организации медицинских пунктов геологов как в стационарных местах их базирования, так и в местах проведения геологоразведочных работ.

6. Повседневные производственные и досуговые практики геологоразведчиков обладали своей спецификой, определявшейся разделением профессий на «мобильные» и «стационарные». Выполнение регламентированных специализированных операций создавало базовые условия для работы последующих звеньев геологоразведочного поиска, следовавших в цепочке нефтепоиска. Представители «мобильных» профессий, несмотря на ограниченный перечень удобств и благ по сравнению со «стационарными», были более вариативны в своих трудовых практиках. «Полевики» обладали широкой свободой действий в виду удаленности от контрольно-распорядительных органов, а также наличия собственных моделей поведения по выполнению поставленных задач. Однако данное преимущество полностью нивелировалось в вопросах досуговых практик. Ограниченность возможностей «в поле» сводила организацию отдыха к простейшим видам досуга, делала его непродолжительным в силу интенсивности рабочего графика и отсутствия ресурсов стационарной сети.

Досуг в условиях стационарного проживания предполагал более широкий спектр практик отдыха, поскольку они обеспечивали разную степень рекреации и релаксации индивидов в зависимости от индивидуальных предпочтений. В то же время, продолжая интеграцию на местах базирования, геологи, несмотря на «временный» характер пребывания, распространяли «цивилизованные блага», создавая «очаги культурности», куда активно включалось и местное население.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на международных и всероссийских научных конференциях (Сургут, 2012, 2015, 2023; Пермь, 2013; Шадринск, 2019; Тюмень, 2019; Москва, 2020; Санкт-Петербург, 2022; Ханты-Мансийск, 2022), по итогам которых было опубликовано 23 научных публикации, в том числе коллективных монографий[59] (в первой работе автором подготовлен материал для одного раздела издания, а во второй – главный исполнитель работ по подготовке материалов к изданию книги о геологах), пяти статей – в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ[60]. Автор выступал консультантом документального фильма «Он нашел нефть. Фарман Салманов» АНО «Редакция телеканала Совета Федерации» (2017 г.), а также докладчиком с научно-просветительскими лекциями в рамках проекта «Авторский четверг» и «Красный чум» Сургутского краеведческого музея (2024-2025 гг.).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

---

[59] Атлас нефти. Очерки о нефтегазовой истории России / под ред. И.А. Яшкова, И.Г. Якуповой, Е.С. Подкопаевой и др. Екатеринбург, 2021; Геологи Среднего Приобья: 65 лет пути / под общ. ред. А.Н. Тюрина и В.В. Рашевского. Сургут, Тюмень, 2023.

[60] Володина Н.Н., Рашевский В.В. Деятельность геологов Сургутской нефтеразведочной экспедиции по развитию местного здравоохранения в 1957-1965 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2015. № 396. С. 81-84; Рашевский В.В., Иванов А.С. Образы нефтяных городов Ханты-Мансийского округа начала 1960-х гг. в геологических нарративах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 73-81; Рашевский В.В. В поисках «большой нефти»: «второй десант» геологов 1958 года в Среднее Приобье // Вестник Сургутского педагогического университета. 2022. №6 (81). С. 142-152; Иванов А.С., Рашевский В.В. Север в «больших» и «великих» нарративах геологического освоения // Уральский исторический вестник. 2022. №1 (74). С. 164-172; Рашевский В.В. Плацдарм «большой нефти»: первый посёлок геологоразведчиков в Сургуте // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2023. №1 (61). С. 96-105.

В первой главе рассмотрена деятельность сибирских ученых и геологов по активизации работ в Среднем Приобье и формированию Сургутской нефтеразведочной экспедиции во главе с Ф.К. Салмановым. Во второй главе отражены вопросы снабжения, стратегии потребления, организация медицинского обслуживания, организация жилого пространства геологов Среднего Приобья. Третья глава посвящена анализу специфики трудовой деятельности, хозяйственно-бытовых занятий, досуговым практикам геологов, в том числе девиантным формам поведения в геологической среде. В работе имеется приложение, включающее в себя таблицы, фотографии, стихи.

ГЛАВА 1. СИБИРСКИЕ НЕФТЕРАЗВЕДЧИКИ В АВАНГАРДЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

1.1 Политика геологического освоения территории Среднего Приобья

Интерес к огромной территории Западной Сибири со стороны ученых и практиков проявился с начала XX века. Первые целенаправленные работы, призванные определить перспективы этой территории, относятся к концу 1920-х–началу 1930-х годов. Документально известно, что в пределах Сургутского и Самаровского районов уже в 1929 году работала изыскательная партия Геолкома[61]. Последующие работы отрядов экспедиции треста «Востокнефть» под руководством В.Г. Васильева и Р.Ф. Гуголя в 1934-1935 годы,[62] а также исследования Р.С. Ильина в составе Обь-Иртышской партии Западно-Сибирского геологического треста, осуществившего съемки побережий Иртыша и Оби от Томска до Салехарда[63], продолжили линию по изучению северных территорий.

За десять лет до начала масштабных нефтепоисковых работ Западно-Сибирская низменность была признана перспективной в отношении нефтегазоносности. Однако слабая материально-техническая база и незначительные объемы геологоразведочных работ предшествующего периода не позволили достоверно определить районы первоочередного поиска. Существенным препятствием в изучении региона послужила кровопролитная Великая Отечественная война, потребовавшая от государства колоссальных человеческих сил и средств.

Лишь с окончанием войны систематические работы по изучению перспектив Западной Сибири в отношении углеводородного сырья были вновь возобновлены. Это соотносится с тезисом И.Н. Стася, который в своей

[61] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 188. Л. 58.
[62] Юськаев Э.Р. «А есть ли нефть?»: геологические изыскания на территории Сургутского района в 1930-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. №3 (72). 2021. С. 11-12.
[63] Комгорт М.В., Габдульманов А.В., Габдульманов М.В. Р.С. Ильин: ссылка как «научная командировка» // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера. Материалы Всероссийской научной конференции. Тюмень, 2010. С. 70.

работе утверждает, что в послевоенные годы утвердился композиционный паттерн промышленного развития Ханты-Мансийского округа, расширявшийся в рамках стратегий поиска и процесса освоения природных ресурсов[64]. Ещё в начале 1944 г. Народным комиссариатом нефтяной промышленности, Комитетом по делам геологии при СНК СССР и Главсевморпути была поставлена задача обобщить геологические материалы с 1930 по 1943 годы по нефтеносности Западной и Восточной Сибири, Дальневосточного края и Арктической части для определения дальнейших направлений поисков. Руководить работой было поручено Всесоюзному нефтяному научно-исследовательскому институту (ВНИИ) под руководством профессора Н.А. Кудрявцева. Окончательная обобщенная сводка по нефтеносности Сибири была подготовлена к августу 1944 года. В июле 1945 года Комиссия по нефти и газу при Президиуме Академии наук СССР, заслушав доклад одного из главных специалистов того периода профессора М.К. Коровина, сделала несколько важных выводов, имевших большое значение для хода геологоразведочных работ. Наиболее благоприятными зонами для поиска нефти и газа были определены Обь-Енисейская складчатая зона, Кузбасс, Минусинская котловина, Иртышская впадина и Восточное Приуралье. В отношении Западно-Сибирской низменности предполагалось проведение комплексных геофизических исследований на всей территории низменности, в районе железной дороги и к северу от нее, а также бурение нескольких опорных скважин. В центральной части низменности, к югу от широтного течения реки Оби, планировалось выполнение маршрутных геологических и региональных геоморфологических исследований. Для проведения всего комплекса работ требовалось восстановить ранее существовавшие геологическую и геофизическую организации, а также разработать комплексный план

[64] Стась И.Н. Образ промышленного освоения: Ханты-Мансийский Север в ожидании перемен в послевоенные годы // Вестник Сургутского педагогического университета. №6 (63). 2019. С 139.

нефтегазопоисковых работ в Западной Сибири и оценке перспектив ее нефтегазоносности [65].

К тому же доктор геолого-минералогических наук, профессор Н.А. Сирин в докладной записке в обком ВКП (б) и облисполком Тюменской области 19 ноября 1945 года отмечал, что огромная территория Тюменской области (с учетом северных округов – авт.) по геологической изученности занимает одно из последних мест в стране, но может оказаться интересной для разведки углеводородного сырья. Изучались только территории Приполярного Урала и южной части Полярного Урала, тогда как остальные районы детально не изучались. В то время промышленная добыча в регионе велась только с месторождений горного хрусталя (пьезокварц). Ученый просил провести широкие геофизические работы с целью поисков нефтеносных структур Западно-Сибирской низменности[66].

В 1947 году Технический совет Министерства геологии СССР сформировал направление геолого-поисковых работ на нефть и газ в восточных районах СССР на 1948-1950 годы. В решении было сказано, что постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1947 г. № 3573 перед Министерством геологии в качестве первоочередной задачи на 1948-1950 годы поставлены поиски месторождений нефти и газа на Востоке страны, в первую очередь в Кузнецко-Минусинском районе Западной Сибири, в районах Тувинской автономной области, Западно-Сибирской низменности и по окраинам Сибирской платформы. Были заслушаны доклады специалистов Н.А. Кудрявцева, Г.Е. Рябухина, Ф.Г. Гурари, по результатам которых Технический совет констатировал, что имеющиеся геологические данные позволяют считать перспективными для постановки работ на нефть и газ восточные районы СССР. Наибольший интерес представляли Западно-Сибирская низменность, Минусинская котловина и Кузнецкий бассейн[67].

[65] Нефть и газ Тюмени в документах. 1901-1965 гг. Свердловск, 1971. С. 56-59.
[66] Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1770. Оп. 1. Д. 13. Л. 14-16, 19, 21.
[67] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

Однако, учитывая слабую изученность глубинного строения Западно-Сибирской низменности, совет счел необходимым на первом этапе провести региональные геофизические исследования и пробурить глубокие опорные скважины. Это позволит изучить геологическое строение недр и определить направления дальнейших поисково-разведочных работ.

Число опорных скважин на 1948-1950 годы составляло 12-15, их глубина варьировалась до 2-3 тысяч метров с размещением согласно ранее определенной схеме. В соответствии с существующим на тот момент представлением о геологическом строении Западно-Сибирской низменности (схема тектонического строения низменности, составленная М.К. Коровиным – авт.) размещение скважин предполагалось по широтным профилям. Южный профиль в полосе Транссибирской железной дороги рассматривался как первоочередной ввиду более высокой степени изученности геофизическими и буровыми работами[68]. Стоит отметить, что М.К. Коровин проводил идею о необходимости массированного геологического наступления с целью выяснения общего строения региона и лишь потом акцентировал внимание на перспективных участках локального порядка. Геофизика была призвана дополнять и конкретизировать данные. Поэтому с 1948 года в районах бурения опорных скважин требовалось проведение геофизических работ[69].

Министр геологии СССР И.И. Малышев 19 декабря 1947 года в резолюции к плану работ Технического совета на 1948-1950 гг. отмечал: «Направление взято правильно, но не четко выделены первоочередные районы, а в них очень робко и в недостаточных объемах намечены поисковые работы. Необходимо смелее и с большим риском идти на восток для получения промышленной нефти в самые сжатые сроки»[70].

Немалую роль на этапе активизации работ сыграли научно-исследовательские центры, на которые возлагались функции обработки

[68] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
[69] Андреев С.Ю., Гольдина Н.А. Чрезвычайные люди. Свердловск, 1989. С. 63.
[70] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

получаемых материалов и кураторство над геологическими организациями[71]. Значительный вклад внесли сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ). Работники института во главе с заведующим отделом по Западной Сибири Н.Н. Ростовцевым предложили план изучения территорий, который расширял перечень работ и позволял интерпретировать материал на основе самых разных методик. Проблему нефтеносности Западной Сибири предлагалось решать путем равномерного освоения всей территории глубокими скважинами, геофизическими профилями, мелкомасштабной геологосъемкой, гидрогеологическими и геохимическими изысканиями. Сосредоточение всех работ на отдельных участках в случае опровержения их нефтеносности могло незаслуженно занизить перспективность Западной Сибири и затянуть разведку на многие годы.

Метод региональных исследований должен был стать ведущим. Трудности, которые стояли перед разведчиками в необжитых и отдаленных районах Сибири, следовало преодолеть, чтобы внести ясность по территориям, заслуживающим капитальных вложений. К этому моменту на основании приказа Министерства геологии СССР от 15 января 1948 г. № 15 в г. Новосибирске действовала Центральная Западно-Сибирская нефтеразведочная экспедиция «Запсибнефтегеология», вошедшая в состав Главного управления по поискам и разведке нефти и газа «Главнефтегеология» Министерства геологии СССР с подчиненной ей Тюменской нефтеразведочной экспедицией. На «Запсибнефтегеологию» были возложены задачи по поискам и разведке месторождений нефти и природных газов в районах Западно-Сибирской низменности, Кузнецкого бассейна, Минусинской котловины и Тувинской автономной области путем

[71] Комгорт М.В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень, 2008. С. 63, 65.

проведения геолого-съемочных и тематических работ, а также глубокого роторного и колонкового бурения[72].

Уже 17 июня 1950 года приказом Министерства геологии СССР № 0218 Центральная Западно-Сибирская нефтеразведочная экспедиция была реорганизована, а на ее базе учрежден Государственный Союзный Западно-Сибирский нефтеразведочный трест «Запсибнефтегеология» Главного управления по поискам и разведке нефти и горючих газов «Главнефтегеология» Министерства геологии СССР[73].

Предложения сотрудников экспедиции Всесоюзного научно-исследовательского геологического института по плану работ в Западной Сибири обсуждались между Западно-Сибирской базой Академии Наук, Запсибгеолуправлением и геологами «Запсибнефтегеологии». В итоге был подготовлен план работ с объяснительной запиской, их направили в Министерство геологии СССР. В документах учли новые данные, которые были получены в отчетах М.С. Гуревича, В.С. Мелещенко, В.Д. Фомичева и Н.Н. Ростовцева[74].

Особое внимание уделялось методике организации работ. Она включала проведение геофизических профилей, постановку мелкомасштабных геологосъемок, гидрогеологических и геохимических исследований. Также организовывалось бурение редкой сети (шаг 250–300 км) глубоких скважин до кристаллического фундамента, равномерно охватывающей всю территорию Западной Сибири.

В задачу входило выявление районов, благоприятных для детальных поисков и разведок газонефтяных месторождений[75]. Именно такой подход стал считаться ведущим во всем комплексе нефтепоисковых работ.

Бурение скважин и геофизические работы должны были проводиться одновременно, что позволяло оперативно вносить коррективы в работу и

[72] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
[73] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 63. Л. 1. Там же. Д. 64. Л. 1.
[74] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 36. Л. 1-3.
[75] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 36. Л. 31-32.

пополнять имеющиеся данные. В силу слабой изученности территории предлагалось увеличить количество скважин с задачами качественного ведения геологической документации и работ по исследованию. Всего к бурению было намечено 32 глубокие скважины. Поскольку скважины закладывались в разных районах низменности, это повышало удаленность от баз и основных транспортных артерий. Доминирующей осталась южная часть низменности: благодаря развитой инфраструктуре, крупным административным центрам, круглогодично действующим магистралям и пр. Особый статус данному району придавало наличие железной дороги, по которой перемещались различные грузы. Также в этой части низменности, преимущественно в степной и лесостепной зонах, располагалась сеть улучшенных грунтовых дорог – грейдеры. Дороги чаще всего проходили вдоль железных дорог или вдоль основных рек – Иртыша, Ишима. Сеть проселочных грунтовых дорог, весьма частая на юге, становилась более редкой при движении на север. В таежной зоне дороги были крайне редки и не благоустроены. В периоды осенней и весенней распутиц они становились непроезжими не только для автомашин, но и для гужевого транспорта. Зимой движение сильно затруднялось снежными заносами. В центральной и восточной частях низменности сообщение осуществлялось по рекам либо с помощью самолетов, посадочные площадки для которых были оборудованы во многих населенных пунктах[76].

Важно отметить высокую плотность населения данной территории. По данным переписи населения 1939 года, средняя плотность населения в Западной Сибири составляла 4 человека на 1 кв. км. Однако распределялось население неравномерно. Наиболее населенными были южные районы низменности, более благоприятные для развития сельского хозяйства. В степной и лесостепной зонах проживало свыше 85 % всего населения. Плотность составляла более 5 человек на кв. км, причем в Омской степи, Среднем Притоболье она возрастала до 10-20 человек на кв. км. К северу

[76] ГАНО. Ф. Р-1688. Оп. 3. Д. 14. Л. 16.

населенность резко падала, в отдельных районах не превышала и 0,02 человека на кв. км.

Все наиболее крупные города и промышленные центры были привязаны к железным дорогам, проходящим через юг низменности. Восемь небольших городов располагались на берегах крупных рек – Оби и Иртыша. Вдали от основных транспортных путей города преимущественно отсутствовали. Характерно, что севернее широты 57 градусов были расположены только небольшие населенные пункты. Все это вносило известные трудности в организацию поисково-разведочной деятельности[77].

В целях оптимизации работ скважины по сложности доставки к ним оборудования и материалов были поделены на восемь категорий. К первой относились скважины, расположенные около железной дороги: Славгородская, Омская, Барабинская, Тюменская (всего 4). Вторую категорию составляли скважины, расположенные поблизости от железной дороги (до 50 км) и соединенные с последней грунтовыми дорогами: Ермаки, Борисово, Белово, Абашево, Быстрянская, Биднинская (всего 6). Третья категория: скважины, расположенные на главных водных артериях (Обь, Иртыш) и поблизости от них: Тара, Боборыкино, Уват (бывшая Тобольская), Колпашево, Ханты-Мансийская, Покур, Березово (всего 7).

В четвертую категорию входили скважины, закладываемые на боковых судоходных притоках Оби и Иртыша и соединенные грунтовыми дорогами (150-250 км) с железнодорожной магистралью: Викулово (р. Ишим), Пудино (р. Чузик), Чулымская (р. Чулым) (всего 3). Пятую категорию составляли скважины, находившиеся на боковых судоходных притоках Оби и Иртыша: Носово (р. Тавда), Айпалово (р. Васюган), Максимко-Ярская (р. Кеть), Шаимская (р. Конда), Ларьяк (р. Вах) (всего 5). К шестой категории относились скважины, которые были расположены на судоходных реках Надым и Пур, но находящиеся в местностях с тяжелыми климатическими условиями (Приполярье): Харобская, Уренгойская (Пурская) (всего 2).

[77] ГАНО. Ф. Р-1688. Оп. 3. Д. 14. Л. 17.

Седьмую категорию составляли те же, что и в шестой категории, но на боковых притоках Енисея: Туруханская (всего 1). И в последнюю, восьмую, категорию входили скважины, расположенные в верховьях рек и значительно удаленные от главных водных артерий и железных дорог: Сымская (верховья р. Сым), Надымская (верховья р. Пур), Ходутейская (верховья р. Пур), Тазовская (верховья р. Таз) (всего 4)[78].

Очередность предполагаемых работ зависела не только от геолого-экономического обоснования районов, но и от ситуации, которая складывалась в тресте «Запсибнефтегеология». Приказами по Министерству геологии СССР и Главнефтегеологии, в Западной Сибири к концу 1949 года было сосредоточено 28 роторных и 30 крелиусных станков. Учитывая организационные трудности, приближение зимы и степень готовности структур, а также мнение части геологов, предпочитающих выборочную разведку региональным исследованиям, основную часть роторных станков (до 22 единиц) было решено направить в три района: Минусинский, Кузнецкий и Тюменский (или: в Минусу, Кузбасс и Тюмень)[79].

В итоге удалось выработать приемлемый для многих сторон план систематических геологоразведочных работ на период 1950-1955 годов. Был достигнут определенный консенсус в палитре мнений и выбран наиболее оптимальный план изучения региона на ближайший период с возможностью его оперативных корректировок. Сотрудники ВСЕГЕИ достигли одобрения многих своих предложений. План работ был утвержден, исходя из позиций Н.Н. Ростовцева, но обобщение материалов глубокого бурения и геофизических исследований надлежало проводить, ориентируясь на построения М.К. Коровина принятые Министерством геологии[80]. Предусматривалось бурение 26 опорных скважин, позволяющих охарактеризовать всю территорию бассейна, в том числе и северные

[78] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 36. Л. 54-56.
[79] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 36. Л. 62.
[80] Андреев С.Ю., Гольдина Н.А. Чрезвычайные люди. Свердловск, 1989. С. 73.

территории[81]. Однако работы длительное время были сконцентрированы в южной части низменности. Члены института ВСЕГЕИ на этапе обсуждения неоднократно отмечали, что для выявления перспектив нефтегазоносности Западной Сибири в целом необходимо приступить к организации работ и в северной половине Западно-Сибирской низменности. Специалисты заявляли: если в 1950 году развернуть бурение на всех точках, а также качественно изучить разрезы и протестировать все скважины, то уже к 1953 году можно рассчитывать на четкий ответ о перспективах поиска нефти и газа в Западной Сибири. В случае положительного решения предполагалось выделить районы для детальных работ[82]. Вероятно, именно эта временная отсечка стала одним из факторов, по которому работы в северных широтах в 1953 году за отсутствием результата были свернуты. И лишь открытие Березовского месторождения газа позволило предотвратить негативные последствия принятого решения.

Таким образом, с конца 1940-х–начала 1950-х годов были определены две основные линии организации разведочных работ на территории Западной Сибири. Согласно первой предполагалось проведение региональных исследований – аэромагнитная съемка, пересечение всей территории сейсмическими профилями, бурение опорных скважин до фундамента, проведение геофизических работ между каждой парой опорных скважин с последующей постановкой на них поискового бурения. Вторая линия предусматривала проведение работ в сравнительно обжитых и доступных южных районах. В Западно-Сибирской низменности предполагался поиск локальных поднятий, их оконтуривание геофизическими методами и бурение глубоких скважин на каждом поднятии[83].

Главенствующей стала первая методика, реализовывали которую новосибирские и тюменские геологические организации. В 1952 году в связи

[81] Из истории отечественной геологии нефти и газа. Вып. 1 / Ред. вып. А.Э. Конторович, Г.С. Фрадкин. Новосибирск, 1998. С. 115.
[82] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 36. Л. 67-68.
[83] Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта / В.П. Карпов, Г.Ю. Колева, Н.Ю. Гаврилова, М.В. Комгорт, А.И. Тимошенко. Тюмень, 2011. С. 42.

с разукрупнением треста «Запсибнефтегеология» на базе Тюменской экспедиции был создан трест «Тюменьнефтегеология» с подчинением Главнефтегеологии Министерства геологии СССР. На момент организации в подчинении треста находилась одна экспедиция и девять буровых партий, проводивших работы в Тюменской, Свердловской и Челябинской областях[84].

На данном этапе опорное бурение являлось доминирующим видом глубокого бурения и в 1951 году составляло 63 % от общего материала[85]. В первые годы нефтепоисковых работ также бурились колонковые скважины, выступавшие дублерами опорных. С 1951 года колонковое бурение ставилось на структурах для проверки их контуров. В 1952-53 годах объемы колонкового бурения резко возросли. Задачей этих работ являлась проверка наличия и оконтуривание поднятий, выявленных сейсмикой. На юге низменности уже проводились работы с целью подготовки структур для роторного бурения[86].

Коренной житель с. Аромашево (Тюменская область) Н.П. Володин вспоминает: «Я тогда мальчишкой маленьким был, сам не видел лично. Взрослые рассказывали, что в начале 1950-х годов к нам в село геологи пришли. Изучали местность, потом на колхозном поле, где сейчас стадион стоит, они заложили скважину, вышку построили. Бурили неглубокую скважину, напоролись на воду. Потом дальше еще бурили, на самой окраине почти. Сами геологи говорили местным, что, если откроют нефть в области, то другая жизнь начнется»[87].

Жительница этого же села Л.М. Желнина отмечает: «Мне тогда около пяти лет было. Помню, как в селе у нас геологи обосновались, место выбирали, чтоб вышку поставить. Это большое событие было, важное, не просто так приехали. Собрали вышку, для меня она высоченной казалась. Какое-то время бурили, куски пород из земли поднимали, складывали в

[84] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 244. Л. 7-8.
[85] ГАНО. Ф. Р-1688. Оп. 3. Д. 14. Л. 342.
[86] Нефть и газ Тюмени в документах. 1901-1965 гг. Свердловск, 1971. С. 106.
[87] Интервью Володина Н.П. // Полевые материалы автора с. Аромашево, 2021 г.

ящики. Но в итоге ничего, кроме воды, не нашли. После отправились далее в район»[88].

В 1953 году было опробовано 50 объектов, однако во всех случаях получили пластовую воду с газом в непромышленных количествах. Главным событием стало открытие в Березовской скважине мощного газо-водяного фонтана, что указывало на наличие газовой залежи в этом районе и на перспективность северо-западной части низменности. На конец 1954 года на территории деятельности треста «Тюменьнефтегеология» было пробурено шесть опорных роторных скважин: Тюменская, Кузнецовская, Березовская, Ханты-Мансийская, Леушинская. Буровые работы показали отрицательный результат по нефтегазоносности, при испытаниях все скважины дали воду с растворенным в ней газом без признаков нефти. Кроме того, Колпашевской, Ларьякской и Уватской опорными скважинами были вскрыты породы, пропитанные нефтью. Это обстоятельство указывало на перспективность в нефтегазоносном отношении центральной части низменности Уват-Тобольского района и позволяло развивать дальнейшие работы по поискам углеводородного сырья.

Однако, как и на заре нефтепоиска, значительным тормозом в обнаружении перспективных площадей являлись слабые результаты геофизических работ. Вот что об этом говорил управляющий трестом «Тюменьнефтегеология» А.К. Шиленко: «Темпы нефтепоисковых работ в значительной мере сдерживались серьезным отставанием геофизических исследований на территории Западно-Сибирской низменности. С самого начала нефтепоисковых работ бурение было начато почти одновременно с геофизическими исследованиями. Первые скважины закладывались по предварительным данным геофизики, которые во многом не были подтверждены. В силу этих обстоятельств часть скважин в притюменском районе были заложены не вполне рационально, что сказалось на результате. Требовались своевременные и качественные геофизические данные, которых

[88] Интервью Желниной Л.М. // Полевые материалы автора с. Аромашево, 2021 г.

недоставало. Но если бы мы стали этого ждать, поисковые работы были бы отсрочены еще на несколько лет. Геофизические исследования не ушли далеко вперед от буровых работ, что не позволило сформировать достаточный фонд структур для разворота буровых работ. Некоторые площади разбуривались без наличия структурной карты по сейсмике»[89]. Именно геофизические работы должны были сыграть определяющую роль в изучении территории. Однако необходимо отметить, что ранее в исследовательском поле данный вопрос не получал должного внимания.

Геофизику не случайно называют «глазами и ушами» геологоразведочных работ. Геофизические методы позволяют провести «рентгеноскопию» внутреннего строения земной коры и определить перспективные участки для дальнейшего разведочного бурения. И.П. Шмелева, стоявшая у истоков геофизических работ в регионе, указывала, что «все данные, получаемые геофизическими методами и бурением, увязывались с первичными материалами, что позволяло каждый год обновлять единые карты... которые были нужны геологам и геофизикам Тюменской области: располагая такими картами, они составляли планы на будущее и по бурению, и по геофизике»[90].

Начало геофизических исследований Западно-Сибирской низменности было положено в послевоенное время. В задачах Технического совета Министерства геологии, помимо плана бурения опорных скважин, обозначались основные ориентиры геофизических работ. Региональные геофизические исследования были направлены на получение данных и выявление структурных профилей, изучение мезокайнозойских отложений, глубин залегания и строения палеозойского фундамента в различных районах Западно-Сибирской низменности. Выполнение объемов работ было возложено на Уральский и Западно-Сибирский геофизические тресты[91]. В

[89] Нефть и газ Тюмени в документах. 1901-1965 гг. Свердловск, 1971. С. 110, 116.
[90] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики. Ч. 3. – URL: https://остяко-вогульск.рф/2022/11/25/my-otkryli-neft-neft-otkryla-nas-chast-3/ (дата обращения 20.01.2023).
[91] ГАНО. Ф. Р-1462. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

1949 году Главное геофизическое управление установило пограничную линию зон ответственности трестов по р. Иртыш[92].

В геофизических работах можно выделить два этапа. Первый длился с 1948 по 1953 годы и был характерен крайне низким качеством геофизических исследований. Причиной этому являлись недостаток опытных кадров, низкое техническое руководство полевыми партиями и слабый контроль за получаемыми полевыми материалами, несовершенные аппаратура и методика наблюдений. В конце 1953 года начался второй этап геофизических исследований, продолжившийся и в период активного нефтегазового освоения. Он ознаменовался организационно-методической перестройкой, которая позволила существенно повысить качество работ и увеличить производительность. Проведенная Сибирским геофизическим трестом в 1954-1955 годах большая работа по проверке, анализу и отбраковке работ прошлых лет позволила выявить имевшиеся крупные недостатки и закрепить положительные. Наибольшие методические изменения претерпела сейсморазведка, которая в дальнейшем стала ключевым видом геофизического изучения в регионе[93].

В комплекс геофизических исследований входили различные по своей специфике методы. Основными методами в период активного геологического поиска являлись магнито- и электроразведка, гравиразведка, сейсморазведка. Но из всего комплекса геофизических методов именно сейсморазведка, по мнению специалистов, давала наиболее полный материал. Благодаря сейсмической разведке изучалось строение земной коры. При проведении работ искусственно (взрывом – авт.) создавались сильные сотрясения вблизи поверхности, благодаря которым в породах распространялись продольные и поперечные упругие волны. Отражаясь от различных геологических тел (горных пород разной степени упругости – авт.), они возвращались на поверхность и регистрировались при помощи сейсмоприемников

[92] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
[93] ГАНО. Ф. Р-1688. Оп. 3. Д. 14. Л. 342, 344.

сейсмической станции[94]. Благодаря этим данным конкретизировались наиболее вероятные участки, где скапливались углеводороды.

Основными недочетами геофизических работ в первые годы являлись завышенные взрывные интервалы от 1150 до 1500 м и лишь в виде исключения от 200 до 690 м. Это снижало геологическую эффективность сейсморазведки, особенно в местах неглубокого залегания фундамента на юге низменности. К тем же результатам приводило применение «земноводной» методики в северных труднодоступных таежных районах, при которой «снос» пункта взрыва от линии профиля происходил на 30-100 м. Слабым местом сейсмических работ также являлась малая глубина взрыва, от 7 до 30 м, вызывавшая ослабление интенсивности записи полезных волн, иногда появление на записи поверхностных звуковых волн и других волн-помех. Все это формировало некачественный материал, приходилось дублировать ранее «отстреленные» маршруты. Более того, некоторые маршруты не увязывались между собой. Даже при их пересечении не было общих «увязочных» пунктов взрыва. Отсутствовала корреляционная увязка как внутри отдельных профилей, так и между маршрутами. Имела место плохая связь между топографами и геофизиками, в результате чего часть топографических и сейсмических профилей отличались по длине от 1 до 20 км. Несмотря на благоприятные сейсмогеологические условия большей части территории Западно-Сибирской низменности, партии давали большой процент брака. Он ознаменовался организационно-методической перестройкой, которая позволила существенно повысить качество работ и увеличить производительность.

Одной из ключевых проблем оставались объемы сейсморазведочных работ. До 1954 года в год готовилось к бурению не более 3–4 структур. Производственные мощности треста «Запсибнефтегеология» позволяли вводить в разведку гораздо больше площадей, поэтому искусственное

[94] Спутник полевого геолога-нефтяника. Т. II. Под общ. ред. Н.Б. Вассоевича. Ленинград, 1954. С.384-386.

ограничение темпов работы вело к «структурному голоду»[95]. Именно поэтому геологи в то время считали данные структурно-поискового бурения более достоверными. А.К. Шмелев отмечал, что «площади, подготовленные сейсморазведкой, покрывались сетью мелких, по 300-500 метров, колонковых скважин. На основании полученных с их помощью данных о верхних слоях осадочных пород делались выводы о глубинном строении. Если эти данные расходились с выводами сейсморазведки, глубокие скважины задавались по картам структурно-поискового бурения»[96].

Лишь с началом второго этапа в 1953 году, с учетом приобретенного опыта, увеличивавшегося снабжения сейсморазведочные работы претерпели качественные изменения. Улучшилось качество получаемых материалов, чему способствовал ряд нововведений. Работы стали проводиться площадным методом, при котором профилями охватывалась сразу значительная площадь. Далее в пределах выявленных при этом поднятий сеть профилей сгущалась, и структуры быстрее готовили к бурению. Метод отраженных волн (МОВ) стал превалирующим, увеличилось количество прослеживаемых отражающих горизонтов. Также наращивались объемы аэромагнитных съемок. В масштабе 1:1000000 была заснята вся территория низменности[97]. Но главным фактором увеличения темпов работ стало внедрение в практику «водной сейсмики», в разы увеличившей скорость исследования территорий и повысившей качество получаемых результатов.

Применение обычных приемов наземной сейсморазведки с целью поисков структур в центральной и северной частях Западно-Сибирской низменности затруднялось бездорожьем. Единственными удобными коммуникациями этих районов выступали реки, по берегам которых преимущественно и проводились сейсморазведочные работы, а за ними и бурение. Главный геолог треста «Тюменьнефтегеология» Л.И. Ровнин

[95] ГАНО. Ф. Р-1688. Оп. 3. Д. 14. Л. 344-345.
[96] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики. Ч. 1. – URL: https://остяко-вогульск.рф/2022/11/23/my-otkryli-neft-neft-otkryla-nas-50-let-hanty-mansijskoj-geofiziki (дата обращения 20.01.2023).
[97] ГАНО. Ф. Р-1688. Оп. 3. Д. 14. Л. 348-349.

отмечал: «Чтобы пройти профиль, надо просеку в тайге рубить, самим идти и оборудование протащить. На севере начальник геофизического отдела А.К. Шмелев изобрел способ исследования сейсморазведочными профилями – речную сейсморазведку. Благодаря этому темпы возросли в разы»[98].

Данная методика была предложена в 1954 году и опробована опытными работами в 1955-1956 годах. Все работы проводились на водоемах (реки и озера). Линия наблюдения (группы сейсмоприемников и соединительные провода) помещались на боне, который представлял собой цепочку бревен. При прострелe судно-сейсмостанция стояло на якоре и удерживало за собой бон, вытягивающийся вниз по течению *(Приложение А. Рис. 12.).* Взрывы производились или из водоема, или из скважин, пробуренных у берега. При смене установки линии наблюдения судно-сейсмостанция снималось с якоря и переходило на следующую установку, буксируя за собой бон. Это исключало необходимость постоянной смотки и размотки линии, что кратно повышало скорость выполнения работ. По данным речных сейсморабот размещались глубокие структурно-поисковые скважины для изучения разреза.

Учитывая, что каждая пробуренная скважина, в зависимости от своего назначения, обходилась от сотен тысяч до миллиона рублей, использование продуктивных геофизических методов позволяло существенно снижать расходы. Большая часть разбуриваемых площадей располагалась в южной части низменности, имеющей на многих структурах небольшую глубину до проектных горизонтов (1200-1600 м). По мере перемещения работ к северу, в центральные части низменности, условия организации сильно усложнялись, а проектные глубины возрастали до 3000 м и более[99].

Средняя стоимость отработки 1 пог. км. сейсмического профиля в южных районах (Омская геофизическая контора) составляла 4049 руб. В стоимость входили все статьи расходов: зарплата, полевое довольствие,

[98] Ровнин Л.И. Лекция об открытии нефти и газа в Западной Сибири. – URL: https://rutube.ru/video/18c4d866f3463fa1c9ddb5f868e31fde/. 36 мин.
[99] ГАНО. Ф. Р-1688. Оп. 3. Д. 14. Л. 367-368.

материалы, амортизация, износ, сторонние услуги, транспорт, накладные расходы. Необходимо учесть, что топографические работы составляли 60-70% от стоимости сейсмических работ. Стоимость сейсморазведочных работ в северных районах низменности была почти в 2,5 раза выше, чем в южных. Подготовка одной структуры небольшого размера в южных районах низменности обходилась в 1,5-2,5 млн. руб. Для северных районов – 3,5-4,5 млн. рублей[100].

При использовании метода речной сейсморазведки стоимость 1 пог. км обходилась около 2650 руб., что было в 2-2,5 раза меньше стоимости 1 пог. км наземного сейсморазведочного профиля, выполненного в тех же по трудности районах[101]. На это указывал А.В. Кузнецов: «Производительность в речном отряде была очень, и очень высокая... Потому мы где-то до 20 километров за смену делали, по 40 в день. Стоимость работ неимоверно низкая, хорошее качество материала и очень ценные»[102].

В результате комплекса работ, проведенных с конца 1940-х годов до середины 1950-х годов, удалось выявить общие черты глубинного геологического строения Западно-Сибирской низменности и подтвердить её перспективность. Было установлено, что косвенные показатели наличия нефти и газа улучшаются в восточном направлении от Тюмени. Получена положительная оценка перспектив нефтегазоносности более северных районов Тюменской области[103]. Л.И. Ровнин рассказывал, что все данные говорили о необходимости смещения вектора геологического поиска на Север: «На Покровке уже были газопроявления. Н.Н. Ростовцев и прочие ученые поддерживали работы. Нужно было двигаться севернее. Профиль шел на Тобольск»[104].

---

[100] ГАНО. Ф. Р-1688. Оп. 3. Д. 14. Л. 352-354.

[101] Шмелев А.К. О речных сейсморазведочных работах в Западно-Сибирской низменности // Геология нефти и газа. 1960. № 08. – URL: http://www.geolib.ru/OilGasGeo/1960/08/Stat/stat09.html (дата обращения 20.01.2023).

[102] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики. Ч. 4. – URL: https://остяко-вогульск.рф/2022/11/26/my-otkryli-neft-neft-otkryla-nas-chast-4/ (дата обращения 20.01.2023).

[103] Нефть и газ Тюмени в документах. 1901-1965 гг. Свердловск, 1971. С. 116.

[104] Ровнин Л.И. Лекция об открытии нефти и газа в Западной Сибири. – URL: https://rutube.ru/video/18c4d866f3463fa1c9ddb5f868e31fde/. 04 мин.

К этому времени, с момента открытия березовского газа, заметно активизировались работы в северной части низменности несмотря на то, что вплоть до открытия нефти в Среднем Приобье в 1961 году геологоразведочные работы также были ориентированы на южное направление. В 1955 году на секции геологии и полезных ископаемых Технического совета Министерства геологии и охраны недр СССР «Геологическое строение и перспективы нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности» была поставлена задача увеличения объемов опорного бурения в уже исследуемом районе и особенно в районах, выявленных по данным аэромагнитной съемки, крупных структурных элементов, в числе которых Обь-Иртышское междуречье, верховья Ваха. Поисково-разведочные работы было предложено сосредоточить в районах по р. Обь от Колпашево до Салехарда, по р. Иртыш от Тобольска до Ханты-Мансийска[105].

Несмотря на то, что отдельные геофизические группы работали в северных районах еще с начала 1950-х годов, в сентябре 1956 года Главнефтегазразведка поставила вопрос о необходимости развертывания геолого-поисковых и прежде всего геофизических работ в совершенно новых, малоисследованных регионах. С этой целью в Новосибирске с 10 по 25 декабря 1956 года было запланировано совещание с представителями трестов по рассмотрению и утверждению планов геолого-поисковых и разведочных работ на 1957 год. Отдельно отмечалась необходимость при составлении плана уделять особое внимание перспективным районам[106].

Куратор по работам в Западной Сибири Н.Н. Ростовцев на одном из совещаний, заявлял: «За истекшие 10 лет (1949-1958 гг.) получен очень большой материал, позволяющий высоко оценивать перспективы нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности. Открыто Березовское месторождение газа, получены первые, хотя еще и не промышленные,

[105] Нефть и газ Тюмени в документах. 1901-1965 гг. Свердловск, 1971. С. 117.
[106] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 581. Л. 21-23.

притоки нефти из юрских отложений в районе среднего течения р. Оби (Александровский вал). Менее изучена северная и центральная части низменности. Для выяснения геологического строения центральной и северной частей низменности, нахождения в ней заведомо нефтегазоносных районов предполагается продолжить в 1959-1965 гг. бурение опорных, поисковых, структурных, структурно-колонковых скважин и проведение комплекса региональных геофизических и геолого-съемочных работ. Всего было намечено: бурение 14 опорных скважин общим метражом – 46300 м, в том числе на 1959-65 гг. – 35100 м.; бурение 51 поисково-структурной скважины общим метражом – 97000 м. Всего по поисково-структурному бурению – 154000 п. м. Глубокого роторного бурения, включая и опорное – 189100 п. м. Колонковое бурение по профилям общей протяженностью 7600 п. км – 501000 п. м.»[107].

На ближайшие семь лет весь комплекс работ необходимо было сосредоточить в наиболее перспективных районах. А.А. Бакиров, председатель государственной экспертной комиссии, отмечал, что «отсутствие открытий на протяжении долгого времени было в ряде недостатков, главным из которых было сосредоточение основного объема поисково-разведочного бурения на юге Западной Сибири, в то время как наиболее перспективное – центральная и северные области – не изучались. Крупным недостатком было отставание региональных геолого-геофизических исследований и бурения опорных скважин… Экспертная комиссия рекомендовала основные работы перенести в Среднее Приобье и дальше в северные районы»[108].

Таким образом, в конце 1950-х годов, после реализации планомерных геологоразведочных работ, по ряду объективных причин, не принесших положительного результата, вектор поиска все отчетливее смещался в район среднего и нижнего течения реки Оби. Большая роль в этом принадлежала

[107] ГАТО. Ф. Р-1903. Оп. 1. Д. 28. Л. 1-2.
[108] Документальный фильм «У нефтяного континента». 24 мин.

внедрению передовых геофизических методов – речной сейсморазведки. Данные, получаемые в ходе изысканий производственниками и анализируемые кураторами из научного сообщества, убеждали в правильности предпринятых корректировок. В условиях санкционированного Н. С. Хрущёвым последовательного перехода с угля на нефть как основного государственного топливного ресурса[109], организационные и климатические сложности, ранее служившие достаточным основанием для ограниченности масштабов и объёмов работ по изучению северного направления, уже не являлись действенным аргументом в вопросе дальнейшего нефтепоиска. Государственная «геологическая машина» вступила в менее обжитые и отдаленные от центра регионы. Для выполнения поставленных задач требовалось увеличить численность геологоразведчиков в новые районы поиска. Это вынуждало тресты проводить реорганизацию своего штата, формировать дополнительные партии и нефтеразведки. Зачастую геологические единицы формировались на совершенно новых участках работы, находясь в отдалении от производственных и административных баз центра, что существенно осложняло будущее проведение геолого-поисковых работ.

1.2 Десанты геологов-первопроходцев в Сургутское Приобье

По результатам проведенных геолого-геофизических работ территория Среднего Приобья отесена к числу перспективы нефтеносных районов. Исследователи обращали внимание на большое сходство в характере юрских и меловых отложений Западно-Сибирской низменности и Хатангской впадины, что позволяло им продолжить эту аналогию и на оценку перспектив нефтегазоносности[110]. Министр геологии РСФСР Л.И. Ровнин вспоминает: «В 1950-е гг. поисковые скважины бурили на юге области, а опорные – на

[109] Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Советский нефтяной экспорт 1950-1960-х гг. на фоне изменений на международной арене и деятельности СЭВ // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 51.
[110] ГАНО. Ф. Р-1688. Оп. 1. Д. 24. Л. 506.

севере: Уват, Леуши, Ханты-Мансийск, Березово, Шаим, Кондинский… По полученным данным ряд ученых из Новосибирска предполагали зону нефтенакопления в центре Западно-Сибирской низменности»[111].

Одним из первых, кто обоснованно доказал высокую перспективность района Среднего Приобья на наличие жидких углеводородов стал Н.Н. Ростовцев. Именно он в 1956 году впервые аргументированно выделил в районе Сургута крупную положительную структуру первого порядка, которую считал первоочередным объектом для поисков нефти[112].

На территории Западно-Сибирской низменности, как отмечалось ранее, работали представители Тюменского и Новосибирского геологических трестов. До 1959 года вся территория была поделена между геологами на две части по 72-му меридиану. К западу находилась зона ответственности тюменских геологов, а к востоку – новосибирских, в ведение которых относился район Среднего Приобья[113]. Помимо этого, необходимо отметить и деятельность томских разведчиков, которые в составе Томской геологической экспедиции проводили летние работы в Сургутском районе еще в 1953 году[114]. Их деятельность мало отражена в исторической литературе, но их вклад в общее дело геологоразведки региона неоспорим.

25 февраля 1956 года начальник Главнефтегазразведки Г.Л. Гришин отметил, что разворот геологоразведочных работ происходит за счет увеличения объема нефтепоиска в районах отдаленной местности, приравненных к Крайнему Северу. В 1956 году в этих районах предполагалась работа семи разведок глубокого бурения и четырех разведок структурно-поискового бурения. Все они располагались в низовьях Оби или на малых реках, впадающих в низовье Оби[115]. Также производственной программой 1957 года в составе Новосибирского треста была предусмотрена

[111] Ровнин Л. Без геологии у страны нет будущего // Парламентская газета Тюменские известия. - URL: http://old.t-i.ru/article/2787/ (дата обращения 20.03.2024).
[112] Сургутский нефтеносный район. Вып. 19. Под ред. И.И. Нестерова. Тюмень, 1968. С. 9.
[113] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[114] Томская геологическая экспедиция // Колхозник. 1953. № 46 (1261). С. 2.
[115] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 581. Л. 3.

организация Усть-Вахской и Сургутской нефтеразведок глубокого бурения[116].

Таким образом, поисковые и разведочные работы с 1957 года и вплоть до 1960 года Новосибирское геологическое управление предполагало проводить путем постановки глубокой разведки, поисково-структурного и опорного бурения на территории Западно-Сибирской низменности и в Кузнецком бассейне. Глубокое разведочное бурение проводилось на 19 площадях, которые были расположены в основном в Тарском Прииртышье и Среднем Приобье[117]. В частности, планировалось проведение структурно-поискового бурения в Сургутском районе Тюменской области. Намечалась проходка профильных скважин в долинах рек Большой Юган, Малый Юган и Аган, а также бурение на перспективных площадях с общим объемом работ 80 000 погонных метров[118].

Для реализации установленных поисково-разведочных работ требовалось увеличение количества геологоразведчиков, наращивание производственных мощностей. Опорная база геологов традиционно формировалась в центре изучаемой территории, в пунктах, обеспеченных средствами связи и удобных для сообщения. Прибытие партии регистрировалось в районном либо областном центре, где решались вопросы о снабжении, обеспечении рабочей силой, получении транспортных средств[119]. Вследствие этого главным координационным центром работ в районе Приобья стал рассматриваться Сургут. Он обладал удобным географическим положением с выходом в основные водные артерии региона и располагал возможностями крупного районного центра.

Данные условия были немаловажными для нефтеразведчиков. Основной задачей, кроме прямой геологической, являлось создание опорных пунктов с необходимой для производства и быта инфраструктурой.

[116] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 671. Л. 1.
[117] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 918. Л. 2.
[118] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.
[119] Спутник полевого геолога-нефтяника. Т. I. Под общ. ред. Н.Б. Вассоевича. Ленинград, 1954. С. 237.

Формирование полноценного производственно-бытового плацдарма первых геологов закладывало фундамент для последующего выполнения объемов геолого-поисковых работ и способствовало успешной реализации задач по скорейшему открытию нефтяных месторождений.

На Север прибывали новые партии геологоразведчиков, но главными из них стали геологи, которые в последующем составили костяк Сургутской нефтеразведочной экспедиции. Необходимо отметить, что к моменту прибытия геологов в Сургут в январе 1958 года на территории Тюменской области (вместе с северными округами. – авт.) с целью поиска нефти была пробурена 101 глубокая скважина и 1028 колонковых скважин, а в разведке находились 22 площади[120].

Перебазировка геологов Нижне-Грязненской разведки под руководством Ф.К. Салманова из Кемеровской области в Сургут напрямую ассоциируется с открытием первой нефти и динамичным развитием региона. За долгие годы факт перебазировки геологов Новосибирского треста в район Среднего Приобья «оброс» множеством домыслов и легенд. Многочисленные материалы на просторах глобальной сети Интернет, заметки и публикации в средствах массовой информации трактуют прибытие десанта первых геологов во главе с Ф.К. Салмановым как «побег», совершенный без согласования с вышестоящим руководством, и самовольное решение молодого азербайджанского геолога, отключившего рацию, чтобы партию не смогли найти до прибытия на место[121]. Данная дискуссия, проходящая сегодня в поле публичной истории, имеет свои научные корни в давнем споре о «реальных линиях» власти в СССР[122].

[120] ГАТО. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 26а. Л. 4.

[121] Людмила Захарова. Чернорабочие обских недр. – URL: https://siapress.ru/blogs/45686-chernorabochie-obskih-nedr; Ольга Маслова. Меня называли фантазером. – URL:https://ugra-news.ru/article/03082017/52739/; Наталья Фоминцева. Практика риска. Фарман Салманов // Журнал Тюмень. Нефтегазовый номер, сентябрь-октябрь. 2012. № 6. С. 124.

[122] Историографический анализ феномена ведомственности и роли различных звеньев управленческой цепи см.: Иванов А. Глава 1. Как историография описывает ведомственность в Советском Союзе? // Советская ведомственность: коллективная монография / под редакцией И.Н. Стася. М., 2025. С. 40-102.

Сторонники версии о «побеге» в значительной мере повторяют аргументы известного экономиста Д. Граника, который считал, что «вся власть реального руководителя» концентрируется на уровне руководителя (директора) советского промышленного предприятия[123]. В этой логике Салманов как «реальный управленец» «вынужденно» принимал на себя несвойственный функционал под страхом ухода рабочей силы и невыполнения плана. Как и прочие советские управленцы его уровня, он не действовал линейно и по инструкции, подобно типичным бюрократам. В интерпретации Граника, инициатива геолога как управленца среднего звена относилась к «полезным элементам» советской системы, поскольку она выступала одним из условий гибкости и жизнеспособности советской экономической модели 1950-1960-годы.[124] Сегодня действия Салманова стали основанием для тиражируемого в публицистике и электронных медиа героического мифа.

В ряде материалов самовольное решение дополняется тезисами о «высшем предназначении» Салманова[125], а также не прозорливости высшего руководства страны, «не желающего» открыть сибирскую нефть. К примеру, редакторы всероссийского проекта «Топ-1000 культурных туристических брендов России» дают следующую характеристику Ф.К. Салманова: «Геолог, человек, который самовольно, вопреки решениям партии и правительства, открыл сибирскую нефть и тем самым внес ключевой вклад в благополучие отечественной экономики XX–XXI века…»[126]. Безусловно, подобная трактовка явно ошибочна и не имеет под собой веских оснований. Несмотря на просьбу одного из авторов раздела (В.В. Рашевский – авт.) исправить некорректную формулировку, редакторы проекта оставили запрос без

[123] Granick D. Management of the Industrial Firm in the USSR, A Study in Soviet Economic Planning. New York: Columbia University Press, 1954. P. 119-120.
[124] Granick D. Management of the Industrial Firm in the USSR, A Study in Soviet Economic Planning. New York: Columbia University Press, 1954. 346 p. P. 133.
[125] Галина Батищева. 65 лет назад в Сургуте высадился первый десант геологоразведчиков. – URL: https://stribuna.ru/articles/society/65_let_nazad_v_surgute_vysadilsya_pervyy_desant_geologorazvedchikov/ (дата обращения 18.07.2024).
[126] Фарман Салманов. – URL: https://livingheritage.ru/brand/hanty-mansijskij-avtnomnyj-okrug-yugra/farman-salmanov (дата обращения 11.03.2024).

внимания, поскольку он нарушил бы стройность и логику запавшей в общественное сознание мифологемы.

Согласно еще одной версии, Ф.К. Салманов, воспользовавшись отсутствием руководства Новосибирского геологоуправления, в августе 1957 года погрузил оборудование на баржи, уговорил 40 семей геологоразведчиков к переезду и двинулся в Сургут[127].

Распространена и третья версия, действительность которой так же не подкреплена ни архивными документами, ни нарративами первичных акторов. Согласно этой версии, в июле 1957 года появился приказ Министерства геологии СССР о перебазировке в Сургут из Кемеровской области Ново-Грязненской НРЭ (вместо нефтеразведочной экспедиции правильно читать партия структурно-поискового бурения – авт.). Салманов столь стремительно организовал десант на Тюменский Север, что позже распространилось мнение едва ли не о «побеге» молодого геолога[128].

Однако любой приказ Министерства является основополагающим документом для деятельности геологических трестов/управлений. На основании вышестоящего приказа региональный геологический трест/управление издает свой внутренний приказ, который в нашем случае отсутствовал вплоть до октября 1957 года. Лишь в годовом производственно-экономическом отчете управления за 1957 год отмечается, что в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 5 июля 1957 г. № 766 «Об организации структуры геологической службы СССР» в тресте произошел ряд изменений. В соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР от 29 октября 1957 года № 5688-р, приказом начальника Главгеологии РСФСР от 30 декабря 1957 года за № 184 трест «Запсибнефтегеология» преобразован в Новосибирское территориальное геологическое управление. Кроме того, были организованы новые предприятия, в числе которых

[127] Панарин С.М. Открытие сургутской нефти // Очерки истории Сургута / науч. ред. А.И. Прищепа. Сургут, 2002. С. 167.

[128] Карпов В.П. Организаторы тюменской геологоразведки в истории создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // История Сибири в биографиях: сб. науч. тр. / науч. ред. А.И. Прищепа. Сургут, 2009. С. 126.

значилась Юганская разведка структурного бурения (приказ треста № 143 от 30 октября 1957 года)[129]. Данное обстоятельство указывает на то, что создание новой геологической единицы на территории широтного Приобья стало следствием целого ряда обстоятельств, а не делом одного случая.

Обратившись к юридической трактовке термина «побег», в первой части определения находим следующее: «Побег – это незаконное самовольное оставление учреждения…»[130]. Рассмотрим два ключевых момента в самом определении. Во-первых, незаконное, что означает всё, что выходит за рамки установленных и дозволенных законом действий. Во-вторых, самовольное, что можно трактовать, как отсутствие согласованности действий, по своему усмотрению, совершаемое без разрешения, произвольно. Переезд геологоразведчиков под руководством Ф.К. Салманова из Кемеровской области в Сургут, в информационном пространстве преимущественно представляется как «побег». Однако необходимо учитывать многие обстоятельства и факты того периода. Действия руководителя отдельной партии геологов, административно подчиняющейся главной организации в лице Новосибирской геологоразведочной экспедиции, нужно рассматривать в совокупности решений вышестоящей организации и курирующих их деятельность органов.

Описанная конфигурация сил в процессе принятия решений на региональном уровне возвращает нас к упомянутым дебатам о «линиях власти» в СССР. Приведенный выше анализ позволяет увидеть, что реальные властные рычаги в условиях советских производственно-хозяйственных реалий конца 1950–начала 1960-х годов не могли находиться в руках отдельного руководителя среднего звена. Более вероятной представляется ситуация, когда центр действенных решений и вместе с ним сила реального управления концентрировалась на уровне главков. Именно такую точку зрения отстаивают историки экономики П. Грегори и А. Маркевич. По

[129] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 661. Л. 8.

[130] Прокурор разъясняет. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/activity/legal-education/explain?item=78404153 (дата обращения 20.01.2025).

мнению исследователей, система тактически поощряла горизонтальные неформальные сделки наркоматов/министерств и главков. Именно в ходе такой «игры ведомств» становился возможным «оппортунизм» Салманова под названием «побег»[131].

Руководители министерства, находившиеся формально на вершине бюрократической пирамиды власти, всегда считались с положением дел в главках, поскольку именно от них зависело выполнение плановых показателей всей отраслевой вертикали[132]. Сама формальная иерархическая структура ведомственной вертикали на конец 1950-х годов выглядела следующим образом: Министерство геологии СССР –> региональные геологические тресты/управления –> геологоразведочные экспедиции –> нефтеразведки и партии. Планируемый объем работы на год или более длительный период определялся геологическим трестом на основании собранных данных по входящим в их состав экспедиций. Проходил внутреннее рассмотрение, согласование, утверждение и далее направлялся в Министерство, которое окончательно утверждало объем годовых работ по всем районам страны. После утверждения плана работ региональные тресты/ управления рассылали его по экспедициям, кто в свою очередь выдавал план работы нижестоящим геологическим единицам для его реализации на местах. Геологи любых инстанций должны были строго придерживаться плана работ и при любых трудностях реализации ставить в известность вышестоящую организацию. О.В. Шкутова отмечала: «Проект работ был утвержден в тресте, выполнять его мы были обязаны»[133].

Ф.К. Салманов, возглавлявший в середине 1950-х годов Нижне-Грязненскую партию структурно-поискового бурения, по полученным в ходе работ геологическим данным понимал отсутствие нефтяных перспектив в Кемеровской области и огромные возможности в Среднем Приобье. В

[131] Gregory P., Markevich A. Creating Soviet Industry: The House That Stalin Built // Slavic Review. 2002. № 4 (Volume 61) P. 789, 792, 807, 813. P. 787-814.
[132] Маркевич А.М. Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 121, 128, 130-132. С. 118-140.
[133] Грошева Е. Преждевременная экспедиция // Югра. 1992. №5. С. 50.

мемуарах Салманова, как и в воспоминаниях ветеранов геологии, неоднократно отмечался факт склонения Салмановым руководства Новосибирского треста к переезду партии в Сургут, которое в свою очередь не давало четкой команды. Его секретарь А.Н. Герасимова-Романова вспоминала: «Знала по телеграммам, что Салманов просится на Север, мы подчинялись тогда Новосибирскому управлению, но руководство управления ему отказывало»[134]. Согласно воспоминаниям Герасимовой, в конечном итоге Фарман Курбанович лично поехал в Новосибирск, сумев «выбить» из геологических чиновников ожидаемый приказ [135]. «Он воспользовался одним случаем, когда начальник управления был в отпуске, а был другой его заместитель, который и разрешил выехать. И он мгновенно, вот прямо сегодня радиограмма пришла, и он нас тут же собрал к вечеру – поедем»[136].

Несмотря на то, что данная версия выглядит реалистично, факт согласования документов руководящим составом треста полностью опровергает данный тезис. Решение, определившее дальнейшее развитие ситуации, осталось за главком. Смета на перебазировку партии в сумме 1 млн. 2787 руб. была подписана в августе 1957 года управляющим трестом «Запсибнефтегеология» Ю. Номикосовым, главным инженером треста В. Злобиным, начальником Новосибирской геолого-поисковой экспедиции П. Даниловым и начальником проектно-сметного отдела треста А. Герасименко[137] *(Приложение А. Рис. 13)*. Это полностью опровергает тезис о несогласованности перебазировки - руководство геологического треста было в курсе готовившегося переезда. К тому же Приказ № 94 по Государственному Союзному Западно-Сибирскому нефтеразведочному тресту «Запсибнефтегеология» от 16 мая 1956 года за подписью и.о. управляющего трестом Неровного (один из заместителей руководителя – авт.) повышал ответственность за нарушение предписаний при перемещении

[134] Фильм «Открытие века». Воспоминания Романовой А.Н. 17 мин.
[135] Конев А. Первый секретарь партии // Югра. 2004. №2. С. 31.
[136] Фильм «Открытие века». Воспоминания Романовой А.Н. 17 мин.
[137] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

материальных ценностей. Согласно приказу, перемещение материальных ценностей по системе треста (из разведки в разведку, с предприятий по ремонту на базы, отпуск оборудования с баз треста) могло осуществляться только по специальным наряд-заказам треста. Отгрузка бурового оборудования, ДВС, автотранспорта, тракторов, водного транспорта, паросилового, кузнечно-прессового, металлорежущего оборудования и бурильных труб как с разведок в разведки, так и со складов баз (т.е. в системе треста – авт.) производилась только по наряд-заказам. Под личную ответственность главных (старших) бухгалтеров запрещалось принимать к оформлению документы по отгрузке или передаче оборудования по любым документам без указанного наряд-заказа. Это обеспечивало контроль перемещения оборудования и его сохранность. Руководители и бухгалтеры несли персональную ответственность за выполнение указанного приказа[138]. Подтверждением соблюдения данного приказа служит случай, зафиксированный в приказе по тресту от 27 июня 1956 года за подписью управляющего трестом Номикосова. В период передачи Абашевского участка бывшей КРБ в состав геолого-поисковой экспедиции в ходе проверки была установлена утрата материальных ценностей (автомашины, паровые котлы, кран и пр.). В результате начальнику Новосибирской экспедиции Данилову, которому подчинялась и партия, возглавляемая Салмановым, было поручено проверить бухгалтерские документы, а материалы проверки предписывалось направить в прокуратуру для привлечения виновных к уголовной ответственности и возмещения ущерба[139]. Исходя из этого, самовольная перевозка оборудования и материалов из Кемеровской области в Сургут не могла пройти бесследно для Салманова как руководителя.

Согласно смете перебазировки, из с. Ивановка в с. Сургут с помощью речного флота подлежало перевезти станки КАМ-500, привод ПБД-54, насосы ЗИФ-200/40, обсадные трубы на 127 мм и штанги, электростанция

[138] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 571. Л. 15-16.
[139] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 571. Л. 21.

КАМ-46 и двигатель к ней, бензодвигатели, токарные и сверлильные станки, электромоторы, сварочный агрегат, паровой котел, пилорама. Трюмы барж были загружены запасными частями к буровому оборудования и транспорту, бочками с ГСМ, спецодеждой и небольшим количеством домашних вещей работников партии. Техника состояла из тракторов С-80 и АТЗ-НАТИ. На баржи были погружены автомашины ЗИС-150, ЗИС-151, ГАЗ-63, ГАЗ-67, а также 10 рубленных деревянных срубов в разобранном виде вместо 16 запланированных изначально[140]. Отказаться от 6 домов потребовалось из-за дефицита места для других необходимых вещей, поскольку комплектование необходимым оборудованием геологоразведочной партии могло быть осуществлено лишь с началом навигации 1958 года[141].

Наличие согласованных на уровне главка документов определенно придавало большую решительность действиям Ф.К. Салманова, не противоречащим организационно-правовой документации Новосибирского геологического треста. К тому же в это время уже действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 года «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятия и учреждений и за прогулы без уважительной причины»[142]. Максимальное взыскание, которое было возможным при несоблюдении субординации, учитывая действия в рамках плана работы, утвержденного Министерством, – это выговор, который кардинальным образом ничего не менял. Данное подтверждение находим в мемуарах Ф.К. Салманова: «Крепко поругали, однако наказывать не стали»[143]. «Узнав, что караван движется по Оби на Север, мои руководители в один голос заявили о непозволительности таких «выходок»… Но, поостынув, решили не возвращать уплывшую нефтеразведку. Буровиков из Ивановки все равно предстояло перевозить… Трест решал вопрос об усилении сургутского участка еще двумя, тремя

[140] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1 Д. 12. ЛЛ.6-8.
[141] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[142] ГАНО. Ф. Р-1169. Оп. 4. Д. 67. Л. 23.
[143] Салманов Ф.К. Я - политик. М, 2006. С. 59.

бригадами. Их тоже снимут с бесперспективных кузбазсских площадей», – делился воспоминаниями Ф.К. Салманов[144].

Наиболее вероятная и аргументированная версия переезда партии геологов заключается в том, что Ф.К. Салманов своими законными действиями «ускорил» принятие решения, обеспечив положительный исход для себя и своей разведки. В конце 1970-х годов столичный режиссер, изучая Салманова как прототипа главного героя в многосерийном фильме «Стратегия риска», сделал не для печати интересный вывод: «Салманов досконально изучил все писаные и неписаные законы партийно-хозяйственного аппарата для того, чтобы уметь их обойти». Несколько позднее, уже в конце 1990-х годов, Салманов ответил задавшему об этом вопрос журналисту: «Он (режиссёр – авт.) вообще прав, что там»[145]. Ретроспективно Фарман Курбанович как бы примерял лавры описанного Полом Грегори «умного хозяйственника» – гибкого управленца, добивавшегося результатов путем нарушения правил, но избежавшего разоблачения[146].

Именно поведение Салманова в логике «умного хозяйственника» позволило создать бюрократическое прикрытие всего процесса, ведь главным препятствием перебазировки являлось согласование на выезд в иной район Кемеровским обкомом партии состоящих на регистрационном учете работников разведки. Данным вопросом должен был заниматься трест, являвшийся связующим звеном между профильной организацией геологов и органами государственной власти. Кемеровский обком партии был безусловно заинтересован в открытии месторождений нефти и газа для промышленных предприятий на территории области. Любые отрицательные доводы о перспективности региона воспринимались болезненно, что требовало дальнейших поисков и подтверждения «негативной оценки». В

[144] Салманов Ф. По следам первых // Юность. 1980. № 9. С. 15-16.
[145] Стратегия риска. ВГТРК-Тюмень. 1999. 02.31 – 02.55 мин.
[146] Gregory P. Soviet Bureaucratic Behaviour: Khozyaistvenniki and Apparatchiki // Soviet Studies. 1989. № 4 (Volume 41). P. 511-522.

мемуарах Ф.К. Салманов вспоминал: «Я прибыл в Крапивинский райком КПСС, чтобы взять открепительный листок. Ивановка находилась на территории Крапивинского района, и геологи состояли здесь на партийном учете… В заявлении я настаивал на завершении поисковых работ на территории Крапивинского района. Было проведено расследование, но группа ученых-геологов не поддержала столь категоричных выводов… Не годиться ставить личные интересы выше интересов целого района»[147].

Кемеровский обком партии продолжительное время держал на контроле всю ситуацию с поиском месторождений. Даже в момент разбора «дела Салманова» секретарь Кемеровского обкома Е.З. Разумов подтверждал данный тезис[148]. Именно он в итоге, понимая и разделяя стратегию геологического поиска, повлиял на положительное для геологов решение. Ослабление геологической группировки в Кемеровской области не входило в круг интересов региональных властей. Однако промедление могло негативно отразиться на Ф.К. Салманове и его коллегах. С началом ледостава переезд в Приобье в 1957 году становился невозможным. В таком случае партия Салманова не могла перебазироваться в Сургут, а была бы направлена на Борисовскую площадь (Кемеровская область) для выяснения ее перспектив. До выполнения полного объема работ на новой площади геологи не могли покидать ее и перемещаться на новое место изысканий. Это подтверждают и участники первого десанта[149]. Вследствие этого мечтавший об открытии сибирской нефти Салманов прикладывал все усилия, чтобы перебазировка состоялась именно в 1957 году.

К тому же до начала перебазировки была проведена большая подготовительная работа. В начале 1957 года трест «Запсибнефтегеология» направил сургутским властям ходатайство о возможности выделения для геологоразведчиков территории под строительство будущего жилого посёлка

[147] Салманов Ф. По следам первых // Юность. 1980. № 9. С. 14-16.
[148] Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М, 2003. С. 138.
[149] Интервью Иванова В.Н., Пискулина В.А., Пискулиной И.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012, 2009, 2022.

и производственной базы. Согласно решению Сургутского райисполкома №102 от 25 апреля 1957 года геологам было выделено 5 га земли в поселке Чёрный Мыс, в северной части «Затона», из которых под строительство производственных объектов отводилось 3 га, а под строительство жилых домов – 2 га[150]. В мае 1957 года с целью ознакомления с будущим местом базирования партии в Сургут лично прибыли П.И. Данилов и Ф.К. Салманов. В результате переговоров было окончательно определено место будущего поселка и базы геологов, а также получена поддержка райкома партии в делах геологоразведчиков[151].

Несмотря на положительный исход запроса, руководство треста до последнего сомневалось в необходимости переброски людей и оборудования в такой спешке. Помимо упорства обкома партии, новосибирский трест опасался не уложиться в период окончания речной навигации, невозможностью возврата речного транспорта, что грозило финансовыми издержками. Перебазировка, которую планировал трест, вполне могла состояться уже в следующем году, с чем Салманов не мог мириться[152]. То, что переброска геологов в Сургут состоялась ~~в~~ раньше запланированного срока, безусловная заслуга Ф.К. Салманова, но факт «побега» и откровенного «самовольничества» здесь отсутствует.

Именно в Сибири Салманов показал себя как «умный хозяйственник», способный отыскать ресурсы и предложить инновационные решения. Как и положено успешному управленцу, он обладал связями и проникал за пределы профильного министерства. Используя рассогласованность действий инстанций на уровне обкома и треста, но располагая согласованным на межведомственном уровне необходимым «геологическим пакетом» документов, Ф.К. Салманов смог осуществить переезд в Сургут, за что не понес существенных взысканий как административного, так и уголовного

[150] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 113. Л. 84.
[151] Салманов Ф.К. Я - политик. М, 2006. С. 58.
[152] Пахотин С.С. Сургутские геологи наступают и выигрывают // Западная Сибирь: история поиска. 1940-1975 гг. Ч.1. 2007. С. 110-111.

характера. Этим объясняется то, что ни партия, ни оборудование не были возвращены назад, а сам Салманов сохранил руководящую должность и стал начальником Юганской разведки структурно-поискового бурения. Активность Салманова может быть прочитана и интерпретирована в логике спора о «реальных линиях» власти – в частности, с позиций экономических историков П. Грегори и А. Маркевича. В этом случае «обросший» мифами «побег» может быть показан как «транзакционная издержка» в «игре» ведомств на уровне главк/министерство/обком, а в личностном плане интерпретирован как «оппортунизм»/вынужденные действия на благо плана в форме автономных действий отдельного управленца[153].

В вопросах проведения перебазировки, количества задействованных барж и численного состава геологов, прибывших на работу в Сургут, также до сих пор нет единого мнения, что породило множество домыслов.

Секретарь А.Н. Герасимова-Романова вспоминала: «…в 1957 году сюда приехали 29 семей. На двух баржах добирались. Оборудование кое-какое привезли, на первое время необходимое: две машины, одна на ходу, другая для запчастей, два трактора, десять деревянных домиков сложили, чтоб на первый случай куда-то нам определиться»[154]. Ф.К. Салманов в мемуарах писал: «Два десятка семей рабочих записались тотчас, а к моменту, когда прибыли семь барж, еще столько же сделали выбор в пользу Сургута».[155]

Историк А.И. Прищепа, ссылаясь на мемуары председателя Сургутского горисполкома П.А. Мунарева, также упоминает об «июльском приказе министра геологии СССР о перебазировании в Сургут Ново-Грязненской экспедиции» (правильно читать партия – авт.) и двух баржах на которые было погружено огромное количество грузов и оборудования геологов (650 т.)[156].

---

[153] Gregory P., Markevich A. Creating Soviet Industry: The House That Stalin Built // Slavic Review. 2002. № 4 (Volume 61) P. 787-814.
[154] Воспоминания Герасимовой А.Н. // Видеоархив ОАО «Обьнефтегазгеология». 01 ч. 48 м; архив МБУК «СКМ» НВ-962. С.1.
[155] Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М, 2003. С. 115.
[156] Прищепа А.И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. Сургут, 2015. С. 25.

С.С. Пахотин, один из первых, кто научно подошел к теме исследования сургутских геологов, писал: «…в сентябре далекого 1957 года причалили четыре баржи Ново-Грязненской геологоразведочной экспедиции... переход барж, переброска оборудования, людей (около 70 человек)»[157]. Однако, несмотря на его научный вклад в тему, необходимо скептически отнестись к представленным исследователем данным. Многие факты содержат искажения и ошибки. К примеру, наименование «Нижне-Грязненская экспедиция» вместо партии; переброска в августе-сентябре части «геофизической партии из Томской области» вместо геологической из Кемеровской области; «рабочий поселок Сургут» вместо села Сургут; и др.[158]

Непосредственные участники первого десанта геологов в Сургут конкретизировали многие детали перебазировки. В.Н. Иванов рассказывал: «Мы отчалили с Ивановки – 7 барж, в Томске была присоединена восьмая. По грузоподъемности баржи были разными. Люди ехали в трюмной. Порядка 40 человек нас было. На восьмой барже ехали те, кто присоединился в Томске. На остальных мы везли 8 тракторов и машин, 10 разобранных домов с Ивановки, два станка, и прочий скарб. Тянули баржи четыре катера. Долго добирались. В Кемерово мы стояли несколько дней. Это же не так просто, как рассказывается, взяли и втихаря уплыли. Пока маршруты этим капитанам оформили, все документы. А то рассказывают, чёрт знает что. Рацию не включали: дело то в том, что в то время место установки рации необходимо было зарегистрировано в органах»[159]. Радиоприемник, с которым геологи прибыли в Сургут, в настоящий момент является уникальным экспонатом, входящим в фондовое собрание МБУК «Сургутский краеведческий музей» *(Приложение А. Рис. 14).*

Супруги Пискулины (В.А. и И.И. – авт.), на момент отъезда сыгравшие свадьбу, подтверждают сведения В.Н. Иванова: «За четыре дня разобрали десять рубленных домов… поплыли на семи баржах, разместились в трюмах

[157] Пахотин С.С. Не-путеводитель по нефтегазовой столице России. б.м., 2019. С. 54.
[158] Пахотин С.С. Не-путеводитель по нефтегазовой столице России. б.м., 2019. С. 54, 55, 57, 58.
[159] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.

более тридцати человек… Плыли только днем, на ночь причаливали к берегу... Причалили 13 сентября на Чёрном Мысу, где речной порт сейчас, а тогда был просто песчаный берег»[160].

П.К. Рогинский, непосредственно не принимавший участие в перебазировке, но активно участвовавший в её подготовке отмечал, что «…женщины и дети были погружены в трюмные баржи, на которых, конечно, не было никаких удобств. В двадцатых числах августа наш караван отправлялся в путь…»[161].

Согласно смете на перебазировку, штат Юганской разведки должен был составить 77 человек, в число которых входили 12 работников ИТР и 65 рабочих[162]. В непосредственном приказе № 4 по Юганской разведке структурно-поискового бурения, подписанном Ф.К. Салмановым от 28 сентября 1957 года, значится 34 человека с исправлением этой цифры на 40 (вероятно, оставлялось место для дозачисления в штат разведки – авт.)[163] *(Приложение А. Рис. 15).*

Это подтверждает факт того, что Грязненская партия была разделена на две части. Часть коллектива осталась на работе в первоначальном районе нефтепоиска под руководством А.И. Лежнина, другая во главе с Ф.К. Салмановым переехала на изыскания в Сургут [164].

Таким образом, 13 сентября 1957 года на сургутский берег Оби высадились работники Нижне-Грязненской партии структурно-поискового бурения, прибывшие из Кемеровской области. В Сургуте была образована Юганская разведка структурно-поискового бурения, которая уже в следующем году была реорганизована в Сургутскую нефтеразведку. Геологи во главе с начальником партии Фарманом Салмановым выступили

[160] Задорожная Е. Судьба на двоих // Сургутские ведомости. 11 августа 2007. № 31 (302). С. 8.
[161] История СНРЭ. Воспоминания, рассказы о людях-первооткрывателях: 1957-1985 гг. Ч. 2. Авт.-сост. Каденкова Л.Е. Тюмень, 1985. МБУК «СКМ» НВ-9316. С. 443.
[162] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.
[163] Геологи Среднего Приобья: 65 лет пути / Под общ. ред. А.Н. Тюрина и В.В. Рашевского. Сургут, Тюмень. 2023. С. 34.
[164] Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М, 2003. С. 116.

первопроходцами, в задачи которых входило формирование необходимой инфраструктуры для дальнейшего расширения географии работ.

Всё необходимое на первое время нефтеразведчики привезли с собой на баржах из села Ивановка: оборудование, разобранные дома, тракторы, автомобиль, снаряжение[165]. В границах современных улиц Терешковой и Щепеткина (в конце 1950-х годов это улицы Новая и Сосновая – авт.) началось формирование первого посёлка геологоразведчиков и их производственной базы. Сейчас на месте этого посёлка по адресу ул. Терешковой д. 49 располагается Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова». Дом, построенный в конце 1957 года, в котором проживал Ф.К. Салманов, сохранился до настоящего времени. В 2013 году он был признан объектом культурного наследия регионального значения *(Приложение А. Рис. 16).*

До окончания 1957 года в задачи прибывших геологов входило проведение работ по обустройству Сургутской площади на договорных началах для Колпашевской конторы разведочного бурения. Согласно договору, подлежало освоить 400 тыс. руб., фактическое выполнение работ составило 488 тыс. руб. Из них на строительство жилых зданий выделено 224 тыс. руб., производственных зданий – 87 тыс. руб[166]. Были возведены жилые дома, контора с радиостанцией, магазин, красный уголок, продуктовый и материальный склады, склад для цемента и горюче-смазочных материалов, электростанцию, котельная, навес для оборудования, столовая и причал[167]. Более подробно процесс формирования первого поселка геологов и производственной базы описан в статье автора[168].

Сургутские геологи подготовили первичную инфраструктуру для выполнения поставленных задач по активизации геологоразведочных работ в районе среднего течения реки Обь. В условиях слаборазвитой

[165] Салманов Ф.К. Сибирь – судьба моя. М., 1988. С. 69.
[166] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.
[167] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 11. Л. 4-5.
[168] Рашевский В.В. Плацдарм «большой нефти»: первый посёлок геологоразведчиков в Сургуте // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2023. №1 (61). С. 96-105.

инфраструктуры Севера, сурового климата и скудного материально-технического снабжения формирование полноценной базы первых геологов в Сургуте позволило оптимистично оценить перспективы дальнейшего геологического изучения региона. К этому моменту Новосибирский геологический трест продолжил наращивать геологический контингент в перспективном районе и, согласно дальнейшему плану, подготовил следующую группу геологов для работ в Среднем Приобье.

Видится вероятным, что именно в 1958 году первые геологи и прибыли бы на место работ, начав реализацию намеченного плана геологоразведочных работ. Однако целеустремленность молодого азербайджанского геолога позволила ускорить этот процесс. К началу нового года в районном центре Среднего Приобья уже базировалась разведка геологов новосибирского треста, что существенно облегчало дальнейшую координацию действий, помощь в снабжении и работе разрозненных партий, прибывающих в новый район поисковых работ. В мемуарах Ф.К. Салманова можно найти следующее: «Скудные запасы с основной базы передавали остро нуждающимся. Каждую трубу и мешок с реагентами делили с боем, безжалостно «раскулачивая» сам Сургут»[169].

Несомненно, «Салмановский десант» выступил в роли одного из главных акторов процесса освоения, став ключевой единицей в истории нефтепоиска на этапе развертывания поисковых работ, что сместило акценты по отношению к другим событиям. Ряд вновь организуемых партий заключали в себе «локальные поисковые миссии», отсутствие результата в работе которых могло замедлить открытие первых месторождений.

За исключением редких упоминаний в работах историков, материалах региональных средств массовой информации, вопросы организации и проведения «второго десанта геологов» из Кемеровской области, продолживших линию Новосибирского геологического треста, не нашли

[169] Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М, 2003. С. 158.

должного освещения[170]. Речь идет о геологоразведчиках, прибывших в 1958 году в Локосово и Пим (Сургутский район – авт.). Основанием для быстрого решения вопроса по формированию новых геологоразведочных единиц послужили данные сейсморазведки, полученные по обскому профилю[171]. Проведенные работы предопределили дальнейшую корректировку вектора геологического изучения, что отразилось на общей организации нефтепоиска в регионе.

Бывшей Колпашевской конторой разведочного бурения во втором квартале 1958 года были организованы три самостоятельных буровых участка: Сургутский в с. Сургут, Нижне-Мысовской в дер. Локосово Сургутского района, расположенного в 90 км вверх по р. Оби от с. Сургут, и Пимский буровой участок на острове Солка вниз реки Оби по течению от с. Сургут на расстоянии 70 км. После ликвидации Колпашевской конторы бурения, 1 сентября 1958 года, была организована Сургутская нефтеразведка, в состав которой вошли Сургутский, Пимский и Нижне-Мысовской буровые участки, а позднее передана и Юганская разведка структурно-поискового бурения[172]. Новые партии продолжили вектор первого десанта во главе с Салмановым, но в более сложных условиях и практически на позиции самообеспечения. Это объяснялось неповоротливостью Новосибирского треста в виду большого удаления от мест ведения работ и сезонностью навигационного периода.

Согласно документам, Пимский участок по бурению структурно-поисковых скважин на Пимской площади был организован в апреле 1958 года на острове Солка. Его задачами являлись доставка бурового оборудования, разобранных жилых и производственных помещений с Пудинской и Нарымской разведок и обеспечение необходимыми

[170] Комгорт М.В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень, 2008. 189 с.; Локосово. Страницы истории. – URL: https://ugra.mk.ru/articles/2010/09/29/532745-lokosovo-stranitsyi-istorii.html; Локосово. История поселения. – URL: https://lokosovo.ru/o-nas/istoriya-poseleniya.php; Федотов В.А. Первые шаги // Новый город. 14.09.2007. № 172 (2819). С. 9.

[171] Обновленная Югра. К 40-летию Ханты-Мансийского национального округа / Салманов Ф.К. Путь к большой нефти. Свердловск. 1970. С. 60.

[172] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 769. Л. 58.

материалами до следующей навигации. Одновременно к концу ноября требовалось построить буровую и за оставшееся время до конца года начать работы.

Прибывшие первые 12 работников высадились на остров и в первую очередь построили для себя шалаши из жердей, покрыв их прошлогодней травой. До конца июля проводилась работа по расчистке площадки под будущее строительство. По прибытии материалов для домов геологического городка работники приступили к сборке, установке и постройке жилых, культурно-бытовых и производственных помещений[173].

Нижне-Мысовской буровой участок по бурению поисково-структурной скважины на Мысовской площади также был организован в апреле 1958 года. В задачи участка входила заброска бурового оборудования, разобранных жилых домов, леса и других материалов для постройки культурно-бытовых и производственных помещений. Параллельно с этим проводились работы по строительству буровой, которую необходимо было ввести в эксплуатацию до 15 ноября[174].

Перебазировка геологов началась с открытием навигации. «20 мая 1958 года отправились с Колпашево, с оборудованием плыли по Оби на барже 19 дней до Локосово... На барже никаких условий не было. Три недели плыли в трюме, а сверху все оборудование находилось: 2 буровых станка 3Д (буровая установка Уралмаш 3Д, предназначенная для бурения скважин глубиной до 5000 метров – авт.), трактор и машина ЗИС-151. Один станок в Нижневартовске разгрузили, а второй в Локосово»[175], – рассказывает И.Ф. Волков. «Матери с маленькими детьми плыли в катере. Вещей с собой особо не было, только кровать, постельное белье да одеяло, немного посуды. Простыней на проволоке отгораживались и плыли. От полчищ комаров спасались, натягивая полога»[176], – делится воспоминаниями К.В. Волкова.

[173] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 769. Л. 59, 68.
[174] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 769. Л. 58-59.
[175] Интервью Волкова И.Ф. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[176] Интервью Волковой. К.В. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.

В дате прибытия геологов обнаружено несоответствие. В документах фигурирует 15 июня, в то время как участники десанта утверждают другое: «8 июня утром первые пять семей причалили к посёлку Локосово»[177]. П.В. Рындин, непосредственный участник перебазировки, дает объяснение этому факту: «Прибыли мы в Локосово 8 июня, в солнечное утро. Не с шиком добирались, но неплохо. По документам нам на дорогу времени было до середины июня, как помню, но мы быстро добрались. Знали, что теплое время года нужно использовать с пользой, обустроиться и переходить к работе»[178]. Вероятно, документация на переезд геологов была оформлена до 15 июня с запасом для непредвиденных обстоятельств.

Архивные материалы фиксируют еще ряд неоднозначных сведений: «15 июня прибыли первые грузы и 70 человек работников. Сразу же началось строительство жилых домов в количестве необходимого для обеспечения работников участка. Эта работа в основном была закончена к 1 ноября 1958 года»[179]. По свидетельству очевидцев, для организации мест проживания работников помощника дизелиста В. Сальникова отправили в командировку с целью подбора жилья: «Мы приехали, домов своих не было. Женщин сразу по квартирам развезли, а мужики разгружали все. Потом в августе, когда всех перевезли, жили до начала учебы в школе, в палатках»[180]. «Бараки, которые с ними доставили из Гришкино и Колпашево, начали строить самостроем. Днем работали, вечером строились, сами стены штукатурили, складывали печи. И в конце октября 1958 года мы в свои дома переехали»[181], – рассказывал И.Ф. Волков. Общая численность участка по документам составляла 70 человек, однако сначала прибыли лишь пять семей, кто должен был провести подготовительный этап работ для приезда остальных работников.

[177] Интервью Волкова И.Ф. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[178] Интервью Рындина П.В. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2011 г.
[179] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 769. Л. 58-59, 66.
[180] Интервью Рындина П.В. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2011 г.
[181] Интервью Волкова И.Ф. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.

С прибытием нефтеразведчиков началось формирование локального пространства геологов и их интеграция в провинциальную жизнь сибирской деревни. «Салмановский десант» 1957 года формировал свою базу в районном центре, где находился очаг общественной жизни. «В Сургуте испокон веков жили. А Черный Мыс, поселок с краю, где мы обосновались, формировался. Соединяла их улица Центральная. В Сургуте была советская власть, я имею в виду и райком партии, и райисполком, также магазины, школа, почта, больница»[182], – припоминал Е.А. Тепляков. Транспортный узел райцентра, через который проходило снабжение продовольствием и оборудованием, был более разветвленным, чем у геологов второго десанта. Многие организационные трудности разведчикам компенсировала инфраструктура Сургута, чего не могли себе позволить в Пиме и Локосово. Геологи второго десанта во многом сами стали носителями цивилизации, новаторами и покорителями северной «романтики».

Коренной житель Локосово Ю.Е. Тверетин вспоминал: «Когда в Локосово высадился десант, у нас же там практически ничего не было. Ни бульдозера, ни машины не было. А тут цивилизация пришла. Они стали себе дома по типу общежития строить, буровую вышку, в деревне появились объекты, которыми все жители стали пользоваться»[183].

Несмотря на неповоротливость Новосибирского треста, геологи даже с минимальными возможностями воспринимались как носители цивилизационных благ индустриальной эпохи, отождествляющихся населением с советской властью, делегировавшей улучшение жизни людей. Б.Н. Шиян подтверждает данный тезис: «Партия, попадая в такие удаленные уголочки, представляла во многом советскую власть. Не юридическую. Местное население обращалось за помощью – не только материальной, но и организационной. Человека, например, санавиацией вывезти, если очень

[182] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[183] Интервью Тверетина Ю.Е. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2017 г.

тяжелый случай по здоровью»[184]. К.В. Волкова вспоминала: «Иван мой водителем был, и эту машину с Кемеровской области сюда привезли. Она первая появилась в 1958 году в Локосово. Так детвора за ним бегала, катать приходилось. В основном там был гужевой транспорт. Определили место под строительство, корчевали, тротуары положили. Без них нельзя даже было ходить, там болото. В бараке, где мы поселились, проживало 8 семей, одноэтажное строение. Малосемейки, еще меньше были, там 12 семей. Всего семь бараков было, при них контора. Отапливались дровами, заготавливали и пилили их сами».[185] Однако условия проживания оставались тяжелыми, что было отмечено на X районной партконференции в декабре 1958 года: «Особенно плохие жилищно-бытовые условия разведчиков в Пимской и Нижне-Мысовской разведках»[186].

В возведенной инфраструктуре, несмотря на новизну, читалась её временность: в задачи геологов входило расширение зоны поиска, а не развитие социально-хозяйственной сферы. Данное обстоятельство было обусловлено стремлением форсировать выполнение производственных задач, что также отразилось в указанном документе: «Необходимо к концу года начать бурение Нижне-Мысовской поисково-структурной скважины». Данный тезис прослеживался и в дальнейшем, что несомненно отражалось на комфорте и быте работников геологической отрасли. В мемуарах Ю.Г. Эрвье читаем: «…мы строим геологоразведочные базы в заведомо перспективных районах с расчетом длительного пребывания там экспедиций и разведки с этих баз большого количества структур».[187] Исходя из этого Сургут, в отличие других населенных пунктов, воспринимался как центровой узел геологического поиска и соответствовал требуемым параметрам для развертывания работ по поиску углеводородного сырья в Среднем Приобье.

[184] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[185] Интервью Волковой. К.В. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[186] Нефть и газ Тюмени в документах. 1901-1965 гг. Свердловск, 1971. С. 156.
[187] Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты. Свердловск, Ср-Урал. книж. изд., 1968. С. 82.

Более подробную информацию о формировании инфраструктуры геологов второго десанта в Сургутском районе можно найти в статье автора[188].

Таким образом, смещение геологоразведчиков в район Среднего Приобья стало закономерным итогом интенсивного нефтепоиска послевоенного периода. Десант первых геологов в Сургут, ставший широко известным не только благодаря славным трудовым победам, но и укоренившемуся в общественном сознании мифа о «самовольном побеге», являлся логичным продолжением геологической политики.

Прибытие первых геологов стало следствием умелого «лавирования» Ф.К. Салманова в среде ведомственной вертикали без ноты «самоуправства». Данное обстоятельство позволило обеспечить выполнение поставленного плана по организации геологической единицы на территории Среднего Приобья. Сургутские геологи стали главенствующим звеном для дальнейшего расширения геологического потенциала в районе проведения работ по поиску нефтяных месторождений.

1.3 Сургутская нефтеразведочная экспедиция: формирование, численность, структура

Юганская разведка структурно-поискового бурения была организована приказом по тресту «Запсибнефтегеология» официально начав работу 01 ноября 1957 года. В задачу разведки в первую очередь входило обустройство геологов на Сургутской, Нижне-Мысовской и Пимской площадях[189] (приказ № 143 об организации разведки был издан 30 октября 1957 г.[190] – авт.).

Формирование новой геологической единицы на территории Среднего Приобья началось с организации производственной инфраструктуры геологов и возведения социокультурных объектов и жилых домов. Выбор места под расположение базы, согласованный ранее с сургутскими властями,

[188] Рашевский В.В. В поисках «большой нефти»: «второй десант» геологов 1958 года в Среднее Приобье // Вестник СурГПУ. №6 (81). 2022. С.142-152.
[189] Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф.100. Оп.2. Д.41. Л. 32, 65.
[190] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 661. Л. 8.

был обусловлен рядом причин. Во-первых, имели значение близость подъездных путей и удобство разгрузки. Баржи заходили в речку Чёрная, вблизи которой и формировалась база геологоразведчиков. Во-вторых, согласно решению райисполкома, строительство объектов должно было учитывать планировку застройки посёлка Чёрный Мыс. Окраина посёлка точно подходила под указанные параметры. Территория базы формировалась с учетом компактного и удобного расположения многих производственных объектов, которые позволяли организовать полноценный рабочий процесс. За короткое время были построены гараж, механическая мастерская, навес для оборудования, конюшня, материальный склад, наполовину закончено строительство котельной, кузницы, завершалось строительство помещения под контору и общежитие[191] *(Приложение А. Рис. 17).*

В бюджете на 1958 год только на обустройство, было заложено свыше 1 млн. рублей, из них на жилищное строительство определено около 800 тыс. рублей[192]. Согласно воспоминаниям, Ф.К. Салманова, к концу 1957 года у геологов действовали электростанция и механическая мастерская, завершалось строительство нескольких жилых домов, магазина, клуба, конторы, складов. К лету 1958 года было возведено здание конторы, гараж, мехмастерская, новые дома[193].

«Базу называли РКТБ (ремонтно-комплектовочная техническая база – авт.). В ее ограде бурилась первая сургутская опорная, потом ей присвоили 5, и она стала № 51. А на самом деле по документам она была № 1. Это был центр нашей производственной базы, а все объекты располагались вокруг скважины. За ней, за сараем для глинистого раствора, начинались мастерская, механическая мастерская, в которой были токарные станки. Рядом с мастерской была кочегарка, которая отапливала буровую установку зимой, все мехмастерские и контору», – вспоминает Е.А. Тепляков[194].

[191] Рашевский В.В. Плацдарм «Большой нефти»: первый поселок геологоразведчиков в Сургуте // Вестник Нижневартовсокго государственного университета. №1(61). 2023. С. 101.
[192] Увеличим скорость бурения // К победе коммунизма. 28 февраля 1958. № 25 (1798). С. 3.
[193] Салманов Ф.К. Сибирь – судьба моя. М, 1988. С. 74, 78
[194] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

После испытания скважины в 1960 году геологи получили приток артезианской воды, которую стали использовать для своих нужд. Применяли воду для приготовления компрессов, часть жителей употребляла её для питья, а также для водных процедур (*Приложение А. Рис.18).* «При кочегарке у нас была маленькая такая банишка, баней назвать трудно, так, помыться. Но с паром… К окончанию улицы Новой, в сторону леса, были расположены мастерские. Забор, огораживающий базу, начинался от Сосновой улицы и протягивался вплоть до леса. Вдоль этого забора шли склады, которыми заведовала М. Г. Демина», – рассказывает Е.А. Тепляков[195].

«По окончании складов стоял домик, где коллекторы и буровые мастера были, фельдшерский пункт. Дальше на углу стоял столярный цех, а поперек него кузница, навес и к бурению построили цементный склад», – дополняет В.Н. Иванов[196].

Административное здание сургутских геологов, контора партии также расположились в черте первого посёлка. С момента образования Юганской разведки структурно-поискового бурения и до появления Сургутской нефтеразведки контора несколько раз сменила своё месторасположение. С момента прибытия геологи арендовали здание пристани под контору на зимний период, а также при содействии секретаря райкома для них была освобождена часть складских помещений под прибывшие грузы[197]. «Здание пристани, пассажирский вокзал были сданы под контору экспедиции и общежитие холостяков, а также часть складских помещений, находившихся между складами Райрыболовпотребсоюза и территорией гидропорта, для части груза, который нельзя было хранить под открытым небом», – уточняет В.А. Пискулин[198].

С согласия руководства пароходства геологи занимали эти площади до апреля 1958 года. Е.А. Тепляков вспоминает: «В здании речного вокзала, где

[195] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[196] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[197] Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М, 2003. С. 122.
[198] Интервью Пискулина В.А. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2009 г.

контору сделали, мы ничего не трогали. Как вывески висели, так и остались там: начальник пристани, комната матери и ребенка, бухгалтерия. Мой геологический отдел, правда, геологический отдел назвать было трудно – он из двух человек состоял: я и Перегудов Олег, коллектор, располагался в курительной, по-моему, комнате. Так вот эту зиму пережили. А потом уже весной переехали в свою первую контору Юганской разведки, она расположилась в домишке, где заканчивается улица Новая. А контору Сургутской нефтеразведка, которая в 1958 году сформировалась, построили на углу базы у Сосновой улицы ближе к 1959 году»[199] *(Приложение А. Рис. 19).*

Этот факт отмечает еще один первопроходец В.Н. Иванов: «На углу улицы Сосновой поставили привезенный клуб. Там сделали контору Сургутской нефтеразведочной экспедиции. Дальше по улице, за конторой, были ворота с проходной, и строился наш новый клуб. За ним уже появился магазин, далее по улице»[200].

Инфраструктура базового поселка не изобиловала разнообразием, но обеспечивала жителей всем необходимым в период становления нефтеразведки. Дома геологов отапливались дровами. Все удобства были на улице. Воду жители поселка брали в колодце. «Колодец у нас был один на всех. По улице Новой, посередине почти, напротив салмановского дома, мы выкопали колодец метров 4 глубиной. И все ходили в этот колодец за водой. Скважина под воду появилась позже, когда поселок уже стал разрастаться. А до этого весь наш околоточек, даже с другой стороны улицы Новой (часть улицы, в сторону Оби, по началу не имела названия – авт.), через Сосновую, ходили в этот колодец за водой. Один был на весь поселок», – рассказывает Е.А. Тепляков[201].

Обеспечение посёлка геологов электроэнергией первое время решалось за счет ресурсов посёлка Чёрный Мыс. «Чёрный Мыс был уже

[199] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[200] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[201] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

электрифицирован от рыбокомбината. Я жил не так далеко от нашей конторы, у тети Фени. У них уже свет был от рыбокомбината. Это 1957 год, электричество было в домах»[202]. С началом строительства домов электростанция была построена в первую очередь, что обеспечило электрификацию всего посёлка[203]. Также свое электричество было необходимо для организации бурения первой глубокой скважины в Сургуте. «Для обеспечения работы буровой, дизелей и прочего оборудования электростанция была необходима. Брала она не так много, запас прочности был, на этот посёлок хватало», – вспоминал В.А. Пискулин[204].

На 1 января 1958 года штат Юганской разведки структурно-поискового бурения состоял из 117 человек, в том числе ИТР – 26 человек, служащих – 6 человек, 85 – рабочих[205]. Средний возраст работников составлял 30 лет: самому старшему было 62 года, самому молодому 18 лет. В штате числилось 8 женщин, 7 человек являлись членами КПСС, 7 – членами ВЛКСМ. Подавляющее большинство сотрудников были русскими по национальности[206]. Как воспоминает Ф.К. Салманов, на начальном этапе становления нефтеразведки на подсобные работы были привлечены более пятидесяти местных жителей, большинство из которых составляли калмыки[207]. После снятия ограничений по спецпоселению (март 1956 года) было разрешено заключать индивидуальные трудовые договоры с калмыками, что особенно практиковалось в рыбной промышленности[208]. В геологической отрасли калмыки трудились преимущественно по временной и сдельной системе оплаты труда на период выполнения определенных краткосрочных задач, что объясняет их отсутствие в штатном расписании нефтеразведки. Первопроходец В.А. Пискулин вспоминал: «Многие местные,

[202] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[203] Салманов Ф.К. Сибирь – судьба моя. М, 1988. С. 134.
[204] Интервью Пискулина В.А. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2009 г.
[205] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 26. Л. 78-82.
[206] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 26. Л. 100-106.
[207] Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М, 2003. С. 132.
[208] Иванов А.С. «Изъять, как антисоветский элемент…»: Калмыки в государственной политике (1943-1959 гг.). М, 2014. С. 87.

в том числе калмыки были, работали на заготовке леса, выполняли другую подсобную работу. Потом, когда всё сдавали, их рассчитывали, и они уходили»[209]. «Многие из сургутян на период отдыха, продолжительного или вне сезона, когда основного труда не было, приходили к нам на работу. Когда начиналась своя основная работа, они снова возвращались обратно. Это для них дополнительный заработок был», – уточняет В.С. Теплякова[210].

Таблица 1.1 – Национальный состав работников Юганской разведки структурно-поискового бурения на 01.01.1958 г.[211]

Национальность	**Количество работающих**
Русский	99
Азербайджанец	1
Латыш	1
Татарин	4
Молдован	3
Калмык	1
Украинец	4
Поляк	1
Румын	2
Удмурт	1

Статистические данные об уровне образования первопроходцев позволяют сделать вывод, что большая часть первых работников разведки окончили средние школы с 4 по 7 класс (90 человек), один человек был неграмотный, сотрудников с высшим и средне-специальным образованием было 8 человек.

Таблица 1.2 – Уровень образования работников Юганской разведки структурно-поискового бурения на 01.01.1958 г.[212]

Уровень образования	**Количество работающих**
Не грамотный	1
1 класс	1
2 класса	4

[209] Интервью Пискулина В.А. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2009 г.
[210] Интервью Тепляковой В.С. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2014 г.
[211] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 26. Л. 100-106.
[212] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 26. Л. 100-106.

3 класса	8
4 класса	31
5 классов	16
6 классов	18
7 классов	25
8 классов	2
9 классов	3
Среднетехническое	3
Высшее	5

13 октября 1958 года начальник Сургутской нефтеразведки Ф.К. Салманов утвердил штат административно-управленческого и производственно-цехового персонала в составе 63 человека с месячным фондом зарплаты 83 тысячи 13 рублей[213], в который входило 19 человек административно-управленческого персонала, 42 – производственно-цехового персонала и 2 – медицинского персонала *(Приложение Б. Таблица. 1)*[214].

Таким образом, в 1958 году в структуру нефтеразведки уже входили Пимский, Нижне-Мысовской, Юганский буровые участки.

На 30 декабря 1958 года личный состав Сургутской нефтеразведочной экспедиции составлял 394 человека, в том числе 48 женщин. Средний возраст также оставался на уровне 30-ти лет. Самому молодому работнику было 15 лет, самому старому – 70 лет. В экспедиции уже трудилось 34 члена КПСС, 5 кандидатов в члены КПСС и 40 членов ВЛКСМ[215].

С увеличением численности личного состава стал разнообразнее и национальный состав работников экспедиции, но по-прежнему с численным доминированием русских в коллективе. На конец 1958 года в составе нефтеразведчиков наибольшее национальное представительство было у русских, украинцев, татар, белорусов и мордвин *(Приложение Б. Таблица 2.)*. Согласно переписи населения 1959 года, подобные показатели были закономерной тенденцией. В этнической структуре региона доля русского

[213] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 13. Л. 281-283.
[214] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 13. Л. 274-275.
[215] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 26. Л. 300-314.

населения также преобладала, составив 72,5 %, остальные национальности были представлены в следующем соотношении: коренные национальности ханты, манси и ненцы – 14,5 %, украинцы – 3,5 %, татары – 2,4 %, коми и коми-пермяки – 2,3 %, немцы – 1,7 %, белорусы – 1 %[216].

В последующий период, особенно с момента открытия нефтяных месторождений и дальнейшей активизацией геологоразведочных работ, в делопроизводственной документации Сургутской нефтеразведочной экспедиции отсутствует подробная градация по национальному признаку, как и по многим другим аспектам (образование, партийность и пр.). Однако продолжала преобладать тенденция, характерная для численного состава всей территории округа. К 1970 году доля русских продолжала оставаться доминирующей, количество татар, украинцев, белорусов также удерживало лидирующие позиции[217]. Стоит отметить, что в Тюменском геологическом управлении трудились люди более 30 национальностей. Среди них были русские, азербайджанцы, армяне, украинцы, белорусы, казахи, молдаване, евреи, корейцы, татары, башкиры, немцы, чеченцы и другие[218].

Один из первых исследователей темы сургутской геологии С.С. Пахотин в своей работе приводит данные, которые в целом не противоречат анализу имеющихся архивных данных. Так, в составе Сургутской нефтеразведки трудились представители 21 национальности, доля мужчин составляла 88 %, многие из работников были беспартийные с начальным или общим средним образованием[219].

Более 70 % работников имели образование 4-7 классов (290 человек), увеличилось число работников, окончивших старшую среднюю школу (9-10 классов), в 10 раз возросла численность работников со среднетехническим, в 3 раза – с высшим образованием. В то же время жители региона характеризовались низким образовательным уровнем. На конец 1950-х годов

[216] Стась И.Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.). Курган, 2018. С. 100.
[217] Стась И.Н. Там же. С. 103.
[218] Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М, 2003. С. 547.
[219] Пахотин С.С. Не-путеводитель по нефтегазовой столице России. б.м., 2019. С. 211.

64,7 % населения составляли лица, имеющие начальное и не имеющие образования. Из этого числа 39,1 % – граждане не имеющие образования[220].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что уровень образования среди геологов был существенно выше среднего показателя по региону. Это в очередной раз подтверждает тезис о том, что геологи ассоциировались у местного населения как «носители цивилизации и прогрессивных веяний».

Таблица 1.3 – Уровень образования работников Сургутской нефтеразведочной экспедиции на 31.12.1958[221]

Уровень образования	**Количество работающих**
Не грамотный	4
1 класс	2
2 класса	6
3 класса	9
4 класса	79
5 классов	58
6 классов	46
7 классов	107
8 классов	22
9 классов	9
10 классов	10
Среднее	30
Высшее	13

Пополнение кадрового потенциала происходило за счет вновь прибывших из других регионов страны. Преимущественно это были люди, завершившие обучение в профильных образовательных учреждениях из разных уголков Советского Союза: Москва, Грозный, Томск, Свердловск, Краснодар, Новосибирск, Саратов, Асбест, Тобольск, Магадан, Колпашево, Прокопьевск, Львов, Ленинград[222]. Штат нефтеразведчиков также пополнялся за счет прибывающих специалистов из нефтяных регионов страны, особенно после открытия первых месторождений, в числе которых

[220] Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960-2000-е гг.). Тюмень, 2010. С. 167.
[221] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 26. Л. 300-314.
[222] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 26. Л. 294-296.

были Азербайджан, Кавказ, Башкирия, Татария и др[223]. Отдельно стоит отметить позицию тюменской школы исследователей, которые отмечают, что формами комплектования кадров геологии до начала становления нефтегазодобывающего района (Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс – авт.) являлись: прием на работу силами самого предприятия – 63,1 %, перевод – 32,5 %, оргнабор – 3,89 %, прием выпускников вузов и техникумов – 0,5 %[224]. Лишь с конца 1963 года государство обязало руководителей разных уровней проводить целенаправленную работу по формированию трудовых коллективов. Руководители должны были освобождать в порядке перевода работников, изъявивших желание перейти на постоянную работу в предприятия геологической отрасли Тюменской области, а также было принято решение об открытии в Тюмени специализированного учебного заведения, готовившего кадры для нефтегазовой промышленности[225].

Эти формы комплектования были применимы и для сургутских геологов. Однако процентное соотношение выделенных исследователями форм было иным. По воспоминаниям ветеранов, основными способами пополнения штата геологоразведчиков в период активного геологического поиска выступали приезд работников из других регионов страны или перераспределение внутри производственных коллективов, направление в северные нефтеразведки молодых специалистов после окончания учебных заведений, привлечение сезонных и временных работников на местах[226]. Б.А. Шамсутдинов отмечал: «В Усть-Балык я попал по направлению из Сургутской экспедиции. Мы с женой приехали на барже. Нам выдали палатку, постель и спецодежду, и уже через три часа я вышел на работу»[227].

---

[223] Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М, 2003. С. 146.

[224] Карпов В.П. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта / В.П. Карпов, Г.Ю. Колева, Н.Ю. Гаврилова, М.В. Комгорт, А.И. Тимошенко. Тюмень, 2011. С. 170.

[225] Карпов В.П. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта / В.П. Карпов, Г.Ю. Колева, Н.Ю. Гаврилова, М.В. Комгорт, А.И. Тимошенко. Тюмень, 2011. С. 168.

[226] Составлено на основании интервью Теплякова Е.А., Халиловой Л.И., Шияна Б.И., Федотова В.А.// Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.; г. Сургут, 2019 г.; г. Ханты-Мансийск, 2012 г.; г. Сургут, 2022 г.

[227] Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958-1972 гг.): в документах и воспоминаниях. Авт.-сост. Н.К. Эскина. Нефтеюганск, 2004. С. 47.

Геофизик А.Н. Задоенко подтверждал данный тезис: «Томский политехнический институт я окончил в 1959 году. Было у нас распределение. Но приехал Щербаков Юрий Александрович, отсюда уже, хантыйский, и перед самым отъездом, перед вручением дипломов, он сказал: «Ребята, мы вас всех завербовали на Север». И из наших групп, у нас две было группы геофизиков, 33 человека поехали»[228].

Уже к началу 1959 года основные работы по созданию первоочередных объектов инфраструктуры посёлка геологов были завершены. Об этом на митинге по случаю начала бурения первой скважины в Сургуте заявил начальник Сургутской нефтеразведочной экспедиции Ф.К. Салманов: «Поставленная перед нашим коллективом задача разбивается на несколько этапов. Первый этап – создание для себя жилищно-бытовых условий – выполнен успешно. Построен геологородок, в котором мы живём, построена электростанция, услугами которой мы пользуемся круглые сутки, построен детский сад, где находятся наши дети, построен магазин, который обеспечивает основные наши потребности, построены производственные помещения, в которых мы работаем»[229].

Несмотря на доклад Ф.К. Салманова, работа по формированию и обустройству посёлка геологов продолжалась. Дальнейшее наращивание работ в Среднем Приобье, несомненно, приводило к увеличению штата геологоразведчиков. Это требовало строительства новых жилых площадей. Застройка велась как на территории сформированного посёлка по улицам Озерной и Школьной, что находились в непосредственной близости от улицы Новой, так и по улице Сосновой. Уже в 1960-е годы посёлок геологов стал перемещаться ближе к Сургуту. Часть новых домов геологов, а также их новая контора расположились по улице Центральной (в настоящее время улица Мелик-Карамова – авт.). Согласно воспоминаниям Т. В. Салмановой, «контору геофизиков построили рядом с современной гостиницей «Геолог»

[228] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[229] Пробурены первые метры // К победе коммунизма. 23 января 1959. № 10 (1935). С. 1.

(на ул. Федорова – авт.). Рядом три дома на берегу. Это были наши дома геофизиков, а дальше геологи. Позже рядом, строили временные домики прям до самого порта»[230].

В 1959 году численность административно-управленческого персонала увеличилась до 20 человек[231], на конец 1959 года она составила 31 человек[232], в 1960-1961 годах – 42 человека[233]. Увеличение было вызвано укрупнением отдельных участков работ, где формировался свой штат административно-управленческого персонала.

В августе 1959 года приказом начальника Главного управления геологии и охраны недр при Совете Министров РСФСР С. В. Горюнова все геологоразведочные работы на нефть и газ, проводившиеся в Сургутском и Ларьякском районах, а также организации, занятые на этих работах, были переведены из Новосибирского в Тюменское геологическое управление. Передаче подлежали нефтеразведки, геофизические партии и отряды, транспортные, ремонтные, строительные и прочие предприятия. В связи с чем были проведены дальнейшие преобразования структуры сургутских геологов[234].

Приказом по Тюменскому геологическому управлению за № 195 от 10 сентября 1959 года на базе Сургутской нефтеразведки глубокого бурения с 1 сентября 1959 года образовывалась Сургутская комплексная геологоразведочная экспедиция с прямым подчинением Тюменскому геологическому управлению, в состав которой вошли:

– Нижне-Вартовская партия глубокого разведывательного бурения;

– Охтеурская партия глубокого разведывательного бурения;

– Обская партия структурно-поискового бурения;

– Нижнее-Мысовской участок глубокого бурения;

---

[230] Интервью Салмановой Т.В. // Полевые материалы автора г. Москва, 2024 г.
[231] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 13. Л. 352-354.
[232] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 13. Л. 370-371.
[233] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 13. Л. 393-394, 581.
[234] Карпов В.П. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта / В.П. Карпов, Г.Ю. Колева, Н.Ю. Гаврилова, М.В. Комгорт, А.И. Тимошенко. Тюмень, 2011. С. 77-78.

– Пимский участок глубокого бурения;

– Юганский участок глубокого бурения.

В связи с сокращением объема буровых работ по Обской партии структурно-поискового бурения приказом по экспедиции за № 397 от 19 сентября 1959 года был организован Сургутский участок глубокого бурения, в состав которого вошли Обская партия структурно-поискового бурения и Сургутский участок глубокого бурения Сургутской нефтеразведки[235].

Для реализации программы дальнейшего геофизического исследования территории создавались полевые сейсмические партии (преимущественно каждая партия работала сезон, после чего подлежала реорганизации – авт.). К примеру, в полевом сезоне 1959-1960 годов функционировали: Пилюгинская одноотрядная (82 человека), Люспайская одноотрядная (79 человек), Корликовская одноприборная (77 человек), Вахская двухприборная (98 человек) и Локосовская одноприборная партии (70 человек)[236]. Ввиду сезонности работ и специфики выполняемой работы численность партий постоянно варьировалась.

Буровые работы Сургутской комплексной геологоразведочной экспедиции были сосредоточены на отрезке вдоль широтного течения р. Оби между с. Тундрино на западе и с. Ларьяк на востоке на р. Вах. В административном отношении территория работ располагалась в Сургутском и Ларьякском (Нижневартовском – авт.) районах[237].

Сургутская комплексная геологоразведочная экспедиция объединила все ранее существовавшие геофизические, сейсмические, структурно-поисковые партии и нефтеразведки двух административных районов Сургутского и Ларьякского, что безусловно напрямую отразилось на увеличении численности коллектива в два раза в 1959 году по сравнению с предыдущим годом. На протяжении всего исследуемого периода численность нефтеразведки неуклонно увеличивалась, за исключением 1963

[235] Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-1903. Оп.1 Д.73 а. Л. 30.
[236] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 13. Л. 200-209.
[237] ГАТО. Ф. Р-1903. Оп.1 Д.73а. Л. 30.

года. Падение численных показателей объясняется образованием на основе партий Сургутской нефтеразведочной экспедиции – Усть-Балыкской и Мегионской экспедиций.

Таблица 1.4 – Среднесписочная численность работающих Сургутской нефтеразведочной экспедиции (1958-1965 гг.)[238]

Год	01.01. 1958	30.12. 1958	01.12. 1959	01.01. 1960	01.01. 1961	1962	1963	1964	1965
численность	117	394	789	801	1034	1150	985	1216	1432

В 1960 году в структуре нефтеразведки появились: ремонтно-комплексная база, транспортная база, мастерская по ремонту геофизических приборов, строительный участок.

В 1960 году основной задачей было разбуривание Пимской, Сургутской, Нижне-Мысовской, Мегионской и Нижневартовской площадей с целью изучения разреза нефтеносности мезозойных отложений Сургутского Приобья, а также подготовка новых структур под глубокое разведочное бурение сейсморазведкой, для чего с 1 января 1960 года в состав Сургутской экспедиции были переданы из Средне-Обской комплексной геофизической экспедиции пять сейсморазведочных партий: Пилюгинская, Люк-Пайская, Корликовская, Вахская, Локосовская[239].

После 1 января 1960 года увеличение числа работающих произошло в основном после приема из Новосибирского управления геофизических партий. Тем самым на 1 января 1960 года в экспедиции числилось работающих 801 человек: 601 рабочий, 161 ИТР, из которых с высшим образованием – 39 человек, со средне-техническим – 55 человек, практиков – 67 человек, 30 служащих и 9 младшего обслуживающего персонала[240].

[238] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 26. Л. 100-106, 300-314; Д. 53. Л. 50; Д. 91. Л. 177; Д. 274. Л.18. Ф. 10. Оп. 1. Д. 247. Л. 36; ГАСПИТО. Ф. Р-3967. Оп. 1. Д. 16. Л. 83
[239] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 53. Л. 23.
[240] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 91. Л. 10.

После 15 августа 1960 года в связи с переходом на семичасовой рабочий день и упорядочение заработной платы многие штатные единицы ИТР перешли в должности служащих[241].

Основными источниками комплектования кадров являлись направления от геологического управления, перевод из других экспедиций и уже в меньшей степени – прием людей на месте самой организацией, что не было характерно на начальных этапах становления нефтеразведки. Регулярно штат экспедиции пополнялся молодыми специалистами после окончания учебных заведений, к примеру, в 1960 году прибыло 8 молодых специалистов[242].

Кроме того, как и во многих предприятиях советской промышленности, в экспедиции наблюдалась текучесть кадров. К примеру, в 1960 году прибыло 566 человек, выбыло по разным причинам 379 человек[243]. Рост количества увольнений объяснялся ликвидацией 4 сейсмических партий, работавших зимой 1960-1961 годов.[244]. За 9 месяцев 1961 года было принято 489 человек, уволено – 363 человека[245].

Сезонный характер работы приводил к постоянному перераспределению кадров. Так, в связи с окончанием полевых работ и ликвидацией Северо-Сургутской сейсмической партии с 10 апреля 1961 года на ее базе была организована группа из 17 человек по ремонту тракторов, балков, оборудования, 10 человек были переведены в летнюю сейсмическую партию, 5 человек сократили[246].

Анализ отрывочных данных о численном изменении кадров позволяет утверждать, что в исследуемый период текучесть кадров сохранялась, количество принятых и уволенных оставалось высоким.

[241] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 91. Л. 11.
[242] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 91. Л. 26.
[243] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 91. Л. 15.
[244] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 114. Л. 41.
[245] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 115. Л. 26.
[246] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 114. Л. 99.

Таблица 1.5 – Текучесть рабочих кадров Сургутской нефтеразведочной экспедиции 1963-1965 гг.[247]

Год	Среднесписочная численность рабочих	Принято	Уволено
1963	985	1062	839
1964	1216	1012	845
1965	1432	720	1204

Несмотря на то, что в архивных документах отсутствуют систематические данные по текучести кадров, по имеющимся в нашем распоряжении архивным данным можно сделать вывод, что причины оставались одинаковыми на протяжении всего рассматриваемого периода.

Таблица 1.6 – Причины текучести специалистов Сургутской нефтеразведочной экспедиции 1963-1965 гг.[248]

Причины выбытия	1963				1964				1965			
	в/о	ср/о	практики	мол. спец-ты	в/о	ср/о	практики	мол. спец-ты	в/о	ср/о	практики	мол. спец-ты
Собственное желание	6	1	5	1	5	0	2	2	2	7	9	1
Перевод в другие предприятия	4	5	6	6	2	3	5	8	3	4	7	9
Уход в армию	1	2	3	3	1	-	3	3	-	1	2	1
По семейным обстоятельствам	1	1	2	-	-	1	3	-	-		-	1
Другие причины	1	3	2	-	1	-	3	-	-		-	-

В категорию «другие причины» включали: сокращение штата, нарушения трудовой дисциплины, смерть, окончание договора, уход на пенсию.

[247] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 274. Л. 18.
[248] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 274. Л. 17.

Согласно официальной статистике, в большинстве случаев увольнения происходили по собственному желанию, а также в связи с переводом в другие организации, сокращением штатной численности, небольшая часть – за нарушения трудовой дисциплины, прогулы, по окончании трудового договора, за систематическое нарушение правил внутреннего распорядка, связанного с алкогольным опьянением, за несоответствие занимаемой должности, по причине ухода в армию, выходу на пенсию и смерти. Одна из основных категорий увольнения «по собственному желанию» напрямую была связана с условиями жизни. Вот как вспоминает об этом А.И. Гомберг: «Многие не выдерживали не сурового климата, а отсутствия условий, жилья не было толком нормального. Может, и хотели работать, но жены, особенно если дети были, ставили вопрос вплоть до ультиматума. Такого много было… Не то чтобы отдельный дом или комната, даже порой обычного балка не было, особенно когда народ активно поехал сюда на Север»[249]. В Сургутской нефтеразведке в 1959 году выбыло из состава 67 человек, в том числе по собственному желанию 40 человек, где увольнение произошло в основном по причинам отсутствия жилищной площади[250].

В 1961 году в структуру нефтеразведки добавились: Средне-Обская промыслово-геофизическая партия, аэросейсмическая партия, Усть-Балыкская партия глубокого бурения, оформительное бюро, отдел технического снабжения.

В штатную структуру экспедиции зачастую вносились изменения: так, к примеру, в 1961 году из штатного расписания был исключен инженер по технике безопасности, а вводилась должность старшего инженера по технике безопасности и охране труда[251].

В начале 1960-х годов число работающих превысило тысячу человек, включая 180 ИТР (43 – с высшим образованием, 86 – со среднетехническим), численность рабочих составила 788 человек, кроме того в штате работало 58

[249] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[250] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 53. Л. 50.
[251] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 13. Л. 522.

служащих и 8 младшего обслуживающего персонала *(Приложение Б. Таблица 3).* География геологоразведочных работ на территории Приобья значительно увеличилась по сравнению с 1950-ми годами, что в свою очередь прямым образом повысило количество задействованных в работах людей.

С целью своевременного выполнения постановления Совета Министров СССР № 471 от 19 мая 1962 года «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири» с 1 августа 1962 года была организована Усть-Балыкская экспедиция на базе бывшей Усть-Балыкской партии Сургутской экспедиции[252].

Кроме того, в 1962 году в структуре нефтеразведки появился жилищно-коммунальный отдел численностью 29 человек[253], ремонтно-механический цех (5 человек), автотракторный парк (3 человека), флот (2 человека), гравиметрическая лаборатория (ГМЛ) (3 человека), строительный участок (17 человек)[254], промыслово-геофизическая партия (23 человека)[255], Тайлаковский буровой участок (3 человека)[256], лаборатория (4 человека), химическая лаборатория (4 человека), камерально-оформительское бюро (8 человек)[257], выделившиеся в обособленные организации Усть-Балыкская и Мегионская нефтеразведочные экспедиции[258].

В связи с необходимостью повышения профессиональных навыков сотрудников пристальное внимание в экспедиции уделялось их обучению. Наиболее распространенной формой подготовки кадров было индивидуальное и бригадное обучение, обучение на курсах и школах ФЗО. При экспедиции создавались курсы (в том числе во вновь образованных Усть-Балыкской и Мегионской НРЭ – авт.), которые повышали

[252] Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп.1. Д. 4358. Л. 27.
[253] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 123. Л. 30.
[254] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 123. Л. 31.
[255] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 123. Л. 39-40.
[256] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 123. Л. 51.
[257] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 123. Л. 63, 77-78.
[258] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 123. Л. 86.

квалификацию работников, в том числе с помощью цикла лекторских занятий, проводимых руководителями и заведующими отдельными подразделениями экспедиций. Например, в 1963 году курс лекций был прочитан И.Г. Шаповаловым, Ф.К. Салмановым, И.В. Леоновым, Е.А. Тепляковым и др[259]. «Нас с Ф. К. Салмановым на парткоме обязали читать лекции для коллектива. Я комсоргом еще был, работал с молодежью. Но Салманов не всегда мог успеть в силу загруженности на производстве, тогда приходилось подменять его. Народ кто ходил, кто сачковал»[260], – вспоминает Е.А. Тепляков.

Также практиковалось обучение с отрывом и без отрыва производства. В 1962 году обучение на курсах без отрыва от производства прошло 14 судостроителей и 15 судомехаников. С отрывом от производства в г. Тюмени – 6 кочегаров, 2 дизелиста, 1 монтажник. Путем организации индивидуального обучения были подготовлены 1 слесарь, 1 токарь, 2 чертежника. По обмену опытом ездили на родственные предприятия 11 человек ИТР. 17 человек обучались в школе рабочей молодежи, 2 человека были направлены на обучение в вузы за счет предприятия. По 13 человек заочно обучалось в институтах и техникумах[261].

В 1964-1965 годах в экспедиции училось: в вузах заочно – 16 человек, в аспирантуре – 1, по направлению экспедиции с отрывом от производства – 7 человек, в техникумах заочно – 12 человек. В техникумах с отрывом от производства – 2 человека. На 10-месячных курсах при институтах – 7 человек, а 24 человека обучались на курсах подготовки рабочих кадров[262].

В 1963 году при экспедиции была создана комиссия по содействию заочно обучающимся и учащимся школ рабочей молодежи, а также по ликвидации неграмотности и малограмотности[263].

---

[259] Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958-1972 гг.): в документах и воспоминаниях. Авт.-сост. Н.К. Эскина. Нефтеюганск, 2004. С. 38.
[260] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2016 г.
[261] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 168. Л. 250.
[262] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 275. Л. 79.
[263] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 202. Л. 10.

Повышение квалификации проходило через школы по изучению передовых методов труда, курсы целевого назначения, производственно-технические курсы.

Штатное расписание административно-управленческого персонала не изменялось с 1962 года *(Приложение Б. Таблица 4)*. Но в связи с возросшим объемом работ, в частности план проходки увеличился в 3,2 раза, сейсморазведки – в 1,9 раза, гравиразведки – в 6,5 раз, геодезические работы – в 2,1 раза. В 1964 году повысили оклады отдельным категориям работников, были введены дополнительные штатные единицы *(Приложение Б. Таблица 5)*[264].

В целях ликвидации лишнего звена в управлении буровыми участками и дальнейшего сокращения административно-управленческого персонала в соответствии с приказом о реорганизации Сургутского участка глубокого бурения от 8 мая 1962 года № 112 с 07 мая 1962 года Сургутский участок глубокого бурения был реорганизован в Сургутский мастерский участок[265].

На 1 января 1963 года специалистов с высшим образованием было 60 человек (6 геологов, 34 геофизика, 11 буровиков, 4 геодезиста, 4 механика, 1 минеролог), 87 – со средним специальным образованием (5 геологов, 31 геофизик, 5 горных техников, 6 буровиков, 1 химик, 15 топографов-геодезистов, 3 механика, 2 техника-технолога, 2 плановика, 2 радиотехника, 4 медика, 3 техника-строителя, 5 техников-землеустроителей, 123 практика)[266]. На 1 января 1964 года с высшим специальным образованием – 73 человека, со среднетехническим специальным образованием – 101 человек[267]

В 1964 году в организационной структуре нефтеразведки появились: Сургутская опытно-методическая партия (15 человек), промыслово-геофизическая партия (30-50 человек), Нижневартовская радио-

[264] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 226. Л. 151-152.
[265] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 123. Л. 18.
[266] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 168. Л.227.
[267] ГАТО. Ф. Р-1903. Оп.1 Д.256. Л. 102.

геодезическая партия (31 человек), цех опробования скважин (19 человек), объединенная геодезическая партия (34 человека), Юганская аэрокосмическая партия (21 человек)[268].

К 1965 году произошло увеличение численности работающих в более чем 10 раз. К концу исследуемого периода общая численность работающих составила 1318 человек (995 мужчин и 323 женщины), 49 с высшим образованием, 58 со средним техническим образованием, 938 рабочих, 93 служащих и 86 младшего обслуживающего персонала.

Таблица 1.7 – Численность работающих в Сургутской нефтеразведочной экспедиции на 01.01.1966 [269]

Наименование	Всего работающих	С во	средним	практиков	рабочих	служащих	МОП
Аппарат экспедиции	61	20	11	11		19	
Цех бурения	307	9	8	16	267	5	2
ВМЦ	114	-	3	8	100	3	-
Промгеофизическая партия	48	1	8	10	23	5	1
Сейсмопартия	287	19	22	29	176	14	27
РТБ и ГМЛ	348	-	4	18	301	21	4
Детсад	39	-	-	-	2	17	20
Хозцех	114	-	2	2	69	9	32
Всего	1318	49	58	94	938	93	86
Членов КПСС	103	18	17	14	43	11	-
Членов ВЛКСМ	132	10	9	10	95	8	-
Беспартийных	1083	21	32	70	800	74	86
Мужчин	995	39	42	68	811	25	10
Женщин	323	10	16	26	127	68	76

Кроме того, к 1965 году функционировало 3 буровые бригады, 4 монтажные бригады, 2 бригады по апробированию скважин[270]. Это было вызвано значительной активизацией работ по поиску и открытию новых месторождений для их дальнейшей передачи в эксплуатацию нефтяникам. К тому же Западная Сибирь была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, а Сургут стал одним из главных центров по

[268] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 218. Л. 3, 50-51, 65, 80. 84.
[269] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 274. Л. 4-5.
[270] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 274. Л. 12.

работам нефтяного профиля, куда устремились молодежь и демобилизовавшиеся военнослужащие срочной службы.

Как видно из всех ранее представленных данных, начиная с 1963 г. делопроизводство в экспедиции велось неудовлетворительно. Ввиду увеличивающегося штата работников кадровики в силу разных причин уже не вели подробные списки сотрудников, как в первые годы существования Сургутской нефтеразведки. Поэтому сведения, представленные в таблицах, не позволяют провести полноценный анализ данныхм всего изучаемого периода. Лишь сопоставляя их с имеющимися общими данными и пониманием процессов, происходящих на исследуемой территории, можно говорить об определенных тенденциях.

Таким образом, сургутские геологи во главе с Ф.К. Салмановым, сформировавшие главный плацдарм для работ в Приобье, являлись основной структурой геологической отрасли региона. Она стала наиболее крупной экспедицией в районе Среднего Приобья. Всего к 1965 году в среднем течении Оби работало пять экспедиций: Сургутская, давшая начало Мегионской и Усть-Балыкской, Вахская и Правдинская[271]. Этот тезис находит своё подтверждение в собранных и проанализированных нами данных. Штатная численность работающих увеличилась с 117 до более чем тысячи человек. Происходило поступательное развитие организационной структуры, которая стала разноуровневой и разветвлённой, включив в свой состав все необходимые звенья производственной цепи: буровые партии, участки, отделы, цеха, геофизические организации и др. Силами геологов были реализованы инициативы по профессиональному совершенствованию и повышению уровня мастерства работающих. Основной формой подготовки кадров стало индивидуальное и бригадное обучение, также подготовка через курсы, школы ФЗО. Несмотря на прикладываемые со стороны государства и геологических организаций усилия по повышению уровня жизни и условий

[271] История СНРЭ. Воспоминания, рассказы о людях-первооткрывателях: 1957-1985 гг. Ч. 1. Авт.-сост. Каденкова Л.Е. Тюмень, 1985. МБУК «СКМ» НВ-9316. С. 81.

работы, «текучесть кадров» продолжала оставаться на высоком уровне, являясь важной проблемой производственной повседневности на протяжении всего исследуемого периода. Комплексный характер темы «текучки» включал множество факторов, но главным оставался жилищно-бытовой вопрос, отражающий противоречия развития страны послевоенной эпохи и наиболее ярко проявившейся в разнообразии и волатильности источников комплектования геологического коллектива.

Подводя итог первой главе, необходимо отметить, что планомерные изыскания послевоенного времени с консолидацией усилий ученого сообщества и практиков, внедрение передовых методик поиска (речная сейсморазведка), предопределили смещение вектора поиска в район Среднего Приобья. Именно на эту территорию прибыли новые коллективы нефтеразведчиков, в том числе и партия Ф.К. Салманова. Высадка в Сургуте первых геологов стала следствием умелого «лавирования» Ф.К. Салманова в среде бюрократических лазеек ведомственной вертикали без существенных нарушений производственной субординации, что полностью исключает фактор «самовольства и самоуправства».

Первый десант заложил фундамент будущего комплексного изучения территории, превратив Сургут в центровой узел нефтяного поиска Среднего Прибья. Второй десант геологов в Сургутское Приобье стал следующей частью реализации программы геологоразведочных изысканий, проводимых Новосибирским геологическим трестом на перспективных территориях. Вследствие специфики организации геологоразведочных работ партии были удалены от головного центра, что сказывалось на качественном снабжении оборудованием и прочими востребованными материалами. В ряде случаев «вторым партиям» геологов приходилось значительно сложнее, чем «первым», которые могли компенсировать существующие недостатки инфраструктурой и поддержкой районного центра. Геологи воспринимали себя как носителей цивилизации, которая проникала в глубинки северных территорий. Работники на местах были сконцентрированы не только на

выполнении производственных задач, но и на необходимости формирования бытовой инфраструктуры своими силами, зачастую носящей временный характер. Создавая инфраструктуру партии, в тоже время они оказывали влияние на уклад жизни сибиряков, который они рассматривали как «патриархальный», а самих его носителей как людей «отдалённых от районного центра» и «лишённых возможности доступа к элементарным благам цивилизации». Эти факторы ограничивали потенциал продвижения основных работ, выполнение задач, поставленных перед геологической единицей, и приводили увеличению сроков их реализации. Несомненно, прибывшие геологические партии 1957-1958 гг. повысили интенсивность изучения района поиска, в тоже время став неотъемлемой частью действительности и ландшафта сибирских поселений, достигая необходимого для выполнения производственных задач уровня взаимодействия и понимания с местными сообществами. Создание из разрозненных партий единого управленческого центра в Сургуте в виде Сургутской нефтеразведочной экспедиции предопределило дальнейшие условия геологоразведочных работ в регионе. Из состава Сургутской нефтеразведочной экспедиции в последующие годы были выделены участки, ставшие самодостаточными нефтеразведочными экспедициями. Они расширили вектор геологического поиска и включили в свой состав большой людской и материально-технический арсенал, что способствовало дальнейшему динамичному развитию геологической отрасли, приросту разведанных запасов углеводородного сырья в районах поиска, а также совершенствованию социально-бытовых условий трудящихся в условиях доминирования производственного фактора.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ГЕОЛОГОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ В КОНЦЕ 1940-х– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ

2.1 Организация снабжения и стратегии потребления

Реализация намеченного плана работ по поиску углеводородного сырья требовала комплексного организационного подхода во многих направлениях. Для функционирования геологоразведочных партий необходимо было наладить комплектование не только техническим арсеналом, но и обеспечить устойчивое снабжение продовольствием и товарами бытового потребления. На заре нефтепоиска в Западной Сибири, в конце 1940-х годов, ситуация с централизованной доставкой грузов была непростой. Снабжение работников продуктами производилось через местные торгующие организации и торговую сеть УРСа Министерства геологии[272]. В первой половине 1950-х годов рабочее снабжение «Запсибгеолуправления» осуществлялось силами Геолпродснаба. Однако, как следует из архивных документов, ассортимент товаров был весьма ограничен. Недостаточно выделялось крупы, сахара, мясных изделий, жиров, промтоваров. Во многих партиях не было организовано общественное питание, что вызывало трудности[273].

В послевоенный период устойчивое и полноценное снабжение геологических партий оставалось лишь пределом мечтаний, принуждая использовать собственные стратегии выживания. Часто геологи для компенсации плохого снабжения использовали местную торговую сеть. На партийном собрании Покурской буровой партии, проходившем 9 декабря 1950 года, было сказано, что вопрос со снабжением рабочих обстоял хуже, чем с медицинским обслуживанием. Хлеб выпекался недоброкачественный, а мука в торговой рознице отсутствовала. Товары продавались только местному населению. «Если у рабочих буровой партии не было денег, то в

[272] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1. Д. 37. Л. 18 об.
[273] ГАНО Ф. Р-1169. Оп. 3. Д. 1. Л. 44.

магазинах появлялись буквально все товары и, наоборот, если рабочие располагали денежными средствами, то в магазинах совершенно не было ничего, за исключением хлеба, соли и спиртных напитков»[274].

Снабжающие организации, учитывая сложности послевоенного времени, отдаленный от центральной части страны регион с сезонностью доставки товаров, рассчитывали завоз товаров, исходя из потребностей стационарного населения. Присутствие геологов, которые временно жили на территории и порой скупали провиант в местных магазинах, создавало дефицит товаров и вызывало недовольство у жителей. Это вынуждало поисковиков решать вопросы снабжения на местах. Групповой комитет профсоюза треста «Тюменьнефтегеология» даже в 1955 году отмечал, что экспедициям приходилось заключать договоры с торгующими организациями города[275].

С началом активного геологического освоения региона местные партийные органы, придавали большое значение вопросам снабжения. Сургутский райком КПСС в 1957 году сообщал обкому партии, что областной потребсоюз, базы поставщиков области и пароходство не принимали мер по завозу товаров в район, ставя под угрозу срыва нормальное обеспечение трудящихся продовольствием и промышленными товарами. Ими указывалось, что в связи с активизацией в районе геологоразведочных работ облпотребсоюз должен был увеличить фонды потребительских и продовольственных товаров на 5 % и обеспечить их завоз до конца года[276]. Вопрос снабжения находился на контроле у властей, осуществлявших координацию действий в решении поставленных задач. В 1960 году Тюменскому геологоразведочному управлению и областному управлению торговли было поручено улучшить организацию торговли и общественного питания в экспедициях и геологоразведочных партиях,

[274] ГАСПИТО. Ф. 2344. Оп. 1. Д. 65. Л. 9.
[275] ГАСПИТО Ф. 3967. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.
[276] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 3677. Л. 130.

обеспечив своевременный завоз необходимых продовольственных и промышленных товаров[277].

Наличие в местной торговой сети основных продуктов питания существенно упрощало снабжение нефтеразведчиков, численность которых постоянно росла. Е.А. Тепляков, который в 1957 году прибыл в Сургут, весьма подробно описал ситуацию с продуктами на месте базирования: «В магазинах в то время и набор-то был такой: мясо, рыба, картошка и крупы. Ассортимент был не богатый, но сытный... На берегу был магазин полуподвальный, прям на берегу р. Бардаковки. Там стояли бочки больших объемов. В одной бочке – брусника, в другой – клюква. В одном углу куропатки белые, в другом – тетерева, в третьем углу – рябчики. Дичи было много в углах накидано, тоже брали домой. А про рыбу я уже и не говорю, много было разной. Мы, когда приехали, воспользовались этим»[278] *(Приложение А. Рис. 20).*

Н.Е. Перепелюк-Кучеров, один из пионеров нефтепоиска, вспоминал: «В магазинах крупы, макароны, печенье – все было в коробочках. Рыбный магазин богатый был: от осетра, икры красной, черной до маленьких щучек, карасиков. Дичь, брусника. В Сургуте, в том же Затоне (один из районов – авт.), магазинчик находился по типу избы дореволюционной, назывался Мырлавка. Там многое было, все, что есть на Севере, начиная от кедрового ореха и ягод, заканчивая любой рыбой и дичью. Было плохо со свежими фруктами и овощами, мы их практически не видели. Сухат и консервированная продукция. Спиртное – спирт»[279].

Совсем иная ситуация складывалась в партиях, которые находились вдали от населенных пунктов. Удаленность части геологов от основных баз, отсутствие мест общего аккумулирования товаров для последующей развозки накладывало сложности в оперативной доставке товаров и необходимого провианта. Так, «в 1956 году в Назинскую партию было

[277] ГАСПИТО Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 16.
[278] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[279] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.

завезено мыло и немного товаров. В 1957 году – всего одна мука. Не было овощных консервов, фруктов, промтоваров, дрожжей. Продукты поступали недоброкачественные, консервы были испорченные, геологи получили четыре бочки колбасы, из которых две бочки пришлось выбросить. В Саргатке геологи жили три года, не было спичек, соли, детской одежды. Рабочие говорили руководству: если не будет сдвигов, то будут писать Хрущеву»[280].

Наиболее тяжелое положение было у геологов, находящихся в самых отдаленных от основных транспортных артерий уголках региона. На конец 1958 года Завьяловская нефтеразведка, самая северная по территории работы треста, очень плохо снабжалась продуктами. Сахар и масло геологи были вынуждены отвешивать буквально граммам. «Много не просим: дайте нам хлеба, сахара, масла, и мы будем довольны… У нас сейчас выехала машина за продуктами в Тюменский ОРС за 900 км, это безобразие»[281]. Работники Пимского участка, прибывшие на север в 1958 году, практически сразу просили начальника Новосибирского геологического управления оказать помощь в срочном завозе зимней спецодежды, продовольствия, промтоваров, строительных материалов, пиломатериалов, гвоздей, стекла, кирпича с учетом оторванности участка от местных торгующих организаций[282].

К фактору удаленности добавлялись и прочие проблемы, долгие годы не находившие решения. Так, в местах нахождения геологов не придавали должного значения подготовке необходимой инфраструктуры – складских помещений, ледников, овощехранилищ. В результате этого ежегодно недостаточно завозилось овощей, фруктов, овощных консервов, свежей рыбы, мяса, колбасных изделий. Неоднократные случаи порчи продуктов насилии систематический характер на протяжении всего исследуемого периода[283]. Только в Сургутской нефтеразведке в 1959 году был заморожен

[280] ГАНО Ф.Р-1470. Оп. 1. Д. 793. Л. 120.
[281] ГАНО Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 793. Л. 120.
[282] ГАСПИТО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 63. Л. 5.
[283] ГАСПИТО Ф. 3967. Оп. 1. Д. 1. Л. 87, 96.

лук на 25 тыс. рублей. Колбасные изделия портились из-за отсутствия ледников, холодильников–рефрижераторов. Строительство новых складов не всегда решало проблему из-за низкого качества постройки, поскольку «на складе столько грязи, что на бульдозере затягивает. Крыша плохая, большие щели, дождь идет и насквозь промокает. Спрашивается: куда везти продукты, где их хранить – негде»[284].

Отсутствие необходимого транспорта являлось еще одним слабым звеном. В распоряжении ОРС было мало техники, порой всего одна-две машины для перевозки грузов, что крайне затрудняло своевременную выгрузку и погрузку грузов. Сургутская экспедиция не выделяла автотранспорт ввиду больших поступлений своих производственных грузов[285].

Весьма часто наблюдалось неравномерное распределение товаров. Некоторые из них сосредотачивались в одном месте, где в них не было острой необходимости, в отличие от других участков работ. К примеру, в середине 1950-х годов в Шухтунгорте (Березовский район) работникам не хватало одеял, люди спали на двухэтажных нарах, а на складе Шеркалинской партии (Октябрьский район) лежали горы одеял и ржавели кровати[286]. Даже в период становления Правдинской экспедиции в 1964 году геологам крайне недоставало мясных консервов, варенья, компотов, печенья. Ничего не было из промтоваров, спецодежды для работников. В это же время Сургут был завален предметами хозяйственного обихода[287]. Вполне закономерно, что во вновь организуемых участках приходилось с нуля выстраивать весь механизм и структуру снабжения для налаживания стабильного обеспечения работающих основным ассортиментом продукции.

Сама организация завоза была регламентирована по сезону. Все мероприятия по доставке грузов ОРС всегда планировал к открытию

[284] ГАСПИТО Ф. 3967. Оп. 1. Д. 1. Л. 87, 88.
[285] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 187. Л. 114.
[286] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.
[287] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 28. Л. 23.

навигации. В летнее время преимущественно завозились продукты, пригодные к длительному хранению: сахар, чай, консервы, варенье, мука, крупы, макаронные изделия. Продукты, требующие особого хранения (мясо, рыба, колбасные изделия), начинали завозить~~ся~~ в четвертом квартале года в виду отсутствия ледников, холодильников и овощехранилищ[288].

Нередко допускались отклонения и от этой установленной нормы. Согласно докладу председателя Сургутского поселкового совета М.И. Кушникова, в 1960 году план завоза товаров не был выполнен к октябрю. К тому же он осуществлялся в основном за счет завоза спиртных напитков, консервов, особенно овощных и фруктовых. Не хватало масла, молочных продуктов, свежих овощей и фруктов[289]. Во многих магазинах не соблюдался ассортиментный минимум товаров. Случалось, что в продаже отсутствовали самые элементарные товары – хлеб, керосин, спички, соль[290]. В.Н. Иванов вспоминал: «Сургут обеспечивал Райрыболовпотребсоюз. В соседний магазин зашел: соль есть? Нет. Всё, не ходи никуда, нигде нет. Снабжение одно»[291].

Не всегда находился даже минимум товаров. В Сургуте, в восточной части поселка, в торговой сети отсутствовала рыба и мясо. Рабочим и служащим приходилось покупать мясо у частиков по 3 - 3,50 руб. за 1 кг. Наблюдались перебои в продаже молочных продуктов, ягод, грибов, дичи. Были случаи, когда торговцы привозили яйца из Ханты-Мансийска, Тобольска и продавали по завышенным ценам[292].

Геологи вносили поправки в стратегии потребления, порой весьма нестандартными способами, что позволяло компенсировать имеющиеся проблемы нехватки отдельных видов продукции. «В отпуске из Ростовской области мы чемодан яиц везли, каждое в бумажечке упаковано, и ведро вишневого варенья. В отпуск ездили раз в два года. Мед везли с собой,

[288] ГАСПИТО Ф. 3967. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
[289] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 146. Л. 3.
[290] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 179.
[291] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[292] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 6. Л. 57 об.

варенье»[293], – делилась воспоминаниями В.С. Теплякова. Т.В. Салманова вспоминала традиционный путь возвращения с отпуска: «Мы на пароходе возвращались, все с сумками, авоськами. Арбузы везли, картошку, помидоры, огурцы, помимо чемоданов с вещами. Всё через плечо и на руках, в зубах только не было»[294].

Необходимо отметить, что, согласно архивным данным, в конце 1950-х годов ОРСы завозили в партии и разведки малое количество основных овощей (картофель, лук, капуста – авт.), овощных консервов и колбасных изделий. Недостаточное внимание уделялось вопросу открытия в разведках хлебопекарен и столовых. Нефтеразведки плохо снабжались культтоварами, галантерейными товарами, трикотажем, головными зимними уборами, другими промтоварами[295]. При удовлетворительном обеспечении экспедиций и партий продовольствием ОРСы почти не имели в продаже валенок, полушубков, шапок, рукавиц, обуви и одежды, шерстяных трикотажных изделий[296]. Несмотря на то, что запас основных товаров старались поддерживать не ниже минимального ассортимента, трикотажных изделий, лезвий, одеколона, сапожного крема, трусов и т.д. недоставало.

Чтобы компенсировать нехватку, работники ОРСа геологоуправления не всегда занимались децентрализованными заготовками продовольственных товаров на местах. В магазинах Березово, который славился рыбной продукцией, порой нельзя было найти свежей рыбы[297]. Завоз часто производился несвоевременно, в ряде случаев в осенние месяцы, что создавало большие трудности по доставке товаров в дальние пункты. Поэтому значительная часть товаров завозилась уже по зимней дороге[298].

Часть завезенного не отвечало спросу покупателей, на базах и магазинах ОРСа находилось большое количество устаревших товаров, не

[293] Интервью Тепляковой В.С. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2014 г.
[294] Интервью Салмановой Т.В. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2016 г.
[295] ГАНО. Ф.Р-1470. Оп. 1. Д. 793. Л. 124.
[296] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1 Д. 220. Л. 35.
[297] ГАСПИТО Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 94-95.
[298] ГАХМАО Ф.100. Оп. 2 Д. 51. Л. 280.

пользующихся спросом. В первую очередь это было вызвано трудностями и сложностью организации завоза, поскольку большинство полевых партий были разобщены, расстояние до мест базирования составляло 700-800 километров. В первые годы работы Сургутской нефтеразведки продукты питания завозились из г. Колпашево, с базы ОРСа Новосибирского геологического управления, находящегося на расстоянии 907 км от Сургута[299]. Даже в 1965 году начальник Вахской нефтеразведочной экспедиции Н.М. Морозов отмечал, что снабжение товарами и продуктами проходило без учета заявок, а для регулярной торговли мясом и рыбой требовалось строительство ледника[300].

В связи с этими затруднениями в обеспечении партий товарами создавалось впечатление, что ОРСу было не под силу обслуживание такого большого количества разбросанных на обширной территории геологических единиц и актуализация ассортимента предлагаемых товаров[301]. Подобное положение порождало негативные отзывы в адрес снабжающих организаций. В каждой из экспедиций было по несколько человек персонала, которые занимались не только производственными делами, но и вопросами снабжения. С возложением всех обязанностей на ОРСы в экспедициях практически не осталось лиц, занимающихся вопросами снабжения, что приводило к трудностям[302]. В одном из документов сообщалочь, что «когда не было ОРСа в 1963-1964 годах, сейсмические партии были обеспечены говядиной, свининой, курами. Зимой были яблоки, цитрусовые. А в этом году – только лапша черная, мука и больше ничего. Ни колбас, ни яблок, ни яиц – ничего. Все работники говорили: как появился ОРС – снабжение стало хуже»[303]. В дальнейшем экспедиция вновь вернулась к практике привлечения специалиста по вопросам снабжения. К примеру, в Усть-Балыке был специальный инженер по снабжению, располагавший своим штатом и

[299] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.
[300] Забота о людях – главная задача // Тюменский геолог. 9 сентября 1965. № 36 (62) С. 1.
[301] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д.29. Л. 27.
[302] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 32.
[303] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 29. Л. 40

обеспечивающий буровые бригады всеми необходимыми продуктами питания и постельными принадлежностями[304].

Компенсировать недостатки завоза продукции экспедициям приходилось собственными силами, с отрывом от производственного процесса столь нужной техники и людских ресурсов. Руководитель Сургутской нефтеразведки Ф.К. Салманов отмечал: «Хотя мы и дальше всех, у нас есть сейчас мука и консервы. У нас продукты завезены флотом, но, отрывая флот, мы нанесли ущерб производству. Деньги по транспортировке перерасходовали, а у ОРСа прибыли»[305].

Подобные трудности в снабжении, как и нехватка основных видов продуктов, наблюдались и во вновь организуемых геологических участках. В рабочих поселках Мегионе, Урае, Нефтеюганске, Геологическом плохо была организована торговля товарами первой необходимости, допускались перебои в торговле хлебом, сахаром, мясными и молочными продуктами, солью, кондитерскими и табачными изделиями, обувью, посудой, верхней и детской одежды и другими товарами, имеющимися в достаточном количестве на базах и складах. Повсеместно в продаже отсутствовал картофель и свежие овощи. Во многих столовых в новых районах не было ледников и овощехранилищ, поэтому они оставались без свежего мяса, рыбы, картофеля, овощей[306]. В.С. Теплякова вспоминала: «С продуктами не совсем хорошо было, хотя магазин был, снабжение шло. Хлеб возили из деревни Усть-Балыка в Усть-Балык, который стал Нефтеюганском. Возили на лодках, поскольку машин не было. Хлеб в мешках мужчины перевозили на плечах. Приходилось ждать, когда разгрузят. Лишь позднее построили свою пекарню. Чтобы закупить продукты, нужно было ехать в деревню»[307]. Однако даже в крупных населенных пунктах возникали аналогичные сложности. Исполком Сургутского райсовета отмечал, что торговля хлебом и

[304] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп.1. Д. 4609. Л. 7.
[305] ГАНО Ф.Р-1470. Оп. 1. Д. 793. Л. 121.
[306] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 49.
[307] Интервью Тепляковой В.С. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2014 г.

продуктами зачастую организовывалась очень плохо, из-за этого в магазинах не было хлеба, овощей, мяса, рыбы. Отдельные продавцы допускали случаи пьянки в рабочее время[308].

Согласно документам, ОРС плохо торговал и не принимал мер в организации торговли такими промышленными товарами, как стаканы, тарелки, кастрюли, тары, ковши, чайники, доски стиральные, чемоданы, парфюмерия, имея очень узкий ассортимент[309]. Описание подобных проблем можно найти и на страницах газеты «Тюменский геолог», где Ф.К. Салманов в 1965 году заявлял об отсутствии в магазинах Правдинской экспедиции мебели, вилок, ножей, книг. В неполном объеме отгружались промышленные и продовольственные товары[310].

Несмотря на то, что в первые годы нефтепоиска периодически для завоза товаров и оборудования использовалась авиация, однако это было исключением ввиду низкой рентабельности. В сезон 1958 года ОРС Березовской экспедиции для обеспечения нужд и запросов работников был вынужден забрасывать продовольствие и товары авиатранспортом, что привело к потери государственных средств в размере около 600 тыс. рублей[311].

Основным видом транспорта для завоза продовольствия и промышленных товаров оставался речной флот. В состав Новосибирского треста входили десять катеров морского типа ЗД6 (150 л/с), десять катеров БМК (90 л/с), восемь самоходных паузков 2 ДСП (40 л/с), два теплохода и баржи разной тоннажности, в числе которых были несамоходные сухогрузные баржи – двенадцать (2 тонны) и четыре (1 тонн), а также несамоходные наливные баржи – четыре (350 т) и пять (1000 т)[312].

Завоз осуществлялся исключительно в период навигации, причем в ограниченном объеме и узком ассортименте. Из-за этого уже в декабре-

[308] ГАЮ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 55. Л. 333.
[309] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 28. Л. 53.
[310] Забота о людях – главная задача // Тюменский геолог. 9 сентября 1965. № 36 (62) С. 1.
[311] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 8. Л. 85.
[312] ГАНО Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 581. Л. 3.

январе жители большинства районов округа не могли приобрести даже самые необходимые товары: парфюмерию, галантерею, готовую одежду, посуду и литературу, не говоря уже о винно-водочных изделиях[313]. Вспоминает Л.И. Халилова: «Самолетами доставляли, но это дорого было. Не было особо ничего, только основные продукты и консервы. Был колбасный фарш, сосисочный фарш. Мы с нетерпением ждали первые теплоходы, когда приходили первые баржи с продуктами. Это как настоящий праздник был. Они привозили разные вкусности»[314].

Но первые баржи не всегда везли только продукты. План завоза товаров на Север корректировался за счет винно-водочной продукции. Напряженный труд, отсутствие благоустройства и комфортных жилых условий нередко компенсировались алкоголем. Вот что об этом говорит Г.П. Агафонова: «Ни для кого не являлось секретом, что первая баржа везла не овощи и фрукты, а в основном спирт и водку. В Березово и в деревнях еще в 1950-е годы, где были магазины, много пили. В столовых стаканы пахли или водкой, или одеколоном, – покупали подарочные наборы, выпивали одеколон, а духи и пудру дарили женщинам в камералке»[315].

С приходом первой баржи со спиртом население начинало пьянствовать, работа останавливалась. Некоторые начальники экспедиций, профсоюзные организации запрещали ежедневную торговлю водкой, за исключением субботы и воскресенья[316]. Практиковался запрет завоза спиртных напитков, что спровоцировало нехватку на местах сахара, одеколона и т.д. Однако спрос был велик, спиртные напитки продавались во всех магазинах и киосках[317].

Согласно архивным данным, выполнение плана завоза товаров в 1960 году в основном было обеспечено за счет винно-водочных изделий. Сверх

[313] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3771. Л. 146.
[314] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.
[315] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 121.
[316] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 29. Л. 47.
[317] ГАСПИТО. Ф. 2821. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

плана было завезено водки и другой винно-водочной продукции на сумму 139 тыс. рублей. Поставки спирта изначально не планировались, однако фактически его отгрузили на 975 тыс. рублей; с превышением лимитов поступил и ряд других товаров. В то же время фиксируется критическое невыполнение плана по продовольствию: макаронных изделий доставлено менее 25 %, а колбасных — менее 5 % от запланированного объема.)[318].

В 1962 году ОРСу геологии централизованно выделялось 5 тыс. дкл. водки, 3 тыс. дкл. виноградного вина, что в среднем приходилось на 13 тыс. работающих без членов семей или около 4 литров водки и 2 литров вина в год на человека[319]. Приоритет в завозе спиртосодержащей продукции сохранялся и в дальнейшем. В конце навигации 1964 года, когда склады были заполнены продуктами, поступило 3100 ящиков красного вина, что вынудило потеснить овощи и муку, которые оказались под открытым небом[320]. В Вахской экспедиции в 1965 году, согласно завезенной продукции, на каждого работающего приходилось 60 бутылок винно-водочных изделий в месяц[321].

Несмотря на подобный дисбаланс, продовольственная корзина оставалась приоритетной. В число доставляемых товаров включались наиболее востребование виды продукции. Согласно фондам по ОРСу треста «Тюменьнефтегазгеология» за 1957 год, перечень основных продуктов питания состоял из 34 наименований, а промтоваров из 56 позиций. В качестве дополнительной закупки товаров по ОРСу значилось еще 15 пунктов, среди которых – мандарины, яблоки, лук, макаронные изделия и ряд промышленных изделий[322] *(Приложение Б. Таблица 6)*.

Поставки продуктов шли с разных уголков Советского Союза. Согласно данным периодической печати, работники геологии «одобряли овощные консервированные супы и борщи Воронежского совнархоза и

[318] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.
[319] Муниципальный архив города Сургута.Ф.1. Оп.1. Д. 163. Л. 23.
[320] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.
[321] Забота о людях – главная задача / Тюменский геолог 9 сентября 1965. № 36 (62) С. 1.
[322] ГАТО. Ф. Р-1903. Оп. 1. Д. 20. Л. 50-52.

поругивали ставропольские консервы, где было много уксуса и соли»[323]. С юга страны поступали тонны свежих овощей, цитрусовых и помидоров, свежие огурцы, капуста, лук и другие овощи, направлявшиеся в экспедиции региона[324].

В последующий период снабжение удалось улучшить за счет расширения круга поставщиков нефтяной промышленности. Вспоминает Б.И. Шиян: «Снабжение было централизованным. ОРС «Главтюменьгеологии» был наименее богатым. А кто на нефти, нефтедобывающие, богаче были. И поэтому снабжение было бартерное. Что-то у нас было, что-то у них. Товаров повседневных не хватало. Это всегда завозилось, но такого разнообразия не было. Шло снабжение по ассортименту, если мясные продукты, консервы, то один-два вида. Завозилось баржами, очень часто все подмораживалось»[325].

Е.А. Тепляков рассказывал: «В 1964 году нефтяники пришли, снабжение капитальное было. У них уже всё отработано было. Мы со своего Черного Мыса в магазины к ним ездили в Таратыновку за продуктами (за районной больницей по ул. Энергетиков – авт.)»[326]. «В старом Сургуте был проммагазин, на Черном Мысу был отдельный магазин смешанных товаров. А когда уже нефтяники приехали, мы туда ходили, их хорошо снабжали. Пешком через Сайму, сапоги резиновые наденем и идем», – добавляла Л.И. Халилова[327].

Благодаря «бартеру» расширился ассортимент завозимых товаров, торговую сеть стала наполнять продукция, которая ранее отсутствовала. Э.М. Гильманова делилась воспоминаниями: «Очень много стало поступать консервированной продукции с Болгарии. Сухофрукты шли на компоты. Все эти джемы и конфитюры появились позже. Компоты: абрикосовый,

[323] Тараданкин К. Таежные клады // Тюменская правда. 22 июля 1959. № 170 (3971). С. 2.
[324] С солнечного юга // Тюменский геолог. 6 августа 1964. № 5. С. 2; В Правдинской экспедиции // Тюменский геолог. 1 июля 1965. № 26 (52). С. 1.
[325] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[326] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[327] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.

вишневый, черешневый. Томаты в собственном соку, лече, консервированые огурцы, помидоры. Тушенка шла всякая. И гуляш, югославские мясные консервы, потом голубцы всякие, курица в собственном соку. Даже была очень жирная тушенка китайская»[328].

Местное предприятие выпускало продукцию в ограниченных объемах, она была востребована среди населения и геологоразведчиков. В 1960-е годы Сургутский пищекомбинат, помимо традиционного лимонада и выпечки, начал выпускать необычный напиток – «Медок». В то время в городе было туго со спиртным: завоз осуществлялся только осенью, и из-за высокого спроса алкоголь мог полностью закончиться уже к декабрю. Рецепт «Медка» родился благодаря местной смекалке. На комбинате скапливались излишки конфет «Дунькина радость» (популярная в народе карамель). От долгого хранения они теряли товарный вид, слипались в комки, и один из рационализаторов предложил пустить их в дело – варить из них слабоалкогольный напиток. «Медок» разливали там же, на комбинате, в пол-литровые бутылки, на которые иногда даже наклеивали этикетки. Стоил он всего 40 копеек. В Сургуте напиток пользовался большой популярностью. Главными точками продажи были берег реки и ларек возле ресторана «Обь». Причем торговали там чаще не бутылками, а на разлив. Спрос был таким, что люди приходили со своей тарой, а те, у кого посуды с собой не оказывалось, умудрялись наливать «Медок» прямо в резиновые сапоги[329].

Кроме напитков, местный пищекомбинат изготавливал иную продукцию, выполнял заказы от населения. «Пищекомбинат радовал копченой рыбой, балыком, осетром. Купим у них осетра, 2 руб.10 коп, отдаем потом закоптить одного, а другого солим и замораживаем. Летом у нас 3-литровая банка икры стояла, ложками ели. Пекарни были, хлеб очень хорошего качества пекли»[330], – вспоминала Л.И. Халилова. «Пищепром готовил вкусные пряники, а зимой шаньги с брусникой. Они прямо нарасхват

[328] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013 г.
[329] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[330] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.

были, никогда не лежали. У Рыбокомбината был свой ларек и магазин, там консервы разные были. Зимой мы брали брикетами икру», – дополняла Э.М. Гильманова[331]. А.И. Гомберг рассказывал: «В Сургуте обычно рыба была доступная. И пищекомбинат занимался, и рыбокомбинат тем более... Проблемой оставался набор продуктов. Обычно крупы, сушеный картофель, сушеные овощи, молоко сгущенное, консервы – это было. Овощи свежие и фрукты – это всегда проблема»[332].

В то же время домашнее питание было разнообразным и зависело от индивидуальных предпочтений человека. Приготовление блюд определял ассортимент продуктов, представленный в торговой сети. Зачастую это были различные вариации первых блюд – супов, вторых – рыбных и мясных блюд, выпечки.

В коллективной памяти ветеранов геологии оживали образы простой домашней еды, и лишь изредка они предавались воспоминаниям о редких кулинарных изысках. «Дома тоже самое по еде, что и на работе, лишь супы варили. ОРСы были, в магазинах купить можно было многое и готовить, что захочется», – утверждала В.И. Перепелюк[333]. Л.И. Халилова вспоминала: «Дома основными блюдами на столе были разные супы, вторые блюда без изысков, также любили буженину (мясо свиное) с перцем и чесноком в хлебной каше. Жарили на печи целым куском до утра на медленных углях. После разрываешь хлебную корку, а там нежнейшее мясо. Также ели консервированные огурцы, помидоры, фаршированную рыбу, в основном, щуку. Всё в печке делали, а потом в духовке. Основными напитками в праздники был спирт, морс ягодный, квас позднее стал»[334].

Предпочтения в еде практически всегда были в прямой зависимости от имеющихся в наличии продуктов питания, а также профессиональных привычек. «Хлеб есть, молоко есть, и нормально. Были тушенка, молоко

[331] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013 г.
[332] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[333] Интервью Перепелюк В.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.
[334] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.

сгущенное, сухое. Ели всё, что было, главное сытно. На наших столах главной закуской был винегрет. В.П. Федорова (главный геофизик СНРЭ – авт.) друзья из Москвы снабжали сигаретами и коньяком. Порой за столом соберемся, там всё просто – картошечка, рыбка, закрутки свои разные. А он поставит бутылку коньяка, мы все ухнем, ведь один спирт везде. Виктор Петрович, да откуда ты его достаешь? А он говорит: из подпола», – делился воспоминаниями Е.А. Тепляков[335] *(Приложение А. Рис. 21.)*.

С открытием нефтяных месторождений и ростом численности работающего населения объемы снабжения увеличивались, но проблемы доставки и хранения оставались. На Север старались завозить больше свежих овощей и фруктов, мясной продукции. Но наряду с этим в 1963-1964 годах наблюдался недостаток в продовольственных товарах, в молочных консервах, сухом молоке, яичном порошке, свином мясе и колбасных изделиях, а также в производственных товарах повышенного спроса – трикотажных, ковровых изделиях и других. По обслуживанию геологоразведчиков на территории Тюменской области, в том числе в северных районах поисков, работало 49 магазинов и ларьков, 14 хлебопекарен, 17 столовых и ларьков[336]. Оставалась нерешенной логистика доставки продукции в населенные пункты. Так, в Нарыкарах (Октябрьский район) консервированных продуктов был запас на 3-5 лет, а в Саранпауле (Березовский район) они отсутствовали. В овощехранилище гнило 30 тонн картофеля, а в Саранпауль картофель ни разу не был отправлен. В Нарыкарах наблюдалось изобилие промышленных товаров, тогда как в Саранпауле их не было)[337].

Сургутское отделение ОРСа геологии в конце 1962 года обслуживало три экспедиции численностью 3150 человек. ОРС располагал 12 торговыми точками, 5 хлебопекарнями, 4 базами, 3 овощехранилищами, 6

[335] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2023 г.
[336] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 27. Л. 29.
[337] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 28. Л. 22.

котлопунктами. Согласно ниже приведенной таблице, в каждом населенном пункте, где базировались геологи, обязательно был магазин[338].

В магазинах ОРСа преимущественно продавались смешанные товары. Площадь каждого составляла порядка 30 кв.м. Магазины работали 7 часов в день[339]. Пекарни располагались в крупных центрах, откуда продукцию развозили в ближайшие участки и партии или, наоборот, в самые отдаленные пункты, куда её было сложно доставить. Базы и овощехранилища находились при главных экспедициях, в частности в Сургуте, Усть-Балыке и Мегионе, откуда осуществлялось дальнейшее распределение продукции.

Таблица 2.1 – Объекты продовольственной инфраструктуры

Населенный пункт	магазины	столовые	пекарни	овощехранилища	базы	котлопункты
Сургут	3	1	-	1	2	-
Усть-Балык	2	-	1	1	1	2
Пимсолка	1	-	1	-	-	-
Локосово	1	-	-	-	-	1
Мегион	1	-	-	1	1	1
Баграс	1	-	1	-	-	1
Ермаки	1	-	1	-	-	-
Охтеурье	1	-	1	-	-	1
Тайлаково	1	-	-	-	-	-

С укрупнением геологических структур Сургутскому отделению ОРС стало сложно справляться со своими обязанностями, что породило вопрос о создании двух самостоятельных отделений при Сургутской и Усть-Балыкской экспедициях[340]. На весь Нефтеюганск приходилось по одному продуктовому и промтоварному магазину, иные торговые места отсутствовали. Это создавало большие очереди до 50-60 человек. Чтобы совершить покупку, людям приходилось стоять в очереди 2-3 часа[341]. В целях улучшения снабжения продуктовыми товарами рабочих экспедиции

[338] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163. Л. 112.
[339] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 10. Оп. 2. Д. 236. Л. 2.
[340] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп.1. Д. 212. Л. 95.
[341] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 187. Л. 87, 109.

окрисполком обязал райрыбловпотребсоюз, обслуживать в магазинах кооперации[342].

Сам ОРС геологии ввиду увеличения численного контингента продолжал политику по расширению торговой сети и улучшению снабжения работников. Если в конце 1961-го–начале 1962 годов по ОРСу нефтеразведки в Сургутском районе насчитывалось девять магазинов, то уже на январь 1963 года их число увеличилось до двенадцати. В январе 1964 года ОРС экспедиции в Сургутском районе обслуживал 10 магазинов и еще 7 палаток в летний период, а в январе 1965 года насчитывалось 11 магазинов[343].

Снабжение промтоварами и наполнение жилья предметами домашнего обихода вызывало аналогичные сложности в среде геологов, как и снабжение продовольствием. Местная промышленность не удовлетворяла запросы населения в товарах широкого потребления. Многие предметы быта в свободной торговле отсутствовали из-за недостаточного объема производства[344]. Райпромкомбинат не производил в нужных объемах стройматериалы, пиломатериалы, мебель и другие товары. Мебельный цех промкомбината выпускал столы, шкафы, стулья и т.д. буквально единицами, причем исключительно низкого качества[345].

Завоз необходимой продукции не мог полноценно решить проблему снабжения населения, поскольку, отсутствовали подготовленные складские помещения. Даже в 1960-е годы ОРС не имел склада для хранения мебели. В летний период она находилась под открытым небом, что приводило ее в негодность[346].

Ощущался острый недостаток мебели в магазинах. По архивным данным, в Сургуте было не найти простой табуретки и стула, не говоря уже о других видах мебели. Не бывало в продаже кадок, саней, дуг, коромысел[347].

[342] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп.1. Д. 212. Л. 234.
[343] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 10. Оп. 1. Д. 236. Л. 1, 4-4об, 11-11об, 14-14 об.
[344] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л 72-74.
[345] ГАЮ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 41. Л. 30, 189.
[346] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 29. Л. 16
[347] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп.1. Д. 161. Л. 8.

Тюменский фанерокомбинат плохо производил поставку продукции ОРСу «Геологоуправления». Не выполнялись наказы по изготовлению трех-, двух- и однодверных шкафов с зеркалом[348]. «Все мы одинаково жили, особенно в начале. Первую мебель изготавливали сами. У нас диван с массивными подлокотниками был, где-то взяли. У местных ничего не было, все нужно было самими изыскивать. Лишь позднее ОРС стал завозить не только продукты, но и товары, их распределяли. Писали заявление на имя начальника и могли получить», – вспоминала Л.И. Халилова[349].

Е.А. Тепляков отмечал некоторые особенности: «Мебель у нас, сколько я работал в Сургуте, была неразборная. Переезжаем на квартиру, самому некогда было, знал, что кто-то плотничает – помогай. Мне привозили лист-два фанеры и в углу делали полочки. Был гардероб, платяной шкаф, но всё просто»[350]. К.В. Волкова, прибывшая в Локосово, вспоминала: «Скамейки сами делали и мебель. В магазинах в то время особо-то не было. В Гришкино мы поженились, кровать железную с собой перевезли. А сюда приехали, две кровати появилось, стол сами сделали, детскую поставили»[351].

Недостающие предметы быта, компенсировались за счет магазинов отраслевых организаций. Э.М. Гильманова вместе с коллегами по работе были вынуждены обойти полгорода пешком, чтобы купить диваны: «Нет нигде, все по спискам. И оказалось, что в леспромхозовском магазине были две «Ладоги». Тот же диван, только очень удобный и крепкий. Козловская Нина так плакала, что ей не достался, так как мы жребий тянули»[352].

Сложности возникали и с бытовыми приборами. Торгующие организации Сургута при содействии райисполкома должны были завести в 1960 году в достаточном количестве электроприборы бытового обслуживания: электроутюги, пылесосы, электроплитки, стиральные

[348] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3927. Л. 38
[349] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.
[350] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[351] Интервью Волковой К.В. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[352] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013 г.

машины[353]. Но эти предметы быта еще не скоро вошли в повседневный быт геологов. «Ни ковров, ни хрусталя, ни телевизоров - ничего не было. Радиолы типа «Прибалтика», «Spidola» появлялись, но это был такой дефицит. Только у комсостава, и то не у каждого. Это всё по великому блату, это был самый ценный подарок от тюменского управления за высокие производственные показатели», – утверждал Е.А. Тепляков[354].

Ситуация стала улучшаться лишь с прибытием подразделений эксплуатационников нефтегазовой отрасли. Э.М. Гильманова рассказывала: «С приездом нефтяников, строителей и газовиков организовались ОРСы, и уже мебель появилась, но по спискам. Ковры были дефицитом. Мы в первую очередь купили шкаф саратовской мебельной фабрики, радиолу «Сакто». Потом, когда переехали жить на южный переулок, купили книжный шкаф. Был случай, когда уже приехали нефтяники, наша бригада грузчиков перешла туда к ним. И один бригадир наш в 1964 году предложил купить холодильник «Юрюзань» или ЗИЛ. А Салыкова (муж – авт.) не было дома. Выбрала «Юрюзань». Они привезли его, во двор поставили, он в деревянной обшивке и стоял, пока муж не приехал. Никто ничто не крал. ЗИЛ стоил 310 рублей, а «Юрюзань» – 260. Зарплата у меня выходила 190 где-то, у Салыкова немного больше»[355].

В рассматриваемый период геологи располагали минимальным ассортиментом продуктовых и продовольственных товаров, часть из которых компенсировалось за счет местных торговых сетей. Развитие нефтегазового комплекса в последующем позволило повысить вариативность стратегий потребления и расширить покупательную корзину за счет завозимых товаров.

Особым аспектом стратегий потребления в среде геологов выступала организация питания непосредственно на рабочем месте. Питание на производстве имело свою специфику в зависимости от характера работы.

[353] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
[354] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2023 г.
[355] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013 г.

Работникам в «поле», каждодневно перемещающимся по территории (включая топографов, геодезистов, геофизиков и др.), были присущи свои особенности организации приема пищи и отсутствие временного регламента. Для буровых бригад, работников баз партий, конторских сотрудников более предпочтительным было стабильное питание, соответствующее их графику работы. Один из видных специалистов геодезии А.И. Гомберг вспоминал: «В нашей системе геодезии, геофизике, топографии, какие перерывы? Сами как решат. Если чай, раз-раз, костер, чай с собой. Чай согрели, хлебное что-то, тушенку поели и пошли дальше. А на буровой все по-другому. Там повар у них, и вахта работает регламентированно. А в геодезии, геофизике как день начался, работают. Пришли после работы – пошли кушать»[356]. По скудным данным архивных документов установить особенности организации питания на рабочем месте не представлялось возможным. Именно нарративы геологов восполняют данную исследовательскую лакуну.

Для геодезистов и топографов было характерно постоянное перемещение по маршруту с редкими остановками и обедами. «В конце 1940-х–начале 1950-х годов в маршруты уходили с булкой хлеба на два дня и гороховым концентратом. Раньше бывало и вовсе без продуктов случалось уходить», – вспоминал Е.Т. Литаш[357]. В дальнейшем ситуация с продовольствием улучшалась. «Для стандартного маршрута давали в ситцевом мешке сухари и банку сгущенки, на более дальние маршруты уже колбасный фарш, мясные консервы. Эти сухари размочишь в воде и это была еда, это был обед походный. Пока мы шли 10 дней, ночевали на маршруте. В поле чаще были консервированные банки: тушенка, колбасный фарш, сухари, чай был всегда. Чифирили порой работники», – вспоминала Н.А. Глух[358].

[356] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[357] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 5.
[358] Интервью Глух Н.А. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2021 г.

«Работа у нас, геодезистов, была в поле. В тайгу первые годы мясо не возили. Там питание, в основном, – консервы, сухари, тушенка добротная. В бригады завезли, потом на вертолетах подбрасывали продукты. Хлеб почти не возили, только сухари. Но даже проблема была с сухарями. Когда начался массовый приток населения, а пекарни было всего две в Сургуте, и они не успевали хлеб выпекать, чтобы кормить народ. Хлеб в тайгу не брали, он быстро плесневел. Лишь на стационарных стоянках–базах можно было соорудить походную печь, где выпекали хлеб, лепешки. Для дальнейшего хранения из хлеба готовили сухари», – дополнял рассказ А.И. Гомберг[359]. *(Приложение А. Рис. 22).*

У сейсмиков организация питания была несколько лучше. Отряды перемещались с вагончиками, которые тянули трактора. Это позволяло организовывать при отрядах котлопункты, чтобы обеспечить достойное питание. А.Н. Задоенко вспоминал: «У геофизиков обедов нет, конечно, но завтрак и ужин, пожалуйста, ешь от пуза. Мы не обижались на снабжение. У нас всегда завхозы и зам. начальника партии снабжали продуктами. Мясо завозилось тушами. Консервы у нас были не в почете, потому что консервы ели летом, когда мясо нельзя держать в холоде. Допустим, сливочное масло: приходишь в балок поесть, вот этот куб стоит, сколько хочешь нарезай, намазывай, с песнями. Кормили тогда здорово, не везде так, но старались»[360].

Разнообразить рацион позволяла и близость населенных пунктов или стоянок коренных народов к месту работ *(Приложение А. Рис. 23).* «Продукты были консервированные. Особенно первые годы и преимущественно в сейсмических партиях, удаленных точках. Разного рода борщи, щи – всё это естественно, надоедало. А в Березово, Нарыкары, Ханты-Мансийск, более доступные пункты, естественно, завозили свежее», – вспоминал Б.И. Шиян[361]. Л.И. Халилова отмечала: «В партиях хорошо жили. Особенно, если где-то недалеко жилой поселок был или в «поле» – там в лесу

[359] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[360] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[361] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2013 г.

и рыба, мясо. И привозили, и сами добывали. В поселках магазинчики были для ханты, нам тоже продавали. Хант Афанасий нам привозил на продажу молодую оленину, нельму и муксуна. Нам поросят молодых привозили, мы запекали и буженину делали. Это все с Тундрино возили. Сейсмопартии хорошо снабжали. Мужчины занимались рыбалкой, охотой, грибами. Однажды я нашла белые грибы, они из песка прям росли, целое ведро насобирала, пока все спали. Ягоды брали – бруснику, клюкву. Рыбу у речки ловили. А что касается молочных продуктов, хоть редко, но доставляли нам. Возили во флягах сливки»[362].

Повар при котлопункте старался разнообразить меню и освободить людей от работы на кухне, сосредоточив усилия на рабочем процессе. «В сейсмических отрядах был балок-столовая (котлопункт), повариха. И все это в централизованном порядке. Там можно было пообедать в долг. Не было индивидуальной записи. То есть варили борщ на всех, делали котлеты. Расписывали и потом делили на всех людей, кто потребляли», – дополнял Б.И. Шиян[363]. Т.В. Салманова вспоминала: «Рацион состоял из того, что приготовят нам повара. А там, в поле, печка была металлическая, на ней для всех готовили. У нас везде консервы были: и суп гороховый, лапшу и борщи делали. А картошка, капуста и свекла – это все сушеное. Все нарезанное, но высушенное. Мы вначале кипятком заливали, ночь постоит, и она нормальная. А поварится, так и узнаешь вкус картошки»[364].

Чтобы минимизировать употребление мясной консервированной продукции, включить в рацион питания свежее мясо, геологи использовали различные варианты его обработки или обменивались продукцией с коренным населением. «В Березово у нас рабочий один был, охотник известный. Он лося забьет, мы мясо подвялим, оно дольше хранится, и мы его ели», – вспоминал А.И. Гомберг[365]. «Ханты нас часто мясом снабжали.

[362] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.
[363] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2013 г.
[364] Интервью Салмановой Т.В. // Полевые материалы автора г. Москва, 2024 г.
[365] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

Им лицензии давали на отстрел лосей, оленей, и они нам привозили. Мы в обмен им продукты давали. Тогда хорошая колбасная тушенка была, они очень любили», – подмечала Т.В. Салманова[366].

Организация питания среди работников буровой, имела свою специфику. Вспоминает Н.Е. Перепелюк-Кучеров: «В первые годы работы в Приобье никаких поваров, никаких котлопунктов на буровых совсем не было. Все, что набирали в свои котомки, из того и готовили сами. Когда ехали на буровую, брали что могли с собой собрать. В основном, тушенка, сгущенка, колбасный фарш, хлеб. В Сургуте в 1960-е годы мы уже нашли себе повара в бригаде. В бригаду входили машинисты котельных, кочегары. Мы их не отдавали никому, переводили в подсобные рабочие. В 1961 году на буровых повара появились, котлопункты, продукты со склада стали получать, продуктовый склад на базе завели. Но условия всякие были. Котлопункт, в основном, был как навес обыкновенный, металлическая печка сварена, повар там готовит. Столы с лавками были сколочены, главное под навесом»[367] *(Приложение А. Рис. 24.).*

Е.А. Тепляков, который по долгу службы часто бывал на буровых и принимал участие в испытаниях первых скважин, отмечал: «Готовили обед себе сами, никаких поварих не было. Раз бригада была, то значит, по очереди из вахты кто-то был кашеваром. На работе, кроме консервов, практически ничего не было. Картошку в ведре на костре себе варили»[368]. Позднее при буровых также открылись полноценные столовые, где бригада могла завтракать, обедать и ужинать, исходя из своего графика работы.

Подобное положение для работников геологической отрасли было характерным явлением, поскольку весь потенциал и ресурсы использовались для достижения производственных показателей. Как декларировалось на страницах периодической печати, «необходимо позаботиться о том, чтобы на далеких участках было организовано общественное питание, хорошо

[366] Интервью Салмановой Т.В. // Полевые материалы автора г. Москва, 2024 г.
[367] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.
[368] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

налажено снабжение продуктами и товарами первой необходимости». Однако следом добавлялось, что «необходимо на ходу устранять недоделки и комплексно вести поисковые работы»[369]. Нужды и заботы людей отодвигались на второй план, что подтверждается нарративами геологов и архивными документами.

Стабильное обеспечение полевых работников необходимыми продовольствием, оборудованием и техникой было не повсеместным. Плохо снабжались партии, которые находились далеко от экспедиций, куда добраться в зимнее время можно было только на самолётах[370]. Продукты завозились небольшими самолётами из Тюмени[371]. На буровых котлопункт в первые годы нефтепоиска не всегда был организован, продукты подвозились нерегулярно. Однажды бригада 23 дня проработала без продуктов, жила на подножном корме, на полном самообеспечении[372]. В.А. Пискулин, участник первого десанта геологов в Сургут, вспоминал один эпизод из своей трудовой биографии: «Как-то на буровой из-за нелетной погоды нас не могли забрать почти неделю. А запасы продуктов были рассчитаны под нашу смену. Продукты завозили с новой вахтой. В итоге подъели всё, а рядом никаких сел и деревень нет. Спасала рыба, которую ловили в речке, да дичь подстреливали, тем и выживали. Когда привезли смену, то нас полуголодных повариха яичницей накормила, она такой вкусной мне тогда показалась, навсегда запомнил»[373].

После организации работы ОРСа геологии снабжение стало набирать силу, лучше обеспечивались полевые соединения. «Партии запрашивали перечень продуктов, который уже развозился по бригадам и отрядам. Стабильно стали завозиться основные виды продуктов, первоочередные, так

[369] Комплексно вести геологоразведочные работы // Ленинская правда. 26 октября 1960. № 213(80111). С. 1.
[370] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 16. Л. 106.
[371] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 19. Л. 86.
[372] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 16. Л. 57.
[373] Интервью Пискулина В.А. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2009 г.

скажем. Но овощей, помидоров, огурцов, конечно, не было», – вспоминал А.И. Гомберг[374].

Питание работников в стационарных условиях наиболее оптимально соотвтствовало рабочему графику. Трудящиеся в границах населенного пункта могли позволить себе ходить домой на обеденный перерыв для приема пищи, брать еду с собой на работу или же воспользоваться услугами точек общественного питания. В геологических организациях преобладало мужское население, преимущественно холостое, поэтому отдельное внимание уделялось организации общепита. «На буровых участках, в поселках экспедиции, рабочие в большинстве своем были холостыми, они нуждались в столовых, в горячей пище»[375].

При населенных пунктах работали столовые, предлагавшие на выбор разные блюда. Столовые были как общепоселковые, так и местных предприятий, в числе которых столовая рыбокомбината и геологов. Э.М. Гильманова вспоминала: «Мы порой в разных столовых питались. В Сургуте, когда в кино собирались, заходили, ужинали. Но чаще всего ходили в столовую рыбокомбината. Мне нравилась у них щука жареная и картофельное пюре. И здесь наша столовая была от геологов. Все готовилось из консервов, свежего мяса в 1962 году почти не было. Потому что подъели все запасы. А консервы были всякие. Из тушенки готовили»[376].

Семейная чета Волковых, участники второго десанта геологов в Приобье, рассказывали: «Столовая в Локосово, которая была одной из лучших, отличалась тем, что там всегда были первые и вторые блюда. Беляши стряпали, пироги даже. Продукты для столовой из Сургута вертолетом посылали, мясо и крупы»[377]. «Возле буровой у нас в Локосово столовая была, очень хорошие повара. У нас там даже вертолеты садились на обед. Они летают, буровых много, а возле нас садятся, так как повара хорошо

[374] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[375] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп.1. Д. 163. Л. 11.
[376] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013 г.
[377] Интервью Волковой К.В. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.

готовят. Утром прием пищи, в обед и вечером. На ночную смену мы брали с собой ужин», – вспоминал И.Ф. Волков[378].

Пища, приготовленная из консервированной продукции, была менее востребованной. Однако свежие продукты или их компоненты, дополняющие блюдо из консервов, существенно повышали спрос у работников. «Когда в столовой питались первые годы, приходилось есть консервированный борщ. Есть его, конечно, трудно. А вот в Нарыкарах была молочная ферма рядом: свежая сметана, творог, молоко. Стакан сметаны и борщ – это совсем другое дело», – отмечал Б.И. Шиян[379].

Однако и в работе столовых было немало недостатков, которые снижали качество услуг. В сургутских столовых в 1959 году эпизодически отсутствовали рыбные и порционные блюда, в недостаточном количестве изготавливались полуфабрикаты. Во время обеда наблюдались очереди и задержка обеда, что вызывало недовольство со стороны клиентов. Е.А. Тепляков рассказывает: «На рыбозаводе была хорошая столовая, куда ходили многие не семейные и кто жил на Черном Мысу. Но летом туда из конторы было жарко идти. Кроме того, там свои рабочие, поэтому были очереди – за час обеда мы не укладывались. Столовая закрывалась рано, поэтому, чтобы попасть на ужин, надо было отпрашиваться с работы. Но готовили там хорошо: и мясные блюда были, и рыбные»[380].

Имели место случаи, когда работники столовой не следили за наличием блюд на кухне, что приводило к отмене заказываемых блюд или замене их другими[381]. Не был организован стол заказов. Так, в столовой № 1 в предпраздничные дни стол заказов работал, но с очень узким ассортиментом. В столовой № 2 стол заказов отсутствовал вовсе. Столовые плохо рекламировали отпуск обедов и ужинов на дом, продажу полуфабрикатов[382].

[378] Интервью Волкова И.Ф. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[379] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2013 г.
[380] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[381] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 31.
[382] ГАЮ Ф. 100. Оп. 2 Д. 44. Л. 53-54.

Бывало, даже в сентябре, когда свежие продукты, работников кормили сухой картошкой и консервированным борщом[383].

Очень часто возникали очереди из-за низкой скорости обслуживания или малой площади помещения. Так, в Сургутской столовой рабочим приходилось стоять в очереди два часа. Очень плохо готовили блюда в столовой Мегиона, но со сменой повара ситуация улучшилась. Помещение было очень маленьким, что создавало очереди[384].

Еще одна сложность – нехватка столовых приборов. Например, в столовой № 2 в часы пик рабочие тратили время не только в очередях за талонами и обедом, им приходилось ждать, когда освободятся ложки и вилки. А ножей в столовых вообще не было, за исключением кухонных[385]. В столовой Усть-Балыка было всего 23 тарелки и полностью отсутствовала чайная посуда, в результате чего рабочие стояли в очереди по 2-3 часа[386].

Таким образом, снабжение геологов продуктами и товарами характеризовалось ограниченным ассортиментом завозимых товаров, растянутыми сроками доставки и нехваткой оборудованных мест для долгосрочного хранения скоропортящейся продукции. Это вело к корректировкам стратегий потребления посредством неформальной и формальной коммуникации с местными жителями. По мере стабилизации ситуации, предприятия ответственные за снабжение стремились расширять ассортимент товаров народного потребления для удовлетворения базовых нужд работников нефтегазового сектора, и геологической отрасли, в частности.

2.2 Производственное снабжение и обеспечение одеждой

Материально-техническое обеспечение северных нефтеразведок всегда оставалось доминирующим звеном централизованного снабжения. При

[383] ГАСПИТО Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 94.
[384] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 16.
[385] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163. Л. 117.
[386] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 19. Л. 91.

помощи водного транспорта на баржах для работников геологической отрасли завозилась техника, геолого-геофизическое и буровое оборудование, различные комплектующие и запасные части *(Приложение А. Рис. 25.)*. Доставка оборудования и техники на протяжении исследуемого периода имела определенную специфику и свои сложности. А.И. Гомберг вспоминает: «Вопросами снабжения и комплектования занимались отделы технического снабжения. Снаряжение для производства давали на метр бурения. Поэтому руководители, Ю.Г. Эрвье, в частности, старался брать план бурения больше. А план не выполнялся, так много заявляли. Но именно под план давали материальные ресурсы, и этого всегда не хватало»[387].

В первые годы активного геологического освоения технический арсенал нефтеразведчиков не изобиловал разнообразием и качеством изготовления. У геофизиков, работающих в тяжелейших условиях тайги, не было механизированной техники и оборудования. В конце 1940-х–начале 1950-х годов при геофизических трестах держали собственных лошадей, которые использовались на полевых работах[388]. Конный транспорт имел свои особенности организации трудовой деятельности. Для прохода лошадей по занесенной снегом тропе работникам приходилось протаптывать для них дорогу. Лошадь с грузом могла идти по глубокому снегу, если снежная масса не была им выше колена. Работники отрядов, передвигавшиеся на охотничьих лыжах, не обеспечивали для них нужную тропу. Приходилось использовать обычные лыжи или идти по снегу пешком. Это было слишком утомительно, отчего работники без сил валились в снег. Лошади проходили по тропе, а обессиливших работников подбирали в следовавшие рядом сани. Помимо этого, в зимний период практиковались перевозки и на оленьих упряжках. О.В. Шкутова рассказывала: «Олени в тайге оказались непригодными. На них было хорошо передвигаться по открытой местности, а зимники на маршруте были в большинстве случаев заросшими. Олени

[387] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[388] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.

быстро выдыхались». Поэтому работникам приходилось становиться на лыжи и нести аппаратуру и снаряжение на себе[389] *(Приложение А. Рис. 26).*

Партии получали на баланс первое советское оборудование, которое было громоздким и тяжелым. Первой советской сейсмостанцией стала ЭХО-1, до этого в СССР использовались только импортные станции фирмы «Хейланд» в ограниченном количестве[390]. Основными типами оборудования для геофизических работ в конце 1940-х годов являлись сейсмостанции, каротажные станции, потенциометры, магнитные вариометры, магнитометры, гальванометры, аккумуляторы, аэромагнитометры, пульсаторы, гравиметры[391] *(Приложение А. Рис. 27).*

В число основного снаряжения входили брезентовые палатки, мешки спальные, брезенты возовые, костюмы хлопчатобумажные, брезентовые и ватные, плащи брезентовые, полушубок овчинный, рукавицы брезентовые, сапоги кирзовые, накомарники, валенки, бумага осцилографная, лента изоляционная. Однако даже этот небольшой перечень технических средств не всегда поставлялся в полном объеме[392] (*Приложение А. Рис. 28*).

В 1955 году геофизики также ощущали большую нехватку ~~в~~ материально-технического снабжения. Для полноценной работы им недостаточно выделялось запасных частей к приборам, химреагентов, полевого снаряжения, спецодежды, стройматериалов. При наличии более 2000 работников треста в 40 партиях было получено 67 палаток, 374 спальных ватных мешка, 25 возных брезентов, 150 плащей, 300 брезентовых костюмов, 245 пар кирзовых сапог, 370 ватных костюмов. Совершенно не поступало полевых сумок, меховых рукавиц, унтов, шапок, биноклей, геологических молотков, полевых книжек, журналов. Крайне недостаточно поставлялось горных компасов, буссолей[393].

---

[389] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 46.
[390] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 12.
[391] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1. Д. 37. Л. 13; Д. 35. Л. 82
[392] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1. Д. 35. Л. 79.
[393] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1 Д. 220. Л. 33.

В число наиболее распространенных видов оборудования и снаряжения у геофизиков входили: буровой станок БС-2Б; буровые станки самоходные ЗИВ-150, БС-3А, АВБЗ-100, УКБ-2-100; дизель КД-35; бензодвигатели ГАЗ-МК, Л-6, Л-12, ОДВ-300; грязевые насосы; нивелиры НГ, НТ, НГП; сейсмостанции ЭХО-1, СС-26-51Д, ВЧСС-53; гравиметры СН-3, ГАК-3М, САК, Норгард; потенциометр ЭП-1; магнитные вариометры М-2, М-8, АМ-49, АМ-9Л, АМ-4-48; аэрогеофизическая станция АСГМ-25; радиостанции ПАРКС, РПМС, БРИЗ, Урожай; сейсмоприемники СП-16; сварочные агрегаты САК-2, АСБ-300; аккумуляторы 3СТ-70, 3СТ-84, 3СТ-98[394]; аэромагнитометры АМ-9, спектрографы ИСП-22, ИСП-28, теодолиты ТТ-50, каротажные станции, нивелиры[395].

На балансе трестов числились различные плавательные средства. Сейсмооборудование, буровые станки, трубы, технику, продукты питания, стройматериалы и топливо из Тюмени доставляли на промбазы в Сургуте, Ханты-Мансийске, Мегионе, Березово и прочие пункты. Доставка грузов начиналась в весеннее время, когда реки разливались и были пригодны для плавания малого речного флота. Востребованными типами судов были речные самоходки, БМК, МКЛ, КС, поставлявшиеся в партии для эксплуатации в условиях мелководья и бурной растительности, где не проходили обычные катера[396] (*Приложение А. Рис. 29*). Почти при каждой нефтеразведочной экспедиции находились речные катера мощностью 60–150 л.с по типу Костромича или Ярославца (*Приложение А. Рис. 30*), самоходные баржи, грузоподъемностью 40–60 т., сухогрузные баржи 100–300 т., нефтеналивные баржи 50–100 т[397]. Для лучшей координации и эксплуатации речного флота на базе водного цеха Тюменской материально-технической конторы ТТГУ в Тюмени в январе 1963 года была организована ремонтно-

[394] РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 6. Д. 481. Л. 64, 66, 80.
[395] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1 Д. 220. Л. 27, 28, 32.
[396] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1. Д. 35. Л. 96.
[397] 70 лет тюменской геологии: Служа Отечеству. Т. 2 / Под общ ред. А.М. Брехунцова и В.Н. Битюкова. Тюмень, 2019. С. 372.

эксплуатационная база флота (РЭБ), обслуживавшая экспедиции управления[398].

Для работы на пересеченной местности применялись трактора С-80, ДТ-54, позже С-100. Основным трактором в заболоченных и таежных районах неоспоримо являлся С-80[399] (*Приложение А. Рис. 31).* В народном хозяйстве активно использовалась бывшая военная техника, оказывающая разведчикам недр существенную помощь в тяжелых условия труда. В их число входили артиллерийские тяжелые и легкие тягачи, вездеходы-амфибия[400]. А.И. Гомберг вспоминал: «В первые годы техника, в основном, была армейская, применялись даже танки Т-34 со срезанной башней, они тоже по проходимости хорошие. Потом были АТЛ – артиллерийский тягач легкий. Был АТС – артиллерийский тягач средний, который таскал в армии артиллерийские установки. А известный ГТТ был уже разработан для гражданских целей»[401] (*Приложение А. Рис. 32*).

Одной из сложно решаемых проблем начального периода геологического освоения было несоответствие технического арсенала климатическим условиям. А.К. Шмелев рассказывает: «Техника и аппаратура в 1950-е годы выпускалась для работ летом в степи – под Татарию, Башкирию, Краснодар. Опыты по организации наземных геофизических работ в условиях севера Западной Сибири дали отрицательный результат. Пришлось все переделывать на месте для работы зимой, в тайге и болотах. В кабинах тракторов прорезались люки на случай утопления… Вездеходам ГТТ, ГАЗ-71 наваривалась броня для защиты от столкновений с пнями. Для сейсмостанций, приходящих с заводов в будке на колесах, надстраивали домики для аппаратуры, переставляли станции на тракторные сани»[402].

---

[398] 70 лет Тюменской геологии. Служа отечеству. Т.1. С. 128-129.
[399] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 857. Л. 29, 31.
[400] Хуланхов В. И пойдет большая нефть // Ленинская правда. 27 июля 1962. С. 3.
[401] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[402] 70 лет тюменской геологии: Служа Отечеству. Т. 1 / Под общ ред. А.М. Брехунцова и В.Н. Битюкова. Тюмень, 2018. С. 81-82.

Наряду с этим наблюдались сложности с поставкой реактивов, взрывчатых веществ и особенно осциллографной бумаги и изоляционной ленты. Отсутствие материалов вызывало простои. С целью закладки снарядов скважину требовалось бурить мелким зубом, но из-за отсутствия подобных долот приходилось бурить одну скважину двумя долотьями. Техническое и материальное снабжение было неудовлетворительным и оставалось таким долгое время[403]. Преимущественно вопрос касался не столько наличия того или иного оборудования, его совершенства и простоты использования, сколько количественной составляющей имеющегося в распоряжении отдельной партии или отряда.

У буровых бригад, осуществлявших поисково-разведочное бурение в рассматриваемый период, наблюдались похожие трудности. В послевоенное время, как и в начале 1950-х годов, в бурении практиковалось использование деревянных вышек. Необходимое оборудование отсутствовало по причине малого количества выпускаемой продукции у заводов-изготовителей, а также приоритетностью снабжения иных направлений геологоразведочных работ. Поэтому в первые годы колонковые (до 500 м) (*Приложение А. Рис. 33*), и глубокие скважины (свыше 1000 м) бурились именно вышками в деревянном исполнении (*Приложение А. Рис. 34*).

Данная проблема в дальнейшем находила отражение в отчетах геологов, согласно которым в геологоразведочных партиях Западно-Сибирского геологоуправления продолжительное время не внедрялись на буровых работах передвижные и щиторазборные вышки, металлические вышки.[404] Трест «Запсибнефтегеология» в 1950-е годы преимущественно проводил бурение колонковых скважин станками КАМ-300, ЗИВ-150, позднее КАМ-500 (данным типом станков были оснащены работники

[403] ГАСПИТО. Ф. 2344. Оп. 1. Д. 64. Л. 28,39.
[404] ГАНО Ф. Р-1169. Оп. 4. Д.40. Л.11.

Юганской разведки СПБ – авт.), которые не требовали применения усиленных и металлоёмких конструкций[405].

Техническое снабжение проводилось неудовлетворительно по ряду причин. Одной из них являлся несвоевременный завоз, особенно это касалось громоздкого бурового оборудования, буровых вышек, техники. Снабжение разведок Новосибирского геологического управления материалами, инструментами и запасными частями к буровым установкам и транспортным средствам производился из г. Новосибирска, находящегося от Сургута на расстоянии 1454 км по воде, а горюче-смазочные материалы поступали с ближайшей государственной нефтебазы, находящейся в Ханты-Мансийске на расстоянии 364 км от Сургута[406]. В последующие годы проблема оставалась актуальной: «Участки работ находились на большом расстоянии от центральной базы до 170 км. В условиях тайги и болот очень затрудняется завоз оборудования и материалов. Так на Южный Балык водным путем можно попадать только в течение одного месяца, а на Малый и Средний – только вертолетом можно долететь»[407].

А.К. Шмелев в своих воспоминаниях приводит один эпизод, который ярко характеризует сложности доставки грузов в места назначения: «Баржа с катером из Тюмени вышла 10 октября, шла без остановок круглосуточно и прибыла на базу в Ханты-Мансийск в ночь на 19 октября. За сутки разгрузили и вновь загрузили нужным для отправки в Малый Атлым: два трактора, два балка с материалами и продуктами, ручные буровые комплекты, ГСМ в цистернах и бочках на тракторных санях и сейсмостанцию. 20 октября караван вышел из Ханты-Мансийска. В ночь на 22 октября штормовой ветер принес похолодание до сорока градусов мороза, все реки встали… С 23 октября по 07 ноября была разгружена баржа, вытащены на берег балки. Составили шесть сцепов по двое саней, загрузили на них все оборудование и материалы… Переход сцепов по пути занял двое

[405] ГАНО Ф. Р-1470. Оп. 3. Д. 43. Л. 10.
[406] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.
[407] Петров Г. Разведка уходит дальше // Ленинская правда. 31 января. 1965. С. 2.

суток, каждый трактор сделал по три рейса»[408]. Доставка грузов осложнялась не только поздним сроком начала работ и суровыми климатическими условиями, но и отсутствием качественной дорожной сети и недостатком техники. (*Приложение А. Рис. 35*)

Отмечалась нехватка оборудования на складах, медленные темпы изготовления оборудования на заводах, а также недостаточный завоз стройматериалов для нужд нефтеразведчиков[409]. К примеру, материально-техническое снабжение Нарымской нефтеразведки глубокого бурения производилось базой МТБ геологоуправления через Колпашевскую КРБ. Разведка в достаточном количестве была обеспечена дизтопливом, авиамаслом, цементом, долотами, крупногабаритными турбобурами и др. Наряду с этим ощущался острый недостаток бурильных, обсадных труб, талевого каната и особенно спецодежды, несмотря на неоднократные запросы в КРБ и геологоуправление. В 1958 году разведка не получила ни одного комплекта спецодежды, было завезено 3500 м. насосно-компрессорных труб вместо бурильных для испытания скважин. Отсутствовал пеньковый канат, электролампочки, что вынуждало останавливать работу буровой в ночное время. Нехватка запчастей, уплотнений к насосам, вертлюгу, ротору, дизелям приводила к частым остановкам буровых. Из-за острого недостатка запчастей к тракторам, автомобилям, водному транспорту около половины рабочего времени транспорт простаивал в гаражах. Имеющиеся в распоряжении разведки полевые механические мастерские не могли своими силами провести капитальный ремонт оборудования. С учетом тяжелых условий эксплуатации тракторный парк был сильно изношен, а амортизация автомобильного парка составляла 50%[410].

[408] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 54-55.
[409] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 769. Л. 103.
[410] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 760. Л. 115, 122.

Нефтеразведчики проявляли инициативу по улучшению ситуации со снабжением, отправляли запросы и писали письма в инстанции. Так в газете Ленинская правда за 1959 год описывалась подобная ситуация: «Мы неоднократно посылали заявки от лица Ханты-Мансийской комплексной геологоразведочной экспедиции, давали телеграммы в областное управление для того, чтобы нас обеспечили необходимыми запасными частями и материалами, но кроме обещаний ничего не получали. Просили всего лишь выдать партиям сварочные аппараты»[411]. Нередко геологи напрямую обращались за содействием в органы власти, чтобы повлиять на ситуацию. В 1959 год геологоразведчики просили Сургутский РК КПСС оказать помощь в материальном обеспечении бурового участка необходимым оборудованием и материалами для выполнения государственного плана геолог-поисковых работ. В числе остро необходимых материалов значились буровые замки «5», талевый и пеньковый канаты, обсадная колонна «5», а также бульдозер и водный транспорт для перевозки буровой глины. Без этого элементарного технического арсенала нефтеразведчики не могли даже начинать работы[412].

В целом Новосибирское геологоуправление, под кураторством которого были активизированы работы в Среднем Приобье, эпизодически допускало проблемы со снабжением техникой и оборудованием. По архивным данным можно отметить несвоевременный завоз талевого каната, цемента, кондуктора, обсадных труб, бурильных труб, грязевых шлангов, другого инструмента и материалов. При передаче Сургутской экспедиции из системы Новосибирского управления в систему Тюменского новосибирцами не были переданы и завезены многие остродефицитные материалы и оборудование. Во всех партиях экспедиции ощущался недостаток авиамасла[413].

Основным оборудованием, которое завозили для буровых партий, были разновидности буровых станков для глубокого бурения: УЗТМ-1М, УЗТМ-

[411] Тоболкин А. Наши заявки не удовлетворяются // Ленинская правда. 17 февраля 1959. С. 2.
[412] ГАСПИТО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 63. Л. 21.
[413] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп.1, Д. 4199. Л.2-3

5Д, БУ-40. Хотя к УЗТМ-1М уже в 1956 год был прекращен выпуск запасных частей и они считались устаревшим оборудованием (согласно постановлению коллегии Министерства нефтяной промышленности от 5 января 1955 года их разрешали списывать как утративших свое производственное значение), большая часть оборудования все равно была задействована в работе.[414] Е.А. Тепляков замечал: «При глубоком бурении у нас в Сургутской нефтеразведке, когда начали бурить сургутскую опорную скважину, затем мегионскую и пимскую, уже были Уралмашевские буровые установки – УЗТМ 3Д, УЗТМ 5Д, в зависимости от количества дизелей, в основном с дизелями В2-300. Это были станки для бурения 3000 метров и больше. Станки шли с вышками, стандартные – 41 метр, а на глубину более 3000 м. – высотой 53 метра»[415].

Для структурно-поискового бурения поставлялось следующее оборудование: станки КАМ-500, ЗИФ-300, УРБ-ЗАМ, УРБ-4П, АВБ-400, КА-2М-300, СБУ-ЗИФ-300, ЗИФ-150, СБУ-ЗИФ-150, УКБ-2-100, АВБТ-100. Устаревшими марками считались КАМ-500, КА-2М-300, УКБ-2-100, наиболее массовые в среде разведчиков. Подобные типы станков в партиях составляли 42% и более всего парка станков[416]. Станками типа АБВТ-100 и аналогичных (до 100 м) проводили картировочное бурение для составления геологических разрезов и карт при геологосъёмочных работах[417].

Согласно воспоминаниям Е.А. Теплякова, «для структурно-поискового бурения были станки КАМ-500, где цифра обозначала техническую возможность станка, до какой глубины бурить. Это трудно назвать буровым станком. Это клиноременной привод, колесо со шкивами, три или четыре треньки были и уходили они на дизельный привод, который крутил свою, после через передачу вращалось большое колесо. А от большого колеса механические приводы уже крутили ротор. (*Приложение А. Рис. 36.*) Когда

[414] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 661. Л. 26.
[415] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[416] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 661. Л. 52, 53.
[417] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 581. Л. 14-15.

ликвидировали Тарскую разведку в Омской области, три станка УРБ-3АМ отдали для Юганской разведки. Это уже смонтированные на автомашине, там был на платформе и насос смонтирован, и движок. Вот тогда Юганская разведка начала бить рекорды – 3 дня 500 метров скважина»[418].

Глубокое разведочное бурение проводилось установками УЗТМ и БУ-40, для бурения на глубину 1200-1600 метров применяли УРБ-4П, УРБ-3, «Уфимец»[419]. В связи с необходимостью бурения на большие глубины получили широкое применение свердловские установки Уралмаш-5Д, Уралмаш-3Д, Уралмаш-3000БД и БУ50Бр-1, БУ-755р, БУ-2500ДГУ волгоградского завода «Баррикады». Буровые установки 5Д и 3Д представляли собой наборы бурового оборудования. Вышки ВМ-41, ВБ-53, основания, циркуляционные системы и прочее оборудование изготавливалось и поставлялось другими заводами[420].

Важными буровыми инструментами, которые нуждались в бесперебойном завозе, были различные модификации породоразрушающих долот. В северных разведках бурение в основном производилось ребристыми коронками; бурение коронками-крыльчатками надлежащего эффекта не дало. По северным разведкам средняя механическая скорость составляла 4,31 м/час. Так в Нижне-Грязненской разведке бурение в основном производилось мелкорезцовыми коронками МР6-1 со скоростью 2,2 м/час[421].

В 1963 году наблюдались проблемы со снабжением буровых бригад качественными долотами марки 2В8С. Разведчикам приходилось работать списанными долотами ОМ5758С и 8Т. Важно учитывать, что различные типы шарошечных долот обеспечивали более 70% разведочного бурения[422]. (*Приложение А. Рис. 37.*) Буровой инструмент, в частности долота, изготавливался на Пермском заводе и Верхне-Сергиевском заводе. При этом

[418] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[419] 70 лет тюменской геологии: Служа Отечеству. Т. 1 / Под общ ред. А.М. Брехунцова и В.Н. Битюкова. – Тюмень, 2018. С. 71.
[420] 70 лет тюменской геологии: Служа Отечеству. Т. 2 / Под общ ред. А.М. Брехунцова и В.Н. Битюкова. – Тюмень, 2019. С. 291.
[421] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 661. Л. 22
[422] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3908. Л. 32.

качество инструмента, выпущенного на Пермском заводе, было кратно хуже, что снижало скорость бурения в 3,5 – 4 раза[423].

Помимо основного оборудования геологам, работавшим в «поле», требовались расходные материалы к буровым агрегатам, вездеходная техника и многое другое. Разведки структурного бурения зависели от тракторов, поскольку на каждую буровую требовался один трактор для подвоза необходимого оборудования[424].

При отсутствии техники приходилось использовать гужевой транспорт, применять смекалку, чтобы доставить на буровую необходимый материал. Е.А. Тепляков вспоминал: «Однажды срочно нужно было доставить талевый канат из Сургута в Локосово, а это 90 км по замёрзшей реке. Использовали способ, который назывался «гуси». На обоз из лошадей с санями приходилось по пять витков на каждые сани и так далее растягивался. Всего метраж бухты талевого каната был порядка сотни метров»[425].

В 1950-е годы ощущался острый недостаток в автомобилях повышенной проходимости: ЗИС-151, ГАЗ-63. Первый был востребован для перевозки грузов в условиях сибирского бездорожья, в то время как ГАЗ-63 использовался для перевозки людей и обслуживания полевых партий. На начало 1958 года на предприятиях Новосибирского управления насчитывался 131 трактор, главными из которых оставались С-80 и ДТ-54. Но имеющееся количество тракторов не обеспечивало объемов грузоперевозок предприятий управления, особенно в районах работ Среднего Приобья, где трактора являлись почти единственным видом транспорта перевозок на суше[426].

Помимо недостатка в снабжении материалом, инструментом и оборудованием, в числе которых выделялись дизеля, автотранспорт, долота, турбобуры, обсадные трубы, талевый канат, проблема наблюдалась и с

[423] Ездаков Н. Слово сургутских разведчиков // Ленинская правда. 31 мая 1963. С. 2.
[424] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 653. Л. 7-8.
[425] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[426] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 661. Л. 63-64.

горюче-смазочными материалами[427]. Березовская экспедиция в 1960 год находилась в тяжелом положении из-за отсутствия авиабензина. Полеты по обеспечению буровых бригад продуктами, вывоза рабочих и их переброски в другие пункты не выполнялись. В некоторых буровых бригадах кончились продукты, была острая необходимость в запасных частях к технике[428]. В 1961 году в Сургутской нефтераразведочной экспедиции часто наблюдались простои из-за отсутствия тартального каната, испытателей пластов и резиновых элементов к ним, насосно-компрессорных труб, перфораторов[429].

С открытием первой нефти, усилением геологоразведочных работ, повышенным вниманием со стороны государственных структур вопросы снабжения оставались актуальными. Образованная в 1962 году Усть-Балыкская экспедиция столкнулась с проблемой материально-технического снабжения и обустройством экспедиции, которые не соответствовали установленным объемам работ. Экспедиция не имела производственной базы (кузница, авторемонтные мастерские, электростанция, гараж, турбинный цех, причал и др.), а также необходимого оборудования (металлорежущие станки, особенно трубонарезные, и многое другое оборудование). Ощущался недостаток в транспортных средствах (тракторы, краны, грузовые автомобили и вездеходы, ГАЗ-47, АТТ, АТЛ), которых было недостаточно. Остро обстояло дело с запасными частями к вездеходной технике[430].

Еще одной проблемой на протяжении изучаемого периода была некомплектность поставляемого оборудования. Часто отсутствовали необходимые элементы и составляющие какого-либо механизма или агрегата, что вынуждало геологоразведчиков изыскивать пути поставки недостающего звена, а при возможности изготавливать «деталь» на местах. Например, в Ханты-Мансийскую экспедицию поступило новое буровое

[427] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 571. Л. 34-35.
[428] ГАТО. Ф. 814. Оп.1. Д. 3472. Л. 47.
[429] ГАТО. Ф. Р-1903. Оп.1. Д. 170 а. Л. 9.
[430] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4358. Л. 27.

оборудование, которое оказалось не доукомплектовано – установка БУ-75 не имела насосов и фонаря, что не позволяло запустить её в работу[431].

По воспоминания Н.Е. Перепелюка-Кучерова, «в экспедициях были мехмастерские с различными станками, где можно было работать с металлом и деревом. Если что-то срочное нужно было, то токарь мог это выточить, подогнать. Ждать пока довезут было нельзя, буровую не остановишь»[432].

Развитие отрасли требовало внедрения большего числа используемых средств. Проводилась работа по модернизации технического арсенала работников геологии, что находило отражение в новых моделях оборудования. Тяжелые и малопрактичные в большинстве районов работ буровые установки УЗТМ стали вытесняться новыми более транспортабельными станками БУ-75. Серийные виды буровых установок выпускались заводами «Уралмаш» и «Баррикады». Транспортный парк значительно пополнился вездеходной техникой и мощными тракторами С-100[433]. Активно на просторах Сибири, в помощь нефтеразведчикам в их работе и вопросах снабжения, стала привлекаться авиация. В одном из отчетов упоминалось, что в 1956 год авиация незначительно использовалась на геологоразведочных работах, а в 1961 год уже стала активным помощником экспедиций. В число наиболее востребованных вертолетов входили Ми-1, Ми-4 и тяжелый Ми-6. *(Приложение А. Рис. 38, 39)*. Самолеты Ан-2 и его водная модификация Ан-2В (гидросамолет) пришли на смену технически уступающим ПО-2, Ш-2 (амфибия), ЛИ-2. «Аннушки», способные приземляться в самых удаленных точках региона, в том числе на речках и озерах, стали незаменимым типом самолетов для обслуживания партий геологов и геофизиков: «На буровые, помимо людей, грузы разные завозили, даже цемент возили на Ан-2. Он приводнялся на озере и к берегу подходил. Летал па «поплавках» вместо колес, а зимой лыжи были у него.

[431] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп.1. Д. 4000. Л. 29.
[432] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.
[433] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 24. Л. 19-20.

Много, где он нам помогал»[434]. *(Приложение А. Рис. 40)*. Модернизация касалась и другой техники: колесной и вездеходной.

Более совершенную аппаратуру получали в свое распоряжение геофизики. Как вспоминал А.К. Шмелев, «с 1960-х гг. разведочная геофизика сосредоточилась на детальной сейсморазведке как основном методе поиска месторождений, поскольку основные нефтеносные районы были выявлены. Изменилась аппаратура, приборы стали малогабаритными, с магнитной записью, а к концу 1960-х гг. уже с цифровой. Вместо ручной обработки появилась машинная. Следующая модернизация была в 1970 годы»[435].

Особый вопрос для всех трудящихся в суровых климатических условиях заключался в организации снабжения спецодеждой и обувью. Положение с производственной экипировкой в первой половине 1950-х годов оставалось непростым. В одной из нефтеразведок Новосибирского треста с коллективом более 300 человек было получено всего 30 пар валенок. В результате многие работники получили обморожение[436].

«В целом ранее рабочая одежда была проста, от фуфайки, робы и рукавиц до ватных штанов и валенок. На особое рассчитывать не приходилось. Зачастую и с этим набором, как нам рассказывали бывалые, были значительные трудности»[437], – вспоминал А.И. Гомберг. Согласно воспоминаниям Б.Л. Быховского, «одеждой были фуфайки без воротников, шапки и рукавицы, ничего общего с мехом не имевшие»[438]. *(Приложение А. Рис. 41)*.

Выдача бесплатной спецодежды, спецобуви и индивидуальных защитных приспособлений работникам геологоразведочных организаций и предприятий Министерства геологии и охраны недр регламентировалась на

[434] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.
[435] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 162-163.
[436] ГАНО Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 859. Л. 77.
[437] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[438] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 49.

основании распоряжения Совета Министров от 24.11.1956 г. № 6877-р[439]. Распределение спецодежды на местах, в частности в Сургутской нефтеразведке, производилось согласно коллективному договору и на основе норм, предусмотренных приказом Министерства нефтяной промышленности № 147 от 15 марта 1957 г., а также приказа Министерства Геологии СССР № 1163 от 30 декабря 1956 года. В связи с недостатком спецодежды, в первую очередь одеждой обеспечивались рабочие ведущих профессий – члены буровых бригад глубокого бурения и работники транспорта, которые полностью укомплектовывались. Работники подсобных цехов (плотники и разнорабочие) обеспечивались позднее, по мере получения спецодежды на склад нефтеразведки. Ощущался острый недостаток в валенках, ватных костюмах, полушубках и ватных брюках. В числе основных видов летней спецодежды были хлопчатобумажные костюмы, брезентовые костюмы, кирзовые сапоги, ботинки[440]. *(Приложение А. Рис. 42, 43)*.

Необходимо отметить, что при бесплатной выдаче спецодежды и спецобуви работникам партий и экспедиций, расположенных в районах севернее 62º северной широты, которые работали в теплое время года, а также зимой в отапливаемых помещениях, ватные костюмы, валенки, полушубки, тулупы, меховая одежда и обувь не выдавались[441].

Согласно воспоминаниям Н.Е. Перепелюка-Кучерова, рабочую одежду «выдавали всем в зависимости от профессии, от условий работы. Были нормативы установлены. Меховой костюм не всем положен был, но полушубок, валенки, теплые брюки и телогрейка – это обязательно, шапка ушанка и меховые рукавицы тоже всем выдавалось. А вот унты меховые, костюмы лётные положены были только тем, кто постоянно на буровых, буровому мастеру. Костюм давался на два года»[442].

[439] РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 6. Д. 88. Л. 79 об.
[440] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 51. Л. 95-96.
[441] ГАНО. Ф.Р-1470. Оп. 1. Д. 859. Л. 63.
[442] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.

Несмотря на предписанные регламенты и нормы, серьезные недостатки по обеспечению трудящихся спецодеждой сохранялись долгое время. К их числу относились несвоевременная выдача, увеличение сроков носки против установленных норм при выдаче, отказ принимать на склады спецодежду, бывшую в носке, при увольнениях и перемещениях работников, удержание за досрочный износ, отсутствие стирки и ремонта, сушилок и шкафов для спецодежды и спецобуви. За сезон обычно изнашивалось 2-3 пары, а валенки выдавались лишь раз в сезон[443]. Даже на страницах периодической печати публиковались заметки, которые подтверждали подобные недостатки. В них отмечалось, что «перед наступлением зимы работников заверяли, что все получат теплую одежду и спальные мешки. Но все это оказалось на словах. Рабочих не оставили без валенок и ватных костюмов, спальных мешков, но качество их было отвратительное»[444].

Спецодежда для дизелистов по нормам должна была состоять из ботинок и защитных очков, а в условиях Севера даже при небольшом дожде, без сапог становилось сложно пройти по поселку[445]. А.И. Гомберга рассказывал: «Вечная проблема была со спецодеждой. Особенно сложными были периоды с валенками, имевшими свойство садиться, поэтому всегда брали с запасом на несколько размеров. Летом основной одеждой были энцефалитные костюмы. А так телогрейка, шапка, верхонки, энцефалитный костюм, резиновые сапоги. Зимой были ватные брюки, валенки. Те же энцефалитные костюмы полагались около 12 месяцев, а его хватало при работе на 3-4 месяца. Если же износил, но он есть на складе в наличии, то бери уже за наличный расчет. А если нет, то заштопай, зашей, носить надо»[446]. Сами работники геофизики вспоминали, что «и в будни, и в праздники носили мы одну и ту же униформу: летом хлопчатобумажные костюмы и ботинки или кирзовые сапоги, получаемые на складе партии

[443] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 42.
[444] Моргун В. Наладить снабжение в полевых партиях // Ленинская правда. 17 февраля 1959. С. 2.
[445] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 19. Л. 89.
[446] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

сначала так, позднее за кровные, зимой – валенки, ватники и даже армейские белые полушубки»[447]. *(Приложение А. Рис. 44)*.

Согласно докладу главного инженера Тюменского геологического управления Соболевского, можно утверждать, что выпускаемая спецодежда и спецобувь для геологоразведчиков не удовлетворяла работников, трудившихся в районах Крайнего Севера. Пошив оставался на уровне 10-20 лет назад, нового для буровиков разработано не было. Материал, из которого изготавливалась спецодежда, не отвечал требованиям: низкого качества, грубый, если брезентовый костюм в зимнее время намокал, то он становился жестким и хрупким, в нем было неудобно работать. Ватный костюм не покрывался водоотталкивающей тканью и при намокании становился очень тяжелым. Валеная обувь быстро изнашивалась, при сушке сбегалась на 2-3 размера в меньшую сторону, а геологические сапоги пропускали воду[448].

Часто даже выделенных по годовым фондам меховых унтов, рукавиц, шапок-ушанок, накомарников и другой необходимой экипировки не хватало, чтобы обеспечить утверждённые нормы. Кроме того, поставки порой планировались на второе полугодие, многие грузы не успевали завезти в северные разведки по воде и отправляли дорогим авиатранспортом. Из-за этого разведки и экспедиции не могли своевременно снарядить и отправить работников в «поле». Особенно плохо снабжались партии, которые находились далеко от экспедиций, куда добирались только на самолетах[449].

Нередки были случаи, когда из выделенной одежды завозилось гораздо меньше заявленного и не в требуемый срок. Например, из 1000 накомарников 500 штук было задержано, их получили в IV квартале 1959 года, когда потребность в них отсутствовала[450].

Несмотря на данные недочеты геологоразведочные работы не прекращались, но были менее комфортными. Часто плохая экипировка

[447] Семеркин В.И., Бобровник И.И. Воспоминания тюменских геофизиков. Екатеринбург, 2002. С.117.
[448] ГАТО. Ф.1903. Оп. 1. Д. 94. Л. 112-113.
[449] ГАСПИТО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 24. Л. 67.
[450] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

становилась поводом для увольнения. Так в 1962 год работники Сургутской нефтеразведки просили выдать болотные сапоги, на что руководство предлагало лишь геологические. В результате часть рабочих подали заявление на увольнение[451].

Важным моментом являлось различие рабочей спецодежды и одежды ИТР-состава нефтеразведки. Главный геолог Сургутской нефтеразведочной экспедиции Е.А. Тепляков отмечал: «Летом получили мы хлопчатобумажный белый пиджачишко, типа кителя, штаны белые льняные, сапоги геологические с душкой, накомарник. ИТР в них ходили. Наверх была сетка Павловского, вязанная из толстых ниток клеточками такими, пропитанная чем-то, что отгоняло гнус. Летом идешь точку отбивать или что, себя не замечаешь, а кто впереди тебя идет, спина вся желтая от комаров. Нигде не просвечивает ткань, вся насквозь. *(Приложение А. Рис. 45)*. А зимой валенки, любого размера, полушубок, рукавицы, шапка, их никто не носил, но было положено, они хуже солдатских. Ну, а потом уже ИТРовцы могли купить унты, летнюю куртку или костюм меховой и штаны с лямками. А у рабочих нормальная солдатская форма была – валенки с чунями, подобие резиновых галош, ватник и штаны ватные, стеганые, сверху шапка, рукавицы меховые и сверху роба брезентовая. Пуговицы какие-то роговые черненькие были, но они отпадали на второй день. Робу застегивали потом гвоздем, прокалывали и штивкой его прицепляли, он держался насмерть и удобно. Летом была рабочая роба, сапоги или ботинки»[452]. Женщины, кто работал при полевых партиях, были экипированы аналогичным образом с мужчинами. *(Приложение А. Рис. 46)*.

Женщины, в свою очередь, могли выделяться своим внешним видом на стационарных базах геологов, в поселках и селах округа. Изучить повседневную и рабочую одежду помогают не только фотографии исследуемого периода, но и воспоминания многочисленных акторов.

[451] ГАСПИТО. Ф. 2344. Оп.1. Д. 64. Л. 26.
[452] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

Повседневная одежда преимущественно была простой и практичной, но в то же время позволяла людям чувствовать себя «как все», не ощущать оторванности от основной части страны. Воспоминания А.И. Гомберга подтверждают эту мысль: «По одежде обычно всё было. Тем более все люди каждый год ездили куда-то отдыхать, через Москву часто. Одевались обыкновенно, нормально. В целом, как вся страна, так и мы одевались. Ну я, как начальник партии, всегда носил костюм. Некоторые любили носить свитер и брюки. Меховые костюмы были. Это было модной одеждой, но их, конечно, не хватало всем[453]. *(Приложение А. Рис. 47)*.

Один из молодых специалистов, Е.А. Тепляков, модник того периода, дополнял: «Повседневной одеждой тех, кто с вахты приезжал, был костюмешко. Я не знаю, сколько он точно стоил, примерно 50-60 рублей. Глаженные, двубортные пиджаки. Штаны кому такой ширины, кому чуть уже, кто любил клеш, тот клинья вставлял. Ботинки у всех почти одинаковы, одного фасона, «Тюмень подошва» делала. Кепки в основном носили простые. Кто доставал модные, тогда были с ворсом такие, это по блату привозили из Тюмени. А так все в кепках, с открытой головой мало кто ходил. В то время принято было, если мужик без кепки идет, это не хорошо – или пропил где-то, или потерял. Соболиные меховые шапки появились, когда приехали нефтяники в 1964 году и позже. Я одно время зимой в короткой летной куртке щеголял, модно было, но холодновато»[454]. «Рубашки носили, свитера. Зимой как все тулупы, где фуфайки можно было встретить, валенки или унты носили на ногах»[455], – добавлял Б.И. Шиян.

Л.И. Халилова вспоминала: «У мужчин в почете была куртка летная. Позже длинная была с капюшоном, очень теплая. Ондатровая шапка. На ногах были в основном валенки. Халилов (муж – авт.) у меня в поле в галстуке выезжал, а уже в поле надевал сапоги болотные»[456].

[453] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[454] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[455] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2013 г.
[456] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.

Женщины, которые работали не в «поле», старались оставаться модницами: «Повседневная одежда у женщин была разная. В основном костюмчики, блузки, платья, юбочки. На ногах туфельки в помещении, а так сапоги – самая практичная обувь по грязи. Геофизики были у нас красивые, все старались быть на уровне, да и мужчины всегда при костюмах, рубашках. Зимой мы шубки носили из кролика, мутоновые, каракуль, если портниха хорошая, то и пальто могла красивое сшить. Соболей (мех – авт.) на месте приобретали. Ханты заходили, говорили: «Пиво есть?» – это значит бражка. Тогда он соболя давал и из меха уже шили, что надо было»[457]. В.С. Теплякова делилась своими воспоминаниями: «Наши геологини местные почти никогда не носили шубу из соболя, хотя купить его можно было за несколько бутылок. Многие любили носить шали пуховые, платки разные. На ногах были сапоги зимние меховые, кожаные появились довольно поздно, когда нефтяники приехали. В основном по поселку в валенках ходили. Пальто драповое любили. Работницы порой простую цигейку носили. Вот весь наряд наш был»[458]. *(Приложение А. Рис. 48, 49)*.

Нехватку промышленных товаров для населения, в том числе и для детей, приходилось компенсировать покупкой в отпуске в других городах страны или самостоятельным шитьем необходимых вещей. Детские вещи долгое время оставались острой проблемой снабжения. В 1960 год секретарь окружкома КПСС Кузнецов отмечал, что было очень мало трикотажных изделий, особенно детских[459].

Так в Нарыкарском и Ханты-Мансийском ОРСах в 1960-е годы ощущался недостаток в промтоварах. Для детей не было совсем ничего – ни обуви, ни костюмов, и для того, чтобы обеспечить детей к школе, родителям приходилось ехать из Нарыкар в Октябрьск для того, чтобы закупить школьные принадлежности и одежду[460]. В.И. Перепелюк, многодетная мать,

[457] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.
[458] Интервью Тепляковой В.С. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2014 г.
[459] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп.1. Д. 2003. Л. 94.
[460] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 29. Л. 30.

вспоминала: «Одежду в основном шили. Особенно сложно с самыми маленькими было, на них вовсе ничего не достать было. Купить не все можно было, красоты особой не было, но голыми не ходили. Покупали ткани и сами кроили, шили. У нас многие вещи дети потом друг за другом донашивали, старались беречь».[461] *(Приложение А. Рис. 50)*.

Геологоразведчикам вновь приходилось самостоятельно искать пути решения подобной проблемы. Из воспоминаний Э.М. Гильмановой следовало, что геологи «сами шили, особенно детей обшивали, и часто в других городах всю семью одевали. Часто там же привозили нужные ткани и у знакомых портних заказывали себе платья и наряды, чтоб на работе ни с кем не повторяться».[462]

Шить и вышивать приходилось как собственноручно, так и с помощью швейных машин. По воспоминаниям В.Н. Иванова, «детского не было ничего. На детей никто не заказывал, всё лишь для работы. Те же валенки больших размеров, меньше 38 не помню. Я купил швейную машинку. Жене показал в какую сторону крутить, и она стала дочери шить»[463].

Выезд на «большую землю» позволял компенсировать недостаток в вещах. Часто приходилось закупаться впрок на целый сезон вперед: «Многое в отпуске в Москве покупали. И для детей брали, и шубки, и ботинки с колокольчиками и пр. Всё посылками отправляли, и с собой чемоданы кожаные возили. На каждого по 20 кг. Авиапосылки шли долго, мы приезжали домой уже и потом получали»[464].

Таким образом, материально-техническое снабжение было ориентировано на достижение результативности основной деятельности с расчетом восполнения базовых нужд работников геологоразведочной отрасли, обеспечивающих форсированные темпы нефтепоисковых работ. Проблемы технического наполнения оборудования, сложности в

[461] Интервью Перепелюк В.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.
[462] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013 г.
[463] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[464] Воспоминания Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.

обеспечении спецодеждой нивелировались геологоразведчиками посредством механизмов официальных и неформальных коммуникаций. С момента подтверждения факта нефтеносности региона произошли качественные изменения в сторону увеличения объемов и диверсификации производственного снабжения, в то время как социально-бытовая составляющая продолжила оставаться в тени производственной доминанты и требовала проявления личностных коммуникативных инициатив.

2.3 Организация жилого пространства геологоразведчиков в «поле» и стационарных местах проживания

Проведение геологоразведочных работ в малообжитых районах Среднего Приобья, выход партий нефтеразведчиков на маршруты вдали от многих населенных пунктов, проходивших порой в условиях экстремально пониженных температур, нескончаемого гнуса, сложного рельефа местности, делало значимым вопросы организации жилого пространства в полевых и стационарных условиях базирования.

На пересеченной местности у работников многочисленных партий «в первые годы нефтепоиска нередко можно было встретить шалаши и землянки. Ни о каких условиях и речи не было»[465]. А.Р. Малык вспоминал: «Если в экспедициях быт был несколько организован, то в партиях, например, в Кугах (Березовский район) … У нас там было два дома. В одном все жили, а во втором располагались контора, камералка, радиостанция. Остальное всё в землянках. В крутом склоне берега была выкопана землянка под столовую. Весной в эту столовую приходила вода, мы ходили в сапогах с раскатанными голяшками. А рядом еще несколько землянок. Или вот: люди поженились, и жить где-то надо вместе. Значит, лопату в руки и в стенке этой землянки прокапывали себе нишу, ставили туда кровать, завешивали чем-то – появлялась отдельная квартира. Позже уже, когда я был начальником

[465] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

партии, немножко начали обустраивать базы, а раньше никто и не спрашивал, где там жить, что там делать»[466].

С активизацией работ самым распространенным видом временного жилья у нефтеразведчиков были палатки и вагончики, которые заменяли стационарное жилье за пределами населенных пунктов. Так, в полевых топографо-геофизических партиях рабочих и ИТР в зависимости от характера работ размещали в деревнях у частных домовладельцев или обеспечивали палатками[467]. В них создавались простейшие условия для проживания на определенный срок, например, до следующего переезда партии, и организовывался отдых работников после трудового дня. Палаточные лагеря полевых отрядов преимущественно разбивались вблизи водоемов, что обеспечивало им мобильность и бытовые удобства при базировании – доступ к воде, возможность вылова рыбы, принятия водных процедур в теплое время года[468]. *(Приложение А. Рис. 51)*.

Размер палаточных лагерей зависел от задач и масштаба работ, выполняемых геологами: съемка местности, поиск или разведка. В случае каждодневного перемещения по маршруту место под палаточный лагерь организовывалось в наиболее оптимальном пункте для дальнейшего следования отряда. В зимний период работники топографо-геодезических отрядов использовали одну особенность, которая позволяла им комфортнее восстанавливать силы после работы. И.М. Жук вспоминал: «Зимой особенно не наберешь с собой теплого, каждая вещь – это груз дополнительный. Я сам в такие походы палатку с утеплителем только поначалу брал. А потом делал так: с утра посылал рабочего на точку, где ночевать будем, – выбирай место, жги большой костер. Приходим, разгребаем все, ставим быстренько палатку,

[466] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 127.
[467] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1. Д. 37. Л. 18.
[468] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.

туда веток свежих сосновых-еловых. Наша палатка покрывалась изморозью, но тепло всю ночь держалось: земля тепло отдавала»[469].

Палатки изготавливались из полульняной парусины (брезента), в состав которой входила толстая пряжа из хлопка и льна. Обычно ткань обрабатывалась специальным составом, что обеспечивало длительную эксплуатацию и износоустойчивость. Палатки были разных размеров и модификаций, обычно одно-, двух, четырехместные. Все зависело от количества человек в отряде и поставленных целей. На отряд геологов приходилось несколько палаток. В них создавались простейшие условия для отдыха и сна от 4 до 10 человек. *(Приложение А. Рис. 52)*.

Для поддержания комфортного микроклимата внутри палатки, особенно в осенне-зимний период, она оснащалась печкой-буржуйкой и редко дополнительным внутренним слоем – утеплительной тканью с целью удержания теплого воздуха. Внутри палатки находились спальные места, обычно представлявшие из себя спальные мешки, уложенные на срезанный лапник (ветки сосны и пр.) или личное обмундирование работников. Если отряд работал весь полевой сезон, то в палатке уже сколачивали нары со спальником, стол и лавки. Рядом устанавливали отдельные палатки под хранение оборудования и материалов, провизии[470]. «Топографы, геодезисты жили в палатке. Мы, когда работали на маршруте, даже зимой в палатке были, палатку перемещали. Но в палатке печка была, буржуйка так называемая. Палатку кто-то один подтапливал, чтоб другие спали. Это потом уже, как появилась техника, зимой балки перетаскивали. Ну, а летом и до самой глубокой осени в палатках, конечно»[471], – вспоминал А.И. Гомберг. *(Приложение А. Рис. 53, 54)*.

Геофизики работали в несколько иных условиях. Г.П. Агафонова указывала: «Разве можно сравнить два полевых отряда – сейсмический и

[469] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 94.
[470] Составлено на основании интервью Гомберга А.И., Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.; Ханты-Мансийск, 2012 г.
[471] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

гравиметровый? Никакого сравнения. В сейсмическом живешь в балке, ездишь на тракторе, питаешься нормально (есть повариха), можно и помыться. Наши гравиметровые отряды сродни только геодезическим – у них тоже палатка, и еще хуже, всё на себе, как, впрочем, иногда и у нас»[472]. Т.М. Багаева подметила некоторые особенности организации водных партий: «Водные сейсмические партии работали на баржах, на которых и жили работники. Жили не в каютах, а внизу баржи. У каждого был свой индивидуальный полог. В роли камералки – баржа, три окна, катерок впереди тянет. Работали – не важно сколько там на часах: круглый день светло, когда хочешь тогда и работай»[473]. Т.В. Салманова, в годы своей работы, отмечала и иную организацию проживания: «Были на барже, на которой у нас все было. На барже было много вагончиков, типо засыпушек. В каждом по 4 человека. Летом они на барже стояли. Зимой эти же вагончики на санях, но таскал нас трактор по профилю»[474].

Для буровых бригад условия проживания несколько отличались от полевых отрядов: «Бытовые условия разведчиков в то время были намного хуже. Балков готовых в наличии не было, строить – отсутствовал материал. Для жилья использовали старые культстаны, избушки. На скважине № 32 Локосовской площади бригада жила в доме бревенчатого типа. Большая общая комната: посередине стояла большая железная печь и большой, сколоченный из досок стол. Для отдыха были сделаны двухъярусные нары. В летнее время над нарами натягивали пологи из марли, спасающие от гнуса[475].

Согласно воспоминаниям Н.Е. Перепелюка-Кучерова, «на буровых летом тоже в палатках жили по первой. Зимой насыпной строили из досок – столбы ставишь, досками обшиваешь, опилок засыпаешь, отопление печное. Если был кругляк, то из него могли делать или сочетать материал какой был,

[472] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 78-79.
[473] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 89.
[474] Интервью Салмановой Т.В. // Полевые материалы автора г. Москва, 2024 г.
[475] Интервью Каденковой Л.Е. // МГНГ НВ-707. 1984 г. С. 19.

главное, чтоб крыша была и тепло. Внутри кроме сколоченных нар и стола ничего и не было. Все примитивно было»[476]. *(Приложение А. Рис. 55)*. И.Ф. Волков, обслуживавший дизеля на буровой, также вспоминал: «На буровой жили в бараках. Через 8 часов ходили на вахту. Условия в первые годы, хоть в Локосово, хоть здесь в Сургуте были сложные. Стояли у нас балки-вагончики, но очень мало было. Условий никаких не было, дровами отапливались в бараках»[477]. В это время в Локосово шло обустройство поселка, жили по две семьи 8-7 человек на 17 кв. метрах[478].

В связи с отсутствием жилья и отдаленностью скважин от населенных пунктов буровые бригады обеспечивались брандвахтой для размещения людей[479]. Изготавливал их тюменский комбинат № 16, который поставлял передвижные обустройства. Геологи, бурившие профили по малым рекам и притокам в малонаселенных местностях, выдали заказы на строительство плавучих барж для бурения скважин с отдельными местами для размещения рабочих[480]. *(Приложение А. Рис. 56)*.

Работник Юганской разведки Ф.Д. Сухушин на одном из собраний заявлял, что в 1957 год плохо обстояло дело с жильем не только зимой, но и летом. На брандвахте была одна только печь, крыша текла, люди жили в тесноте[481]. Главный геолог этой же разведки Е.А. Тепляков отмечал: «Если брать бурение профильное, туда до Тайлаково, там работали четыре станка, т.е четыре бригады одновременно. Кто не брал с собой семьи на лето, а был один, жили в палатках на берегу. А для семей, у кого жилья еще не было в Сургуте, была брандвахта. Это вместе с установкой буровой, они на понтонах были смонтированы, катер тащил от скважины до скважины. Это баржа и на ней типа надстроечка маленькая с длинным коридором. Она была метров 15 в длину. И там по типу кают маленьких направо и налево. И вот

[476] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.
[477] Интервью Волкова И.Ф. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[478] ГАСПИТО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 63. Л. 10.
[479] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.
[480] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 24. Л. 120.
[481] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

ребятишки были даже грудные у женщин с собой. Там вообще никаких удобств»[482]. Архивные документы также содержат сведения о трудностях жизни на брандвахте вдали от населенного пункта: «Как жить в брандвахте, комнатки два на два метра, печей нет, а сейчас хотят вести на отстой за 2,5 км. Ни за продуктами, ни в кино не сходишь, есть одна кухня там-же готовят, там же сушат пеленки»[483].

Эти временные жилища относились к простейшим и наиболее распространённым типам. Однако работа в суровых климатических условиях и необходимость обеспечить нефтеразведчиков более комфортными условиями проживания способствовали внедрению вагончиков, или, как порой их именовали сами геологи, балков. Они выступали жилым мобильным пространством (в случае необходимости их перевозили – авт.) как в стационарных местах базирования геологов, так и в районах проведения работ. В свою очередь историк И.Н. Стать называет балками деревянные или металлические неблагоустроенные домики, строившиеся из различных подсобных материалов[484]. Данная трактовка уместна для периода активного нефтегазового освоения, когда такой тип жилья был распространен среди многих представителей нефтегазовой отрасли, в том числе нефтяников. Однако для периода геологического поиска подобный термин применялся в нарративах геологов для обозначения именно мобильного типа жилья. Часто эти понятия употреблялись в единой связке – «вагончик-балок». Примером тому может служить статья в газете, где старший геолог Тюменской комплексной геологоразведочной экспедиции использовал такую формулировку[485].

Преимущественно в зимний период, продолжавшийся более полугода, вагончики использовались сейсмиками. Лишь позднее вагончики стали практиковаться и другими работниками отрасли для организации обогрева в

[482] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[483] ГАСПИТО. Ф. 2344. Оп. 1. Д. 62. Л. 3.
[484] Стась И.Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-мансийском округе (1960- начало 1990-х гг.). Сургут, 2016. С. 165.
[485] Кравченко Л. Наши люди // Тюменский геолог. 5 ноября 1964. № 18. С. 2.

период рабочей смены или создания баз партий. В них сотрудники могли отдохнуть, восстановить свои силы после рабочей смены и провести досуг.

Если в первые годы вагончики изготавливались на заказ промартелями или плотницкими бригадами по чертежам геологоразведчиков и могли отличаться по своей конфигурации и размерам, то в дальнейшем с началом их серийного выпуска появилась некая стандартизация. Согласно данным, вагончики, используемые для проживания буровой бригады на месте бурения скважины, производились на базе Ухтинского, Рижского, Вышневолоцкого деревообрабатывающих комбинатов и были рассчитаны на 6-8 человек. Полезная площадь тамбура составляла 2,5 - 3,3 кв.м., площадь двух жилых отделений достигала показателя 8,4 - 8,8 кв.м. каждый[486]. *(Приложение А. Рис. 57)*.

Применение вагончиков зависело от их конструкции, назначения и оснащения. Основными требованиями, которым должен был соответствовать вагончик, являлись:

– транспортная мобильность (наличие полозьев или иных механизмов для удобства транспортировки объекта на новое место вездеходным транспортом или авиационным на подвесе);

– надежность конструкции (устойчивость к многократным перевозкам и сохранение качества материала, необходимого для проживания людей);

– внутреннее наполнение (спальные места; стол/полки; печь-буржуйка; вентиляция; при возможности наличие рукомойника)[487].

По своим конструктивным особенностям вагончики подразделялись на следующие типы:

---

[486] Гурьев В.И. Санитарно-гигиеническая характеристика условий труда и быта рабочих предприятий Главтюменьгеологии при глубоком разведочном бурении в условиях Крайнего Севера и Среднего Приобья Тюменской области // Медико-биологические проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. Новосибирск, 1977. С. 89.

[487] Рашевский В.В. Жизнь в поле: типология мобильного жилья тюменских геологов в 1950-х – 1960-х гг. // X Региональная конференция им. В.И. Шпильмана «Проблемы рационального природопользования и история геологического поиска в Западной Сибири». Ханты-Мансийск, 2022. С. 196.

– стандартный (внутренние перегородки отсутствовали, было одно большое помещение, которое могло использоваться в разных целях: в качестве склада, для рабочих нужд по обработке получаемого материала, для проживания, где могло разместиться до 8, порой и до 12 человек)[488]. Нередко данные нормативы превышались в несколько раз в виду нехватки жилой площади: «Так в одной из партий в четырёх балках жило более 40 человек, ничего не было. Здесь готовили и сушили спецодежду»[489].

– распашной (в центральной части находился тамбур, по обе стороны от которого располагались жилые зоны);

– с тамбуром (основное помещение, отделенное небольшой перегородкой, которая создавала буферную зону между жилым пространством и улицей)[490]. *(Приложение А. Рис. 58)*.

По материалу изготовления вагончики подразделялись на «самодельные», зачастую полностью деревянного исполнения, и заводские, «из дерева и металлоконструкций». На заре нефтепоиска вагончики были только «самодельными», утепленные подручными материалами. Согласно воспоминаниям Б.Л. Быховского, «первые балки, придуманные Шмелевым и изготовленные местной промартелью, были совсем шаткие, крохотные. О комфорте не было и речи. При спусках-подъемах балки норовили сложиться, наподобие карточных домиков, и при этом втягивали в себя снег».

В свою очередь А.К. Шмелев добавлял: «В организации зимних сейсморазведочных работ опирались на опыт Тобольской сейсмопартии: использование для жилья и размещения аппаратуры на тракторных санях. В каждой партии было по пять балков: в одном – сейсмостанция, в другом – кухня столовая и три жилых. Размещение даже таких балков по профилю обеспечивало обогрев всех работников, кроме топоотряда. У них не было ни транспорта, ни обогрева. Круглосуточно отапливался только балок-

[488] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2014 г.
[489] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 16. Л. 109.
[490] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2014 г.

сеймостанция. Рабочие партии ночевали, как правило, в ближайшей деревне, куда уезжали, закончив рабочий день, на тракторных санях. При удалении от деревни все жили в балках»[491].

Конструкция первых вагончиков-балков тоже была довольно простой: «Снаружи доска и внутри доска, а между ними утеплитель – опилки. Поехал балок – посыпался утеплитель. Мы их и снаружи толью обивали, и внутри – шкурами, одеялами, стеганными полотнищами»[492]. *(Приложение А. Рис. 59)*.

Согласно воспоминаниям Е.А. Теплякова, «нижний каркас порой собирался из бруса. Стены были дощатые, между которыми засыпались опилки. Такие модели были весьма уязвимы к слому при транспортировках и холоду, поскольку быстро выстужались, что требовало постоянно подтапливать для поддержания в нем комфортной температуры. Для удобства перемещения их устанавливали на салазки, тогда можно было хорошо перемещать с помощью тракторов»[493]. *(Приложение А. Рис. 60)*.

Отапливать балки-вагончики приходилось печкой, которую топили в основном дровами, реже углем. Позже для отопления вагончиков применяли самодельные нагревательные приборы и значительно реже – газовые печи[494]. Отопление обеспечивали и керосинками с примусами, но они были подвержены воспламенению. Стали использоваться маленькие буржуйки с двойными стенками и с песком между ними для сохранения тепла. В дальнейшем такие буржуйки заказывались хозслужбой экспедиции для сейсмопартий[495].

Порой геофизики использовали и иной способ для быстрого обогрева помещения. А.Н. Задоенко поделился одной особенностью, которую

---

[491] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 49.

[492] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 71.

[493] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2014 г.

[494] Гурьев В.И. Санитарно-гигиеническая характеристика условий труда и быта рабочих предприятий Главтюменьгеологии при глубоком разведочном бурении в условиях Крайнего Севера и Среднего Приобья Тюменской области // Медико-биологические проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. Новосибирск, 1977. С. 89.

[495] Семеркин В.И., Бобровник И.И. Воспоминания тюменских геофизиков. Екатеринбург, 2002. С.107.

использовали геофизики в процессе работ: «За рабочий день все промерзало, была холодрыга и вообще, затопить – это была проблема. Мы же своё придумали. У нас списывали тротил. В скважину погружали взрывчатку по 400 грамм и прочее. Но он часто бился, много оставалось крошек. Его списывали, а куда его девать. Уничтожать. Так он отлично горит. В печурку кинул, поджег, и через 10 минут в балке уже тепло. Нагревалось мигом. Но списывали там ерунда, конечно. За это, конечно, не похвалят, но зато вот так быстро обогревались»[496].

В дальнейшем, с наращиванием объемов геологопоисковых работ, техническое снабжение геологической отрасли улучшалось. Происходили изменения и в организации мест временного пребывания людей на производстве, улучшении условий их проживания. Согласно приказу Министерства нефтяной промышленности СССР № 206 от 31 мая 1956 г. с целью развития приказа «Об улучшении жилищно-бытового обслуживания работников нефтяной промышленности» предполагалось производство сборно-разборных объектов производственного и культурно-бытового назначения для разведчиков и геофизиков. Для треста «Запсибнефтегеология» предусматривалось изготовить по 5 комплектов обустройства нефтеразведок передвижными объектами. В их число входило общежитие на 8 человек, столовая с кухней на 12 мест из двух вагонов, культбудка, баня с пропускной способностью 6 человек в час, прачечная, механическая мастерская, кузница и сварочная, дизельная электростанция, отопительная установка на 2 котла, материальный склад – кернохранилище, склад горючих и смазочных материалов[497].

Создание столь комфортных условий для большинства нефтеразведок было сложной задачей, что подтверждалось на практике. На одном из совещаний в 1964 году был рассмотрен вопрос централизованного обеспечения геологического управления прочными передвижными домами

[496] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[497] ГАНО. Ф. Р-1470. Д. 653. Оп. 1. Л. 2-3.

для геологоразведочных и геофизических партий: «В течение восьми лет этот вопрос ставился геологоразведочными организациями перед совнархозом, были обращения в другие совнархозы. Вопрос с их изготовлением когда-то будет решен и когда-то эти балки нам привезут, но ведь нам надо сейчас заботиться о людях»[498].

Подобные начинания позволили значительно повысить качество выпускаемой продукции и улучшить условия проживания работников вне стационарного жилья. В большинстве случаев нефтеразведки располагали лишь обычными вагончиками улучшенного заводского производства, которые адаптировали под свои нужды. Вагончики были покрыты снаружи металлическим листом, стенки помещения были утолщены и обшиты деревом, материал для утепления применялся более качественный, в том числе с помощью пенопласта. Однако и в дальнейшем имелись случаи несоответствия по конструкции. В 1964 году на одной из буровых рабочие жаловались на холод в балках, стены которого не были обиты железом. Печки топились все время, но они не давали необходимого тепла[499].

Качество изготовления продолжало оставаться на низком уровне, что подтверждалось обращениями людей к руководству при проведении совещаний: «Люди живут в балках, но балки эти никуда негодны, в большинстве своем они просто не соответствуют для жилья. Приходится всю ночь топить печку в балке, а если этого не сделать, спальник примерзает к нарам. У нас в балке одна работница проткнула ногу, потому что тащит трактор балок и огромные колья проходят через пол. Эти балки являются жильём для сейсмиков на весь период их работы, следовательно, какие-то удобства им должны быть созданы. В этих балках даже умыться негде»[500]; «Порой волосы примерзали к стенке. Плохо протопленный вагончик за ночь быстро остывал», – дополняла Л.И. Халилова[501].

[498] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 24. Л. 115.
[499] ГАСПИТО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 23. Л. 50.
[500] ГАСПИТО. Ф3967. Д. 25. Л. 13.
[501] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.

Если с мобильными типами жилья в «поле» было определенное понимание, то организация стационарного жилья при населенных пунктах, где базировались геологоразведчики, носила смешанный характер. В виду нехватки жилой площади в селах, поселках и городах можно было встретить самые различные вариации типов жилья. В их число входили и временные постройки, которые использовались нефтеразведчиками в условиях повседневного труда.

В одном из отчетов Новосибирского геологического управления фигурировала информация о проживании людей в палатках. Управление рассчитывало на одиночек, а попали семейные люди. Они жили до октября в палатках. Плохое положение дел порождало «черный юмор»: «Если говорит я умру, в могиле больше земли достанется, чем я занимаю площадь в квартире». На человека приходилось по 1-2 кв. метра, тогда как по нормам на человека полагалось 9 кв. метров[502].

Несмотря на то, что на рубеже 1950-х – 1960-х годах в стране наметился новый подход к распределению жилплощади – предоставление одной семье отдельной квартиры, реализация данного подхода в условиях Сибири была проблематичной[503]. На долю сибирских геологоразведчиков в годы седьмой пятилетки (1959-1965 гг.) обеспеченность жильем не превышала 50%. Низким было качество возводимых домов, большую долю составляли здания временного типа.

Согласно отчету секретаря Тюменского обкома КПСС А.К. Протазанова до середины 1965 года в городах, где были открыты нефтяные и газовые месторождения, не было ни одного капитально построенного дома, отсутствовали водопровод и канализация[504]. Положение дел было непростым даже несмотря на действовавшее Постановление Совета Министров СССР от

[502] ГАНО Ф. Р-1169. Оп. 4. Д. 71. ЛЛ. 24-25.
[503] Букин С.С., Исаев В.И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920-1960-е годы). Новосибирск, 2009. С. 156.
[504] Долголюк А.А. Опыт стабилизации строительных коллективов районов нового освоения Сибири в 1950-1980-х гг. // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып.2. Новосибирск, 2007. С. 130.

08.09.1960 г. № 981 о строительстве жилых домов в городах и рабочих поселках за счет ассигнований на геологоразведочные работы[505].

С аналогичными трудностями в первые годы становления нефтеразведки пришлось столкнуться прибывшим геологам – работникам Юганской разведки структурно-поискового бурения, в дальнейшем превратившейся в Сургутскую нефтеразведочную экспедицию. Согласно решению № 102 от 25 апреля 1957 года для размещения геологов в поселке Черный Мыс в северной части «Затона» было выделено 5 га земли. На этой территории предполагалось строительство жилого поселка первых геологов и промышленных объектов, сформировавших производственную базу[506].

До возведения первых домов часть работников проживала у местных жителей. «Рядом с нашей базой деревушечка же была, все постарались устроиться по частным квартирам», – вспоминал Е.А. Тепляков[507]. В дальнейшем прибывающие в состав нефтеразведки новые специалисты в виду нехватки жилья временно проживали в палатках и землянках. «Начальник позвал моего мужа и попросил поставить палатку. Покажи, что в ней можно жить. Скоро подъедет народ, можно в палатках пока», – вспоминала эпизод из своей жизни Э.М. Гильманова[508].

Для строительства поселка геологов был организован строительный участок: «С сентября и до весны 1958 года дома были поставлены, всю зиму работали»[509]. По улицам Новая и Сосновая были возведены первые дома, привезенные геологами на баржах с Кемеровской области, в которых разместились семьи с детьми. Дома были небольшие и имели немало изъянов для проживания в сибирских условиях. Общая площадь дома не превышала 40 кв. м, что в расчете на каждого члена семьи составляло не более 5-7 кв.м. «Новый 1958 год отмечали у Деминых, потому что все еще жили по частным квартирам, а им отдали как многосемейным первый построенный домик.

[505] РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 6. Д. 217. Л. 11 об.
[506] Муниципальный архив города Сургута». Ф. 1. Оп. 1. Д. 113. Л. 111.
[507] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[508] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013 г.
[509] Интервью Иванова В.Н. // // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.

Никаких перегородок у них не было. В уголке стояла железная печка, нормальной сложенной не было еще. Как ее натопили, со стен ледяной мох поплыл. А потом где-то к ночи печку не топили, стены сырые и сосульки в доме образовались», – вспоминал Е.А. Тепляков[510]. *(Приложение А. Рис. 61)*.

Основным материалом, служившим для строительства домов, являлась сосна. Бревна, завозившиеся с вырубки, просушивали, после чего они шли в строительство. При возведении стен дома между бревнами прокладывали сухой мох. Он обладал отличной гигроскопичностью и непродуваемостью. Оконные рамы старались делать двойного остекления для лучшего сохранения тепла в зимний период[511]. Прочие строительные материалы в основном завозились за сотни километров из треста в Новосибирске, которому подчинялась нефтеразведка.

Таким образом, одноэтажные, бревенчатые, двухкомнатные дома геологов на Черном Мысу стали основным видом жилья. Вследствие нехватки жилых помещений в первое время в подобных домах проживало две семьи геологов, поэтому площадь на одного человека кратно сокращалась: «Наш домик был на две половины. В одной половине мы жили, в другой половине начальник геофизической партии. Дом точно пополам делили. Почти квадратный, разделен перегородкой, прослушивающийся почти. Как заходишь маленькая перегородка, где была печка и кухня, а дальше проем без дверей и жилая комната»[512]. В доме было печное отопление, две жилых комнаты, кухня, прихожая и холодные сени. С увеличением строительства семьи расселялись в индивидуальные дома.

Обустройство домов носило индивидуальный характер: «Каждый обставлял квартирку как мог, но в основном были стандартная панцирная койка, столик маленький, полки или этажерка не всегда, шкаф какой-нибудь если был и диван простой – это было в комнате. В кухне находился столик, полки на стенах для посуды. Плита была на печи, где готовили. На окнах

[510] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[511] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[512] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

никаких гардин, ни тюлей, задергушка и всё. Все удобства на улице были. Колодец у нас был один на весь поселок»[513]. *(Приложение А. Рис. 62, 63, 64)*. Обстановка в доме была довольно скромной, без особых изысков, с почти полным отсутствием громоздких вещей. Это было обусловлено тем, что геологам часто приходилось менять место проживания и переезжать в другой район проведения работ. Сбор вещей для переезда не должен был вызывать трудностей и неудобств[514].

Дальнейшее увеличение численности нефтеразведки требовало расширения жилых площадей, что достигалось за счет количества вновь построенных домов или строительства иных видов жилья. Исполком районного совета отмечал, что жилищное строительство в Сургутской нефтеразведочной экспедиции в 1960 году и первом квартале 1961 года было организовано крайне неудовлетворительно. План по жилищному строительству не выполнялся. Качество жилищного строительства оставалось низким, с большими недоделками – внутренняя отделка, штукатурка, покраска не проводились. Сметная документация по строительству жилых домов не имелась, а график по вводу жилой площади в эксплуатацию не составлялся. По центральной улице рабочего пос. Сургут жилые дома строились без типовых проектов – барачного типа[515].

Нефтеразведка в 1961 году не вела капитального строительства, возводила только времянки. В то же самое время времянки можно было строить лишь на участках, расположенных за пределами населенных пунктов, а в рабочем поселке разрешалось строительство капитальных жилых домов и культурно-бытовых учреждений[516]. По улице Нефтяников в Сургуте были выстроены неплохие двухквартирные дома, но вместе с тем совершено не были готовы уборные и помойные ямы у 11 домов. Двадцать

[513] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[514] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[515] ГАЮ. Ф. 100 Оп. 2. Д. 51. Л. 184.
[516] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп. 1. Д. 153. Л. 14.

две семьи рабочих терпели неудобства. Экспедиция продолжала заселять дома и квартиры наполовину построенные, без благоустройства[517].

Однако геологи все равно были рады своему личному жилому уголку. Л.И. Халилова вспоминала: «На улице Нефтяников, почти рядом с Аэропортом, построили маленькие компактные домики. С одной стороны Тепляковы жили, с другой мы – Халиловы. Такой уютный. Зайдешь, сразу кухни почти как таковой не было, справа печка, стол стоял, окно. Там нечего и некуда больше ставить. Дальше две комнаты. Крылечко было на входе, там висели тазы, а дальше уже комнаты, без дверей. В ней стол стоял, диван массивный, тумбочка, приемник. И далее проем в другую комнату и там кроватка. На полу дорожка красная была. Зановесочки сами делали. Книжные полочки были. Радиола была с пластинками чуть позже»[518].

Часто дома сдавались в эксплуатацию без дровяников и санитарных узлов. Имелись неоднократные случаи, когда жильцы пользовались железными печами на улице[519]. Плохое качество постройки объяснялось нехваткой строительного материала: кирпича, извести, гвоздей, и др., а также качеством труда самих исполнителей работ. Особенно проблемными были трубы, проводки, кривые косяки у окон и дверей. Дома или полностью не штукатурили или делали это с опозданием[520].

Помимо низкого качества постройки домов ощущалась нехватка территории под дальнейшую застройку жилых помещений. В связи с увеличением численности работников геологической отрасли исполнительный комитет Сургутского районного Совета депутатов трудящихся ХМНО Тюменской области в августе 1963 года утвердил отвод земельных участков Сургутской нефтеразведочной экспедиции под строительство складских помещений и жилых домов. В восточной части между улицами Сосновой и Восточной выделялось площадь 3 га под

[517] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп.1. Д. 163. Л. 9.
[518] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.
[519] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 3. Л. 77 об-78.
[520] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5. Л. 64 об, 65 об, 66.

складские помещения; под строительство жилых домов в районе аэропорта было выделено 16 га; под строительство жилых домов между улицами Сосновой и Затонской – 3 га[521]. Поселок геологов уже не ограничивался границами ранее сформировавшейся территории, а расширился далеко за его пределы. Геологи стали застраивать появившиеся площади не только типичными бревенчатыми домами, но и жильем иного типа.

В разряд массового вида жилья, характеризовавшегося как временное, с учетом быстрорастущего населения стали входить вагончики и балки. В них на небольшой площади организовывались условия для проживания работников нефтеразведок и членов их семей до момента ввода в эксплуатацию новых жилых площадей в благоустроенных домах. *(Приложение А. Рис. 65)*.

Этот процесс занял длительный период, который подробно изучал историк И. Н. Стась. Обустройство этих площадей было индивидуальным и зависело от личных предпочтений и возможностей хозяев. В экспозиции Музея геологии, нефти и газа (г. Ханты-Мансийск) была представлена инсталляция жилого балка нефтеразведчика, позволившая реконструировать его внутреннее убранство и наполнение аутентичными предметами рассматриваемого периода. *(Приложение А. Рис. 66, 67, 68)*.

По воспоминаниям А. И. Гомберга, «в 1960-е годы многие проживали в балках, вагончиках. Объемы росли так быстро, что никакое строительство не успевало, хотя уже тогда начали строить двухэтажные деревянные дома. Эти дома разные были. Были дома на две семьи, были дома на четыре семьи. Но качество тоже оставляло желать лучшего»[522]. Подобные бревенчатые дома стали возводить по улице Озерной, недалеко от Новой. «Общий дом, а там уже на четыре хозяина. Два с одной стороны, два с другой. И у каждого была своя квартирка с кухней, удобства во дворе. Часто они проседали. Вот

[521] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп. 1. Д. 175.Л. 13.
[522] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

перегородка была, а мох ложили зимой. По весне мох оттаивал – дом осел, там такая дыра, что хлеб передавали соседям», – отмечал В.Н. Иванов[523].

Двухквартирные дома строились вдоль улицы Центральной. В них, как и на Озерной, на каждую семью приходилось не более 20-25 кв. метров. К середине 1960-х годов было начато строительство двухэтажных каркасно-щитовых домов на четыре квартиры. В народе за свой цвет они получили название «белые лебеди»[524]. После стали строиться и восьмиквартирные дома. Эти дома были разными по количеству комнат. «В 1965 году я трехкомнатную квартиру получил с печным отоплением. Печка была на две комнаты и плита на кухне», – вспоминал Е.А.Тепляков[525]. *(Приложение А. Рис. 69)*.

В прежние годы обустройство в экспедициях производилось только за счет временных сооружений. С 1964 года впервые начали строительство благоустроенных рабочих поселков по проектам института «Геолстройпроект», утвержденный Советом Министров РСФСР и Госстроем СССР. По проекту жилые поселки стали застраиваться восьми- и шестнадцатиквартирными домами. Генеральным подрядчиком выступал Газпром СССР и организованные им стройуправления, которые не всегда успешно справлялись с возложенными на них объемами[526]. Многие из них в целях увеличения темпов строительства были возведены условно-освобожденными, у которых отсутствовала должная мотивация на качество выполняемой работы, что негативно сказывалось на качестве постройки. Э.М. Гильманова рассказывала о жизни в подобных домах: «Дома холодные, печку топили, и чтобы она не развалилась мы ее простынями обклеивали. А этот каркас накрывали стекловатой, а она вся уходила в низ. Мышей там

[523] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[524] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013 г.
[525] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[526] Быстрицкий А. Строить быстро, добротно // Тюменский геолог. 23 июля 1964. № 3. С. 1.

было. Лишь в 1967 году подключили нас к котельной, тогда стало тепло. Водоснабжения не было. Подъезжал водовоз и мы набирали воду»[527].

В 1965 году Сургутская нефтеразведочная экспедиция продолжала наращивать темпы строительства. Было сдано 838 кв. м. при годовом плане 100 кв. м. Однако качество также оставалось низким. В уже сданных домах и домах, введенных в 1964 г., отсутствовала внутренняя отделка, не было первичной конопатки, наблюдалась плохая подгонка оконных и дверных проемов, отсутствовали промазки стыков шифера. Не были подготовлены водопровод, тепло и санузлы[528].

К 1965 году география жилья по Сургутской экспедиции на территории Сургута значительно расширилась и насчитывала 192 жилых помещения в различных частях населенного пункта. На балансе СНРЭ числилось: 13 жилых домов по ул. Центральной, 33 – по ул. Нефтяников, по 1 в переулках Первомайский и Буровой, 8 – в переулке Южный, 13 – по ул. Аэропортовская, 10 – по ул. Нагорная, 6 – по ул. Восточная, 16 – по ул. Новая, 7 – по ул. Сосновая, 12 – по ул. Школьная, 14 – по ул. Озерная, 20 – по ул. Разведчиков, 4 – двухквартирных жилых дома. Всего было 158 жилых домов, 29 балков и 5 общежитий[529].

В других населенных пунктах Среднего Приобья, где трудились работники геологии, наблюдались аналогичные ситуации. В Березово, где в первые годы геологических изысканий концентрировался большой людской потенциал, жилой вопрос решался за счет съема комнат у местных жителей и строительства домов на несколько хозяев. А.В. Кузнецов вспоминал: «Осенью 1956 года я там квартиру получил. Четверть дома деревянного, комната с кухней, 16 квадратных метров – это было шикарно»[530].

В Ханты-Мансийске в конце 1950-х годов возводили щитовые домики. Заказы оформлялись через Тобольск, где на промкомбинате сооружали 4-

[527] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013 г.
[528] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп. 1. Д. 201. Л. 105.
[529] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 259. Л. 11.
[530] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 99.

квартирные рубленые дома. Работникам выдавали квартиру из расчета одна комната и кухня. Такие 4-квартирные одноэтажные домики из бруса экспедиция строила на горе, где и сейчас находится городок геологов. Геофизикам самостоятельно приходилось их доделывать и утеплять [531].

Во вновь организованных геологоразведочных партиях и экспедициях вопросы обустройства и создания приемлемых условий для работы и быта являлись основополагающими, однако сложно реализуемыми. Как правило, нефтеразведки производили работы в малонаселенной местности, и их обустройство приходилось производить силами самих нефтеразведок. При перебазировке всё оставляли, а на новых местах вновь занимались строительством. Последнее обстоятельство вынуждало производить только необходимый минимум обустройств[532]. Ввиду этого строительство многих жилых объектов и помещений носило временный характер. Данный тезис полностью совпадает с периодизацией, которую выдвинули в своей статье М.Г. Ганопольский и В.П. Карпов, где численность населения и развитие территории соотносилось с определенным этапом освоения нового района. Для геологов был характерен первый этап изучения и разведки территории, что выливалось преимущественно в сооружение временных поселений[533].

Геологоразведчикам приходилось преодолевать сложности организационного периода, мириться со сложными бытовыми условиями и отсутствием комфорта. Подобная практика вытекала из позиции, проводимой руководством геологического управления, когда начало создания благоустроенного жилья и инфраструктуры поселка откладывалась до установления нефтяной перспективности района. Данный тезис ясно прослеживался в речи начальника Тюменского геологического управления Р-Ю.Г. Эрвье, который говорил, что «мы правильно поступили, когда сначала решили вопрос окончательно с наличием запаса нефти и газа, когда окончили

[531] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 112-113.
[532] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 24. Л. 120.
[533] Ганопольский М.Г., Карпов В.П. Проблемы роста и закрепления населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Горные ведомости. Февраль 2013. № 2 (105) С. 93.

разведывательные работы, а потом приступаем к обустройству. Новосибирцы поступили по-другому, они сначала стали строить жилье. И у них на базах строятся только по два двухквартирных дома, а у нас в Сургуте сразу строиться 40 восьмиквартирных домов. Мы с вами разведчики, нам с вами предстоит работать в тяжелых условиях, но мы сначала сумели быстро оценить запасы, а потом определили ассигнования на организацию нефтяной и газовой промышленности, определили, сколько должно быть построено жилья – около 100 тыс. кв. метров в трех посёлках»[534].

С 1948 года управление ежегодно получало лишь 3 млн. рублей в качестве финансирования строительства. Только с открытием нефти и началом активного освоения было выделено 13 млн. рублей. Для рационального использования средств управление запросило создать три основных базы и посёлка, расположенных в Мегионе, Нефтеюганске и Сургуте. В этих посёлках предполагалось полностью обеспечить комплекс жилья из расчёта 7 кв. м. на каждого человека. Возведение жилья предполагалось со всем комплексом удобств: водопроводом, канализацией, паровым утоплением, с баней и прачечными, с детскими садами, городского типа столовыми, торговым центром, комбинатом бытового обслуживания и пр.[535]

Однако еще долго данные заявленные показатели не соответствовали реальному положению дел. В 1962 году один из работников Мегионской экспедиции заявлял на партийном собрании, что «с квартирами у нас очень плохо, люди живут в палатках и летних брандвахтах. Я приехал в марте месяце и сразу стал просить, чтобы разрешили построиться горьковским методом (самостоятельное строительство, преимущество в период свободный от работы – авт.), до сих пор не дали. Живу в палатке, холодно и сыро»[536]. Подобные запреты были вызваны качеством и типом возводимого жилья при самостоятельном строительстве. Индивидуальным застройщикам выделялось

[534] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 27.
[535] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 26.
[536] ГАСПИТО. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 5. Л. 267-268.

мало денег, что не позволяло рассчитывать на качественные постройки. В следствие этого индивидуальное строительство выглядело убого и было представлено в основном землянками и насыпушками[537]. Доходило до того, что семьям приходилось жить в неприспособленных для жилья строениях прямо на замершем люду реки. Семья К.И. Гуляевой, состоящая из пяти человек, прибыла в Нефтеюганск 17 февраля 1964 года. Их приютила знакомая семья, в которой было трое детей. Жили они в землянке, вырытой в горе высокого берега Юганской Оби. Рядом стояла маленькая земляная банька: «Наша семья спать ложилась на пол, занимая все место между двумя кроватями… Мы переехали в будку, которая находилась на льду Юганки, метрах в двадцати от берега. Там работал агрегат, с помощью которого качали воду в колонку возле бани. Будка была два на три метра, холодная… Печь топили по несколько раз и днем, и ночью, но только дрова прогорали, становилось холодно…Пришла весна, опасно стало жить на льду, и мы всё настойчивей просили хоть какое-нибудь жилье. Очень обрадовались, когда нам предложили железный балок»[538].

Нехватка жилой площади всегда оставалась острой проблемой в среде геологов, а показатель квадратуры на одного человека не был стабильной величиной. В газете «Тюменский геолог» от 1964 года отмечалось, что жилая площадь по тюменскому управлению на одного работающего выросла с 2,7 кв. м. в 1960 г. до 7,3 кв. м. в 1964 году[539]. В то же время в номере за 1965 год вновь фигурирует иное значение, где «на каждого геолога в среднем приходится 3 кв. м. жилплощади»[540]. В начальные годы нефтепоиска этот показатель порой не дотягивал и до уровня 1960 года. Данный факт объясняется тем, что увеличивающее год от года население северных территорий значительно опережало темпы ввода жилых помещений. Показатели по квадратным метрам, демонстрирующие в течение года рост по

[537] ГАНО. Ф. Р-1169. Оп. 3. Д. 1. Л. 41-43.
[538] Нефтеюганск рожден не по указу: в документах и воспоминаниях / Под ред. О.А. Григорьевой. – 2-е изд, доп. и перераб. Нефтеюганск, 2017. С. 21.
[539] Забота о людях – наш первейший долг // Тюменский геолог. 20 августа 1964. № 7. С. 1.
[540] Вперед, опережая время // Тюменский геолог. 18 марта 1965. № 11 (37). С. 1.

отношению к имеющемуся населению, стремительно снижались за счет вновь прибывающих работников и низких темпов строительства. Подтверждением данному тезису служит информация о тяжелой ситуации по вводу в эксплуатацию жилых домов в Мегионской экспедиции. На страницах периодической печати, в уголке сатиры и юмора «Под шарошку», в 1964 году были опубликованы следующие строки:

Палатка, палатка! Романтика юных!
Живи в ней до старости лет.
Не хочешь – живи хоть в расселинах лунных:
Квартир обустроенных нет.
Дома-новостройки стоят, как сироты.
Их строят по-дедовски – в день по бревну.
Не видно о людях отцовской заботы,
Прибывших на север бурить «целину»[541].

Часто отсутствовали даже палатки, а люди находились без крыши над головой. Это порождало большую текучку кадров, поскольку многие работники увольнялись к зимнему периоду[542]. Начальник Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции заявлял, что в экспедиции ощущался острый недостаток жилья и бытовых помещений. Стройучасток за 5 месяцев 1963 года сдал всего 40 кв. м. жилья. Многие работники с семьями были вынуждены жить в балках[543]. Е.А. Тепляков рассказывал: «Когда мы переехали в Усть-Балык, жили в бараке. Рубленный, одноэтажный, у каждого свой вход. Была маленькая кухонка и комната. Вроде 6 квартир было, на 6 семей. Была печка плита на 2 конфорки, сенок не было. Когда Ф.К. Салманова сняли и отправили в Усть-Балык они первое время у нас жили. На улице летняя кухня была, печка обычная, там готовили»[544]. Даже в Мегионе в

[541] Вот так «забота»! // Тюменский геолог. 8 октября 1964. № 14. С. 2.
[542] ГАСПИТО. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.
[543] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп.1. Д. 212. Л. 16.
[544] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

1964 году отдельные семьи работников экспедиции проживали в неприспособленных балках и палатках[545].

В Сургуте, Мегионе и Усть-Балыке шло большое строительство, но проблема с жилплощадь сохранялась. К тому же во многих поселках были проблемы с обустройством, питьевой водой и чистотой улиц. Часто вода бралась из непроверенных источников. Для людей не создавались элементарные условия. В Мегионе и Усть-Балыке наблюдались скопления мусора чуть ли не в центре посёлков.[546] *(Приложение А. Рис. 70)*. Заместитель начальника СНРЭ систематически поднимал вопрос о водоснабжении, предлагая строить больше колодцев и колонок на территории Сургута[547].

Компенсировать нехватку жилья частично удавалось за счет постройки общежитий. В них преимущественно размещались незамужние девушки и холостяки. Л.И. Халилова, проживавшая как молодой специалист в общежитии Ханты-Мансийской экспедиции, вспоминала: «Гостиница была типа барака. Деревянный, одноэтажный домик, вытянутый. В комнате было три кровати, стол, тумбочки и общий шкаф для верхней одежды. Кровати с панцирной сеткой. Общая кухня с печкой. Все удобства на улице. Отапливались дровами. Там было три комнаты, одна маленькая совсем, и две более-менее. Был комендант, она смотрела за отоплением и водой»[548].

Экспедиционные общежития имели свои определенные неудобства. Главными сложностями было их перенаселение, нехватка спальных мест и спальных принадлежностей, грязь и даже антисанитария. Согласно архивам, в Сартынье в общежитии в одной небольшой комнате находилось 20 человек, спать было попросту негде. Люди лежали на полу и в проходах[549]. В Сургуте в построенном общежитии на 24 человека проживало 42 человека, что

[545] ГАСПИТО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 24. Л. 308.
[546] ГАСПИТО. Ф. 3967. Д. 25. Л. 15.
[547] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 7 об.
[548] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.
[549] ГАСПИТО. Ф. 3967. Д. 16. Л. 109.

превышало норму почти в два раза[550]. В ряде геологоразведочных партий в общежитиях было холодно, грязно, скучено. Отсутствовали койки и в достаточном количестве постельное белье, одеяла, матрацы, подушки[551]. В Мегионской экспедиции в общежитии рабочих наблюдались клопы, не было ящиков в туалетах, наблюдалась грязь и антисанитария[552].

В соседнем Нефтеюганске на 1 января 1964 года численность населения составляла 1900 человек. Жильем были обеспечены не более половины работающих. Остальная часть проживала преимущественно в вагончиках-балках и общежитиях, где наблюдалась большая скученность и грязь. Для юношей и девушек в Усть-Балыкской НРЭ было построено общежитие на 70 человек, чего явно было недостаточно при растущей численности поселка[553]. В балках проживало по 7-9 человек[554].

Случалось, что семейные пары, за отсутствием собственного жилья, были вынуждены проживать в общежитиях, а нередко и на работе – в одних балках вместе с другими семьями. А.Н. Задоенко вспоминал: «Мы приехали и только начали строить общежитие. Начальник нам сказал, что как вернемся с «поля», построим два здания для общаги – мужское и женское. Потом мы их заняли»[555]. В воспоминаниях отмечалась острота жилищного вопроса. Н.А. Глух вспоминала: «Мы в общежитии с мужем жили вне «поля». А когда в «поле», то в балках. В балке были палате одноярусные, печка на входе. Там две пары жили – мы с мужем и еще одна пара. За зановесочкой жили, две половины как-будто делали. По очереди разогревали по утрам печку, чтобы топить и готовить»[556].

В удаленных населенных пунктах, где находились в основном полевые отряды геологоразведчиков, доминирующим видом жилища оставался деревянный бревенчатый сруб, который делился на две семьи. «Сруб,

[550] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163. Л. 20.
[551] ГАНО Ф. Р-1169. Оп. 3. Д. 1. Л. 41-43.
[552] ГАСПИТО. Ф. 3967. Д. 28. Л. 21
[553] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4609. Л. 1.
[554] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп. 1. Д. 187. Л. 87.
[555] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[556] Интервью Глух Н.А. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2021 г.

поделенный на две части, уже считался шикарным делом. Сруб законопачен, в нем тепло. Посредине дома печь поставлена и как бы кухонка. Все вместе это квадратов 18-20, половина дома вместе с кухней. Там кто как перегородки делал. Если семья большая, то надо было как-то отделиться. У нас в семье не делилось. Этот тип жилья был широко распространен в партиях. Затем уже когда партия осваивалась, то делали срубы многоквартирные. Это было все партийное. Работаешь – живешь. Переезжаешь куда-нибудь, жилье остается в партии на балансе», – вспоминал о годах своей жизни Б.И. Шиян [557].

Лишь с началом активного нефтегазового освоения наметились изменения в социально-бытовой инфраструктуре геологов. Это было обусловлено решениями XXIII Съезда КПСС, определившими форсированное развитие отрасли в Западной Сибири. До этого вопрос о расширении стационарных пунктов и их инфраструктуры на Севере – «нефтеградах – отодвигался на второй план, пока добыча нефти и газа в Западной Сибири не обеспечит необходимые для этого финансовые основания[558]. Наш довод находит подтверждение в словах А.И. Гомберга, который отмечал, что «когда партия приехала в Сургут в 1957 году, там были только деревянные домишки, ни одного не было каменного здания. Первое капитальное жилье с коммуникациями именно у геологов – пятиэтажный дом на Мелик-Карамова, 90 – построили в 1970 году»[559].

Таким образом, в период, предшествующий активному нефтегазовому освоению Западной Сибири жилищный вопрос в среде геологоразведчиков, был одним из наиболее актуальных. Первоначально, государственная политика не предполагала долговременного жилищного строительства на территориях геологического освоения, в виду реализации стратегии «уточнения ресурсного потенциала региона», а также акцента на вахтовые

[557] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[558] Славкина М.В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 158.
[559] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

методы работы привлекаемого кадрового состава. Доминирующим видом жилья в полевой обстановке являлись палатки и вагончики. Самыми распространёнными типами стационарного жилья были деревянные срубы на двух хозяев, реже палатки, землянки и вагончики.

По мере превращения Западной Сибири в основную нефтегазоносную провинцию страны, государственная линия в отношении развития социально-бытовой инфраструктуры претерпевала корректировки. С конца 1960-х годов начнётся возведение первых капитальных домов по утверждённым специализированными организациями всесоюзного уровня проектам, предусматривающим подведение всех необходимых коммуникаций, что значительно улучшит условия проживания для многих работников геологической отрасли.

2.4 Сфера здоровья и медицинское обслуживание геологов

Одним из аспектов повседневной жизни выступает уровень и качество медицинского обслуживания. В профессиональной среде геологов, вынужденных по долгу службы сталкиваться с непростыми бытовыми и климатическими условиями, этот аспект приобретает особое значение. От грамотной и своевременно оказанной медицинской помощи, профилактики заболеваний и минимизации производственного травматизма во многом зависели не только здоровье и жизнь человека, но и сохранение ценных кадров в геологической отрасли.

В полевых условиях, особенно в послевоенный период, организация медицинского обслуживания находилась на низком уровне. Почти во всех нефтеразведках отсутствовали или не были полностью укомплектованы аптечки для оказания первой помощи[560]. В Покурской буровой партии в 1950 году рабочие жаловались на качество медицинского обслуживания, в партии наблюдалась нехватка самых элементарных медикаментов – йод, зеленка и

[560] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д 1. Л. 45.

др[561]. В 1955 году Окрздравотдел в качестве одной из проблем отмечал нехватку медицинских работников, а в полевых условиях ситуация складывалась еще более напряженной. При партиях имелись только аптечки, о фельдшере не приходилось даже говорить[562].

В дальнейшем проводились меры по улучшению качества медицинского обслуживания и профилактических мероприятий. При партиях практиковалось наличие медработника, фельдшерского пункта, но это соблюдалось не повсеместно. А.Н. Задоенко отмечал: «В партии была медсестра. Она помогала оказать первую помощь по несерьезным травмам. Она придет, посмотрит, даст таблетки – вот и вся помощь. Если случались серьезные случаи, то вызывали авиацию: вели до АТЛ и везли, и чем быстрее, тем лучше, потому что авиация – это дело тоже непростое»[563]. А.И. Гомберг вспоминал: «Если работник заболел по-настоящему, а не дай Бог если какой-то несчастный случай, то сразу вывозили. Медпомощь могла оказываться только на базе. В партии у нас не было ничего, сами по себе, даже бинтов не носили – как-то само собой всё. Если человек не транспортабельный, то его везли в больницу. У нас вывозили в Сургут»[564].

Крайне плохо было налажено медицинское обслуживание сезонных партий. Имеющиеся на базах экспедиций медицинские пункты слабо организовывали профилактическую работу, отсутствовал полный охват населения прививками. Допускались факты недобросовестного отношения к своим обязанностям со стороны отдельных медработников[565]. Облздравотдел совместно с Тюменским геологическим управлением вели работу по улучшению медицинского обслуживания работников геологоразведочных экспедиций и партий, особое внимание уделяя проведению профилактической работы в отдаленных отрядах[566]. Решением областного

[561] ГАСПИТО. Ф. 2344. Оп. 1. Д. 65. Л. 9.
[562] ГАСПИТО.Ф. 3967. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.
[563] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[564] Интервтю Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[565] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 49.
[566] ГАСПИТО Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2003. ЛЛ. 16-17.

комитета партии органы здравоохранения обязывались улучшить медицинское обслуживание разведчиков недр, поскольку на 1960 год медпомощь не отвечала поставленным требованиям. Если в крупных населенных пунктах были медицинские работники, то в небольших поселках они отсутствовали, а на буровых и в партиях совершенно не появлялись[567].

Работники нефтеразведок обслуживались сельскими и районными медпунктами и здравпунктами[568]. Б.И. Шиян, работавший в отдаленных партиях округа, вспоминал: «В партиях не всегда были фельдшеры, хотя стремились к тому, чтобы был свой фельдшерский пункт. Врачей не было вовсе. При поселках, к примеру Варьеган, был фельдшерский пункт, потому что хантыйская деревня. Поэтому в партии пользовались услугами местного фельдшера. В пунктах был необходимый минимум для оказания простой помощи. Более сложные случаи требовали вызова санавиации и транспортировки. В местах работы у нас это был Мегион и Сургут»[569].

Стационарное нахождение геологоразведчиков при населенных пунктах оказывало положительное влияние на развитие местного здравоохранения. Через инстанции геологи проводили работу по улучшению качества оказания медицинских услуг, которые они получали на местах. В Нарыкарах было закуплено важное медицинское оборудование – Соллюкс, рентгеновские установки и другая аппаратура. В штаты отдалённых партий вводилась должность медицинского работника[570].

До прихода геологов медицинское обслуживание в Сургуте и районе было не на самом высоком уровне. Большинство больниц и фельдшерских пунктов было построено в 1930-х годах, из-за чего к началу 1960-х годов требовало капитального ремонта[571]. Как правило, учреждения здравоохранения (здравпункты, медпункты, амбулатории, больницы, аптеки) располагались в приспособленных ветхих помещениях с печным отоплением,

[567] ГАСПИТО Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 67.
[568] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д 1. Л. 45.
[569] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2013 г.
[570] ГАСПИТО. Ф. 3967. Д. 16. Л. 58.
[571] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861. Л. 82.

не отвечающих минимальным санитарным требованиям. Выполнять профессиональные обязанности врачам приходилось при свете керосиновых ламп[572].

В Сургутском районе фактически работали 7–8 врачей на 26 тысяч населения. Некоторые специалисты полностью отсутствовали. В начале 1960-х годов, на протяжении двух лет, в районе не было гинеколога, окулиста, дерматолога, невропатолога. Прием проводили только один терапевт и хирург[573]. Чтобы попасть на прием к врачу, требовалось потратить 2–3 дня, выстоять большие очереди. Подобные сложности в организации медицинского обслуживания были характерны вплоть до 1965 года, в то время как численность населения значительно возрастала[574].

Аналогичная ситуация складывалась и в других районах. Ларьякский (Нижневартовский) район относился к отдаленному северному району Ханты-Мансийского округа. Радиус обслуживания райбольницы составлял порядка 500 км, что ограничивало доступ населения к врачам. Связь с медицинскими учреждениями района осуществлялась в основном водным транспортом. В летний период использовался санный путь, авиация, зимой – на оленях. В период распутицы в апреле-мае и октябре-ноябре вся транспортная связь с районом прерывалась и единственным источником связи оставался телеграф. Лишь в 1958 году с прибытием геологической экспедиции в Охтеурье была оборудована зимняя посадочная площадка[575].

В Самаровском (Ханты-Мансийском) районе насчитывалось 8 больниц и 60 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов. Радиус обслуживания района составлял 500 на 400 км. Транспортировки по району осуществлялись водным и санным путем. Для оказания неотложной помощи, а также для вывоза больных в райбольницу транспорта не хвастало, вследствие чего случались летальные исходы[576].

[572] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 4114. Л. 98.
[573] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861. Л. 79.
[574] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 12. Л. 20 об.
[575] ГАЮ Ф. 8. Оп. 1. Д. 235. Л. 125.
[576] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4004. Л. 132-133.

На Пимском участке доступ населения к медицинскому обслуживанию, в том числе работниками геологии, был ограничен. Весь 1959 год участок не мог получить медицинские услуги. С наступлением весенней распутицы любая возможность попасть в ближайший медпункт за 35-40 км в село Тундрино или в райбольницу Сургута отсутствовала. Руководство участка и местный комитет неоднократно обращались по этому вопросу в вышестоящие организации, но ситуация оставалась прежней[577]. К.В. Волкова вспоминала: «С Локосово до Сургута мы на гужевом транспорте ехали по паре дней в то время, поскольку свыше 150 км выходило. В больницу в том числе. Записываешься, дают лошадь, кучера, кашева и еще до четырех человек с тобой. Вот садишься и едешь до заезжего двора. Они были на Мысовой, Широкой, Банной. В этих деревнях лошадей меняли, но могли и задержать»[578].

В свою очередь в Охтеурской партии, где проживало около 300 человек, медицинское обслуживание отсутстсвовало с 1956 года[579]. В 1958 году прибыла геологическая экспедиция с численностью 200 человек, что способствовало появлению врачей. Однако терапия велась не терапевтом, а акушер-гинекологом по совместительству и фтизиатром. Два раза в неделю прием проводил главный врач, который до назначения на должность вел терапию. Хирургический прием в 1958 году был проведен всего один месяц с 15 июня по 15 июля. Больные с неотложными хирургическими заболеваниями, аппендицитом, переломами крупных костей направлялись в окружную больницу или Сургут. Часто медработники даже запрашивали консультации окружных специалистов по вопросам лечения[580].

Ввиду нехватки персонала медикам зачастую приходилось совмещать должности разных специалистов, как это было, например, в Сургутской райбольнице. Власти официально выдавали разрешение на работу по

[577] ГАСПИТО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 63. Л. 10.
[578] Интервью Волковой К.В. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[579] ГАСПИТО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 24. Л. 307.
[580] ГАЮ Ф.8. Оп. 1. Д. 235. ЛЛ. 129-130.

совместительству. Один и тот же врач мог лечить глазные и кожные заболевания, заниматься хирургией и гинекологией[581].

К имеющимся сложностям часто добавлялись проблемы со снабжением медикаментами и оборудованием. Не хватало перевязочного материала, хирургического инструментария, необходимых лекарств, гипса, хлорной извести и иных компонентов[582]. Окрздравотдел, ответственный за своевременный завоз медикаментов и оборудования, не всегда своевременно выполнял свои функции. Даже к концу 1964 года эта проблема оставалась одной из первоочередных[583].

Приезд геологов ознаменовал собой не только начало геолого-поисковых работ на территории Среднего Приобья, но и изменения в социально-бытовом положении местного населения и развитии инфраструктуры. Для продуктивного проведения нефтепоисковых работ геологоразведчикам требовалась подготовленная и организованная материально-техническая база, поскольку любое производство несло в себе угрозу ухудшения состояния здоровья работников и получения травм.

На 1961 год в Сургутской нефтеразведочной экспедиции было 8 медицинских пунктов на Сургутском участке, Сабунской сейсмической партии 24/61, Юганском участке, Охтеурской партии, Пимском участке, Нижне-Вартвской партии[584].

Помимо создания собственных фельдшерско-акушерских пунктов на местах проведения поисковых работ, геологоразведчики старались улучшить существующую медицинскую базу в Сургуте и районе. Имея в своем распоряжении буровое оборудование, работники экспедиции частично разрешили проблему с водоснабжением. Вопрос с питьевой водой стоял особенно остро, поскольку вода из рек Сайма и Бардакова была непригодна для питья и ее употребление приводило к желудочно-кишечным

[581] ГАЮ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 55. Л. 33.
[582] Иванов Н.В. Записки хирурга. Сургут, 2005. С. 10.
[583] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861. Л. 113.
[584] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 13. Л. 546.

заболеваниям. Начальникам Ханты-Мансийской, Березовской, Сургутской нефтеразведочных экспедиций было поручено разработать и утвердить мероприятия по улучшению водоснабжения населенных мест. К 1960 году в Сургуте был наложен запрет на использование воды из открытых источников для пищевых целей любой организацией[585]. Однако до 1961 года большинство населения поселка пользовалось недоброкачественной водой, вследствие чего в поселке Сургут отмечался рост желудочно-кишечных заболеваний[586]. Сургутская экспедиция для западной части поселка пробурила скважину и была готова пробурить необходимое количество колодцев[587]. Силами геологов были изысканы скважины, где качество воды соответствовало необходимым санитарным требованиям[588].

Для организации водоснабжения стали использовать артезианские скважины, а параллельно проводить бактериологические исследования самой воды[589]. Это позволило сократить использование населением поселка проточной воды из реки, что существенно снизило количество больных с желудочно-кишечными заболеваниями. Подобные трудности испытывали в дальнейшем другие новые поселки. В Нефтеюганске и Мегионе ощущалась нехватка колодцев, что вынуждало население пользоваться загрязненной водой[590].

Геологоразведчики способствовали появлению и электрического освещения в больнице Сургута. В операционной были установлены аккумуляторы, от которых во время операции зажигали 12-вольтовые лампочки[591]. Помимо улучшения условий медицинской сети требовалось повышать мобильность и связность районов населенных пунктов.

На сургутской партийной конференции еще в 1957 году была высказана просьба о выделении району санитарного самолета, которая

[585] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 3. Л. 18 об.
[586] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп.1. Д. 5. Л.23 об.
[587] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 об.
[588] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 71. Л. 23.
[589] Сенькина З.С. Под знаком Гигеи. Сургут, 2003. С. 30.
[590] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 49.
[591] Сенькина З.С. Под знаком Гигеи. Сургут, 2003. С. 7.

осталась без внимания[592]. В 1960 году начальник экспедиции Ф.К. Салманов говорил: «Настало время решить вопрос о том, чтобы в Сургуте постоянно базировался один санитарный самолет, в противном случае не исключена возможность несчастных случаев со смертельным исходом. Кроме того, мы просим дать Сургуту одну санитарную машину, которая бы обслуживала население рабочего поселка, раскинувшегося почти на 8 км в длину»[593].

Неоднократные просьбы геологов и представителей здравоохранения привели к тому, что в 1961 году Облздравотдел выделил сургутской райбольнице одну санитарную машину марки УАЗ-450А[594]. За этим последовало открытие пункта скорой медицинской помощи в рабочем поселке Сургут, где постоянно работали две выездные бригады[595]. В 1963 году положительно разрешился вопрос об организации в Сургуте межрайонной санавиации и выделении катера «Ярославец» для обслуживания рабочих по месту производства[596].

Партийные власти и руководящий состав экспедиции способствовали дальнейшему расширению сети лечебных учреждений. На производстве организовывались новые фельдшерские или фельдшерско-акушерские пункты для оказания первой помощи. Главным недостатком подобных медицинских объектов служила слабая материально-техническая база. «Помимо простейших мединструментов, кровоостанавливающих и болеутоляющих лекарственных средств, обычной «зеленки», в фельдшерских пунктах больше ничего не было. Всю остальную помощь могли оказать либо в местах базирования геологоразведчиков, где был свой медпункт, либо в крупных районных больницах округа», – вспоминал Е.А. Тепляков.[597].

В поселках геологоразведчиков под медпункт старались выделить отдельное здание. Однако возникали сложности в размещении на

[592] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 3677. Л. 257.
[593] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4045. Л. 38.
[594] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3638. Л. 136.
[595] ГАЮ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 51. Л. 314.
[596] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861. Л. 80.
[597] Интервью Теплякова Е.А.// Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

ограниченной площади кабинетов разных медицинских профилей. В Сургуте медпункт располагался в небольшом деревянном доме. В Нефтеюганске медицинская помощь оказывалась в выделенных двух вагончиках, где находились перевязочная и аптека, зубной кабинет и родильное отделение на два места, а также осуществлялся прием больных[598]. А.А. Иглина вспоминала: «Свою работу в Нефтеюганске я начала в должности фельдшера здравпункта Усть-Балыкской геологоразведочной экспедиции в 1962 году. В то время наш медпункт помещения не имел и больных приходилось принимать у себя дома. Оказывала практически все виды помощи: принимала роды, ушивала раны, вскрывала воспаления, удаляла зубы. Но когда без врачей обойтись было нельзя, вызывали по рации из Сургута гидросамолет санитарной помощи. Вызовы по скорой обслуживались на гусеничном тягаче. В 1963 году открылась участковая больница, занимавшая половину деревянного барака, здесь были развернуты 20 коек общего профиля, две – родильных, скорая помощь»[599].

Открывались новые фельдшерские здравпункты, куда направлялась бригада врачей в составе 3-4 человек[600]. В соседнем Ларьякском (Нижневартовсков) районе, где трудились геологи Сургутской экспедиции, наблюдалась аналогичная ситуация. В Мегионе геологи выделили двухквартирный дом для организации врачебного участка. Однако в нем не было предусмотрено места под лаборатории, рентген и прочее оборудование[601].

Оказание геологам профилактической помощи долгое время не было отлажено и было нерегулярным. Работники нефтеразведочной экспедиции из Нефтеюганска говорили, что «очень плохо у нас с медицинским обслуживанием. Хоть бы раз в месяц приезжали к нам хирург, терапевт,

[598] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3755. Л. 71.
[599] Нефтеюганск рожден не по указу: в документах и воспоминаниях / Под ред. О.А. Григорьевой. – 2-е изд, доп. и перераб. Нефтеюганск, 2017. С. 19.
[600] ГАТО. Ф. Р-814. Оп.1. Д. 4049. Л. 70.
[601] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861. Л. 42.

зубной врач»[602]. В Нижневартовске геологи просили райбольницу один раз в квартал направлять квалифицированных работников для оказания помощи и профилактики среди рабочих нефтеразведки[603].

Подобные ситуации побуждали работников экспедиций обращаться за медицинской помощью в больницы по месту пребывания или в экстренных ситуациях. Но даже в этом случае не всегда удавалось получить качественное медицинское обслуживание[604]. По одному из отчетов, в Сургуте в больнице из медработников порой находилась одна медсестра, которая оказывала первую медпомощь в отсутствии врача[605].

В подобную ситуацию попал Е.А. Тепляков, получивший травму колена при строительстве местного спортивного зала в поселке Черный Мыс. «Меня на машине увезли в больницу районную. Привезли туда, ни врача, никого нету, только одна медсестра дежурная. Она меня посмотрела, забинтовала. Надо было на рентген потом съездить и посмотреть, что случилось – перелом, трещина или чего там. Нога потихоньку подживать начала, я прихрамываю, думаю заживет. А потом затянулось это всё, так я операцию не сделал, хотя нужно было»[606].

Однако если с прибытием геологоразведчиков и открытием первых месторождений нефти ситуация в здравоохранении стала меняться к лучшему (поступление новой техники, оборудования и медикаментов), то с ростом численности населения остро встал вопрос размещения больных в лечебных учреждениях. Построенная еще в 1929 году на 25 мест районная больница являлась главным медицинским учреждением поселка. В 1958 году районная больница расширилась всего до 50 коек[607].

Уже в 1960-е годы больница работала с большой перегрузкой. Население поселка Сургут возросло на 4 тысячи человек, а больница

[602] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 212. Л. 79.
[603] ГАТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 1948. Л. 11.
[604] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.
[605] ГАСПИТО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 63. Л. 13.
[606] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[607] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 23.

осталась в старом помещении. Больных размещали в коридоре и в операционной, что считалось недопустимым. В помещениях больницы одномоменто могло находиться не менее 75 человек. При медицинском учреждении не было родильного, инфекционного, хирургического отделений[608]. В Нефтеюганске больница отсутствовала вовсе и была представлена лишь зданием здравпункта[609].

Для решения проблемы нехватки мест в медучреждениях требовалось строительство новых больничных зданий. Геологи оказывали свою посильную помощь и в этом направлении. Государственный геологический комитет РСФСР в 1964 год передал 730 тыс. руб. для строительства типовых больниц в Мегионе и Нефтеюганске на 240 коек, а в Сургуте – на 600[610]. В 1965 году состоялось открытие поликлиники, которую возвели сургутские геологи. Необходимо отметить, что если до 1960 года в Сургуте существовали лишь одна больница, одна амбулатория и один здравпункт, то в 1965 году было открыто шесть лечебных учреждений[611].

Несмотря на проводимую работу по сохранению жизни и здоровья сотрудников, охране труда и технике безопасности, порой затарченные усилия оказывались напрасными ввиду низкой организации производственного процесса, халатности работников и игнорирования элементарных мер безопасности.

Так в 1956 году рассматривался вопрос о соблюдении норм охраны труда и безопасности в Грязненской разведке. На буровых и в производственных цехах отсутствовали аптечки, бачки с водой. Оборудование было смонтировано с нарушениями. Высоким оставался процент изношенности тросов, рабочие не были обеспечены спецодеждой. Проводка была проведена без роликов, на буровых отсутствовали лампочки, а работы проводились в потемках на замазученных полах. Акты на

[608] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861. Л. 224.
[609] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 4114. Л. 91.
[610] ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 4113. Л. 67.
[611] Иванов Н.В. Записки хирурга. Сургут, 2005. С. 24.

несчастные случаи не составлялись. Из-за нарушения режима труда рабочие работали по две вахты. Инструктаж по технике безопасности не проводился в течение 1955 года и четырех месяцев 1956 года. Из 62 человек, работающих на буровых, 38 человек совсем не проходили инструктаж, остальные проходили его лишь в 1953-1954 годах. Ни один из объектов не был полностью укомплектован противопожарным инвентарем. Случаи получения травм рабочими не подлежали огласке, а в вышестоящую инстанцию в лице Новосибирской экспедиции руководство партии о таких случаях не сообщало[612].

Факт занижения и сокрытия травматизма или несчастных случаев был широко распространенным явлением в нефтеразведках. Допускались случаи сокрытия информация по наступлению несчастного случая, если степень травмы не угрожала жизни и здоровью пострадавшего. В следствие этого не подлежали оформлению акты о несчастных случаях на производстве, предусмотренные законом[613]. *(Приложение А. Рис. 71, 72)*.

Для соблюдения правил безопасности и порядка на производстве практиковалось привлечение общественных инспекторов, но зачастую отмечалась их неэффективность и бесполезность: «Общественных инспекторов по существу никто не учит, мы вмешиваемся в это дело тогда, когда уже произошел несчастный случай. И большинство инженеров экспедиций так работает, никакой профилактической работой не занимаются до тех пор, пока не произойдет несчастный случай. А как произойдет, начинают с трибуны произносить речи о том, что издали приказ, того-то сняли с работы, наказали, мероприятия разработали и меры привели. Но потом, в конце концов оказывается, что никто этих мероприятий не выполнял и не выполняет, и снова всё идет до несчастного случая»[614].

Руководитель ГП-49 А.И. Гомберг вспоминал: «Случаи всякие были. И тонули, и техника тонула. Люди погибали, выговоры были. Был случай.

[612] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 652. ЛЛ. 38-40.
[613] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 26.
[614] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.

Погиб у меня один человек, через месяц работы утонул в реке. Комиссия приехала. Если человек погиб, значит, надо снимать начальника. Начальника снимать надо, кого-то ставить. А ставить то некого. Помахали руками, сделали замечания и дальше. Жаль, что людей не вернешь. Как говорил Фарман Курбанович (Салманов – авт.): «Плохо начальнику работать, кто-нибудь утонется, что-нибудь утопится». А отвечать всегда приходилось. Государство относилось строго»[615].

В целом неудовлетворительное состояние техники безопасности имело место практически во всех экспедициях округа, в том числе в Сургутской, Березовской, Тюменской[616]. Е.А. Тепляков вспоминал: «Хочешь не хочешь, но порой сознательно нужно было нарушать правила. План поджимал, руководство ждало результат и народ старался побыстрее»[617]. Слова Е.А. Теплякова подтверждаются опубликованными воспоминаниями геофизика А.К. Шмелева, который отмечал, что «рисковать приходилось на каждом шагу, иначе встанет работа»[618].

Наиболее частыми травмами были травмы рук, ног, головы, переломы и ушибы. Наблюдались факты не только сокрытия несчастных случаев, но и откровенного подлога при составлении отчетов по травматизму, а при расследовании – перекладывание вины за травматизм на самих пострадавших[619]. За нарушение техники безопасности, повлекшее тяжкие последствия или смерть работника, виновные привлекались к уголовной ответственности. Однако и после подобных инцидентов в экспедициях были грубые нарушения правил охраны труда и техники безопасности. Так, в Сургутской нефтеразведочной экспедиции за 9 месяцев 1963 года было уволено 829 человек, в том числе 72 – за нарушение трудовой дисциплины[620].

[615] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[616] ГАТО. Ф. Р-1903. Оп. 1. Д. 132. Л. 153.
[617] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2023 г.
[618] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 72.
[619] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д.25. Л. 41.
[620] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп. 1. Д. 170. Л. 9.

Халатное отношение и пренебрежение правилами техники безопасности, а также «добровольные» отступления от них приводили к различным травмам трудящихся, несчастным случаям на производстве. К примеру, за 6 месяцев 1958 года в Сургутской нефтеразведочной экспедиции произошло четыре несчастных случая, в одном из которых помощнику бурильщика из-за халатности бурильщика оторвало половину пальца[621]. В первом квартале 1960 года на буровых Сургутской экспедиции произошло 2 аварии, обе произошли на Мегионской скважине Р-1[622]. В первом квартале 1960 года произошло 5 несчастных случаев в Сургутском и Пимском участках, РКТБ, Охтеурской и Нижневартовской партиях. Три из пяти случаев произошли с рабочими в возрасте от 30 до 35 лет и стажем работы от 6 месяцев до года. Основными травмами были рвано-ушибленные раны пальцев руки, ушиб пальцев, травма губ и зубов, ушиб носовых костей, ушиб бедра были связаны с выполнением буровых, погрузо-разгрузочных работ, токарных и слесарных работ[623]. В отчетах не раз фигурировали аналогичные виды травм, но место их получения могло варьироваться.

В Сургутской нефтеразведочной экспедиции сложное положение складывалось также на предприятиях электрообслуживания. Нередко у электриков не было диэлектрических ковриков, резиновых перчаток и бот, электропроводка монтировалась с грубыми нарушениями.[624] Многие буровые не обеспечивались противопожарным инвентарем, отсутствовали инструкции по обслуживанию установок. Подогрев двигателей машин проводился открытым огнем, что было запрещено, однако в условиях экстремально низких температур носило массовый характер и негативно сказывалось на ресурсе техники[625].

Часто наблюдалось утопление рабочих вместе с техникой при переезде через водные преграды в зимний период, нанесение травм режущего

[621] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.
[622] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 53. Л. 40.
[623] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 53. Л. 51-52.
[624] Жалоба столбов // Тюменский геолог. 8 октября 1964. № 14. С. 2.
[625] Морозов Н. Работать высокопроизводительно, без травм // Ленинская правда. 26 марта 1965. С. 2.

характера при работе с рубящим инструментом, а также травмы верхних конечностей при осуществлении сцепки тракторного воза[626]. Подобные случаи были более характерны для геодезистов и геофизиков. И.П. Шмелева вспоминала один эпизод из своей трудовой биографии: «Иртыш встал, но лед был недостаточно крепкий, а нужно было переезжать на другую сторону. И намораживали: клали ветки, поливали водой… Заместитель начальника партии заставил водителя выйти из трактора и привязать к рычагам веревки, чтобы тот шел дальше «на вожжах». Трактор отъехал, может быть, метров десять от берега и – ухнул в Иртыш. Причем такую аккуратную полынью продавил, что, если бы в нем был тракторист, ему бы ни за что не выскочить через лед»[627]. *(Приложение А. Рис. 73, 74)*. Подобный эпизод был воспроизведен в воспоминаниях В.Н. Иванова: «Трактора перевозили буровые станки, жилые балки. Вот в один из рейсов трактор не дошел до берега всего несколько метров. Лед проломился и трактор ушел под воду. Там сильное течение…Трактор вытащили через несколько дней, но тракториста нашли только через год в 150 км ниже по течению»[628].

В среде геофизиков наблюдались подрывы при работе со взрывчатыми веществами. В силу специфики выполняемой работы подобные травмы были не редкостью. А.К. Шмелев рассказывал: «Работники достали где-то бикфордов шнур (у нас его не было, взрывы производились при помощи электродетонаторов), взрывчатку позаимствовали у себя же… Разобрал азарт, стали делить шнур на все более короткие кусочки – в руках взрывчатка и разорвалась»[629].

Согласно архивным данным в Новосибирском геологическом управлении, в конце 1950-х годов показатели травматизма были следующие:

А) по видам работ: спускоподъемные операции, ремонт оборудования, электрооборудование, тяжести;

---

[626] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 168. Л. 123.
[627] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 84.
[628] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[629] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики / Авт.-сост. Шмелева Е.А. Екатеринбург, 2001. С. 38.

Б) по материальным причинам: подъемные механизмы, транспортные средства, ручной инструмент, падение, движущие части оборудования и т.д;

В) по характеру повреждения: ушибы, ранения, перелом, сотрясение мозга, ожоги, смертельный случай;

Г) по квалификации: бурильщики, помощники бурильщиков, дизелисты, разнорабочие и т.п;

Д) по стажу: до 2-х лет, до 5-ти лет, до 10 лет[630].

Как видно из представленных данных, наиболее подверженными травматизму были рабочие, занятые на бурении скважин и ремонтно-технических работах. Степень травмирования была преимущественно незначительной. Травмы получали и малоопытные работники, и опытные сотрудники, халатно относившиеся к мерам безопасности.

В Сургутской нефтеразведочной экспедиции, включая две экспедиции, выделившиеся из ее состава в 1962 году, производственный травматизм за 7 лет (1959-1965 гг.) имел следующие показатели:

Таблица 2.2 – Производственный травматизм в экспедициях (1959-1965гг.)[631].

Год	Сургутская нефтеразведочная экспедиция			Усть-Балыкская экспедиция			Мегионская экспедиция		
	Кол-во случаев	Из них тяжелых	Из них смертельных	Кол-во случаев	Из них тяжелых	Из них смертельных	Кол-во случаев	Из них тяжелых	Из них смертельных
1959	16	-	-						
1960	25	-	1						
1961	16	1	1						
1962	18	1	-	16	-	-	7	-	-
1963	10	1	1	7	-	-	7	-	-
1964	12	1	3	2	-	-	2	-	1
1965	4	-	1	5	-	2	4	-	1
Всего	101	4	7	30		2	20		2

Исходя из официальных данных с 1957 по 1965 гг., в Сургутской нефтеразведочной экспедиции произошел 101 случай производственной травмы. На наш взгляд, мы не можем полностью полагаться на данную статистику, поскольку не все случаи производственного травматизма находили отражение в сводках. Это влекло за собой строгие санкции для

[630] ГАНО Ф.Р-1470. Оп. 1. Д. 671. Л. 38.
[631] ГАТО. Ф. Р-1903. Оп. 1. Д. 94. Л. 108, 128, 140, 154–155, 170–171.

экспедиции – штрафы, а иногда снятие с занимаемых должностей квалифицированных специалистов. В статистике отмечались лишь серьезные производственные нарушения, приводившие к тяжелым травмам, а мелкие попросту не учитывались.

Помимо производственного травматизма, работники геологической отрасли часто страдали простудными заболеваниями, что было обусловлено работой в сложных климатических условиях. Анализ по заболеваемости показывал, что на долю простудных заболеваний приходилось около 40% общей заболеваемости. Президиум группового комитета Тюменского геологического управления заявлял, что в связи с несвоевременным обеспечением спецодеждой и обувью полевых партий и экспедиций резко возрастало число случаев простудных заболеваний. Это вызывало значительный перерасход средств социального страхования и наносило большой ущерб здоровью трудящихся и производству.

Рабочие структурного бурения, которым в силу специфики работ приходилось бурить скважины глубиной 350-500 м за 3-5 дней, трудились на буровой с легким щитовым укрытием. Им полагалась лишь кожаная обувь и ватная спецодежда. Наряду с этим для рабочих глубокого бурения были предусмотрены валенки и полушубок[632]. Вследствие этого люди часто болели и простужались. Бурильщикам приходилось работать по 16 часов[633]. Иногда болело до 50% состава бригад, а ситуация не подлежала изменению, поскольку в районе отсутствовали необходимые медикаменты[634]. Согласно статистике, больше половины дней нетрудоспособности относилось именно к простудным заболеваниям[635]. А.И. Гомберг вспоминал: «Больной человек – он же не работник, особенно в тайге. Если совсем плохо себя чувствует, то вертолетом вывозят на базу и там лечится. А зачастую бывало, что молодой,

[632] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 24. Л. 123.
[633] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 17. Л. 52.
[634] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 19. Л. 86.
[635] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп.1. Д. 8. Л. 166.

полежит – и здоров»[636]. Еще одним распространенным заболеванием в среде геологов были трахома и туберкулез. Особенно выделялся в этом показателе Охтеурский участок[637].

Стоит отметить, что несмотря на проводимые профилактические мероприятия и оздоровительные медицинские процедуры в период отпусков, негативные последствия суровых природно-климатических условий, отсутствие правильного и сбалансированного питания, а также плохие бытовые условия, неизбежно отражались на здоровье. К геологам был применим накопительный эффект, который в дальнейшем существенно ухудшал здоровье многих из них. Сами нефтеразведчики описывали эту проблему следующим образом: «По питанию до режима, рекомендованного медициной, мы не дотягивали, и так изо дня в день, из года в год, в течение многих лет. Если к этому добавить постоянные простуды в дожди, слякоть, мороз, работу в снегу по пояс, станет понятным, почему у человека, проработавшего в таких условиях 10-15 лет, начинаются необратимые процессы деградации здоровья[638].

Таким образом, материально-техническая база здравоохранения и медицинского обслуживания к моменту прихода геологов были развиты достаточно слабо, характеризовались отсутствием крупных ассигнований в медицинскую отрасль ввиду отдалённости района от центра и его малонаселённости, а также его непромышленной специализацией. Оказание квалифицированной помощи при таком положении дел было крайне затруднительным. Медицинское обслуживание занимало вторичную роль, а многие изменения были инициированы геологоразведчиками «снизу» с целью сохранения кадров в отрасли.

Подводя итог второй главы, отметим, что в рассматриваемый период отмечалась сложность организации бесперебойного круглогодичного снабжения основными видами производственной и продовольственной

[636] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[637] ГАЮ Ф. 8. Оп. 1. Д. 235. Л. 129-130.
[638] Семеркин В.И., Бобровник И.И. Воспоминания тюменских геофизиков. Екатеринбург, 2002. С.86.

продукции, их транспортировкой и хранением, особенно в реалиях отдаленных от основных баз мест с низким уровнем развития инфраструктуры местной потребительской сети, на низовом уровне определявшей вариативность предлагаемых для населения продуктов и товаров.

Преодоление сложностей организованного завоза достигалось посредством неформальной и формальной коммуникации с местными жителями и властями региона, опытами ведения институционализированного подсобного хозяйства и собственными силами т.е. методом «самоснабжения». Одним из эффективных вариантов стратегии выживания («осваивания» на уровне индивида) являлось включение геологов в местную формальную (Рыболовпотребсоюз) и неформальную (основанную на личных навыках) потребительскую сеть, что позволяло компенсировать недостатки государственного централизованного снабжения. Подобные поведенческие практики митигировали сложности, с которым неоднократно приходилось сталкиваться геологам на начальном этапе геологического поиска. Улучшение ситуации со снабжением, в том числе расширение ассортимента продовольственных и потребительских товаров, происходило по мере развёртывания деятельности нефтегазодобывающих предприятий. Основа для деятельности последних была заложена именно геологами, но только с прибытием производственного ядра нефтяников представители геологического сообщества, действовавшие в реалиях советской административно-командной экономики, смогли добиться существенного роста разрешаемости своих каждодневных потребительских запросов.

В районах активного геологического поиска основной акцент был смещен в сторону организации материально-технического снабжения. В первую очередь формировался комплекс геолого-геофизического и бурового оборудования, компонентов техники необходимых модификаций, в том числе новинок технической мысли, обеспечивавших улучшение и ускорение процесса разведки месторождений. Ключевыми проблемами

производственного снабжения оставались количественная нехватка оборудования, качественные характеристики и комплектность поступающей техники и оборудования, удовлетворяющее потребности работников снабжение различными типами спецодежды. Данные сложности нивелировались геологоразведчиками через каналы официальных (Главк, профильные министерства) и неформальных коммуникаций. Если рабочую одежду, не предполагавшую персонификации, помимо ранжирования по должностям, можно было «достать» методами полуформальных взаимодействий «вдоль ведомственных линий власти», то повседневная одежда, открывавшая простор для фантазии индивидуального пошива, требовала реализации персонифицированных стратегий потребления присущих эпохе позднего социализма.

В реалиях производственной повседневности исследуемого периода, особое место отводилось организации питания в местах проведения работ. Ключевой особенностью являлась регламентация времени приёма пищи, детерминированная характером трудовой деятельности – стационарной (без перемещения) и маршрутной (перемещение при выполнении работы). Для обоих видов был характерен однообразный продуктовый набор, который в зависимости от возможностей и коммуникативных связей мог претерпевать изменения в сторону улучшения (снабжение близ сел, помощь жителей из числа представителей коренных народов, индивидуальная промысловая деятельность).

Одной из ключевых проблем являлся жилищный вопрос. Вариативность жилья была низка и имела общие черты в стационарных условиях и на местах работ. Мобильные типы жилья работников геологии не изобиловали вариативностью и комфортными условиями размещения в них. Доминирующим видом в полевых условиях являлись палатки и вагончики. В них создавались минимальные условия комфортного быта на производстве. Буровые бригады, которые находясь вдали от населенных мест и оставаясь «малоподвижными» исходя из специфики деятельности, проживали в

самодельных «засыпушках», бараках или водных брандвахтах, в зависимости от функционала деятельности. Все типы жилья обеспечивали условия проживания достаточные для решения ключевых производственных задач и не предполагали создания устойчивой комфортной среды.

Самыми распространёнными типами стационарного жилья были деревянные срубы на двух хозяев, а порой палатки, землянки и вагончики. По мере укрупнения партии или экспедиции происходило строительство многоквартирных домов, которые предоставляли своим жильцам ограниченный набор удобств. Однако стоит отметить, что уже в таких типовых домах, с самых первых опытов их возведения в 1960-х гг., было предусмотрено центральное отопление от специализированной котельной. Решение жилищного вопроса в основном ложилось на плечи геологического ведомства в целом и геологические организации на местах, что несомненно сказывалось на качестве жилья. Не всегда соблюдались принципы организованной типовой застройки, отсутствовал контроль качества на всех этапах строительства, что приводила к отступлениям даже от предельно аскетичных стандартов комфортной среды хрущевской поры. В свою очередь, каждый пользователь таких ведомственных жилых пространств считал себя в праве «дорабатывать» их на свое усмотрение.

С момента активизации геологоразведочных работ, прибытия в Сургут первых геологов начался новый этап в развитии здравоохранения региона. В условиях слабой развитости медицинской инфраструктуры, геологоразведчики фактически выступали инициаторами ее развития «снизу», поскольку вышеназванные факторы вынуждали руководство геологии, начальников партий и экспедиций самим заботиться об организации и функционировании всех особо важных, в том числе социально-медицинских, объектов. Медицинское обслуживание включало в себя спектр активностей по профилактике заболеваний работников геологической отрасли, лечению производственного травматизма и комплекса мер по поддержанию здоровья в суровых климатических условиях

Севера. Проблема сохранения здоровых и работоспособных кадров экспедиций была напрямую связана с повышением результативности проведения нефтепоисковых работ.

Геологи оказывали помощь учреждениям здравоохранения в бурении артезианских скважин, обосновании необходимости поставки медицинской техники и оборудования, строительстве медицинских объектов. Однако ресурсы геологического ведомства в этих вопросах были достаточно скромны, поэтому медицинская инфраструктура на местах по-прежнему состояла в основном из фельдшерско-акушерских пунктов, а строительство крупных стационарных объектов здравоохранения велось в исключительных случаях. Стационарные постройки, необходимая инфраструктура возводилась лишь в крупных населенных пунктах, где сосредоточивались основные силы геологоразведчиков. Уровень травматизма, несмотря на проводимые мероприятия, оставался достаточно высоким, что приводило к фактам сознательного сокрытия реальных значений в материалах ведомственной отчётности. Нарушения, приводящие к травмированную персонала, преимущественно носили сознательный характер, будучи вызванными отступлением от норм техники безопасности и охраны труда, в целях выполнения плановых показателей.

ГЛАВА 3. ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ГЕОЛОГОВ В КОНЦЕ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ

3.1 Повседневные трудовые практики геологоразведчиков

Советские геологи – это представители самых различных профессий, выполнявшие свои должностные обязанности в процессе разведки и освоения недр. В число геологоразведчиков входили буровики, геологи и геофизики, топографы и геодезисты, работники лабораторий и подсобно-вспомогательных хозяйств, и другие специальности. Многие нефтеразведчики осуществляли свою трудовую деятельность в полевых условиях. В свою очередь к полевым работам относились буровые, горные, геолого-съемочные, поисковые, геофизические, гидрогеологические, инженерно-геологические, аэрогеологические, аэрофотосъемочные, топографические, геодезические и другие геологоразведочные и топографо-геодезические работы, выполняемые полевыми партиями, экспедициями, нефтеразведками, отрядами и другими предприятиями, и организациями[639]. Весь комплекс геологоразведочных работ состоял из отдельных видов работ, каждый из которых имел свои особенности. Топографы и геодезисты создавали основу для будущих геофизических работ. Результат труда геофизиков уточнял направления геологоразведочных работ и давал начало поисково-разведочному бурению. Таким образом, каждый вид геологических изысканий имел свою специфику организации и практической деятельности на местах нефтепоиска.

Начальник геодезической партии 49 А.И. Гомберг вспоминал: «Геофизики, геодезисты, топографы не случайно везде были одними из первых. Нас называли авангардом геологии, и мы этим очень гордились. Именно от того, какие данные получатся в итоге работы геофизиков,

[639] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 51. Л. 64.

строились дальнейшие планы геологоразведочных работ, определялись наиболее перспективные участки, на которых закладывались скважины»[640].

Многие работники геофизических отрядов, входившие в состав северных разведок, были соподчинены вышестоящей структуре в лице геофизического треста. В 1950-е годы Сибирский геофизический трест проводил свои работы в Новосибирской, Омской, Томской, Кемеровской, Тюменской, Курганской, Челябинской, Свердловской областях, Алтайском и Красноярском краях, Тувинской автономной области и северного Казахстана по разведке недр геофизическими методами. В комплекс геофизических методов входили гравиразведка, электроразведка, магниторазведка, сейсморазведка, каротаж, ручное, аэромагнитная съемка[641]. Подобные работы проводились и на территории Среднего Приобья.

Г.А. Шевелев вспоминал: «Топографы и геодезисты, если разбираться досконально, далеко не одно и то же. Топография – от «рисую местность», топограф – это тот, который рисует карты. А геодезия – от «меряю землю», геодезист создает геодезическую основу, по которой топографы потом могут составить карты. Но у нас зачастую всех называли «топики»[642]. На их плечи возлагалась «привязка» к местности и подготовка «таёжных дорог» – профилей. *(Приложение А. Рис. 75)*. В перечне геофизических профессий топографы и геодезисты по праву занимали доминирующую позицию. Это было обусловлено их задачами, которые касались первичной подготовки участка работ к исследованиям, и сложными условиями труда, где отсутствовал малейший намек на комфорт.

«Самыми первыми шли топики, самая тяжелая профессия. Они пробивали профили. В тресте «Хантымансийскгеофизика» в самый пик, это уже в 1980-е гг., их было 4 тыс. человек»[643]. Труд работников этой профессии был невероятно сложен. Ввиду низкой механизации труда и отсутствия

[640] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[641] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1. Д. 61. Л. 9.
[642] Воспоминания Шевелева Г.А. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 143.
[643] Интервью Гидиона В.Я. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2021 г.

транспорта затрачивалось много физических сил, как на непосредственную работу, так и на передвижение отрядов. В обязанности геодезистов входило определение местоположения и высоты выданных точек. *(Приложение А. Рис. 76)*. После промера линии, отряд занимался разбивкой профилей и выбором удобных мест для проезда сейсморазведчиков. Позднее трактора, тянущие за собой сейсмостанцию и балки с рабочими, двигались по узкой визирке, проложенной топографами[644].

Организация работы топографо-геодезических отрядов имела свои особенности, поскольку им приходилось трудиться в местах, где ранее не ступала нога человека. «Геодезические работы были необходимы для создания высотной опоры, построения карт. В числе основного инструмента использовались теодолит, рейка, нивелир. *(Приложение А. Рис. 77)*. Для рубки просек поначалу были только топоры и ручные пилы, лишь позже появились бензопилы. Профиль мог идти и по болотам. Потом стала появляться у нас вездеходная техника, чтобы делать дороги. Бывало, перемещались на оленях. А в самом начале все на себе. В мешке за спиной находились палатка, спальный мешок, продукты. Ружье, на случай дикого зверя. *(Приложение А. Рис. 78)*. В отряде старались держать собаку. Она не только охраняла, вычисляла дикого зверя, но, как правило, ходила за птицей. *(Приложение А. Рис. 79)*. Шли по маршруту строго ровно. Условия труда у нас, поскольку партия моя была геодезическая, то в основном все пешком. Летом и зимой. Жили в палатках. Все носили на себе. *(Приложение А. Рис. 80)*. Зимой при морозе ниже 40 градусов были актированные дни, но даже тогда люди работали, т.к. были на сдельщине. Позже нас перебрасывали на самолетах, вертолетах. Авиация очень помогала, без нее, конечно, ничего не сделать. У нас гидропорт был, крупный в Хантах и в Сургуте, на Чёрной речке, в районе Черного мыса. Там гидросамолеты базировались на которых работали по всему региону»[645]. *(Приложение А. Рис. 81)*.

[644] Фирсов И. Смотрящие вглубь //Ленинская правда. 28 февраля 1961. С. 3.
[645] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

Вместе с геодезистами и топографами свою непростую работу выполняли геофизики – электро-, магнито-, гравиметристы. Специфика каждой профессии заключалась в выполнении ряда операций, связанных с физическими свойствами Земли, которые давали материал для понимания общих закономерностей изучаемой территории. На начальном этапе поиска основной объем после топографических работ занимали гравиметрические. Согласно воспоминаниям И.М. Жука, только в одном Увате было пять бригад топографов. На полевых работах находилось очень много людей – в первую очередь рубщики и гравиметристы[646].

Численность отряда зависела от трудности маршрута и средств передвижения по нему. Основной гравиметр того периода (СН-3) представлял собой точнейшие пружинные весы с постоянной гирькой в две десятых грамма – все это было заключено в вакуум, термостатировано и весило 20 килограммов. К этому грузу добавлялись два аккумулятора для питания термостата. Главной задачей гравиразведчика было обслуживание гравиметра, т. к. прибору были противопоказаны перегревание, переохлаждение, тряска, а также требовались постоянные поправки «на дрейф нуля», что означало привязку к опорной сети. Данные гравиразведки, не привязанные к сети, считались браком. В следствие того, что гравиметрической опорной сети на момент изысканий в районе проводимых работ еще не было, исследования велись с прицелом на будущее. Качественно проведенные измерения позднее привязывались к опорной сети с появлением опорных пунктов. Поэтому специалисты применяли «метод тройного хода», согласно которому предполагался возврат к первой исходной точке[647].

Г.П. Агафонова, осуществлявшая гравиметрические работы в начальные годы нефтепоиска, отмечала сложности проведения маршрута, тяжелые условия быта и особенности выполнения своих профессиональных

[646] Воспоминания Жук И.М. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 94.
[647] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 9.

обязанностей: «Полевые гравиметрические работы проводились после рубки просек и разбивки точек наблюдений, которые выполняли геодезисты. Основная работа приходилась на февраль, март, апрель, когда уже и посветлее, и зима устоявшаяся, снег крепкий, наст – можно проехать на оленях, просеки уже прорублены и точки наблюдений закреплены… Мой отряд состоял из четырех человек: радиста, двух каюров и меня. По методике работ требовалось отрабатывать замкнутые полигоны: с точки начала рейса, проделав 20 – 30 и более километров, возвращались в исходную точку. Точки наблюдений располагались через два километра, профили – через четыре, связующие – через 8-10 километров. Так создавалась сеть наблюдений. Отработав участок из 4-6 рейсов, палатку снимали и переезжали со всем скарбом на другое место. Работать было неимоверно трудно. И во время рейса, и на бытовом уровне. Гравики и геодезисты не выходили из тайги почти три месяца. За это время лишь один раз заезжали в ближайшее селение помыться в бане и ездили еще в стадо заменить уставших оленей. Все спали в палатке, обогревались печкой, но ночью не топили, поэтому здорово мерзли. Меховой спальный мешок из собачьих шкур был только у меня, у остальных – ватные. Утром в мешке я подползала к печке, разжигала ее… Мужчинами-то были два мальчика-ханты – одному 15, другому 16 лет. Поскольку рабочие не относились бережно к прибору, таскала его сама. И с прибором на нарте ехала, и нартами управляла, и всегда была готова спасать мой гравиметр какой угодно ценой. Однажды нарты перевернулись, но я успела принять прибор на себя и очень была этим довольна, хоть и помял он меня основательно»[648]. *(Приложение А. Рис. 82)*.

Помыться можно было на месте проведения работ, съездить в базовый лагерь или в населенный пункт. «На вездеходе приезжали в базовый лагерь, там мылись. А летом – палатка. В палатке нагревали горячую воду, и когда

[648] Воспоминания Агафонова Г.П. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 78-79.

она закрыта, там как в парной. Воду из реки брали. Чтобы возить баню с собой – такого у нас не было»[649].

Работа гравиразведчиков была организована круглогодично 6-10 отрядами. В северной части использовали катера, зимой передвигались на лошадях, оленях, лыжах. В южных районах Западной Сибири практиковались автомашины по грунтовым дорогам, осуществляя привязку к опорным пунктам с интервалом в 30-50 километров. Это позволило сформировать сеть и проводить работы без тройного хода[650].

Трудности проведения маршрута не раз отмечались ветеранами отрасли. Очень часто в составе отрядов находились совсем еще юные работники. Поскольку работы проводились почти сразу после завершения Великой Отечественной войны остро ощущалась нехватка рабочей силы. Компенсировать недостаток специалистов приходилось за счет женщин и несовершеннолетних. Г.П. Агафонова рассказывала: «Маршрут мы начали с шести утра и к двенадцати ночи всё еще не дошли до опорной точки, на которой должны были закончить. Утомились страшно. У меня был мальчишечка лет семнадцати. Он, когда спускались с крутого оврага, сел и заплакал. Не выдержал усталости. Рубщики наши неподалеку поселочек знали, когда проходили путь прошлой зимой, познакомились с хозяевами, повели нас к ним. Пустили нас ночевать, хозяйка картошки наварила, у нас с собой кое-какая еда была… Переночевали, утром до обеда вышли на опорную точку и закончили маршрут,»[651].

Подобная процедура применения геофизических методов носила обобщающий характер и давала лишь общее представление о структуре изучаемого региона, без детальной информации, позволяющей надеяться на скорые открытия месторождений. Одним из главных методов по выявлению перспективных площадей смогла стать сейсморазведка. В первое время «сейсмика» была полностью сухопутной, но затем была существенно

[649] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[650] Воспоминания Кузнецова А.А. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 9-10.
[651] Воспоминания Агафонова Г.П. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 75.

оптимизирована, что повысило скорость исследований и их точность. Метод сейсморазведки основан на фиксировании отражающихся волнах, приходящих из недр Земли, что позволяло судить о глубине залегания кристаллического фундамента, о расположении, структуре и форме осадочных напластований, которые могли являться ловушками для нефти или газа. Для этого в скважине создавали искусственно вызванный взрыв, который принимался записывающими устройствами. *(Приложение А. Рис. 83).* В составе сейсмопартии находились бригады бурильщиков, взрывников, сейсмобригада, обслуживающая сейсмостанцию со всеми ее приборами, топобригада («топики»), подготавливающая рабочие маршруты (профиля), водители, хозяйственные рабочие и различные специалисты: операторы, вычислители, радиотехники, интерпретаторы. Всего партия могла достигать численности до ста человек, которая делилась на более мелкие отряды. На базах партий создавались следующие склады: продуктовый, материально-технический, горюче-смазочных материалов, взрывных материалов с круглосуточной охраной.

Обязательным было наличие сейсмостанции, радиостанции, зарядной мастерской и транспорта, который использовался для перемещения технического арсенала по бездорожью. Для качественного проведения сейсморабот требовалось более десятка вездеходов и тракторов, но на начальном этапе сейсмопартии располагали только несколькими бортовыми машинами: полуторкой ГАЗ-АА и ЗИС-5. Эту технику дополняли арендованные в колхозах подводы. Ввиду этого большая часть работ проводилась вдоль дорог[652]. «Когда я начинал работать у нас были круглогодичные сейсмические партии, то есть работали и летом, и зимой. Работали мы на юге Тюменской области, жили в деревнях. У нас базы были в населенных пунктах. Зимой – уже в поле», – вспоминал А.Н. Задоенко[653].

[652] Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 12.
[653] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.

С выходом разведчиков недр на территорию Среднего Приобья методика работы была пересмотрена. Возможность проведения геофизических исследований в летний период была минимальна из-за большого количества непроходимых болот, сплошной залесенности района и отсутствия дорог[654]. Летние работы велись чрезвычайно медленно, с большими затратами средств, а вездеходный транспорт в течение одного летнего сезона полностью выходил из строя, и его восстановление затягивалось на продолжительное время. Вместо того, чтобы сразу с замерзанием почвы начинать работы, партии простаивали из-за ремонта транспортных средств[655], поэтому основной объем подготовительных топогеодезических работ и геофизических исследований стал проводиться в зимний период в течение 3-4 месяцев в году[656].

В зимний период сейсмики работали санными возами, которые тянули по профилям трактора. Партии работали двумя способами. Первый предполагал работу с вагончиком для сейсмостанции, который из всего обоза единственный обогревался, а после смены работники возвращались на базу. Второй способ заключался в работе с балками, в которых рабочие жили и вместе с ними перемещались по профилю[657]. *(Приложение А. Рис. 84)*.

По воспоминаниям А.К. Шмелева, под базу выбиралось крупное село таким образом, чтобы оно располагалось посередине работ на профиле. Расстояние рассчитывали в районе 25-30 километров до села и столько же после. После завершения работ геофизики переезжали в следующий населенный пункт. «В селах нас встречали гостеприимно, охотно предоставляя жилье, отпуская в долг картошку, молоко, мясо, яйца. В долг, потому что зарплату экспедиция часто получала раз в 2-4 месяца»[658].

Об организации условий труда и проведении работ вспоминала Т.В. Салманова, трудившаяся у геофизиков: «Полевой сезон проходил с октября

[654] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1 Д. 210. Л. 141.
[655] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.
[656] РГАЭ. Ф. 9580. Оп. 1 Д. 210. Л. 141.
[657] Воспоминания Шмелева А.К. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 71.
[658] Воспоминания Шмелева А.К. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 23.

по апрель. Нас привозили трактором в вагончиках, шли по профилю. Профиль рассчитывали на проезд техники. И вот мы «отстреливали» по нему. Рабочий день начинался с рассвета и пока не стемнеет, а это с 8 часов утра и до 18 вечера. Летом работа начиналась, как встанем, так и работали, пока можно. Там никто не контролировал, главное, чтобы работа шла. В вагончике у нас стояла печурка, труба проходила. Поверху проходили полки по двум сторонам. Был стол, типа скамейки. На нём – наши каротажки, это небольшие сейсмограммы. Освещение от трактора шло, лампочки были только вечером. А днем свет был естественный от окошка, нам хватало»[659].

До начала работ по «прострелу профиля» взрывники готовили скважины. Бурили их преимущественно ручным способом без каких-либо приспособлений. В землю вкручивалось сверло-змеевик и срывалось «на пупа». После извлечения сверло очищалось и снова опускалось в скважину. Подобные операции проводили по десятку раз, пока не получалось отверстие глубиной 7-10 метров. Далее в эту скважину на шестах взрывник опускал заряд весом 2-3 кг. и взрывал его. В образовавшуюся полость опускалось требуемое количество взрывчатки, определяемое оператором[660].

Следующим этапом сейсмоработы являлась подготовка оборудования для проведения взрывов и записи результатов. Если в ряде геофизических партий, работавших другими методами, нередко можно было встретить юных людей, порой несовершеннолетних, то в сейсмике был распространен женский труд. Особенность сейсмических бригад состояла в том, что «женщины на себе таскали сейсмические косы… В снегу долбили ямки под приборы»[661]. «В 1950-е гг. условия были очень ужасные. Балки деревянные на деревянных санях. Половина работающих были женщины. Они приборы таскали, расставляли по профилю. Одеты были в ватные брюки, на себе таскали косы, приемники. Их надо навесить на себя до 10 штук, донести и

[659] Интервью Салмановой Т.В. // Полевые материалы автора г. Москва, 2024 г.
[660] Воспоминания Боровник И.И. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 14.
[661] Воспоминания Малык А.Р. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 127.

подключить»[662]. Сейсмические косы представляли из себя 350-метровый полевой кабель из двенадцати пар проводов. Сейсмоприемники – по 24 на каждую сейсмостанцию – устанавливали парами в одни и те же лунки, которые утрамбовывали. Сами приемники напоминали большие банки, в которые вставлялись катушки тонкого провода, на пружинках подвешивались довольно тяжелые магниты, и вся эта система заливалась автолом. Каждый приемник весил около четырех килограммов. Женщины растаскивали их по профилю по четыре и даже шесть штук за раз. Соударение приборов приводило к потере настройки, что требовало проводить подгонку по параметрам[663]. А.Н. Задоенко вспоминал: «У косачей была самая тяжелая работа. По снегу, 10-12 часов пешком. Я их на лыжах проверял, что они делают. А они пешком устанавливали приборы. Правда после установки у них был отдых, пока не отстреляют весь интервал, а потом всё по новой»[664].

После завершения процесса подготовки осуществлялся подрыв подготовленной линии с фиксацией на фотобумагу. Запись производилась несколько секунд, после чего в лаборатории проявляли ленту, закрепляли, и получалась сейсмограмма. Прежде чем передать материал на обработку в камералку, оператор проверял качество записи. Если не срабатывал один из сейсмоприемников или усилителей, взрыв был слишком сильным или слабым, останавливался маркировщик времени или выявлялась иная проблема, взрыв и запись приходилось повторять с устранением причины брака. При положительном исходе подавалась команда на второй пункт взрыва. После завершения отстрела участка отряд переезжал на следующий 690-метровый интервал и повторял аналогичный алгоритм[665].

Подобная работа была осложнена затратой времени на постоянную сбор-раскладку линии оборудования, передвижением по профилям, которые

[662] Воспоминания Игошкина В.П. // Аудиоархив воспоминаний Голоса Тюменского Севера. - URL: https://голосасевера.рф/#archive (дата обращения 28.03.2025).
[663] Воспоминания Бобровник И.И. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 14.
[664] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[665] Воспоминания Бобровник И.И. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 14.

порой не были качественно подготовлены в виду плохой вырубки, непромерзающими участками болот, где зачастую тонула техника: «Там у них трактора часто тонули в болотистых местах. Если зима не морозная, то не промерзало. Доставали, конечно, но бывало и нет»[666].

Все эти трудности удалось нивелировать с внедрением в практику речной сейсморазведки. Значение данной методики подробно рассмотрено в первой главе, поскольку именно с ее помощью удалось ускорить процесс изучения территории и создать резерв площадей для постановки глубокого разведочного бурения на огромной территории поиска. Это позволило геологам быстрее выйти на участки, где в дальнейшем были открыты первые нефтяные месторождения.

При организации водной сейсмики использовались катер тянущей за собой баржу или самоходка. На них располагалось все необходимое оборудование, а также рабочие места, которые служили местом и для проживания, и для отдыха работников. Н.А. Глух, трудившаяся в одном из отрядов речной сейсморазведки, вспоминала: «Вот самоходка идет, за ней бонны деревянные, в них вставлены сейсмоприемники, длина где-то с 900 - 1000 метров. Потом взрывали, волны отражались, фиксировались приемниками. После отстрела информация записывалась и отдавалась для проявления. Моя задача была проявлять пленки. Работали и днем, и ночью, раз там светло. С помощью химреагентов проявлялись изображения структуры. Если рябь была четкая, то я кричала: «Поехали». И мы перемещались на другой участок работ. Я работала на двух ставках, была одна как проявитель. На сон мне трех часов видимо хватало. Спала в спальнике на этой же самоходке. Все операции по проявке надо было в перчатках делать, а они закончились. Делала всё голыми руками, а кожа стала лопаться, пришлось перематывать руки, потом их лечила»[667].

[666] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.
[667] Интервью Глух Н.А. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2021 г.

Согласно воспоминаниям А.В. Кузнецова, «производительность в речном отряде была очень и очень высокая, потому что ни сматывать, ни разматывать косу не надо, к приему взрыва линия готова всегда. Переехать с места на место тоже ничего не стоит, это же не через тайгу прорубаться. Потому мы где-то до 20 километров за смену делали, а в день – по 40»[668].

Скорость работ оставалась высокой, что не шло ни в какое сравнение с работами на профилях. Благодаря этому метод речной сейсморазведки стал широко использоваться в районе поисков. Для речных партий механические мастерские треста также стали делать гидромониторные буровые станки на понтонах, что повысило скорость проведения работ. А.К. Шмелев отмечал: «Партия Бованенко и Кузнецова пошли по Вогулке, чтобы забраться вверх и спуститься по ней вниз. Ушли километров на сто и через пять дней вернулись – всё сделали. Материал всех убил! Все в восторге: вдоль Вогулки 100 километров – это зиму работать, а тут в отряде всего-то 30 человек и за пять дней. И ни одного трактора, только самоходная баржа»[669].

Полевые и речные партии сейсмиков получали данные, которые в дальнейшем направлялись на обработку к геофизикам-интерпретаторам: «Мы, геофизики, получали материалы, их поставляли в камералку для выявления перспективных участков»[670]. Л.И. Халилова вспоминала: «Мы уезжали в поле, там организовывалась база. Нередко рядом были хантыйские домики, в них мы контору располагали. Там проводили первичную обработку сейсмоматериала, который нам доставляли. И пока сезон шел, в октябре мы уже уезжали и до лета – в апреле-мае возвращались, по завершению сезона на камеральные работы. Далее шла уже полная обработка материала, потом ехали на защиту проекта в Ханты-Мансийск, а после на защиту в Тюмень»[671].

[668] Воспоминания Кузнецова А.В. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 89.
[669] Воспоминания Шмелева А.К. // Мы открыли нефть. Нефть открыла нас. Екатеринбург, 2001. С. 99-100.
[670] Интервью Гидиона В.Я. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2021 г.
[671] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.

Следом интерпретированные данные геофизиков предоставлялись для следующего звена – геологоразведчиков. А.И. Гомберг рассказывал: «После обработки данных строят карты, как основу. По этим картам строят структурные карты, где возможна нефть. И потом, когда геологи пройдут по ним, по типу Теплякова, они рекомендуют по месту заложить скважину»[672].

На основе имеющихся данных геологи выбирали наиболее подходящую структуру, которую затем изучали бурением скважин различных категорий. Чтобы заложить скважину, геологам требовалось провести работы по «отбивке точки» на местности. Е.А. Тепляков, главный геолог СНРЭ, неоднократно принимал участие в операциях, предшествовавших будущему заложению скважины: «Перед тем как придут вышкомонтажники и начнут строить вышку, а тогда в первые годы буровая бригада сама монтировала и готовила буровую к пуску, нужно было определиться с местом закладки скважины по месту, «отбить точку». Не на карте уже, а прямо на местности. Это значит, что идут 2-3 человека – геолог, начальник или бригадир ВМЦ, кто строит буровую, и топограф. Ориентир брался с карты, на которой была утвержденная точка. Потом этот кругляшек-точка переносился на топографическую карту – планшет, где река, лес и т.п. И эту точку с планшета после нужно найти на местности. Подъезжали туда как получалось – на лыжах, на АТЛ, ГТТ, по озерку и находили эту точку. И на местности ставился нормальный кол с затесом, например, Р-5 Мегионская. Если рядом дерево, то стесывали его и делали отметку»[673]. *(Приложение А. Рис. 85)*.

После завершения этого этапа начиналась работа по подготовке к бурению скважины. На исходную точку завозилось оборудование, готовилась производственная инфраструктура близ будущей буровой. «У монтажников летом световой день был 24 часа, они 24 часа и работали. Сдельная была оплата. Ставили вышку, по оборудованию всё наводили. И

[672] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[673] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2023 г.

самое интересное, за выполненную работу в табеле ставили всего 8 часов. И когда говорили, что монтажник зарабатывает 600 рублей в месяц, то если эти 24 часа, не 8, по объему на 24 разделить, то там ничего не выходило. Изнашивался человек. Ну, зимой маленько полегче им было, там темнота не давала, но и заработков не было», – вспоминал Е.А. Тепляков[674].

Механизация работ на буровых долгое время оставалась на низком уровне. Не хватало транспортировочных и погрузочных механизмов, техники, автоматизированных систем. Многие ветераны геологии отмечали суровые и сложные условия труда: «Халин у нас, буровой мастер, когда мы монтировали буровую, по пояс голый подходил, просил ускориться. Комары ему нипочем были. Трубы на себе таскали. Вертолет подлетал, скидывал их в болото, а мы оттуда, семь человек, на себе трубу брали и тащили. Трактора или нет, или сломанный постоянно», – вспоминал В.А. Букрин[675]. С.С. Хмелевский дполнял: «Ротор буровой, как и другое электрооборудование, получал питание за счет дизелей. Их обслуживали дизелисты, следившие за работоспособностью агрегатов. В задачи помощника дизелиста входил контроль уровня масла в дизелях и поддержание топлива. Подкачка топлива производилась вручную, объем емкости был около 5 кубов. Сдавать вахту требовалось с полным накаченным баком, поэтому помощник ручным насосом накачивал солярку до нужного объема»[676].

Знаменитый буровой мастер В.С. Соловьёв вспоминал период работы в Усть-Балыкской экспедиции молодым специалистом: «Бригада сама монтировала буровую установку из-за отсутствия монтажников. Все земляные работы достались нам, разгружали цемент, глину, трубы и тоже все вручную, техника была занята на сборе и подъеме вышки. В те времена еще

[674] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[675] Воспоминания Букрина В.А. // Аудиоархив воспоминаний Голоса Тюменского Севера. - URL: https://голосасевера.рф/#archive (дата обращения 28.03.2025).
[676] Воспоминания Хмелевского С.С. // Аудиоархив воспоминаний Голоса Тюменского Севера. - URL: https://голосасевера.рф/#archive (дата обращения 28.03.2025).

даже из-под кондуктора забуривались на глинистом растворе, а цементаж делали, накидывая цемент через воронку всей бригадой вручную»[677].

Особо тяжелой, без отсутствия погрузочных механизмов, являлась работа по разгрузке барж. «В начале октября прибыли баржи с цементом. И нас всех молодых рабочих бросили на выгрузку цемента, поскольку бригада не занята бурением. Мешок цемента в 50 кг тебе ложили на спину, подымаешься по крутой лестнице из трюма баржи, затем спускаешься на берег и по скользким, наскоро мощеным из досок трапам, тащишь этот мешок в склад на горе метров за двести… При собственном весе в 58 кг вместе с сапогами мешок с каждым шагом становился все тяжелее и тяжелее. Глаза после 10-15 ходок лезли на лоб» – вспоминал В.С. Соловьев [678].

Перевозка людей к месту работы на расстояние больше 3 км производилась в специально оборудованных автомашинах и катерах[679]. Однако не всегда подобные требования выполнялись в виду нехватки или полного отсутствия транспорта. Решением этой проблемы служило использование гужевого транспорта. Е.А. Тепляков рассказывал: «Бурили мы первую скважину, самую далекую, в юртах Немчинова. Она была расположена уже на Юганской Оби, километров 18 – 20 от Сургута. Бурили там скважинку 500-метровую зимой. Вахта ездили на лошадях, которые арендовали на рыбзаводе»[680]. Воспоминания Н.Е. Перепелюка-Кучерова подтверждали данный факт, что «зимой на вахту ездили на лошадях, которые выделял нам колхоз. Вещи наши на санях, а мы идем сзади, морозы приличные, не очень посидишь, быстро замерзнешь»[681].

«Когда вахты возил трактор, к нему цеплялись сани, на сани садилась вахта и ехали с Сургута до буровой. Потом стали отходить подальше, где уже дороги нет, там появились вертолеты. Было не так уж их много – 1-2 максимум. Это потом баловаться стали начальники нашей Сургутской

[677] Воспоминания Соловьёва В.С.// Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута», 2024 г.
[678] Соловьёва В.С. Бригада трудовой славы. г. Сургута; Тюмень, 2025 г. С. 17.
[679] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 10. Л. 156.
[680] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[681] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.

экспедиции. Если у него в небе семи вертолетов нет, это считая Ми-1, Ми-4, Ми-6, то говорили “плохой день сегодня”» – делился воспоминаниями Е.А. Тепляков[682]. «Основным вертолетом у геологов был Ми-4, потом позднее Ми-8. Грузы таскал Ми-6», – дополнял В.Я. Гидион[683].

График работы на буровой отличался от графика полевых отрядов. С началом бурения скважины процесс становился непрерывным, из-за чего были задействованы несколько десятков человек посменно. При идеальном раскладе буровые бригады состояли из четырех вахт, где в составе каждой бригады находилось по 6 человек. Бригады работали 8 часов и 16 часов отдыхали[684].

Однако на практике всегда возникали проблемы с организацией посменной работы и количеством работающих бригад. Каждый случай зависел от многих факторов: «Работали по десять дней, а то и по две недели. Выезжали по две вахты, восемь часов через восемь»[685]; «График работы был очень жестким: девять дней работаешь на буровой и три дня отдыхаешь в поселке, из-за нелетной погоды можешь и пятнадцать дней отработать, выходного все равно три дня. Иногда по несколько дней ждали вертолет. За три дня отдыха ничего не успевал сделать, восстановиться после буровой не хватало времени»[686].

Во многих экспедициях рабочие часто трудились больше положенного времени, по 9-10 часов, а иногда и по 16 часов. Из-за отсутствия пересменки, во избежание простоя буровой, рабочие работали вторую смену. В большинстве случаев оплата производилась в одинарном размере или компенсировалась отгулом[687].

---

[682] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[683] Интервью Гидиона В.Я. // Полевые материалы автора г. Ханты-Мансийск, 2021 г.
[684] Гурьев В.И. Санитарно-гигиеническая характеристика условий труда и быта рабочих предприятий Главтюменьгеологии при глубоком разведочном бурении в условиях Крайнего Севера и Среднего Приобья Тюменской области // Медико-биологические проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. Новосибирск, 1977. С. 88.
[685] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.
[686] Воспоминания Соловьёва В.С. // Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута», 2024 г.
[687] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 10. Л. 159.

Распространенным вариантом был труд бригад в три вахты. Одна вахта работала с восьми утра до четырех часов дня, вторая – с четырех до двенадцати ночи, следующая начинала с двенадцати и до восьми утра[688]. Работать приходилось при любых погодных условиях, в том числе и в сильные морозы. «При -40 бурение останавливали, так как металл не выдерживал, но скважину надо было поддерживать: промывать, обновлять, а если газовый пласт, то раствор разгазируется. Это черевато выбросом и аварией»[689]. В такие периоды часто не выдерживала техника, механизмы, а люди оставались в строю на своем рабочем месте. Н.Е. Перепелюк-Кучеров вспоминал: «Я объезжал буровые и приехал к буровому мастеру Ю.Н. Лазаренко. Надо было взять квадрат и долить скважину. Он «майнает» талевый блок, буровой рабочий с помбуром берут за стропа, чтобы крюком зацепить за серьгу вертлюга. И она так плашмя крюком ударяется об серьгу и всё падает. Ребята отскочили. Я такого никогда не видел. Чтобы крюк с грузоподьемностью 130 тонн как ножом срезало. Под -50 мороз был»[690]. *(Приложение А. Рис. 86)*.

При выполнении операций в структурном бурении в зимнее время утепление буровых установок производилось только за счет легкого щитового укрытия. Самим рабочим выдавали кожаную обувь и ватную спецодежду[691]. Для рабочих глубокого бурения утепление буровых установок в основном шло из подручного материала (досок, горбыля), что тоже являлось малоэффективным, но для работников были предусмотрены валенки, полушубок[692]. Как вспоминал В.А. Букрин: «В мороз за -50 буровая не останавливалась, мы через 2 часа сменялись. Там в сапогах, в валенках на роторе не постоишь»[693]. «Бурильщик у тормоза за пультом стоит, в фуфаечке,

[688] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.
[689] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.
[690] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.
[691] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 24. Л. 123.
[692] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 94. Л. 111.
[693] Воспоминания Букрина В.А. // Аудиоархив воспоминаний Голоса Тюменского Севера. - URL: https://голосасевера.рф/#archive (дата обращения 28.03.2025).

а если резиновые сапоги были, то ноги сразу мерзли. В морозы на буровой брали два ведра кипятка и вставали ногами. Это лишь спасало»[694].

Перечень выполняемых на буровой операций был довольно длинным, что предполагало непрерывную работу. К основной операции по бурению скважины добавлялись вспомогательные работы. К ним относились промывка скважины, заготовка глинистого раствора, оборудование устья, каротажные работы, смена долот, турбобура и талевого каната, чистка желобной системы, установка/снятие превентора, установка ЛПГ-3000 (погрузочная лебедка), подъем грунтоноски, опрессовка колонны, выброс инструмента на мостики, шаблонирование колонны, ПЗР, продавка, замена воды на глинистый раствор, сборка и разборка инструмента, разбуривание цементного стакана, смена грязевого шланга, обработка раствора УЩР, смена дизелей, расхаживание турбобура, сборка и разборка УБТ, долив скважины, натяжка текстропных ремней, смена тормозных колодок, проработка ствола скважины, сборка нового инструмента, смена сальников вертлюги, демонтаж АКБ и установка ПБК, смена цилиндрических втулок, бурение под шурф, спуск, смена переводников, отогрев воздушной линии, и прочие работы[695]. *(Приложение А. Рис. 87)*. Также работникам буровой бригады приходилось не только отслеживать разные параметры, выполнять спускоподъемные операции, осуществлять контроль качества бурового раствора, но и порой решать различные затруднения в процессе работы, грозившее осложнениями или даже аварией на буровой.

После трудовой смены буровая бригада проживала в подготовленном жилье на месте проведения работ или, что было довольно редко, выезжала в места стационарного проживания. К.В. Волкова вспоминала: «В Локосово, когда буровая была рядом, они дома жили, а потом, когда за рекой буровую

[694] Воспоминания Метрусенко Ф.С. // Аудиоархив воспоминаний Голоса Тюменского Севера. - URL: https://голосасевера.рф/#archive (дата обращения 28.03.2025).
[695] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 206. Л. 32-33.

поставили, где сейчас Лангепас, жили в построенном бараке. Их бригаду на катере возили через Обь»[696].

На заре нефтепоиска условия нахождения на буровой были сложными. Работники жили в балках (вагончиках). Жилые площади продувало, в зимний период они промерзали. Культурно-бытовые помещения, как правило, отсутствовали, а отопление было в основном за счет дров или угля[697].

Н.Е. Перепелюк-Кучеров вспоминал: «Быт на буровой был прост. Строился обыкновенный барак, все там размещались. Там и культбудка, там буровой мастер, там вахты»[698]. В.С. Соловьев дополнял: «На буровой стоял всего один балок, в этом балке мы и переодевались, и обедали, а обед, как правило, состоял из банки тушенки с хлебом и чай со сгущенкой. Приезжаешь вечером на брандвахту – умываешься, стираешь одежду в Юганской Оби и у костра сушишь ее насколько это возможно. Утром вылазишь из спального мешка и надеваешь сырую одежду. На буровой спецовка тоже не просыхала. Совсем уже неприятно было вечером после работы купаться в Юганской Оби в октябре».[699] На буровых не имелось ни тепляков, ни навесов, рабочие были лишены возможности принятия пищи в нормальных условиях и отогрева[700].

В большинстве случаев геологоразведочные, геофизические партии, и буровые бригады начинали работы без достаточной подготовки производственной инфраструктуры. В Шухтунгортской партии Нарыкарской экспедиции абсолютно не было свободной жилой площади, не была организована столовая, а буровая бригада уже вела бурение скважины. На каждого рабочего не хватало постельных принадлежностей. После работы трудящийся ложился отдыхать на голые нары в том, в чем работал[701]. Также в буровых бригадах из-за отсутствия инфраструктуры наблюдался дефицит

[696] Интервью Волковой К.В. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[697] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 94. Л. 111.
[698] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.
[699] Воспоминания Соловьёва В.С. // Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута», 2024 г.
[700] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 652. Л. 38-40.
[701] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.

спальных мест. Порой на двух-трех рабочих была одна кровать. Прежде чем отдохнуть после рабочей смены нужно было дождаться, когда эта кровать освободиться и подойдёт очередь[702].

Необходимо отметить, что условия труда для работников нефтеразведок были сложными на протяжении всего периода, но проводилась работа по улучшению общего состояния и повышению уровня комфорта для трудящихся. В 1965 г. буровые бригады Сургутской нефтеразведочной экспедиции во время бурения продолжали проживать на месте работы в деревянных передвижных балках на 4-6 мест и в общежитии каркасно-насыпного типа. Они были оборудованы деревянными нарами, каждый рабочий имел спальный мешок с вкладышами и спецодеждой. На буровой имелись котлопункты с поварами, где рабочие питались. Однако в летний период не строились душевые, которые были очень необходимы в летние месяцы[703]. В Усть-Балыкской экспедиции в 1965 г. члены буровой бригады размещались на территории буровой в балках. Балки были снабжены кроватями, постельными принадлежностями. Смена постельного белья производилась ежедекадно[704].

Производственные трудовые коллективы полевых отрядов и буровиков испытывали многие трудности и неудобства при выполнении производственных операций. Организация трудового режима была сопряжена со множеством упущений и недоработок объективного характера, но в значительной мере превалированием производственной части над социально-бытовой.

Несколько иными были условия организации труда у работников, трудившихся в стационарных условиях проживания по пятидневному графику. Режим рабочего дня придерживался устоявшегося распорядка. Л.И. Халилова вспоминала: «Кто на местах работал, в кадрах, в лаборатории, цехах и прочих, на месте одним словом, рабочий день был с 8.00 утра до

[702] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 16. Л. 57.
[703] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп.1. Д. 4609. Л.7.
[704] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4609. Л. 1.

17.00 часов»[705]. Большинство обслуживающих нефтеразведчиков подразделений, работавших по подобному графику, в ряде случаев имели отклонения в режиме рабочего времени, вызванные производственной необходимостью. Один из участников первого десанта В.Н. Иванов вспоминал: «Мастерские стояли, у них рабочий в 8.00 ч. утра начинался и в 17.00 ч. вечера завершался. Машины выходили – тоже с 8.00 ч. до 17.00 ч. Но, например, отвезти куда-то груз надо. Пока приехал, пока там все дела оформить, к 11.00 ч погрузили и поехал. Среднечасовая скорость считалась около 25 км по геологическим дорогам. Буровая в 100 км. Сто туда, сто обратно, уже 8 часов. Выехал в 11.00 ч., а там приехал, еще то разгрузить, то погрузить некому. Не бросишь ведь посреди дороги, поэтому тоже день удлинялся»[706].

Согласно законодательству, ненормированный рабочий день устанавливался отдельным категориям работников – административному персоналу (начальники, инженеры и техники всех специальностей) и работникам, труд которых не поддается учету во времени. Работа сверх 7 часов в день была разрешена в исключительных случаях, которая была необходима в ходе производства, и не считался сверхурочной работой. Для рабочих и МОП ненормированный день не устанавливался, за исключением шоферов, о чем говорил В.Н. Иванов. В качестве компенсации за переработку работнику предоставлялся дополнительный отпуск продолжительностью в 6 и 12 дней. Перечень должностей был утвержден Госгеолкомитетом РСФСР по согласованию с ЦК профсоюзом геологов. На самих предприятиях перечень должностей и соответствующих дней отпуска прилагался к коллективному договору[707].

Однако в реальности данный норматив не всегда подлежал исполнению. Зачастую ненормированный день был у производственников, которые отвечали за работу коллективов на удаленных участках. В их

[705] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.
[706] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012 г.
[707] Кожевников В. Ненормированный рабочий день // Тюменский геолог. 7 октября 1965. № 40 (66). С. 2.

обязанности входила координация действий, содействие в ходе выполнения производственных задач и оперативное решение различных возникающих трудностей и осложнений, нередко требовавшее личного присутствия. Главный геолог Сургутской нефтеразведочной экспедиции Е.А. Тепляков, рассказывая про типичный рабочий день управленческого состава, отмечал, что «у ИТР были вахты. Пожизненно у них был ненормированный рабочий день, там оговаривалось, но не более 120 часов. За счет этого и отпуск был побольше, чем у рабочих. Начинался рабочий день с разнарядки в 7.00 ч. у начальника, каждый день с утра. Уже в 6.30 все были на месте, начальник там еще сидит, пишет, а вся эта банда – начальники цехов, главные специалисты, в так называемом предбаннике, обсуждали свои дела. С семи до восьми, час где-то, была разнарядка, и к восьми все расходились по своим местам. А рабочий день у ИТР конторских в 9.00 ч. начинался, в 18.00 ч. кончался, как обычно. Главные специалисты же – начальники отделов бурового, технологического – это уже независимо от времени. Очень много летали по буровым. Я за свою жизнь в кабинете мало был. Как полетел, это и буровые облететь надо, керн посмотреть. Испытатели отдельно работали, к ним надо было попасть. Обеденное время, если конторские, бухгалтерия, плановый отдел уходили с часу до двух, то у этих не было»[708].

Довольно часто инженерно-техническому составу нефтеразведок приходилось работать в выходные дни. Особенно напряженная обстановка складывалась в дни неблагоприятных природно-климатических условий, крайне низкой температуры воздуха. В такой период отдаленные участки должны были осуществлять сеансы связи на случай непредвиденных осложнений в рабочем процессе. Н.Е. Перепелюк-Кучеров вспоминал: «Мы по воскресеньям на радиостанции были, выходных у нас не было почти. Поэтому все начальники, главные специалисты, суббота-воскресенье – мы всегда на работе. Особенно в зиму, в морозы. Бывало, до обеда, бывало – 2 часа затратишь. Как-то в такой же мороз пришли на радиостанцию Тепляков,

[708] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012 г.

я, Коршиков, Гаврилов. Связь идет, уточняем, ждем каких-то неприятностей с буровых, т.к. мороз -50. Заходит водитель, спрашивает, куда трубы НКТ деть, которые с буровой вывез. Тепляков говорит: “Свали прям в ограде, они отработанные, потом уберем”. Водитель развернул машину, стойки отбросил, и они посыпались. Такая стрельба пошла, как 45-ка стреляет (артиллерийское орудие – авт.). Мы вылетаем, а там шофер вперед за кабину спрятался, трубы валятся и осколки только летят в разные стороны. Почти все полопались от мороза»[709]. Данный фрагмент воспоминаний хорошо демонстрирует перечень профессий, которые работали по ненормированному графику, но совершенно разнится в объемах положенного и фактически затраченного времени, в том числе с учетом работы в выходные дни.

Таким образом, организация разных видов геологоразведочной деятельности имела свои специфические особенности. Несмотря на существенные различия в своем функционале (стационарные и мобильные группы), особенностях формирования рабочего дня, работники нефтеразведочных структур выполняли одну общую стратегическую цель по обнаружению промышленных запасов углеводородного сырья. Главным и важнейшим показателем их трудовой деятельности являлось успешное выполнение поставленных задач, выражавшееся в количестве подготовленных структур, пробуренных метрах и объемах добытой нефти.

3.2 Хозяйственно-бытовая деятельность геологов

Важной частью повседневной жизни геологов был труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве, а также вопросы, связанные с организацией бытового обслуживания. Работа по ведению подсобного хозяйства занимала значительное место в повседневной жизни трудящихся. Согласно сведениям местного краеведа И.П. Захарова, сургутяне издавна выращивали на своих

[709] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2015 г.

огородах картофель, репу, морковь, редьку, свеклу, капусту. Были успешные опыты по выращиванию зерновых культур[710].

Геологоразведчики немногим отличались от коренных жителей в предпочтении выращивания плодовоовощных культур и прочих занятий, которые к тому же помогали им компенсировать недостатки централизованного снабжения. Э.М. Гильманова вспоминала: «Выращивали в основном картошку, зелень (лук бутон, укроп, щавель), цветы (астры, маргаритки). Так как теплиц не было, накрывали саженцы одеялами и тканевыми дорожками. Участки в среднем были 1,5-2 сотки, т.е. несколько грядок. В основном такие огороды были в домах на 4 квартиры. Также были небольшие огородики и у частных домов»[711].

Помимо личных приусадебных участков были земельные участки для коллективного пользования. В 1960-е годы особенно активно внедряли самообеспечение партий и экспедиций за счет подсобного хозяйства. Нефтеразведчики брали землю для ее возделывания, обеспечивали себя основными овощами. «Совхоз сургутский нам давал землю, там мы могли картошку посадить. В 1960-х годах для себя разрабатывали участочки под Саймой. Выращивали почти все – картошку, морковь, свеклу, – тут все росло хорошо, несмотря что Север. И огурцы на грядке садила, и зелень», – вспоминала М.Г. Рыжова[712]. В соседней Мегионской нефтеразведочной экспедиции руководитель В. А. Абазаров организовал посадку 18 га картофеля, 3 га капусты, тем самым закрыв вопрос снабжения работников этими овощами[713].

Подготовка к вегетационному периоду начиналась заблаговременно. Готовилась рассада, выбирались лучшие, по возможности, сорта семян. «Заранее в литровые банки садили рассаду и потом уже весной банки разбивали и садили в грунт. Морковку, свеклу, репу, горох, капусту

[710] Захаров И.П. «Моя земля». Сургут, 1999. С. 48.
[711] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013.
[712] Интервью Рыжовой М.Г. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013.
[713] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 33.

выращивали. В палисаднике малина была. Это было по желанию, кто не хотел, тот и не садил» – вспоминала В.И. Перепелюк[714].

Одной из стратегий выживания в условиях дефицита продуктов было разведение коров, свиней и кур. Э.М. Гильманова рассказывала: «На придомовом участке загоны для скота назывались в Сургуте «стайками». У бухгалтера экспедиции Туренко в хозяйстве было две коровы»[715]. В самом Сургуте скот беспрепятственно разгуливал по улицам поселка, о чем нередко упоминалось в воспоминаниях старожилов и современников: «Прямо на улице можно было встретить корову, теленка, щипающих траву, а также поросенка, развалившегося на солнцепеке»[716].

Подобные практики были характерны для любого места проживания на территории Среднего Приобья. Так К.В. Волкова, прибывшая в составе «второго десанта» в Локосово, вспоминала: «Позднее, когда уже стали обживаться в Локосово мы сами завели небольшой огородик, даже корову купили, кур держали. С яйцами и молоком тогда всегда было сложно, в продаже почти не найти было, лишь у местных»[717].

Важной частью повседневных работ являлись заготовки на зиму. Поскольку зимы были суровые и продолжительные, люди готовились к этому непростому периоду. Различные дары природы Севера и урожай с собственного подсобного участка позволяли создать продовольственный запас на зиму. Э.М. Гильманова вспоминала: «Муксуна заготавливали на зиму. Распространена была его засолка в колодке не потрошенного. Если был осетр, то порой его отдавали на копчение в пищекомбинат, который располагался в старом Сургуте. Грибы и ягоды также заготавливали для себя. Клюкву замораживали, делали брусничное варенье и оставляли саму ягоду

[714] Интервью Перепелюк В.И. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2014.
[715] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013.
[716] Сибирский самородок: воспоминания о В.В. Бахилове / Под ред. Ю.И. Переплеткина. Тюмень, 2000. С. 139.
[717] Интервью Волковой К.В. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012.

для пирогов. Грибы консервировали – засаливали, мариновали. Закрутки тоже делали. За зиму съедали 5-6 ведер брусники, варили из ягод морсы»[718].

Кроме работы в личном подсобном хозяйстве коллектив нефтеразведочной экспедиции на регулярной основе оказывал помощь подшефному колхозу «Ленинский путь», в основном за счет экономии средств в строительстве на геологоразведочных работах. Геологи участвовали в строительстве животноводческих помещений, регулярно организовывали воскресники для заготовки сена, посадки картофеля, прополки и окучивания картофеля, уборки урожая[719]. *(Приложение А. Рис. 88, 89).*

Комсомольская организация Сургутской экспедиции активно занималась шефской помощью местному колхозу, улучшала механизацию фермы. В качестве обязательства один выходной в месяц молодежь нефтеразведки работала в колхозе[720]. Геологи вспоминали: «На субботники мы ходили, капусту рубить, картошку копать, садить рассаду помогали. Осенью буровая остановилась. Не было троса талевого, нас на покос сена отправили. Километра 3 от деревни Локосово. Мы всей бригадой помогали. Осенью таль рубили, на лошадях ездили»[721].

Л.И. Халилова вспоминала: «Ездили на сенокос в сторону Большого Югана, на помощь колхозу. Мы жили на берегу в больших стогах сена. Там мы сено сушили, возили копнами. Девчонки готовили на кострах еду, по две недели работали»[722]. *(Приложение А. Рис. 90).*

Помощь колхозам оказывалась и механизированной техникой. Так, тракторами Мегионской нефтеразведочной экспедиции зимой и весной 1962 г. было перевезено более 30 стогов сена из поселка «Мысовая Мега» в Мегион для животноводческой фермы. Кроме того, по инициативе

[718] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013.
[719] ГАСПИТО. Ф. 2344. Оп. 1. Д. 62. Л. 69.
[720] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 10. Л. 65.
[721] Интервью Волковой К.В. и Волкова И.Ф. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012.
[722] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018.

экспедиции в управлении был изготовлен доильный аппарат «Елочка»[723]. Шефская помощь выступала своего рода «платой за помощь» геологам в ведении общего подсобного хозяйства и не вызывала особых недовольств.

Выходные дни для работников геологии были возможностью решить дела по дому, провести время с домочадцами. «В единственный выходной день надо было сделать все домашние дела: привести дом в порядок, постирать, воду набрать, занести. Вода была привозная, а это значит надо было черепки все выставить на улицу, пока приедет машина, набрать и поднять. Стирались на доске руками, у нас машинок еще не было, поэтому выходной выходил хозяйственный. А если еще ребенок есть, то это значит надо сварить и приготовить, печку натопить, дров принести. Если дрова не наколоты, то наколоть», – вспоминала Л.И. Халилова[724].

Женский функционал домашних дел был весьма значительный. Сын А.И. Кима, одного из геологоразведчиков, в своей книге детально описал процесс стирки одежды и белья в поселке Усть-Балык: «Надо было наносить кадку воды…Для этого нужно взять коромысло и с двумя полными ведрами не один раз подняться с реки на берег. Зимой по обледенелому берегу это занятие превращалось в тренировку штангиста и эквилибриста в одном женском лице. Потом воду надо было нагреть, часть белья требовала кипячения в так называемой выварке. Другая часть предварительно замачивалась, потом простирывалась в корыте с использованием стиральной доски. Завершалась стирка полосканием белья и одежды, вся использованная вода выносилась на улицу... А помимо этого надо проверить уроки у детей, сварить еду, накормить всех, принести дрова, натопить печь»[725].

Утро, предшествующее работе, налагало дополнительные обязанности по дому и домочадцам. Л.Е. Каденкова, мать троих детей, отмечала, что «утро начиналось рано, особенно если дети были. Нужно было встать, приготовить поесть, потом разбудить детей, собрать кого в сад, кого в школу.

[723] ГАСПИТО. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 5. Л. 60.
[724] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018.
[725] Ким А.А. Ким Анатолий Индекович – эпоха и легенда геологии. Салехард, 2019. С. 102-103.

После уже бежать на работу. В обеденный перерыв как можно быстрее возвращались домой, благо наше руководство всегда шло навстречу, смотрели как там дети и назад. Было напряженно, так мы жили, так росли наши дети. В выходные дни, если не были на работе, то это в основном домашние дела – уборка, готовка, стирка»[726].

Одним из важных направлений в работе являлось создание комфортных социально-бытовых условий для работников геологической отрасли. Принимая во внимание, что на предприятиях геологической отрасли работало большое количество мужского населения, часть которого составляли холостяки, вопросы быта были всегда актуальны. Неоднократно поднимался вопрос о создании комбинатов бытового обслуживания, которые позволили бы решить часть проблем, но их организация вызывала определенные сложности. Как заявлялось на одном из профсоюзных совещаний, «в экспедициях работают в основном холостяки и, конечно, же везде должны быть прачечные, а прачечных нет. Об этом никто не заботится. В лучшем случае держат прачку для стирки спецодежды и все. Люди обрастают бородами, а лезвии для бритв не завозятся. Мы не можем в каждой экспедиции иметь комбинат бытового обслуживания. У нас должны быть в партии люди, которые могут побрить, починить, привести в порядок одежду»[727].

Проблема социально-бытового обслуживания имела давнюю историю. Значительное время эти вопросы оставались нерешенными. Как отмечалось на заседании группового комитета профсоюза треста «Тюменьнефтегеология» от 22 марта 1955 года, на базах нефтеразведчиков не было бани, негде было постирать белье, отсутствовала парикмахерская[728]. Плохо выполнялось постановление ЦК профсоюза рабочих геологоразведочных работ, приказы Главгеологии РСФСР и гелогоуправления о строительстве прачечных, мастерских бытового

[726] Воспоминания Каденковой Л.Е. // Архив ОО «Ветераны геологии Сургута».
[727] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.
[728] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 1. Л. 86, 90.

обслуживания в Березовской и Ханты-Мансийской экспедициях[729]. В экспедициях не была налажена стирка белья из-за отсутствия прачечной»[730]. На базах отсутствовали душевые и умывальники[731]. Никто не заботился об открытии в поселке разведчиков парикмахерской, пошивочной и ремонтной мастерской[732].

Порой геологи на этапе формирования собственной инфраструктуры использовали поселковый потенциал, в том числе по вопросам гигиенических процедур: «В баню мы ездили на Черный Мыс, там она была в районе Рыбников. Там и клуб был, и баня. В старом Сургуте тоже баня была, туда тоже ходили порой, но до нее дальше было ездить»[733].

Стоит отметить, что даже в Сургуте, который был районным центром, местом базирования ключевой структуры геологов Среднего Приобья, условия соцкультбыта были не на самом высоком уровне. Как отмечалось в 1958 г. на заседании районного совета депутатов, в виду отстутсвия районной бани, частники топят бани и берут по 3 рубля[734]. Используемые для водных процедур бани преимущественно строились из сосновых бревен, с приземистым потолком. Внутри бани была калильная печь или каменка с булыжником, битым чугуном и другим железом, помогающим долго держать жар. У стен бани располагались лавки, кадки с горячей и холодной водой, банные принадлежности с березовым веником. Воду носили в ведрах из Бардаковки или Саймы. Чтобы запастись необходимым количеством воды, нужно было сходить к речке и обратно от 15 до 20 раз. Сначала мылись мужчины, затем женщины и дети, последними шли старики. После завершения водных процедур при необходимости стирали белье[735]. По воспоминаниям Э.М. Гильмановой, «бани топили много. В Сургуте она ежедневно работала. А мы ходили в баню рыбокомбината. Она маленькая

[729] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.
[730] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.
[731] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 41.
[732] ГАСПИТО Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 92-93.
[733] Интервью Волковой К.В. и Волкова И.Ф. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012.
[734] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л.70.
[735] Сургут и сургутяне: рассказ о людях и времени / Сост. Г.В. Кондрякова. Тюмень, 1998. С. 118-119.

была, один день мужская, один день женская. А потом выстроили к 1970-м годам на Рыбокомбинате новую, стало легче жить»[736].

На заре нефтепоиска, в 1959 году, Сургут с населением 6031 человек располагал всего тремя предприятиями бытового обслуживания, в числе которых были пошивочная мастерская, фотография и парикмахерская[737].

В начале 1960-х годов ситуация не претерпела существенных изменений несмотря на повышение технической оснащенности партий и экспедиций. Техника крайне недостаточно использовалась для улучшения труда и быта трудящихся. На буровых в 1960 году в зимнее время при наличии мощных котельных установок не было бань и прачечных[738].

Особенно плохо было поставлено бытовое обслуживание рабочих, ИТР и служащих сейсмических партий и отрядов, бригад и некоторых партий глубокого бурения, которые проводили работу вдали от населенных пунктов. «Полевики» по роду работы редко выезжали в поселки, а на основных базах отсутствовали мастерские по пошиву и ремонту обуви и одежды, парикмахерские[739].

По мнению профильных комитетов, геологам «на местах самим нужно было проявлять инициативу»[740]. В рабочем поселке Сургут в 1962 году «руководство экспедиции бытовые вопросы рабочих отводило на самый последний план»[741]. В большинстве поселков лесников и геологов кроме бань не было других предприятий бытового обслуживания. В поселке Нефтеюганск проживал тысячный коллектив геологов и строителей, но обустраивался поселок очень медленно[742]. Столовая была на 24 места, поэтому для того, чтобы поесть, надо было выстоять в очереди 1,5-2 часа. На

[736] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013.
[737] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 10. Оп. 2. Д. 265. Л. 19.
[738] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 10. Л. 102.
[739] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 27. Л. 30.
[740] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.
[741] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп.1. Д. 163. Л. 8.
[742] ГАТО. Ф. 814. Оп.1. Д. 4049. Л. 144.

480 холостяков не было прачечной, мастерской по пошиву и ремонту одежды и обуви[743].

Таким образом, бытовое обслуживание геологоразведчиков находилось на низком уровне, не обеспечивало в полной мере потребности геологов. Медленно велось строительство помещений для мастерских бытового обслуживания.

Аналогичные проблемы касались и вновь организуемых геологических единиц на местах проведения работ. Повсеместно наблюдалась нехватка мест под организацию основных звеньев бытовых комбинатов и их материально-технической составляющей. В протоколе партбюро первичной парторганизации Мегионской нефтеразведочной экспедиции от 7 мая 1963 года отмечалось, что «комбинат бытового обслуживания еще не организован, он будет оборудован в одном из четырехквартирных домов. Прачечная будет обеспечена стиральной машиной при поступлении последней»[744]. В 1964 году планировалось открыть швейную мастерскую на 12 рабочих, парикмахерскую на 5 кресел, в том числе 3 мужских и 2 дамских, организовать ремонт часов, изготовление фотографий, ремонт обуви и сложной бытовой техники[745].

Вопросы организации бытового обслуживания неоднократно обсуждались в ходе заседаний районных советов депутатов трудящихся. На заседании Сургутского районного совета депутатов трудящихся Тюменской области отмечалось, что в «поселке нет ни одной мастерской по пошиву и починке одежды и обуви, … предполагалось по мере ввода жилья в эксплуатацию выделить площадь под мастерскую пошива и ремонта одежды и парикмахерскую»[746].

К 1964 году, в период прибытия первых представителей нефтяной промышленности, бытовые условия постепенно стали улучшаться, но

[743] ГАТО. Ф. 814. Оп.1. Д. 3771. Л. 98.
[744] ГАСПИТО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.
[745] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп.1. Д. 212. Л. 139.
[746] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп. 1. Д. 181. Л. 194-195.

недостаточно[747]. В Постановлении Облисполкома и Средне-Уральского Совета народного хозяйства № 395 от 25 июля 1964 года по вопросам улучшения бытового обслуживания в районах промышленного освоения отмечалось, что «на Севере медленно проходило продвижение бытового обслуживания. Существовала острая необходимость в создании таких комбинатов. Продолжала оставаться низкой культура обслуживания, имели место обманы и обсчеты покупателей. Руководителям комбинатов, УРСов, геологоразведочного управления ставилась задача серьезно разобраться по всем вопросам бытового обслуживания: расширению сети, подготовке кадров, снабжению, рекламе открытых пунктов»[748].

Несмотря на то, что Сургут являлся одним из крупных геологических центров в регионе, комбинат бытового обслуживания здесь был открыт лишь во второй половине 1964 года. При нем появился пошивочный цех, работавший в две смены. Также были открыты мастерские по ремонту часов и обуви, парикмахерская, работавшая в две смены, однако она «не была обеспечена в достаточном количестве салфетками, не хватало помазков, отличалась низкой культурой обслуживания клиентов, а также не имела дамского зала». Фотоателье часто работало с перебоем из-за отсутствия материалов. Как отмечали посетители, изделия КБО были некачественными и дорогими[749]. В Сургуте бытовые услуги на душу населения в 1964 году составили 4 руб. 83 коп, а коммунальные 2 руб. 68 коп[750].

Бытовое обслуживание населения Сургутского района осуществлялось Сургутским райпромкомбинатом и Сургутским комбинатом бытового обслуживания, в составе которых находились следующие мастерские: в рабочем поселке Сургут имелись швейная – 35 человек, парикмахер – 8 человек, фотография – 4 человека, обувная – 1 человек, часовая – 2 человека, деревообработка – 2 человека[751].

[747] ГАСПИТО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 25. Л. 24.
[748] ГАТО. Ф. 814. Оп.1. Д. 4049. Л. 135.
[749] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182. Л. 131.
[750] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 10.
[751] ГАТО. Ф. 814. Оп.1. Д. 4049. Л. 154.

В тоже время в 1964 году в поселке Усть-Балыкской экспедиции, которая была образована двумя годами ранее, отсутствовали парикмахерская, мастерская по ремонту обуви и пошиву одежды, не было прачечной[752]. И.И. Пискулина вспоминала: «Если нужно было что-то починить, то ехали в Сургут (с Черного Мыса – авт.). Иногда где-то сами делали, что могли отремонтировать, или кто по соседству помогал. Не всегда же ехать в центр ради какой-то вещи, мы же работали, а на выходных тоже дел много. У нас некоторые геологи заказывали пошив у местных портних и получали готовое уже как хотелось, так проще выходило и быстрее»[753].

Многое из недостающего можно было привезти с отпуска «на большой земле»: «В отпуске брали себе одежду, в Сургуте можно было купить, но мало. Мы в основном шили на местах здесь, по знакомству. Позднее что-то интересное в магазинах появлялось. Мы на море ездили, привозили оттуда. В Москву заезжали, там уже хорошо одевались»[754]. Причем одежда и необходимые товары приобреталась сразу на всех членов семьи, от взрослых до детей: «В отпуске одежду брали и на себя, и на детей. Вплоть до игрушек даже. Сыну очень самосвал большой понравился, взяли ему, а дочери куклу большую, с которой она за руку ходила»[755].

Необходимые предметы быта или продукты можно было приобрести не только в торговых точках и магазинах, но и на рынке. В архивах данные о наличии рынка отсутствовали, согласно воспоминаниям ветеранов геологии, удалось прояснить данный аспект. В.Н. Иванов рассказывал: «Насчет рынка разговоры велись, стихийный рынок был в то время. На берегу стоял забитый на колышках стол. Если кто-то поймал рыбы больше, чем он съест, то ставил на этот стол и продавал. Такого рынка, как сейчас мы понимаем, не было»[756]. И.И. Пискулина дополняла: «Позднее рынок в Сургуте появмлся там, где мост через Сайму, где сейчас домики Старого Сургута (Историко-

[752] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 187. Л. 87.
[753] Интервью Пискулиной И.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2022.
[754] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018.
[755] Воспоминания Рыжовой М.Г. Полевые материалы автора г. Сургут, 2013
[756] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2012.

культурный центр «Старый Сургут» – авт.). На рынке кто со своего огорода овощи продавал, кто рыбу, кто вещи, поделки. Рынок больше продуктовый был, но с разными товарами»[757].

Одной из ежедневных забот геологов было обеспеченность водой. На этапе организации нефтеразведок преимущественно использовались колодцы. В последующее время вопрос с водой решался за счет бурения скважин под воду в разных частях Сургута. Подобные начинания были характерны и для других населенных пунктов региона для более качественного водоснабжения. Е.А. Тепляков вспоминал: «Колодец у нас был один на всех. На весь наш поселок, посередине почти, между этими домами был колодец, напротив салмановского дома. И все ходили в этот колодец за водой. Колодец копали сами. Тогда не до скважины было. Метров 4 глубиной. Скважина под воду появилась позже, когда поселок уже стал разрастаться. А до этого весь наш околоточек, даже с той стороны, где жили Тереховы, через дорогу Сосновую, ходили в этот колодец за водой»[758].

Большая часть предприятий бытового обслуживания располагалась в центре Сургута, поэтому геологам приходилось добираться в поселок пешком или на автобусе. Несмотря на то, что автобусы ходили не регулярно, они облегчали мобильность жителей разных районов Сургута в период весенней и осенней распутицы. В 1962 году были утверждены 12 автобусных остановок: Больница – Почта – Раймаг – Дом культуры – Мостовая – Интернат – Контора экспедиции – Школа – Сельмаг – Затон – Сосновая – Экспедиция[759].

В.С. Теплякова вспоминала: «По дорогам ездили ГТТ, грузовые машины, трактора. В основном ходили пешком. Автобус Пазики ходили от Черного Мыса до Сургута не так часто. Центр Сургута – это основные объекты. Там и больница, и банк, и магазин, и райком. Дороги все грунтовые. Летом в телеги запрягали лошадей, а зимой на санях. Дорогу с твердым

[757] Интервью Пискулиной И.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2022.
[758] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2012.
[759] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 35.

покрытием построили где-то в 1965, на грунтовку бетонные плиты положили. Бетонка была из Сургута по всей центральной улицы и уходила к базе РТБ»[760]. «Автобусы не всегда ходили регулярно, мы пешком с Черного Мыса шли к нефтяникам в магазин», – дополняла М.Г. Рыжова[761]. В целом пассажирское автохозяйство Сургута на 1965 год состояло из 19 автобусов, 7 бортовых машин и 2 такси[762]. *(Приложение А. Рис. 91).*

К концу исследуемого периода вопросы организации бытового обслуживания не соответствовали запросам геологоразведчиков. В 1964 году в Усть-Балыкской, Сургутской, а также в ряде других экспедиций продолжала ощущаться нехватка бань, хлебопекарен, мастерских бытового обслуживания[763]. Население Нефтеюганска на 1 января 1964 года составляло уже 1900 человек. Имеющаяся в поселке баня обеспечивала нужды населения, но вместе с этим отсутствовали прачечная и парикмахерская, мастерская по ремонту обуви и пошиву одежды[764].

К 1964 году, с учетом активного нефтяного освоения месторождений, количество бытовых предприятий увеличилось. В Сургуте на все население действовали две пошивочные мастерские (пошив швейных меховых и кожаных изделий), один ремонт и пошив обуви. Появился ранее отсутствовавший ремонт металлоизделий и технически сложных бытовых машин и приборов. Заработали два фотоателье и две парикмахерские. На Черном Мысу подобные объекты полностью отсутствовали. Безусловно, это мало удовлетворяло запросы населения, однако, находилось в лучшем состоянии, чем в соседних населенных пунктах. В Нефтеюганске, лишь открытие нефти способствовало развитию общественной среды. В 1964 году жители молодого нефтяного поселения, насчитывающее 6495 человек, могли рассчитывать на услуги пошивочной мастерской, фотографии и парикмахерской на 2 кресла и бани на 40 мест. Это соотносилось с тем, что

[760] Интервью Тепляковой В.С. // Полевые материалы автора г. Тюмень, 2014.
[761] Интервью Рыжовой М.Г. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2013.
[762] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп. 1. Д. 200. Л. 34.
[763] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 25. Л. 49.
[764] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп. 1. Д. 187. Л. 87, 109.

некогда ранее наблюдалось в самом Сургуте. В более мелких населенных пунктах ситуация была значительно скромнее. Например, в Покуре имелась лишь пошивочная мастерская и прачечная, а в Сытомино пошивочная мастерская и фотоателье. Жители этих населенных пунктов, в случае необходимости, были вынуждены приезжать в центры, где предоставлялась услуга, отсутствовавшая на местах. Разъездные приемные пункты и мастерские по району не практиковались, что не позволяло корректировать данную ситуацию.

К этому времени в Сургутском районе обслуживанием населения занимался комбинат бытового обслуживания, организованный в мае 1964 года на базе промкомбината. Всего по Сургутскому району на 1964 год насчитывалось 32000 человек. Однако отсутствовали предприятия бытового обслуживания в Локосово с численностью 832 человека, Тундрино – 507, Ермаково – 485[765].

К 1965 году численность населения Сургута на 1 января составила 12501 человек, из которых 4837 человек составляли рабочие, а служащих было 2586 человек[766]. К этому моменту из числа коммунальных предприятий город располагал баней, принадлежащей Сургутской коммунальной электростанции в кирпичном исполнении на 24 помывочных места; баней сургутского рыбоконсервного комбината в шлакоблочном исполнении на 48 помывочных места; четырьмя водокачками для снабжения населения водой. Для выработки электроэнергии использовались мощности электростанций Сургутского рыбоконсервного комбината (1040 киловатт), Сургутской нефтеразведочной экспедиции (800 киловатт), Сургутнефть (1200 киловатт) и Стройуправления №9 (400 киловатт). В Сургуте работало две швейные мастерские комбината бытового обслуживания с 54 швеями, сапожная мастерская с тремя мастерами, одна часовая мастерская с двумя мастерами,

[765] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 10. Оп. 2. Д. 265. Л. 19, 28, 29.
[766] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 200. Л.74.

четыре парикмахерские с шестнадцатью мастерами и два фотоателье с 6 мастерами[767].

Таким образом, в повседневной жизни геологоразведчиков хозяйственно-бытовым аспектам отводилась второстепенная роль в сравнении с производственными задачами. Деятельность хозяйственно-партийных органов была направлена на выполнение производственных задач, что отодвигало на второй план нужды работников, их бытовые условия, особенно в первые годы нефтепоиска. В сознании самих сотрудников данный перекос находил логическое объяснение в самом характере миссии первопроходцев. Повседневные практики, к которым относились использование личного подсобного хозяйства и собственные хозяйственные навыки, были направлены на минимизацию имеющихся бытовых проблем, а также поддержание признаваемого минимально достойным качества жизни каждого конкретного работника.

3.3 Досуговые практики геологоразведчиков

Геологоразведчики всегда находились в авангарде освоения территорий. Помимо выполнения производственных задач на них возлагалась и социальная функция. Особое место в среде геологов занимали досуговые практики, компенсировавшие напряженный труд и позволявшие посвятить время увлечениям. Изучение досуга нефтеразведчиков позволяет рассмотреть частную сторону промышленного освоения, выделить положительные и отрицательные стороны в человеческом измерении.

Понятие досуга и досуговых практик не имеет однозначного определения и по-разному трактуется представителями научного сообщества. Г.П. Орлов под досугом понимает совокупность занятий человека в свободное время, с помощью которых удовлетворяются непосредственные физические, психические и духовные потребности, обладающие специфическим социальным способом дальнейшего развития человеческих

[767] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 200. Л.77-78.

сил[768]. Э. В. Соколова рассматривает досуг как особое время, при котором возможен свободный выбор занятий, а отдых чередуется с умственной и физической активностью[769].

Ж. Дюмазедье видит в досуге удовлетворение потребности высокого плана – самоутверждения, самовыражения и социальной идентификации. К тому же им выделено понятие «полудосуга» (свободного времени), определяемого как деятельность, отчасти заполненная утилитарными, безвозмездными занятиями или ограниченными обязанностями. М. Каплан под досугом рассматривает относительно самостоятельную деятельность, проявляющуюся в исполнении различных ролей в экономически свободном приятном времяпровождении, которое включает в себя широкий спектр занятости, с возможностями для отдыха, личного совершенствования и оказания услуг другим людям. Дж. Брайтбилл понимает досуг как время, используемое человеком только по собственному желанию. В свою очередь Б. Рассел определяет досуг как путь к достижению счастья и радости[770]. В понимании У. Москоффа, досуг – это «повседневная культурная жизнь», с различными видами деятельности человека[771].

Понятие досуговых практик удачно раскрыто Е.Э. Суровой и Н.В. Бутоновой. Досуговые практики определены ими как деятельность индивида в сфере повседневного опыта, направленная на взаимодействие с социокультурной средой и служащая выявлению активных интенций, в том числе творческих[772].

Таким образом, под досуговыми практиками геологов будет пониматься время, свободное от работы и прочих обязательств, наполненное деятельностью, обусловленной мотивами и потребностями индивида. Досуг определяют досуговые практики в сфере повседневного опыта и личностных

[768] Орлов Г.П. Свободное время и личность. Свердловск, 1983. С. 46.
[769] Соколов Э.В. Свободное время и культура досуга. Л., 1977. С. 180.
[770] Гаспарян В.Г. «Общество досуга» в работах Ж. Дюмазедье, М. Каплана, К. Робертса // Научный альманах. 2018. № 11-3(49). С 192-193.
[771] Moskoff William.Labour and leisure in the Soviet Union. Macmillan, 1984. 83 p.
[772] Сурова Е.Э., Бутонова Н.В. Досуговые практики в пространстве повседневности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер.6. Философия. Культурология. № 2. 2014. С. 59.

мотиваций во взаимодействии с социокультурной средой бытования, способствующие реализации потребностей в рекреации, смене видов деятельности, самоидентификации, развитии интеллектуального и творческого потенциала.

Любой досуг включает в себя три основных социально-культурных функции: рекреацию, включающую в себя регенерацию (восстановление растраченных сил) и релаксацию (снятие психологического утомления); развлечение (разнообразные виды активных и пассивных занятий); развитие (совершенствование в личностном и культурном отношении). Эти функции составляют основу как индивидуального, так и коллективного досуга. Необходимо отметить, что каждый из видов досуговых практик мог включать в себя не одну, а сразу несколько функций.

Досуговая деятельность геологоразведчиков на протяжении исследуемого периода времени была довольно специфична. Многие работники геологической отрасли могли на протяжении продолжительного времени находиться на маршруте, на отдаленной буровой, с редкими возможностями выхода в стационарные населенные пункты. В связи с этим нефтеразведчики имели возможность лишь организованного выезда на территорию базового поселения, где аккумулировался основной арсенал материально-технических средств и расширенные возможности организации свободного времени. Более благоприятные условия для проведения досуга были у специалистов, находившихся на месте организации работ: технического, кадрового персонала при базах нефтеразведок, ИТР. Для буровых бригад организовывалось временное пребывание на месте проведения работ с обеспечением основными объектами жизнеобеспечения. Остальные, преимущественно, располагались в местах нахождения баз, сформированных при населенных пунктах, где имелась необходимая инфраструктура с основными социально-значимыми объектами.

Важным фактом является то, что геологоразведчики были в числе передовиков «освоителей» новых земель. Помимо решения

производственных задач, они способствовали достижению геополитических целей, обозначавших претензии государства на конкретную местность[773]. Геологи, в силу наличия образования и личностных установок, соответствовали качествам, присущим «культурному человеку». На Севере геологи выступали трансляторами новшеств, привносимых с «большой земли», включая основные принципы, составлявшие концепт культурности. Многие установки, укоренившиеся в общественном сознании, стали неотъемлемой частью процесса создания территорий «нового промышленного освоения», в авангарде которого выступали представители геологического сообщества. Концепт культурности, делегировавшийся в стране с 1930-х годов, оказал влияние на советских граждан.

Однако «культурность» не была четко сформулированным понятием. Многочисленные примеры на тему культурной жизни указывали на преобразование ряда внешних и внутренних качеств человека, как за счет воздействия извне, так и работы над собой. Эти качества выводили модель «культурного человека», соотносившегося с внешне цивилизованным и внутренне преданным ценностям социальной системы человеком[774].

По мнению Ш. Фицпатрик, «культуру требовалось осваивать точно так же, как целинные земли или иностранные технологии. Культура – нечто исключительно ценное и внеклассовое. Это комплекс привычек поведения, отношения к окружающему миру и знаний, которые есть у «культурных» людей и отсутствуют у «отсталых»[775]. Понятие «культура» стало опорным словом советской массовой политики, а «культурность» оставалась полуофициальным понятием. Первое относилось к идеологии, второе – к повседневной жизни, в которой основное место отводилось работе и досугу. Трудовые показатели и бытовое поведение работников связывались

[773] Болотова А.А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР // Неприкосновенный запас: Дебаты о культуре и политике. 2006. №2 (46). С. 71.
[774] Волков В.В. Концепция культурности, 1935-1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1/2. - URL: https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/issue/view/12 (дата обращения 28.03.2025).
[775] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город [пер. с англ. Л.Ю. Пантина]. 2-е изд. М., 2008. С. 99.

посредством культурности. Культурность отождествлялась с достоинством работника, с личными достижениями, источником гордости и уважения. Она интегрировалась в систему труда как один из источников его эффективности[776]. На Севере, имевшем слаборазвитую сеть социально-досуговых учреждений, возможности централизованной культурной экспансии были ограничены. В условиях начального периода геологического освоения геологи выступали не только потребителями, но и акторами, творчески преобразующими культурно-досуговые практики.

Неоспоримым является факт приоритета проблем индустриального освоения над социальными аспектами, которые отходили на второй план. Данное обстоятельство повышало значение и давало пространство низовым инициативам геологоразведчиков, стремившихся разнообразить свой повседневный быт. До открытия первых месторождений досуговая часть была минимальна из-за слаборазвитой инфраструктуры в местах концентрации геологов и напряженного труда самих работников. Еще одним обстоятельством была значительная удаленность северных нефтеразведок от производственных баз, вынуждавшая самостоятельно решать организационные вопросы производства и быта на местах проведения работ. Это добавляло геологоразведчикам сложности при организации досуга.

Геологи донефтяного периода были представителями поколения, выросшего на примере фронтовиков Великой Отечественной. Для большинства из них бытовые условия, как и вариативность досуга, были второстепенными. Многие из них продолжали воспринимать работу в терминологии трудового фронта, как дань уважения перед поколением победителей. В.А. Гершаник вспоминал: «Мы были не избалованны, ни с кого не спрашивали ни обеспечения, ни квартир, ни развлечений. Везде устраивались сами. Конечно, для того, что мы называем нормальной жизнью, не хватало очень и очень многого». Ему вторит В.Н. Багаев: «Когда

[776] Волков В.В. Концепция культурности, 1935-1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1/2. - URL: https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/issue/view/12 (дата обращения 28.03.2025).

проводились первые сейсморазведочные работы, тогда еще и техники-то никакой не было, и условия тяжелые, еле-еле с планом справлялись. Когда люди попадали в наши условия, то у них ничего другого нет, кроме работы, и они только поспят и опять работают, работают, работают. Свободное время здесь – зачем оно нужно? На юге совсем другое дело, есть чем заняться после работы. Мы же много лет жили одной работой»[777].

Отсутствие развитой сети социально-досуговых учреждений компенсировалось напряженной работой, которая воспринималась как дань военному подвигу советского народа через трудовые свершения. «Средств не было ни материальных, ни технических, ни людских. Мы работали двумя партиями, когда денег давали на одну, штат одной партии делили на две. В основном шли на энтузиазме», – вспоминал А.В. Кузнецов[778].

Формировали и организовывали досуговые практики профсоюзные организации, существовавшие в отдельных геологических партиях сразу после возобновления геологоразведочных работ в 1948 году. В стационарных местах базирования аккумулировался основной арсенал материально-технических средств, обеспечивающий выполнение производственных задач, создавались объекты социально-бытовой сферы, формировались «очаги культурности». Необходимо признать, что организованные практики не отличались особой вариативностью. Многие начинания сводились к простейшей организации видов отдыха, которые не требовали больших материальных и финансовых затрат. Б.И. Шиян вспоминал: «На базе помимо производственных моментов был и быт, и досуг. Там и пекарня, и баня были, передвижные установки не повсеместно были, но приглашались, из Сургута приезжали»[779].

В этих условиях главной задачей являлось обеспечение «базовой культурности», основных элементов советской культурно-досуговой инфраструктуры: «В красных уголках у нас организовывались мероприятия,

[777] Грошева Е. Березово – пуп земли // Югра. 1993. № 8. С. 39-40.
[778] Грошева Е. Преждевременная экспедиция // Югра. 1992. № 4. С. 55.
[779] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора, г. Ханты-Мансийск, 2012 г.

встречи, лекции читали, обсуждали важные вопросы. В целом как везде было»[780]. По мере продвижения на Север «очаги» удалялись, и формирование инфраструктуры протекало сложнее. К примеру, в Малиновской нефтеразведке (Кемеровская область) по состоянию на 1958 г. работал клуб, демонстрировались кинофильмы, имелись радиоприемники, бильярд. Наряду с этим исполнение сметы профбюджета на культурно-массовую работу и приобретение культинвентаря составляло всего 50%. При плане 6000 руб. исполнение составило 3002 руб. На участке Р-2 не было кино, радиоприемника, не всегда хорошо работал красный уголок[781].

Нефтеразведчики, база которых располагалась непосредственно при населенных пунктах, использовали сложившуюся сеть социально-досуговых центров для своих культурных потребностей. Это в определенной доле компенсировало имеющиеся недостатки в геологических организациях. «Мы часто ходили в клуб рыбокомбината. Там кино было, постоянные стационарные установки. Танцы в клубе были», – вспоминал Е.А. Тепляков[782]. Э.М. Гильманова рассказывала: «Ходили в кино на разные фильмы. И по воскресным дням ходили в кино, и в будни ходили. Проблем с билетами не было, по несколько сеансов было. Кто посвободнее, шел в другое время, а мы вот после работы. Закупали билеты и шли. Билеты дешевые были, самый дорогой мог стоить 35 или 45 копеек»[783].

Включенность в существующую инфраструктуру «очагов культурности» Севера помогала сгладить остроту проблемы. И.Ф. Волков вспоминал: «В Локосово небольшой кинотеатр был, танцы, концерты»[784]. «Мероприятия проводили все вместе, концерты, хор был маленький такой небольшой. Нами руководила заведующая клубом. Клуб местный небольшой был, там и кино смотрели. Из Сургута всё привозили, репертуар не

[780] Интервью Иванова В.Н. // Полевые материалы автора, г. Сургут, 2012 г.
[781] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп 1. Д. 793. Л. 128.
[782] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора, г. Тюмень, 2012 г.
[783] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора, г. Сургут, 2013 г.
[784] Интервью Волкова И.Ф. // Полевые материалы автора, г. Сургут, 2012 г.

застаивался. Фильм крутили дня два. Были и военные, и молодежные картины», – вспоминала К.В. Волкова[785].

Работники культурной сферы при возможности оказывали посильное содействие геологам, что позволяло компенсировать «досуговый голод». «Когда мы дошли до Казымской культбазы, у нас кончилась взрывчатка. Директор культбазы разрешил оставить ребят на выходные. Там – школа, больница, магазин, клуб, а народу то нет, скучно. Мои парни только на воздух эту культбазу не подняли. Пили, пели, плясали, кино им по нескольку раз в день крутили»[786].

Геологоразведчики воспринимались местным населением как носители цивилизационных ценностей и благ индустриальной эпохи[787]. Работая в удаленных уголках страны, они видели в своей деятельности в том числе культурно-модернизационную миссию, основанную на просветительских истоках социалистического строительства. Клубы и красные уголки в экспедициях и партиях являлись центром культуры населенных пунктов. От постановки культурно-массовой работы в этих клубах зависело воспитание не только работников экспедиции, но и местного населения[788]. Б.И. Шиян подтверждал данный тезис: «Геологическая партия, попадая в удаленные уголки, представляла во многом советскую власть. Не юридическую. Местное население обращалось за разной помощью, не только материальной, но и организационной. Все зависело от руководителей. Они выстраивали свою долгосрочную социальную политику. Если у тебя под носом есть возможности, ты поневоле будешь переключаться на это, чтобы реализовать себя в спорте, отдыхе. А если нет, то естественно, минимум, который всем

[785] Интервью Волковой К.В. // Полевые материалы автора, г. Сургут, 2012 г.
[786] Грошева Е. Березово – пуп земли // Югра. 1993. №10. С. 42.
[787] Hoffmann D.L. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2003. Pp. XVI, 248; Рейд С. Как обживались в позднесоветской модерности // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953-1985): сборник статей / под ред. А. Пинского. СПб., 2018. С. 362-368.
[788] ГАСПИТО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 24. Л. 60-61.

надоел. Многие наши новинки, в том числе и построенные объекты, улучшили жизнь и местному населению»[789].

При непосредственном участии геологоразведчиков возводились новые объекты социально-досуговой направленности, преимущественно временного характера. Вместе с этим происходила интеграция усилий геологического и местного сообщества по улучшению качества и повышению вариативности досуговой деятельности. Е.А. Тепляков вспоминал: «Свой клуб уже в 1959 году срубили. Он долго не отштукатурен стоял, но внутри уже помещение было. Расположили его в Сургуте недалеко от конторы. Кино там не было, но все праздники мы справляли там, плясали в своем клубе. У нас там сценка была, кресла, спинки из фанеры сделаны. Чувствовали себя, что мы уже почти коренные жители. *(Приложение А. Рис. 92).* Позже помогали строить двухэтажный Дом культуры. Там уже цивильно было, и библиотека была, и кружки разные. Мероприятия поселковые в нем проходили, и мы иногда торжественные вечера в нем проводи»[790]. *(Приложение А. Рис. 93).*

Разноплановые кружки самодеятельности, бравшие начало в геологической среде, способствовали активизации досуга. Подготовленные творческие номера становились частью программы на поселковых и районных праздниках, что разнообразило и улучшило культурную жизнь в населенных пунктах. Согласно воспоминаниям К.В. Волковой, торжества «делали силами самодеятельности, потом летали к каждому празднику в ближайшие селения и концерты давали»[791]. «В Сургутской нефтеразведке хор у нас был, и плясали у нас женщины. Перед большими праздниками ставили хорошие сольные номера, девушки пели по отдельности и даже в составе экспедиционного хора», – вспоминал Е.А. Тепляков[792].

[789] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[790] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2012 г.
[791] Интервью Волковой К.В. // Полевые материалы автора. г. Сургут, 2012 г.
[792] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2012 г.

А.Н. Задоенко дополнял: «Самодеятельности очень много было, особенно летом. Хор был, бабёнки все собирались, ездили. Зимой, когда жены остаются одни, они сплотятся и в клубе выступают»[793]. В самодеятельности, помимо концертов и постановок, разыгрывались небольшие миниатюры, танцы, концертные номера самые разные. Чтение стихов, игра на инструментах[794]. Так, творческий коллектив Малиновской нефтеразведки ставил концерты в своем красном уголке, выезжал в Завьяловскую разведку, а на районном смотре художественной самодеятельности занял 1 место[795]. В нефтеразведках Новосибирского треста только на 1955 год было создано 15 кружков с охватом 214 человек. Из них 6 драматических кружков (77 человек), 3 хоровых (52 человека), в 6 других насчитывалось 85 человек[796].

В стационарных условиях досуг геологов был относительно разнообразным. Понимание «культурности» нашло соответствующее отражение в представлениях геологоразведчиков о степени просвещенности мест работы и проживания, а также собственного отдыха. Э. М. Гильманова заявляла: «Сургут тогда был интеллигентным. Очень богатый был книжный магазин. Мы вздыхали, поскольку в палатке были, там некуда книги убрать. Разную подписку можно было сделать. И еще Дом культуры, там была очень хорошая библиотека. Также в свободное время пряла и вязала, мне это очень нравилось»[797]. А.И. Гомберг отмечал интеллектуальные увлечения: «У меня библиотека домашняя всегда была хорошая, я читал много разной литературы и газет. Радиола была, радиоприемник слушали»[798]. А.Н. Задоенко дополнял: «Многие занимались фотографией. Я коллекцию минералов собирал.»[799]. «Увлекались фото-киносъемкой. Тогда еще не было видеокамер, естественно. Приходилось очень много снимать. Съемка,

[793] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[794] Интервью Б.И. Шияна Б.И. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[795] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп 1. Д. 793. Л. 128.
[796] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп 1. Д. 568. Л. 43.
[797] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора. г. Сургут, 2013 г.
[798] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2012 г.
[799] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2012 г.

обработка, монтаж – вот такое увлечение, времени даже не хватало. Кропотливая работа», – резюмировал Б.И. Шиян[800].

Включение геологов в существующую социальную среду превращало их в акторов среды местного уровня. Их деятельность вела к развитию местной социокультурной среды с учетом потребностей и интересов, что отражалось в росте показателей советских форм культурного досуга.

Обратной стороной «культурности» и досуговых практик, направленных на развитие личности и полноценного отдыха, являлось употребление алкогольной продукции. Часто употребление алкоголя связывалось с нивелированием сложнейших условий труда, бытовой необустроенностью и эмоциональной напряженностью. А.Н. Задоенко вспоминал: «Выезд на базу – это была всегда опасная штука. Пьянки, сразу начинались загулы. Тяжело потом их вытащить работать. У меня несколько случаев таких было. Приходишь, трактор стоит, все работает, а он уже поддал и ничего не может»[801].

А.И. Гомберг дополнял: «Нарушения, конечно, были. Это же люди. Рабочие обычно пили много. И на работу не выходили. Даже если с собой на вахту брали спиртное, то по законам не разрешали. Очень редкие случаи были. Но то, что выпивали, эти случаи всегда бывали, что уж говорить»[802]. После продолжительных «подпитий» наблюдались случаи выхода на работу в нетрезвом виде или прогулы. Как отмечалось в архивных документах, даже в некоторых коллективах, борющихся за право называться коммунистическими, случаи пьянки наблюдались не только в дни отдыха, но и в рабочее время[803]. Иногда из-за употребления спиртных напитков совершались продолжительные прогулы, учинялись дебоши и драки[804]. Подобное положение складывалось в силу слаборазвитой инфраструктуры поселков, что существенно уменьшало вариативность досуга у геологов. На

[800] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2013 г.
[801] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[802] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2012 г.
[803] ГАСПИТО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 24. Л. 67-68.
[804] ГАСПИТО. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 5. Л. 60.

страницах газеты «Ленинская правда» за 1965 год была обозначена подобная проблема, которую отмечал водитель амфибии Мегионской НРЭ: «Второй год живем и до сих пор не имеем своей бани, нет библиотеки. По неделям крутят одну и ту же картину, причем киномеханик трезвым не бывает. Почта не приходит по месяцу, радио нет. Что делать после работы? А магазин от водки ломится»[805].

Высшей степенью «культурности» и досуговых практик, не носивших массовый характер, но включающих в себя долю интеллектуальности, выступало словесное художественное творчество. Работники экспедиций и партий в свободное время писали стихи, создавали рассказы-зарисовки, вели личные дневниковые записи, где отмечали наиболее запоминающиеся для них события жизни. С течением времени подобные записи, сделанные непосредственными участниками нефтепоиска, стали ценным источником информации. Можно отметить материалы В.А. Федотова, В.С. Соловьева, Л.Е. Каденковой, которые привлекались для подготовки данного исследования. Наиболее массовой категорией творчества выступали стихотворения, в которых геологи рассуждали о настоящем и будущем края (Сивков), описывали особенности сибирской природы (Седов), отмечали тяготы и специфику рабочих будней нефтеразведчиков (Козлов, Васильев) *(Приложение Г).* Порой именно в стихах можно было откровенно поделиться переживаниями или радостью во время продолжительной и изнуряющей работы. Стихотворные произведения выходили из-под пера совершенно разных представителей большой семьи геологов – геофизиков, геологов, буровиков. Многие авторы публиковались в сборниках собственного производства, а также в профильной газете «Тюменский геолог».

Еще одной разновидностью интеллектуального-творческого досуга выступали рисование, игры в шахматы и преферанс. Согласно воспоминаниям М.Г. Рыжовой, «шахматы были весьма популярны в среде геологов, часто турниры проводились в экспедициях. У меня Людофун (муж

[805] Кибардин Ю. Нефть Мегиона // Ленинская правда. 19 октября 1965. С. 2.

– авт.) очень хорошо играл, даже на городских соревнованиях от экспедиции, призовые места занимал»[806]. *(Приложение А. Рис. 94).*

Особо выделялась игра в преферанс. Геологоразведчики весьма высоко оценивали эту игру: «С первых минут игры возникает стойкое ощущение борьбы интеллектов, опыта и азарта. Термины и выражения не заставляли усомниться: прикуп, первые, вторые, пас, вист, шестерня, семерная, мизер, бомба, колесо, марьяж, без “шпаги”»[807]. Играли как на желания, так и на символические суммы, для поднятия азарта. По воспоминаниям Л.И. Халиловой, «мужчины любили в преферанс играть, играли азартно. Халилов (муж – авт.) проиграл Бинштоку и, как было условлено заранее, сбрил усы и бородку. Играли и на деньги, но ставки были символические. Однажды игра затянулась, Халилов под утро пришел. Я открываю, а он держит в руках за горло куриц – выйграл в честной игре»[808].

Совсем иначе выглядел досуг геологоразведчиков вдали от обустроенных мест. «В поле», на местах непосредственного проведения работ, организация досуговых практик вызывала значительные трудности. В дали от мест дислокации геологов вариативность досуга была минимальной. «В поле досуга практически не было, там работали от зари до зари. С утра, с 8.00 до 21-22.00 ч. вечера, без перерыва. За день весь изможденный... В поле широкого досуга не было, после поля, пожалуйста», – вспоминал А.Н. Задоенко[809]. В статье В.П. Клюевой подтверждаются слова геологоразведчика: «Досуга как такового и не было. Хотя, конечно, свободное время было, каждый проводил его по-разному: кто книги читал, приемник слушали…»[810].

В конце рабочего дня частью полевого досуга являлись посиделки у костра, чтение книг, беседы на актуальные темы и пение песен. А.И. Гомберг

[806] Интервью Рыжовой М.Г. // Полевые материалы автора. г. Сургут, 2013 г.
[807] Семеркин В.И., Бобровник И.И. Воспоминания тюменских геофизиков. Екатеринбург, 2002. С.136.
[808] Интервью Халиловой Л.И. // Полевые материалы автора г. Сургут, 2018 г.
[809] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[810] Клюева В.П. Не женское это дело или работа на равных? Нарративы геологов о работе в поле // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 139.

вспоминал: «Когда на маршруте находишься, порой не всегда удается выйти в населенный пункт, ночуешь прямо в лесу. Организуется привал, палатка, спальные места. Костер всегда разводили. Это и зверя отпугнет, и тепло даст, и вкусную пищу можно приготовить. А за костром и разговор идет, от минувших дней до рассуждений о будущем. При дополнительном освещении мы и журнал заполняли, и книгу могли почитать»[811]. По воспоминаниям, геофизики в минуты отдыха много разговаривали, шутили, «травили» анекдоты, очень много пели. Девчонки сейсмобригады установят приборы и поют-сочиняют частушки до команды «сматываться»[812].

Э.П. Резникова вспоминала: «Сидели на берегу, жгли костры, пели, плясали»[813]. К.Ф. Копелева отмечала: «Многие ребята пели, получался замечательный мужской хор»[814]. «Пели и современные песни, и романсы, и классику», – добавляла И.П. Шмелева[815].

Большое значение имело радио и кино. В большинстве партий прослушивание радио было организовано при помощи радиоприемников, которые имелись почти везде, однако не все из них работали из-за отсутствия питания[816]. Газетами и журналами обеспечивались нерегулярно, в ряде партий имелись передвижные библиотеки[817]. В красных уголках для геологов старались организовать домино, шахматы, бильярд[818].

Неудовлетворительно было организовано кинообслуживание[819]. Хуже всего дело обстояло в сейсмических партиях. Работники, не находящиеся в населенных пунктах, месяцами не могли посмотреть кино[820]. Главная проблема заключалась в сложности передвижении киноустановки от одной партии до другой, так как транспорт часто не предоставлялся[821]. Б.И. Шиян

[811] Интервью А.И. Гомберга А.И. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2012 г.
[812] Семеркин В.И., Бобровник И.И. Воспоминания тюменских геофизиков. Екатеринбург, 2002. С.85.
[813] Грошева Е. Преждевременная экспедиция // Югра. 1992. № 6. С. 54.
[814] Грошева Е. Березово – пуп земли // Югра. 1993. № 8. С. 39.
[815] Грошева Е. Преждевременная экспедиция // Югра. 1992. №4. С. 59.
[816] ГАНО. Ф. Р-1169. Оп. 3. Д. 1. Л. 49.
[817] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.
[818] ГАНО Ф.Р-1169. Оп. 4. Д. 94. Л. 26.
[819] Муниципальный архив города Сургута. Ф.1. Оп. 1. Д. 170. Л. 117.
[820] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 99-101.
[821] ГАНО. Ф. Р-1169. Оп. 3. Д. 1. Л. 49.

вспоминал: «Киноустановки в отрядах иногда бывали, привозили прямо в отряд. Но чаще всего это было на базах. Там, естественно, все стабильно было: и досуг, и быт. Передвижные установки чаще приглашались в Сургут, из Сургута выезжали. Позже своими обзаводились»[822].

С развитием геологоразведочных работ и выполнением государственных постановлений по улучшению социально-бытовых условий при каждой бригаде, работающей в полевых условиях, старались повсеместно создать и обустроить культбудки. В них имелась художественная, техническая литература, периодическая печать, шахматы, домино и другие настольные игры. На базах экспедиций создавался клуб на несколько десятков мест. В клубе проводились лекции и вечера отдыха, демонстрировались кинокартины. На базах создавались библиотеки, работающие на общественных началах, обычно 3 дня в неделю[823]. Также у нефтеразведчиков практиковался выпуск стенгазет. Популярными были названия «Сибирский разведчик», «Поисковик», «За недра», «Картограф». Сатирические газеты и заметки носили названия «Кусачки», «Колючка», «Под шарошку»[824]. Подготовка информации велась силами коллектива, периодичность выхода была разной – от нескольких раз в квартал, до нескольких раз в год.

В советском дискурсе личностные мотивации при организации и проведении досуга были связаны со «зрелостью» человека, стремлением к самореализации, образовательным и «культурным уровнем», что оказывало влияние на формирование потребностей и ценностно-смысловых ориентиров в той классовой среде, где закладывались основы личности. С этой точки зрения представители геологического сообщества, выросшие в крупных городских центрах и особенно получившие высшее образование, были более мотивированы к организации досуга «более высокого уровня», чем представители из провинции.

[822] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2013 г.
[823] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д. 28. Л. 45.
[824] ГАНО Ф. Р-1169. Оп. 4. Д. 123. Л. 29.

Наиболее эрудированные специалисты, имевшие организаторские способности, улучшали и совершенствовали свой и коллективный досуг. В геологической среде были распространены интеллектуальные игры, в которых участвовало большинство сотрудников. Устраивались и просветительские лекции на интересные работникам темы. Подчеркивался передовой характер преподносимой информации и ее связь с центрами культуры. Данный тезис находит подтверждение в воспоминаниях Б.И. Шияна: «Репертуар никогда не отставал от центров. Геофизики – это интеллектуально передовая часть. Сюда приезжали специалисты из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова. И всё, что они почерпнули в студенческой среде, они выливали здесь на своих коллег. Поэтому они так наивно не выглядят. Всё современное искусство, в этом плане, которое было на «большой земле», процветало здесь, в Западной Сибири»[825]. «Был у нас специалист, очень эрудированный, разносторонний парень. Он увлекался космосом, находил информацию, читал, старался больше узнать. Так он такие интересные вещи знал, что мы по вечерам собирались к нему как на лекцию, и он нам рассказывал. А когда Гагарин в космос полетел, это вообще событие было»[826]. Поэтому самоорганизация и низовые инициативы были порождены представлениями о необходимости «саморазвития и самореализации» в условиях отдаленности от культурных центров страны в целях преодоления этого «разрыва».

Частым видом отдыха геологоразведчиков были подвижные игры, которые проводились в основном в выходные дни. Особо популярны были футбол, волейбол, хоккей, городки. Между подразделениями и внутри партий проводились целые соревнования[827]. *(Приложение А. Рис. 95).*

В летний период 1958 года в Малиновской нефтеразведке работали волейбольная и футбольная команда. Встречи по волейболу проходили

[825] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2013 г.
[826] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[827] 70 лет тюменской геологии: служа Отечеству: в 2 Т. Под общ.ред. А.М. Брехунцова и В.Н. Битюкова. Т. 1. Тюмень, 2018. С. 253.

между буровыми Р-1 и сборной базы, между буровыми Р-1 и Р-2 и сборной базой, встречались с командой Завьяловской нефтеразведки. Также работали шахматный и стрелковый кружки, проводились соревнования по стрельбе[828].

Зимой на расчищенном от снега льду играли в хоккей. Клюшками служили изготовленные из дерева или подходящие по форме палки, вместо шайбы использовали кусок резиновой прокладки. Н.Е. Перепелюк-Кучеров вспоминал: «Если буровые возле водоема какого-то закладывались, там и воду проще брать, и прочее. Зимой всё перемерзало, получалась готовая ледяная площадка. Лишь расчистишь – и готово. Порой, в ожидании пересменки или в часы отдыха, брали в руки гнутые палки, резиновую болванку или тоже что из дерева и играли».[829] *(Приложение А. Рис. 96).*

Востребованными у геологов были лыжные прогулки, которые дополнялись возможностью охоты на лесного зверя: «Лыжный спорт практиковался во многих партиях. Лыж много было, поэтому они были и видом соревнования, и видом отдыха»[830]. *(Приложение А. Рис. 97).*

Для поддержания спортивной формы при буровых изготавливали обычный турник и даже мастерили гантели из отработанного оборудования: «Списанные клапаны дизельного двигателя буровой сваривали между собой и получали гантели весом 5 кг. Это позволяло заниматься силовыми упражнениями в дополнение к общедоступному турнику, который можно было изготовить из подручных материалов в любом месте»[831].

Стационарные места проживания геологов позволяли расширить перечень спортивных мероприятий. В местах базирования геологических экспедициях были организованы футбольные команды, почти во всех партиях были волейбольные кружки, лыжная и хоккейная команда.

[828] ГАНО. Ф. Р-1470. Оп 1. Д. 793. Л. 128.
[829] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2015 г.
[830] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2013 г.
[831] Интервью Федотова В.А. // Полевые материалы автора. г. Сургут, 2021 г.

Спортплощадки, местные спортзалы зачастую организовывались силами самих работников[832].

Е.А. Тепляков вспоминал: «Затеяли мы спортклуб. Такого гимнастического спортзала у нас не было, всё организовывалось на улице: волейбол, баскетбол, футбол. Начали строить крытый зал, чтоб зимой можно заниматься. Сначала ставились вертикальные столбы, потом в них забивались двухметровые бревна. Лыж у нас в экспедиции полно, все желающие могли на них бегать. Мы стали на поселковых соревнованиях выступать. С командами рыбозавода, пищекомбината, лесозаготовителей, соцработников тягались по футболу и волейболу. *(Приложение А. Рис. 98, 99).* Была постоянная волейбольная площадка, рядом баскетбольная. Ничего огорожено не было, поляна была. Занимались спортом, сами строили себе площадки, снаряды»[833]. *(Приложение А. Рис. 100).*

Н.Е. Перепелюка-Кучерова дополнял: «После работы люди уже там, помост сделали под штангу на улице, под открытым небом. Волейбольную, баскетбольную площадку сделали, поставили турник, брусья. Площадку под городки небольшую смастерили. Стали люди ходить. Даже ребята колхозники к нам стали захаживать. Такие баталии устраивали. Потом выезжали, приглашали с других районов соревнования проводили. Даже мужики раньше «поддавали», а стали приходить, штангу поднимали каждый вечер. Все принимали участие – молодежь, ИТР, буровые мастера»[834]. *(Приложение А. Рис. 101).*

А.Н. Задоенко в своих воспоминаниях отмечал: «В свободное от работы время занимались легкой атлетикой. Я за СНРЭ участвовал в областных соревнованиях даже. *(Приложение А. Рис. 102).* Летом в Сургуте светло, играли в баскетбол до 3-4 часов ночи. У меня на домике мы смастерили баскетбольный щит, потом увлекались бадминтоном. После

[832] ГАНО Ф. Р-1169. Оп. 3. Д. 1. Л. 45, 47.
[833] Интервью Е.А. Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2012 г.
[834] Интервью Перепелюка-Кучерова Н.Е. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2015 г.

полевого сезона встречались партия на партию, пара на пару, один на один»[835].

Руководство нефтеразведок и экспедиций стимулировало развитие спортивных досуговых практик в среде работников, что выходило за рамки поставленных профсоюзными органами задач. Спортивно-массовая работа в условиях геологического поиска включала проведение многочисленных нерегламентированных мероприятий и возведение дополнительной внеплановой инфраструктуры в местах временной и постоянной дислокации. Это способствовало поддержанию здорового образа жизни, укреплению здоровья геологов, которым приходилось работать в сложнейших условиях Севера, и сохранению жизней работников отрасли. Были случаи, когда люди тонули, потому что не умели плавать. Комитеты физкультуры и спорта оказывали помощь в обучении геологических кадров самым простейшим навыкам – правилам передвижения на лыжах, т.к. это требовалось для производственной работы, обучению гребле и плаванию[836].

Благодаря усилию профсоюзов и геологического руководства были проведены первые Спартакиады, проходившие в Тюмени. В них принимали участие победители внутренних соревнований при геологических партиях и экспедициях. Б.М. Суходолов вспоминал: «Когда я проработал два года, образовался отраслевой спортсовет геологов, который я возглавил. Мы стали проводить при Главке две спартакиады – летнюю и зимнюю. У нас очень сильные команды были – волейбольная, баскетбольная. Мы выезжали в межотраслевые и межсоюзные соревнования. Среди всех геологических коллективов Советского Союза мы были чемпионами по баскетболу и по шахматам»[837].

Первая областная отраслевая зимняя спартакиада рабочих геологоразведочных работ проходила под флагом второй зимней спартакиады народов РСФСР с 15 по 20 января 1961 год в Тюмени по 8

[835] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[836] ГАНО Ф.Р-1470. Оп. 1. Д. 859. Л. 77.
[837] Воспоминания Суходолова Б.М. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2015 г.

видам спорта: лыжному, конькобежному, стрелковому (пулевая стрельба – авт.), городкам на льду, баскетболу, волейболу, шахматам и настольному теннису[838]. *(Приложение А. Рис. 103).* В спартакиаде приняло участие 7 команд: Ямало-Ненецкой экспедиции, Сартыньковской, Сургутской, Березовской, Ханты-Мансийской, Тюменской экспедиций и Тюменского территориального геологического управления с общим количеством участников 146 человек – 98 мужчин и 48 женщин. Соревнования проводились как в командном, так и в индивидуальном зачетах. По итогам первой в истории геологии спартакиады коллектив спортсменов Березовской экспедиции занял общее первое место[839].

Помимо активного отдыха практиковался отдых в гармонии с природой. Богатство сибирского края предполагало увлечение охотой, рыбалкой, сбором таежных дикоросов. *(Приложение А. Рис. 104).* В летний период был распространен отдых вне населенных пунктов. Стоит отметить, что геологоразведчики выезжали отдыхать на природу не только самостоятельно, но и организованными группами. И.Ф. Волков, заядлый промысловик, вспоминал: «Я зайцев ловил с ружьем. На лыжах на косачей ходили, глухарей гоняли. У нас в Локосово возле леса глухари садились, а на крыши дома косачи. На буровую тоже, если не работала, глухари садились. В тайге в то время дичи много было. Вахту отстоял, ружье в зубы и пошел. Или обласок и на рыбалку, кто чем занимался»[840].

Е.А. Тепляков вспоминал: «Почти все, кто в экспедиции работал, за исключением немногих, увлекались сбором грибов, брусники, в меньшей степени клюквы, потому что надо было далеко и за болото ходить. Любили собирать шишки. Что-то даже продавали. Выезды были коллективные за ягодами и грибами. Места были за 50 километров, даже давали машину для выезда»[841]; «ГП-49 выезжала на остров на двух лодках. Располагались на

[838] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 1. Д 1. Л. 175.
[839] ГАСПИТО. Ф. 2086. Оп.1. Д. 24. Л. 66-67.
[840] Интервью Волкова И.Ф. // Полевые материалы автора. г. Сургут, 2012 г.
[841] Интервью Теплякова Е.А. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2012 г.

другом берегу Оби, варили уху, отдыхали, купались, веселились как могли», – вспоминала Э.М. Гильманова[842]. *(Приложение А. Рис. 105).*

Большую роль здесь играл рабочий график и способность геологов адаптировать его к своим потребностям: «Многие ребята у меня в партии увлекались охотой, рыбалкой. Заканчивается полевой сезон – открывается охота на утку. Рыбачили. Но это сезонное, не каждодневное», – уточнял А.И. Гомберг[843].

Охота и рыбалка были сопряжены с ограничениями со стороны природоохранных органов: «Периодически было запрещено охотиться. Зимой и рыбалки особо не было. Больше весной, особенно перед тем, как лед пойдет. В это время руками можно было ловить рыбу: она задыхается и наверх прыгает», – вспоминал А.Н. Задоенко[844]. Возможность охоты и рыбалки также определялась режимом труда и отдыха «в поле», с периодами вынужденного «простоя». *(Приложение А. Рис. 106)* «Охотились на глухарей, тетеревов, когда время было, когда ждешь обратную вывозку, вертолет или самолет», – дополнял Б.И. Шиян[845].

В условиях советской экономики охота и рыбалка выполняли еще одну функцию – давали дефицитные ресурсы, которых не хватало из-за плохого снабжения и слабой связи полевых партий с базой нефтеразведчиков. Такая практика имела несколько мотивов реализации как для самостоятельного, так и для коллективного досуга. Во-первых, возможность рекреации и релаксации на фоне природы. Во-вторых, способ компенсировать «недостатки снабжения» в условиях советской экономики дефицита. В-третьих, возможность получить дополнительный доход от добычи и сбора дикоросов.

Таким образом, досуговые практики геологоразведчиков имели ряд специфических особенностей, которые были характерны для начального

[842] Интервью Гильмановой Э.М. // Полевые материалы автора. г. Сургут, 2013 г.
[843] Интервью Гомберга А.И. // Полевые материалы автора. г. Тюмень, 2012 г.
[844] Интервью Задоенко А.Н. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2012 г.
[845] Интервью Шияна Б.И. // Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2012 г.

этапа «нового промышленного освоения» территории Западной Сибири. В первую очередь, социальная политика на местах проведения работ проводилась при активном участии и при поддержке профсоюзных организаций геологоразведчиков. Эта деятельность включала создание сети культурно-просветительских учреждений. В то же время, в рамках годовых бюджетов геологических организаций, данная работа организовывалась по остаточному принципу финансирования, систематически уступая обеспечению задач производственного характера. В советской действительности, последнее обстоятельство предоставляло геологам определенную свободу маневра в организации собственного досуга, особенно «в поле», а также позволяло встраиваться в существующую сеть социально-досуговых учреждений населенных пунктов близких к местам дислокации.

Подводя итог третьей главе, стоит отметить, что хозяйственно-бытовые аспекты отодвигались на второй план в сравнении с производственными задачами, а все имеющиеся недостатки воспринимались в свете коллективной памяти военного лихолетья и романтизации образа профессии геолога, преодолевающего любые трудности.

Повседневные трудовые практики были специфичны для каждой из профессий и в целом подразделялись на мобильные и стационарные, выполнявшие одну общую цель. В среде геофизиков и смежных им профессий был распространен аритмичный труд, заключающий в себе перемещение по установленному маршруту полевых отрядов в тяжелых условиях бездорожья и сурового климата. Работы проводились в течение светового дня за исключением выходных дней. В тоже время при желании полевики могли работать и без выходных. В первую очередь это касалось тех, кто трудился на физических работах на сдельщине и от выполненных объемов зависела их заработанная плата. Период обеденного времени тоже был размыт, зависел от пожелания самих работающих. Регламентирующие

органы по соблюдению режима труда в «поле» отсутствовали, и работники ориентировались на собственные количественно-качественные показатели.

Среди буровиков, осуществлявших трудовую деятельность в полевых условиях стационарно, не предполагавших каждодневного перемещения, наблюдались большая приверженность графику работы. Выполнение множественных операций при процессе бурения скважины и обеспечения безаварийной работы на буровой предполагал бесперебойный, посменный, круглосуточный труд. Отлаженный механизм сменяемости вахт, куда входило несколько буровых бригад, порой мог корректироваться в зависимости от непредвиденных обстоятельств. В первую очередь они были вызваны погодными условиями, отсутствием необходимого транспорта, не позволявшими произвести вовремя пересменку трудовых коллективов.

Для «полевых» видов трудовой геологоразведочной деятельности были характерны трудности в организации условий быта и проживания, работа в труднейших природно-климатических условиях, сопряженных с частой нехваткой необходимого оборудования и техники. На протяжении исследуемого периода долгое время почти повсеместно отсутствовали приемлемые бытовые условия для трудящихся. Лишь в редких случаях, силами самих работающих, удавалось создать приемлемый комфорт в пространстве производства. Однако, стоит отметить, что это было типично для тех видов деятельности, где были применимы упрощенные стационарные нормы быта, к которым можно отнести сейсморазведчиков и буровиков. Остальные, осуществлявшие мобильные работы, довольствовались лишь временными и наиболее простейшими условиями быта и проживания. Главное внимание было уделено производственной составляющей, которая определяла дальнейшее функционирование звеньев геологоразведочной деятельности.

Персонал, трудившийся в стационарных местах базирования нефтеразведчиков, в том числе при крупных населенных пунктах, имел более приемлемые условия труда, соблюдения графика и режима работы.

Конторские работники, рабочие лабораторий, механических мастерских, складов, цехов и пр. выполняли должностные операции в рамках нормированного рабочего времени, располагая фиксированными выходными днями. У руководящего состава рабочий график был ненормированный, зачастую связан с необходимостью круглогодичного контроля качества трудовой деятельности в удаленных от базовых пунктов местах. Выполнение трудовых обязанностей выходило за рамки рабочего времени. Однако в отличие от «полевых» работников они могли компенсировать свои «трудовые издержки» лучшими социально-бытовыми условиями, которые были доступны в населенных пунктах и отсутствовали на местах производства.

Неразвитость инфраструктуры северных поселений, отдаленность стационарных мест проживания геологов от организаций бытового обслуживания порождало ограниченность имеющихся возможностей и приводило к выстраиванию особых поведенческих стратегий, направленных на организацию быта в индивидуальном порядке или в порядке взаимопомощи, на уровне всего коллектива. Наиболее остро данная проблема проявлялась в полевых партиях, которые были лишены минимальных бытовых удобств и не имели возможности их компенсации за счет имеющегося фонда при стационарных пунктах. Нехватка парикмахерских, бань, мастерских по бытовому обслуживанию по пошиву и ремонту одежды и обуви лишь усиливала сложившийся романтический образ геологоразведчика, как представителя профессии отважных людей, стойко переносящего трудности и лишения, в том числе на бытовом уровне, ставившего интересы общества и государства выше собственных.

Постепенное улучшение ситуации, к концу исследуемого периода, было вызвано, с одной стороны, ростом регламентации деятельности геологов со стороны государственных органов, но, с другой стороны, увеличением ресурсообеспеченности региона, которая позволяла сохранить на рабочих местах квалифицированную рабочую силу не столько

административно-командными методами, сколько методами экономическими – через улучшение хозяйственно-бытовых условий. Создавались комбинаты бытового обслуживания, расширялась сеть имеющихся торговых организаций как при крупных, так и при мелких населенных пунктах. Однако скорость включения их продукции в повседневный оборот была недостаточна, что также приводило к замедлению повышения реального качества жизни в среде геологов. Несмотря на это нарративы геологов практически не содержат негативных оценок бытовых аспектов советской действительности тех лет, абсолютное большинство трудностей воспринимались информантами как данность, ситуативные «временные трудности», которые не шли ни в какое сравнение с тяготами военных и первых послевоенных лет, которые переживала вся страна.

Досуговые практики зависели от индивидуальных предпочтений личности. Многие начинания нефтеразведчиков ограничились простейшими видами досуга и были непродолжительными в силу рабочего графика. Сложности организации заключались в слабой развитости инфраструктуры на местах, отсутствием дополнительных средств и напряженном труде нефтеразведчиков.

Геологи, многие из которых являлись выходцами из крупных городских центров, видели одной из своих задач культурное просвещение и распространение «цивилизованных благ» на отдаленных территориях, создание «очагов культурности» для местного населения. Став акторами культурного развития регионального уровня, геологоразведчики не только ретранслировали культурные образцы, полученные «из центра», но творчески преобразовывали их.

Стационарные места базирования геологов позволяли расширять вариативность классических советских досуговых практик в условиях существующей инфраструктуры, в то время как «в поле» происходила их трансформация благодаря самостоятельному возведению не предусмотренной планом инфраструктуры и низкому уровню регламентации

проводимых мероприятий. Среди объективных факторов, определявших возможности и содержание отдыха геологоразведчиков необходимо выделить сезонность и интенсивность производственных процессов, а также наличие материально-технических средств. Для информантов качество досуга в не меньшей степени определялось советским дискурсом о «степени культурности и инициативности» организаторов мероприятий из числа коллег, уровнем «интеллектуальности» мероприятия, а также внутриведомственной аффилиацией членов геологических партий.

По словам Синтии Хупер, во времена Хрущева одним из важнейших вопросов повседневной жизни граждан стал выбор стиля жизни при наличии множества искушений[846]. Как представляется, именно этот фактор оказал влияние на корректировку взглядов на досуг изучаемого периода. С начала 1960-х годов происходит диверсификация внутрипрофессиональных идентификаций. В результате на основе стабильного централизованного финансирования, отдельные внутри профессиональные группы получали возможность выбора ее содержания, обеспечивая вариативность наполнения нерабочего времени для «своих». Необходимо отметить, что невозможно четко разделить сферы досуга и производственной повседневности, ввиду наличия советской «второй экономики», а также разграничения широкого спектра практик отдыха, поскольку все они обеспечивали разную степень рекреации и релаксации индивидов[847]. Относительно объективными критериями, в этой ситуации, остаются целеполагание и степень вовлеченности отдельно взятого человека в использование объектов инфраструктуры для удовлетворения своих потребностей в свободное время.

[846] Хупер С. «Новому советскому человеку» случается ошибаться: вместо героических фигур обыкновенные граждане, неуверенно ищущие счастье // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953-1985): сборник статей / под ред. А. Пинского. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 52-53.

[847] Oberländer A. Cushy Work, Backbreaking Leisure: Late Soviet Work Ethics Reconsidered // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2017. № 3 (Volume 18). P. 572-573.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе на основе нарративов первичных акторов нефтяного освоения региона, большую часть которых составляют воспоминания представителей не руководящего звена, а рядовых исполнителей работ, архивной информации разного уровня, опубликованных источников и научных исследований предшественников, дана характеристика малоизученной части донефтяной истории региона и проанализирована повседневная жизнь геологоразведчиков Среднего Приобья. Основные выводы выполненного исследования заключаются в следующем:

В результате планомерных исследований территории Западно-Сибирской низменности, возобновлённых в послевоенный период, удалось установить наиболее перспективные районы дальнейшего нефтепоиска. Комплексное изучение региона с помощью геофизических методов и глубокого разведочного бурения предоставили для производственников и научного сообщества информацию, которая указывала на низкую перспективность южной части низменности и потенциал северного направления. Природно-климатические и географические факторы северной части, в первую очередь большая заболоченность территории, выступавшая на начальном этапе одним из главных препятствий дальнейшего комплексного изучения района, были нивелированы с помощью усовершенствования методики проведения геофизических работ. Благодаря внедрению нового метода речной сейсморазведки и его широкому распространению в северной части низменности удалось существенно ускорить выявление перспективных структур для дальнейшего изучения поисково-разведочным бурением. Геофизика, ранее являвшаяся отстающим звеном геологоразведочных работ, смогла перестроить методику исследований в северных условиях, что повысило темпы нефтепоиска и повлекло за собой изменения в дальнейших звеньях геологической системы.

В числе первоочередных районов поиска углеводородного сырья был выделен район Среднего Приобья, который стали рассматривать как один из главных центров консолидации геологоразведочных сил. Указанные изменения в политике геологического освоения происходили на фоне санкционированного Н.С. Хрущевым и партийным руководством процесса перехода страны с угля на нефть в качестве основного топливного ресурса.

В новом районе нефтепоиска наблюдалось наращивание людского и технического потенциала. К ранее задействованным в изысканиях локальным партиям добавлялись новые геологические единицы, которые преимущественно перемещались из соседних районов, где наблюдались низкие перспективы получения промышленных запасов углеводородов. Одной из таких территорий, относительно близких географически к Среднему Приобью, являлась Кемеровская область. Именно оттуда приходила одна из волн миграций геологоразведческих сил в указанный район поисков.

Прибытие геологов в район Среднего Приобья стало закономерным итогом интенсивных нефтепоисковых работ послевоенного периода. Десант первых геологов в Сургут, широко известный не только благодаря скорым открытиям месторождений нефти, но и укоренившемуся в общественном сознании мифа о «самовольном побеге», стал логичным продолжением геологической политики. Благодаря опыту Ф.К. Салманова во внутриведомственных управленческих взаимодействиях, при том, что формально он не прибегал к «самовольству» в принятии судьбоносных решений, удалось активизировать начало работ в Сургуте. Второй десант геологов в Сургутский район выступил логичным продолжение реализации единой программы геологоразведочных изысканий в районе Среднего Приобья.

Интеграция геологоразведчиков в жизнь северных территорий формировала среди местного населения восприятие сообщества нефтеразведчиков как носителей цивилизации. Данная «цивилизационная

миссия» проявлялось в формировании новой бытовой инфраструктуры силами геологоразведчиков. Такая инфраструктура, несмотря на временность и минимализм, вносила изменения в «патриархальный» уклад жизни сибиряков, отдаленных от центра и лишенных возможности полноценного доступа к «благам советской цивилизации».

Создание Сургутской нефтеразведочной экспедиции, одной из крупнейших в регионе, позволило закрепить за Сургутом позицию центра нефтяного поиска Среднего Приобья, где аккумулировался материально-технический и людской потенциал для дальнейшего проведения геологоразведочных работ. Сама Сургутская экспедиция претерпела многие организационные изменения за годы своего существования, сформировав разветвленную организационную структуру, включавшую в себя буровые партии, участки, отделы, цеха, бюро, геофизические организации и др.

На протяжении исследуемого периода материально-техническое и продовольственное снабжение геологоразведчиков характеризовалось определенными трудностями в организации и ассортименте завозимой продукции, необходимым объемом и комплектностью оборудования, сроками доставки и поиском мест складирования и долговременного хранения. Для преодоления проблем геологоразведчики были вынуждены вносить коррективы в свои стратегии потребления. Производственные вопросы подлежали решению посредством коммуникации со снабжающими организациями, заменой или довозом недостающих конструкций. Для недопущения остановки производства в большинстве случаев приходилось применять спектр индивидуальных низовых стратегий – от устранения недочетов «явочным порядком» на месте проведения работ за счет собственных ресурсов до полуформальных взаимодействий с существующими местными организациями, обладающими техническими возможностями для решения требуемого вопроса. «Недочеты» продовольственного снабжения компенсировались нефтеразведчиками

посредством личных неформальных контактов с местными жителями и с помощью ведения подсобного хозяйства.

Залогом успешной реализации стратегий выживания являлось включение геологов в местную формальную (Райрыболовпотребсоюз) и неформальную (основанную на личной коммуникации и навыках) потребительскую сеть, что компенсировало имеющиеся недостатки снабжения. Имплементация данной стратегии обеспечивала последующее включение в «свою» ведомственную потребительскую сеть нефтегазодобывающих предприятий. Вместе эти сетевые структуры позволяли максимально расширить локально доступный ассортимент товаров. Совокупность поведенческих практик, составлявших указанные стратегии, митигировала проблемы начального этапа геологического поиска, но не могла гарантировать бесперебойного круглогодичного снабжения основным ассортиментом продукции, ее качественной транспортировки и долговременного хранения. Наиболее сложная обстановка складывалась в отдаленных, отрезанных от населенных пунктов, участках.

Повседневная жизнь пионеров геологического освоения формировалась вокруг так называемого «жилищного вопроса», который оставался «камнем преткновения» для многих покорителей нефтяной целины, в особенности для работников с семьями. Основными типами жилья в стационарных условиях выступали деревянные срубы на двух хозяев. К числу распространенных видов жилья начального этапа нефтепоиска также относились вагончики, палатки и землянки. Строительство долговременных жилых площадей не являлось приоритетной задачей, поскольку о ресурсном потенциале региона долгое время не было единого мнения, а вахтовые методы работы представлялись более оптимальными для дальнейшего развития нефтегазовой провинции.

Бюрократическое оформление существующих геологических запасов сырья, издание соответствующих постановлений правительства по развитию отрасли, деятельность местных партийных органов власти, укрупнение

геологических единиц способствовало пересмотру устоявшихся взглядов по жилищному вопросу. Это сделало возможным строительство долговременных многоквартирных домов сначала с минимальным набором удобств, возводившихся по инициативе геологического ведомства. Данные строения зачастую «дорабатывались» за счет действий самих жильцов-геологов. В последующие годы капитальное строительство продолжалось по утвержденным специализированными организациями проектам с подведением всех необходимых коммуникаций. Основным видом мобильного жилья в полевых условиях, в зависимости от специфики деятельности, являлись палатки, вагончики-балки, самодельные засыпушки, бараки или брандвахты. Главной особенностью функционирования всех типов являлась их нацеленность на создание минимальных условий быта на производстве и обеспечение жизненного цикла индивида для восстановления затраченных сил в ходе трудовой деятельности.

Производственный процесс имел свои особенности организации. Практически для всех представителей геологического сообщества на просторах Сибири в любой сезон была характерна работа в суровых природно-климатических условиях, а также отсутствие развитой инфраструктуры быта на производстве. Для представителей «мобильных» специальностей (перемещавшихся по маршруту полевых отрядов) был характерен аритмичный труд, за исключением выходных дней, которые при желании превращались в рабочие. Главной особенностью было отсутствие жестких регламентаций по времени работы, что позволяло выполнять должностные обязанности в течение возможного суточного интервала и внутренних резервов организма работника. «Стационарные» специальности, не предполагавшие каждодневного перемещения, более придерживались регламентированного режима труда. Отклонение от данной нормы могло быть вызвано лишь непредвиденными обстоятельствами, производственными осложнениями и погодными условиями, что было более характерно для практики смены вахт на буровых. Персонал, выполнявший

работу при населенных пунктах, где базировались основные силы геологов, по организации режима работы был схож со «стационарными» профессиями. Руководящий состав геологических организаций выходил за рамки нормированного рабочего дня, однако, в отличие от «подвижных» специальностей, мог компенсировать трудовые издержки лучшими социально-бытовыми условиями, которые отсутствовали у мобильных полевых отрядов.

Тяжелые условия труда и задача сохранения кадрового потенциала геологических организаций требовали внимания к вопросам медицинского обслуживания и полноценного отдыха во внерабочее время. Профилактика и оказание медицинской помощи до активизации геологоразведочных работ в регионе оставалась на низком уровне. Геологи, работа которых была сопряжена с повышенным риском различного рода травм, профзаболеваний и опасными факторами, влияющими на ухудшение состояния здоровья, выступали инициаторами качественных изменений в данной сфере. Со стороны нефтеразведчиков проводились мероприятия по оказанию посильной помощи учреждениям здравоохранения, в числе которых выделялись работы по бурению артезианских скважин, усилению обоснований необходимости поставки оборудования и медицинской техники, а также строительству медицинских объектов. На производстве проводилась работа по расширению сети фельдшерско-акушерских пунктов, а в стационарных местах базирования экспедиций геологи изыскивали площади под размещение медучреждений. Проводимые мероприятия способствовали повышению уровня защиты жизни и здоровья членов трудового коллектива, несмотря на сохранение значительных показателей травматизма. Последние, в большинстве своем, были вызваны сознательным пренебрежением норм техники безопасности и охраны труда в условиях необходимости выполнения и перевыполнения производственных показателей.

Хозяйственно-бытовые вопросы на протяжении исследуемого периода находились в тени производственных вопросов. Неразвитость

инфраструктуры северных поселений и отсутствие организаций бытового обслуживания ограничивало имеющиеся возможности и приводило к выстраиванию особых поведенческих стратегий, направленных на организацию быта как в индивидуальном порядке, так и в порядке взаимопомощи, на уровне всего коллектива.

Наиболее остро данная проблема проявлялась в полевых партиях, в то время как в стационарных условиях проживания включение в существующую местную сеть позволяло поддержать достойное качество жизни в реалиях северной не обустроенности. Качественные изменения к концу исследуемого периода были вызваны не только усилением регламентации со стороны органов власти, но и наращиванием государственных инвестиций в связи с созданием ЗСНГК. Однако несмотря на создание комбинатов бытового обслуживания на местах и расширение сети обслуживающих организаций темпы их фактического включения в повседневную жизнь геологов оставались низкими. В содержании нарративов геологов обращает на себя внимание факт отсутствия негативных оценок данного аспекта советской реальности. Несмотря на все проблемы, информанты продолжают представлять действительность тех лет в положительном ключе. Позитивную модальность совокупности геологических историй можно назвать важной особенностью их содержания.

Досуг геологоразведчиков в условиях пространств Севера предоставлял широкий спектр практик отдыха, поскольку они обеспечивали разную степень рекреации и релаксации индивидов. Однако в местах проведения изысканий досуговые практики были малочисленны. Главными причинами служили слабая развитость инфраструктуры на местах, отсутствие дополнительных средств финансирования, напряженная работа геологов. Большинство начинаний ограничивалось простейшими видами досуга и было непродолжительным из-за напряженного рабочего графика. Реализация досуга на местах проводилась при активном участии профсоюзных организаций. Сеть культурно-просветительских учреждений

формировалась «по остаточному принципу финансирования», значительно уступая по объемам выделяемых средств на задачи производственного характера. В зависимости от индивидуальных предпочтений, возможностей и конкретных обстоятельств геологи могли самостоятельно включиться как в активные, так и в пассивные виды отдыха или встраиваться в сеть культурно-досуговых учреждений в населенных пунктах, близких к местам дислокации экспедиций. Стационарные базы позволяли расширять вариативность досуговых практик, в то время как в местах проведения работ происходила их трансформация в зависимости от сезонности, интенсивности производственных процессов, а также наличия материально-технических средств. Здесь в особенности проявлялось то, что геологоразведчики, многие из которых были выходцами из крупных городов, считали одной из своих задач «культурное просвещение», распространение «цивилизованных благ» и создание «очагов культурности» для местного населения.

Полученные результаты исследования позволяют использовать новые теоретические выводы для пересмотра устоявшихся мнений по значению вклада геологоразведчиков в открытие нефти Западной Сибири и формирования фундамента энергетической безопасности страны, а также использования полученного опыта с целью исключения повторения возможных ошибок при стратегическом планировании освоения новых территорий в труднодоступных и климатически сложных районах страны и организации социально-бытовых условий для работников геологической отрасли.

Список сокращений и условных обозначений

1. СНК – Совет Народных Комиссаров
2. ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
3. АТЛ – Артиллерийский тягач легкий.
4. АТС – Артиллерийский тягач средний.
5. АТТ – Артиллерийский тягач тяжелый.
6. БМК – Буксирно-моторный катер.
7. БУ – Буровая установка.
8. ВМЦ – Вышкомонтажный цех.
9. ВНИИ – Всесоюзный нефтяной научно-исследовательский институт.
10. ВСЕГЕИ – Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт.
11. ГП-49 – Геодезической партии 49.
12. ГСМ – Горюче-смазочные материалы.
13. ГТТ – Гусеничный транспортер-тягач.
14. ДВС – Двигатель внутреннего сгорания.
15. ЗСНГК – Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс
16. ИТР – Инженерно-технические работники.
17. КРБ – Контора разведочного бурения.
18. КС – Мелкосидящий глиссирующий водометный катер.
19. Майнать – опускание тяжестей при погрузке, перемещении.
20. МКЛ – Морская канонерская лодка.
21. МНРЭ – Мегионская нефтеразведочная экспедиция.
22. МОВ – Метод отраженных волн.
23. МОП – Младший обслуживающий персонал.
24. МТБ – Материально-техническая база.
25. НГПЭ – Новосибирская геолого-поисковая экспедиция.
26. НКТ – Насосно-компрессорные трубы.
27. ОРС – Отдел рабочего снабжения.

28. ОТС – Отдел технического снабжения.
29. ПЗР – Подготовительно-завершительные работы.
30. Превентор – рабочий элемент противовыбросного оборудования.
31. РКТБ – Ремонтно-комплектовочная техническая база.
32. СНРЭ – Сургутская нефтеразведочная экспедиция.
33. ТТГУ – Тюменское территориальное геологическое управление.
34. У-БНРЭ – Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция.
35. УЗТМ – Уральский завод тяжелого машиностроения.
36. УРС – Управление рабочего снабжения.
37. УТБ – Утяжеленные буровые трубы.
38. УЩР – Углещелочной реагент.
39. ФЗО – Фабрично-заводское обучение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

I. Неопубликованные источники

Российский государственный архив экономики

Ф. 9571. «Министерство геологии СССР». Оп. 6. Д. 63, 64, 87, 88, 112, 124, 137, 175, 176, 216, 217, 251, 297, 455, 470, 475, 481, 484, 503, 508, 561, 569, 620, 628, 684, 693, 751, 828, 1199, 1200, 1201, 1202; Оп. 7. Д. 27, 56, 57, 63а, 66, 110, 216, 252. 253, 261.

Ф. 9580. «Главное геофизическое управление (Главгеофизика) Министерства геологии и охраны недр СССР». Оп. 1. Д. 6, 7, 19, 22, 24, 35, 37, 43, 48, 50, 57, 58, 61, 68, 75, 77, 106, 135, 136, 147, 150, 177, 178, 181, 185, 188, 191, 192, 196, 209, 210, 212, 220, 222, 238, 242, 248, 249, 258, 273, 274.

Государственный архив Югры

Ф. 1. «Исполнительный комитет народных депутатов Ханты-мансийского автономного округа, город Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области 1930-1994 гг.». Оп. 1. Д. 663, 703, 724, 770.

Ф. 8. «Департамент здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, г. Ханты-Мансийск». Оп. 1. Д. 235.

Ф. 100. «Исполнительный комитет Сургутского района советов депутатов трудящихся Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области 1925-1965 гг.». Оп. 1. Д. 41, 44, 51, 52, 55.

Ф. 412. «Акционерное общество открытого типа «Хантымансийскгеофизика». Оп. 1. Д. 4, 6, 30, 32, 34, 36, 39, 42.

Государственный архив Новосибирской области

Ф. Р-1164. «Западно-Сибирский геолого-разведочный трест Главного управления по разведке нефтяных и газовых месторождений Народного комиссариата нефтянной промышленности СССР, г. Новосибирск». Оп. 1. Д. 6, 8, 19, 20, 21, 22, 30, 31.

Ф. Р-1169. «Новосибирский территориальный комитет профессионального союза рабочих геологоразведочных работ, г. Новосибирск». Оп. 1. Д. 1, 40, 60, 67, 70, 71, 86, 94, 106, 123.

Ф. Р-1462. «Управление Западно-Сибирского округа Государственного комитета РФ по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и горному надзору». Оп. 1. Д. 14, 35, 46, 81, 109.

Ф. Р-1470. «Государственное предприятие «Новосибирскгеология» Государственного комитета РСФСР по геологии и использованию топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов». Оп. 1. Д. 14, 36, 43, 45, 59, 61, 62, 63, 64, 66, 70, 88, 105, 107, 130, 141, 145, 147, 179, 180, 202, 244, 248, 472, 568, 570, 571, 581, 586, 658, 653, 654, 656, 657, 661, 671, 689, 703, 712, 732, 737, 760, 769, 783, 789, 793, 798, 809, 854а, 857, 858, 859, 860, 918.

Фонд Р-1688. «Сибирское научно-производственное объединение по геолого-геофизическим работам «Сибгео» Министерства геологии СССР». Оп. 1. Д. 14, 22, 24, 48, 49, 60, 61, 80, 81, 82, 83.

Государственный архив Тюменской области

Ф. 814. «Тюменский областной Совет народных депутатов трудящихся и его исполнительный комитет, г. Тюмень, Тюменская область». Оп. 1. Д. 3223, 3326, 3391, 3472, 3572, 3615, 3625, 3631, 3638, 3736, 3754, 3755, 3769, 3771, 3780, 3861, 3908, 3927, 3932, 4049, 4112, 4113, 4114.

Ф. Р-1903. «Тюменский геологический концерн «Тюменьгеология» Российского комитета по недрам». Оп. 1. Д. 4, 18, 20, 28, 67, 70, 73а, 94, 132, 170 а, 212, 256, 265.

Ф. 1770. «Коллекция документальных материалов по геологическим работам на территории Тюменской области». Оп. 1. Д. 13, 26а.

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области

Ф. П-107. «Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС». Оп. 1. Д. 1513, 1828, 1948, 1991, 2003, 2005, 2052.

Ф. П-124. «Тюменский областной комитет КПСС». Оп. 1. Д. 3677, 3902, 4000, 4004, 4045, 4199, 4318, 4358, 4360, 4466, 4449, 4505, 4609.

Ф. П-2010 «Тюменский промышленный областной комитет КПСС». Оп. 1. Д. 117, 212, 240

Ф. П-2086. «Первичная организация КПСС Мегионской нефтеразведочной экспедиции». Оп. 1. Д. 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26.

Ф П-2821. «Первичная организация КПСС Нефтеюганского управления буровых работ». Оп. 1. Д. 10, 11.

Ф П-3642. «Первичная организация КПСС Нижневартовской партии глубокого бурения». Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5.

Ф. П-3967. «Тюменский территориальный комитет профсоюза рабочих геологоразведочных работ». Оп. 1. Д. 1, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 16, 17, 19, 20, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32.

Муниципальный архив города Сургута

Ф. Р-1. «Исполнительный комитет Сургутского районного Совета депутатов трудящихся». Оп. 1. Д. 123, 129, 130, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 141, 142, 144, 146, 148, 149, 150, 153, 155, 156, 158, 161, 162, 163, 166, 167, 168, 169, 170, 173, 174, 175, 176, 181, 182, 183, 187, 189, 190, 191, 195, 196, 197, 200, 201, 202.

Ф. Р-10. «Городская информационно-вычислительная станция». Оп. 1. Д. 9(20), 206, 212, 214, 218 а, 218 б; Оп. 2. Д. 236, 245, 247, 265, 266, 280.

Ф. Р-40. «Сургутский поселковый Совет депутатов трудящихся Сургутского района Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области». Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 5, 6 (9), 8, 10, 12, 13.

Ф. Р-90. «Сургутская нефтеразведочная экспедиция». Оп. 1. Д. 3, 4, 5, 7, 8, 11, 12, 13, 16, 23, 24, 25, 26, 42, 43, 44, 45, 48, 51, 52, 53, 68, 71, 72, 90, 91, 92, 94, 96, 107, 108, 109, 110, 113, 114, 115, 116, 119, 122, 123, 124, 128, 133, 153, 154, 167, 168, 180, 190, 201, 202, 203, 212, 218, 226, 228, 229, 241, 243, 247, 249, 258, 259, 260, 261, 262, 274, 275, 287, 289.

Личный архив автора

Визуальные материалы

Фотографии ветеранов геологии Среднего Приобья, музейных предметов и экспозиций – 25 шт.

Устные источники

Интервью Багдасарьянца В.Н., 1948 г.р., г. Сургут, 2011 г.

Интервью Бахиловой Е.В., 1962 г.р., г. Тюмень, 2015 г.

Интервью Володина Н.П. 1955 г.р., с. Аромашево Тюменской области, 2021 г.

Интервью Волкова И.Ф., 1931 г.р., г. Сургут, 2012 г.

Интервью Волковой К.В., 1937 г.р., г. Сургут, 2012 г.

Интервью Гидион (Шувелева) В.А., 1949 г.р., г. Ханты-Мансийск, 2021 г.

Интервью Гидион В.Я., 1949 г.р., г. Ханты-Мансийск, 2021 г.

Интервью Гильмановой Э.М., 1932 г.р., г. Сургут, 2013 г.

Интервью Глух (Утробина) Н.А., 1943 г.р., г. Ханты-Мансийск, 2021 г.

Интервью Голиковой В.А., 1937 г.р., г. Тюмень, 2016 г.

Интервью Гомберга А.И., 1930 г.р., г. Тюмень, 2012 г.

Интервью Гончарова С.В., 1938 г.р., г. Тюмень, 2016 г.

Интервью Желниной (Жаринова) Л.М., 1949 г.р., с. Аромашево Тюменской области, 2021 г.

Интервью Задоенко А.Н., 1937 г.р., г. Ханты-Мансийск, 2012 г.

Интервью Иванова В.Н., 1934 г.р., г. Сургут, 2012 г.

Интервью Каденковой О.Н., 1950 г.р., г. Сургут, 2017 г.

Интервью Коновалова А.А., 1937 г.р., г. Нефтеюганск, 2023 г.

Интервью Кима А.А., 1958 г.р., г. Сургут, 2022 г.

Интервью Мельниковой З.Я., 1951 г.р., г. Сургут, 2023 г.

Интервью Никульшиной (Ровнина) Н.Л., 1959 г.р., г. Москва, 2020 г.

Интервью Панова А.П., 1926 г.р., г. Сургут, 2010 г.

Интервью Перепелюк-Кучерова Н.Е.,1938 г.р., г. Тюмень, 2015 г.

Интервью Перепелюк(Алексейченко) В.И., 1940 г.р., г. Тюмень, 2015 г.

Интервью Пискулина В.А., 1937 г.р., г. Сургут, 2009 г.

Интервью Пискулиной И.И., 1939 г.р., г. Сургут, 2022 г.

Интервью Рыжовой М.Г., 1937 г.р., г. Сургут, 2017 г.

Интервью Рындина П.В., 1930 г.р., г. Сургут, 2011 г.

Интервью Сабахутдинова С.Ш., 1934 г.р., г. Сургут, 2019 г.

Интервью Салмановой (Гришаева) Т.В., 1935 г.р., г. Сургут, 2016 г.

Интервью Салманова И.Ф., 1955 г.р., г. Сургут, 2016 г.

Интервью Стрельченко А.Н., 1932 г.р., г. Тюмень, 2013 г.

Интервью Суходолова Б.М., 1940 г.р., г. Тюмень, 2015 г.

Интервью Тверетина Ю.Е., 1940 г.р., г. Сургут, 2017 г.

Интервью Теплякова Е.А., 1934 г.р., г. Тюмень, 2012 г.

Интервью Тепляковой (Трехсвоякова) В.С., 1937 г.р., г. Тюмень, 2014 г.

Интервью Тепляковой М.Е., 1960 г.р., г. Тюмень, 2018 г.

Интервью Тюрина А.Н., 1942 г.р., г. Сургут, 2020 г.

Интервью Федулова А.А., 1948 г.р., г. Сургут, 2015 г.

Интервью Федотова В.А., 1947 г.р., г. Сургут, 2021 г.

Интервью Халиловой (Прохорова) Л.И., 1937 г.р., г. Сургут, 2018 г.

Интервью Чернозубова А.С., 1940 г.р., г. Сургут, 2020 г.

Интервью Чиркова Н.Н., 1947 г.р., г. Тюмень, 2016 г.

Интервью Шияна Б.И., 1937 г.р., г. Ханты-Мансийск, 2013 г.

Интервью Шмаль Г.И., 1937 г.р., г. Сургут, 2020 г.

Интервью Эскиной (Головина) Н.К., 1963 г.р., г. Нефтеюганск, 2015 г.

Источники личного происхождения

Воспоминания

Воспоминания Каденковой Л.Е. // Музей геологии нефти и газа. МГНГ НВ-707. 1984 г.

Воспоминания Каденковой Л.Е. // Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Воспоминания Соловьёва В.С. // Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

II. Опубликованные источники

Нормативно-правовые акты и документы органов власти

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 9. 1956-1960 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1986. – 574 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 10. 1961-1965 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1986. – 494 с.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.07.2024 г. № 1838-р об утверждении «Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-11072024-n-1838-r-ob-utverzhdenii/

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.06.2010 г. № 1039-р об утверждении «Стратегии развития геологической отрасли до 2030 года» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-21062010-n-1039-r/

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 4. 1953-1961 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1968. – 784 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет. Т. 5. 1962-1965 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1968. – 750 с.

Указ Президента России от 08 мая 2024 г. №314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-08052024-n-314-ob-utverzhdenii/

Сборники документов и материалов

Биография Великого подвига: Тюменская геология: Годы. Люди. События (1953-2003). – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 688 с.

Биография великого подвига: Тюменская геология: Годы. Люди. События (1953 – 2011) / Глав. Ред. В.Д. Токарев. – Тюмень: ЗАО «Сибирский издательский дом», 2011. – 672 с., ил.

Нефть и газ Тюмени в документах. Т.1. 1901-1965 / Сост. В.Н. Клепиков, М.М. Никифорова, Н.Д. Радченко. – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1971. – 479 с.

Из истории промышленного развития Тюменской области (1917-1980): документы и материалы. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988. – 416 с.

Справочные издания

Геологическая служба России. К 300-летию основания: монография-справочник. – М.: Роскомнедра, 1995. – 160 с.

Справочник технико-экономических показателей геологоразведочных работ на нефть и газ Западной Сибири (1948-1975 гг.). – Тюмень: ЗапсибНИГНИ, 1978. – 303 с.

Спутник полевого геолога-нефтяника. 2-е издание испр и доп. / Под общей редакцией проф. Н.Б. Вассоевича. Т. 1. – Ленинград: государственное научно-техническое издательство нефтяной и горно-топливной литературы Ленинградское отделение, 1954. – 544 с.

Спутник полевого геолога-нефтяника. 2-е издание испр и доп. / Под общей редакцией проф. Н.Б. Вассоевича. Т. 2. – Ленинград: государственное научно-техническое издательство нефтяной и горно-топливной литературы Ленинградское отделение, 1954. – 564 с.

Источники личного происхождения

Воспоминания

Азимут судьбы. Хроника, воспоминания, материалы к 300-летию геологической службы России в Ханты-Мансийском автономном округе. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2000. – 192 с.

Байбаков Н.К. Нефтяной фронт /Н.К. Байбаков. – М.: Газойл пресс, 2006. – 321 с.

Бахилов В.В. Дорога к нефти/В.В. Бахилов. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 110 с.

Бирюков В.П. Годы и люди земли тюменской: книга в 3-х ч. /В.П. Бирюков. – Тюмень: Мандрика, 2000. – 487 с.

В пламени жизни: Книга воспоминаний о Б.Е. Щербине. – Тюмень: Мандрика, 1999. – 271 с.

Высота: Книга воспоминаний о В.И. Муравленко. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 271 с.

Геологи-испытатели вспоминают…: сб. очерков / Под ред. А.К. Ягафарова. 2-е изд. доп. – Тюмень: Вектор Бук, 2006. – 219 с.

Грошева Е. Березово – пуп земли/Е. Грошева // Югра. – 1993. – № 10. – С. 42-46.

Грошева Е. Березово – пуп земли/Е. Грошева // Югра. – 1993. – № 5. – С. 39-43.

Грошева Е. Березово – пуп земли/Е. Грошева // Югра. – 1993. – № 8. – С. 36-41.

Грошева Е. Березово – пуп земли/Е. Грошева // Югра. – 1993. – № 9. – С. 42-46.

Грошева Е. Преждевременная экспедиция/Е. Грошева // Югра. – 1992. – № 3. – С. 46-54.

Грошева Е. Преждевременная экспедиция/Е. Грошева // Югра. – 1992. – № 5. – С. 50-58.

Грошева Е. Преждевременная экспедиция/Е. Грошева // Югра. – 1992. – № 6. – С. 50-56.

Грошева Е. Преждевременная экспедиция/Е. Грошева // Югра. – 1992. – №4. – С. 57-62.

Гурари Ф.Г. Мое участие в открытии нефти и газа сибирских недр/Ф.Г. Гурари // Из истории отечественной геологии нефти и газа. Вып. 1. – Новосибирск, 1998. – С. 144-198.

Деятельность геофизических партий Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (по воспоминаниям А.И. Гомберга) // Научный каталог коллекции геодезических приборов и инструментов Музея геологии, нефти и газа / под ред. И.А. Яшкова (Ханты-Мансийск). – Саратов: Кузница рекламы, 2020. – С. 145-160.

Задорожная Е. Судьба на двоих/Е. Задорожная // Сургутские ведомости. – 11 августа 2007. – № 31 (302). – С. 8.

История СНРЭ. Воспоминания, рассказы о людях-первооткрывателях 1957-1985 гг. в 2 Ч / Ч. 1. Сост. Л.Е. Каденкова. – Тюмень, 1985. – 200 с.

История СНРЭ. Воспоминания, рассказы о людях-первооткрывателях 1957-1985 гг. в 2 Ч / Ч. 2. Сост. Л.Е. Каденкова. – Тюмень, 1985. – 282 с.

Козлов В.Н. Навстречу притяжению: записки нефтеразведчика/В.Н. Козлов. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000. – 381 с.

Конев А. Первый секретарь партии/А. Конев // Югра. – 2004. – №2. – С. 30-33.

Летопись открытия: документы, дневники, воспоминания, письма / Сост. М.М. Никифорова и др. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979. – 172 с.

Моя судьба в истории Югры: Сборник документов / Сост.: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. – Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2005. – 416 с.

Мунарев П.А. Так было, так начиналось (Записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 60-х, начале 70-х годах. – Сургут: редакция журнала Югра, 1997. – 132 с.

Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Манс. геофизики / [Авт.-сост. Е. А. Шмелева]. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. – 355 с.

Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики. Ч. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://остяко-вогульск.рф/2022/11/23/my-otkryli-neft-neft-otkryla-nas-50-let-hanty-mansijskoj-geofiziki

Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики. Ч. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://остяко-вогульск.рф/2022/11/25/my-otkryli-neft-neft-otkryla-nas-chast-3/

Мы открыли нефть. Нефть открыла нас: 50 лет Ханты-Мансийской геофизики. Ч. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://остяко-вогульск.рф/2022/11/26/my-otkryli-neft-neft-otkryla-nas-chast-4/

Нефтеюганск рожден не по указу: в документах и воспоминаниях / Под ред. О.А. Григорьевой. 2-е изд, доп. и перераб. – Нефтеюганск: Изд. дом Азбука, 2017. – 236 с.

Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958-1972 гг.). В документах и воспоминаниях / авт.-сост. Н.К. Эскина. – Нефтеюганск: ГУП «Нефтеюганская типография», 2004. – 86 с.

Разбудившие землю: документальная повесть о первооткрывателях тюменской нефти и газа / Отв. ред. Ю.Г. Эрвье. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. – 261 с.

Редикульцев В.Ф. Сопряжение времен. Кн. 2. Усть-Балык/В.Ф. Редикульцев. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2009. – 266 с.

Ровнин Л. Без геологии у страны нет будущего/Л. Ровнин // Парламентская газета Тюменские известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.t-i.ru/article/2787/

Салманов Ф.К. Жизнь как открытие/Ф.К. Салманов. – М.: РТК-регион, 2003. – 640 с.

Салманов Ф.К. По следам первых/Ф.К. Салманов // Юность. – 1980. – № 9. – С. 3-17.

Салманов Ф.К. Сибирь – судьба моя/Ф.К. Салманов. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 320 с.

Салмин В.Д. Звезды Приобья: Очерки о людях/ В.Д. Салмин. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 276 с.

Семеркин В.И., Бобровник И.И. Воспоминания тюменских геофизиков/В.И. Семеркин, И.И. Бобровник. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2002. – 208 с.

Соловьёв В.С. Бригада трудовой славы/В.С. Соловьев. – Сургут; Тюмень: Тюменский дом печати, 2025. – 108 с.

Тепляков Е.А. «Вот такую тяжелую первую зиму пережили…»/Е.А. Тепляков // Кристалл. – 2011. – № 3-4 (27-28). – С. 17-27.

Тепляков Е.А. Как я стал геологом/Е.А. Тепляков // Кристалл. – 2011. – № 1 (25). – С. 17-27.

Трофимук А.А. Важные уроки открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции/А.А. Трофимук // Геология и геофизика. – 1974. – № 5. – С. 29-36.

Федотов В.А. Первые шаги/В.А. Федотов // Новый город. – 14.09.2007. – № 172 (2819). – С. 9.

Федотов В.А. Марафон/В.А. Федотов. – Сургут: Фонд «Словесность», 2010. – 83 с.

Щербина Б.Е. Тюменский меридиан/Б.Е. Щербина. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. – 76 с.

Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты/Ю.Г. Эрвье. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1968. – 131 с.

Периодическая печать

Газеты

Быстрицкий А. Строить быстро, добротно/А. Быстрицкий // Тюменский геолог. – 23 июля 1964. – № 3. – С. 1.

В Правдинской экспедиции // Тюменский геолог. – 1 июля 1965. – № 26 (52). – С. 1.

Вот так «забота»! // Тюменский геолог. – 8 октября 1964. – № 14. – С. 2.

Вперед, опережая время // Тюменский геолог. – 18 марта 1965. –№ 11 (37). – С. 1.

Ездаков Н. Слово сургутских нефтеразведчиков/Н. Ездаков // Ленинская правда. – 31 мая 1963. – С. 2.

Жалоба столбов // Тюменский геолог. – 8 октября 1964. – № 14. – С. 2.

Забота о людях – главная задача // Тюменский геолог. – 9 сентября 1965. – № 36 (62). – С. 1.

Кибардин Ю. Нефть Мегиона/Ю. Кибардин // Ленинская правда. – 19 октября 1965. – С. 2.

Кожевников В. Ненормированный рабочий день/В. Кожевников // Тюменский геолог. – 7 октября 1965. – № 40 (66). – С. 2.

Комплексно вести геологоразведочные работы // Ленинская правда. – 26 октября 1960. – № 213 (80111). – С. 1.

Кравченко Л. Наши люди/Л. Кравченко // Тюменский геолог. – 5 ноября 1964. – № 18. – С. 2.

Моргун В. Наладить снабжение в полевых партиях/В. Моргун // Ленинская правда. – 17 февраля 1959. – С. 2.

Морозов Н. Работать высокопроизводительно – без травм/Н. Морозов // Ленинская правда. – 26 марта 1965. – С. 2.

Петров Г. Разведка уходит дальше/Г. Петров // Ленинская правда. – 31 января 1965. – С. 2.

Пробурены первые метры // К победе коммунизма. – 23 января 1959. – № 10 (1935). – С. 1.

С солнечного юга // Тюменский геолог. – 6 августа 1964. – № 5. –С. 2.

Садеков Б. Парень тайги/Б. Садеков // Ленинская правда. – 09 января 1965. – С. 2.

Тараданкин К. Таежные клады/К. Тараданкин // Тюменская правда. – 22 июля 1959. – № 170 (3971). – С. 2.

Тоболкин А. Наши заявки не удовлетворяются/А. Тоболкин // Ленинская правда. – 17 февраля 1959. – С. 2.

Томская геологическая экспедиция // Колхозник. – 1953. – № 46 (1261). – С. 2.

Увеличим скорость бурения // К победе коммунизма. – 28 февраля 1958. – № 25 (1798). – С. 3.

Фирсов И. Смотрящие вглубь/И. Фирсов //Ленинская правда. – 28 февраля 1961. – С. 3.

Хулахнов В.И пойдет большая нефть/В.И. Хулахнов // Ленинская правда. – 27 июля 1962. – С. 3.

Аудиовизуальные источники

Фотографии

Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута» – 17 шт.

Личный архив А.А. Кима – 1 шт.

Личный архив А.А. Федулова – 1 шт.

Личный архив А.И. Гомберга – 12 шт.

Личный архив А.Н. Задоенко – 1 шт.

Личный архив А.Н. Тюрина – 1 шт.

Личный архив Б.М. Суходолова – 1 шт.

Личный архив В.А. Пискулина – 1 шт.

Личный архив В.А. Федотова – 1 шт.

Личный архив Е.А. Теплякова – 3 шт.

Личный архив Е.В. Бахиловой – 1 шт.

Личный архив И.Ф. Волкова – 1 шт.

Личный архив М.Г. Рыжовой – 2 шт.

Личный архив Н.Е. Перепелюка-Кучерова – 2 шт.

Личный архив С.В. Гончарова – 2 шт.

Личный архив С.Ш. Сабахутдинова – 2 шт.

Личный архив семьи Каденковых – 1 шт.

Личный архив Т.В. Салмановой – 1 шт.

Музей геологии нефти и газа, г. Ханты-Мансийск – 2 шт.

Сургутский краеведческий музей – 11 шт.

Черное золото Югры. Фотоальбом / авт-сост. А. Щукин. – Тюмень: ООО «Печатный дом Тюмень», 2008. – 209 с.

Аудиозаписи

Воспоминания Букрина В.А. // Аудиоархив воспоминаний Голоса Тюменского Севера: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://голосасевера.рф/#archive

Воспоминания Герасимовой А.Н. // Видеоархив ОАО «Обьнефтегазгеология».

Воспоминания Игошкина В.П. // Аудиоархив воспоминаний Голоса Тюменского Севера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://голосасевера.рф/#archive

Воспоминания Метрусенко Ф.С. // Аудиоархив воспоминаний Голоса Тюменского Севера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://голосасевера.рф/#archive

Воспоминания Хмелевского С.С. // Аудиоархив воспоминаний Голоса Тюменского Севера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://голосасевера.рф/#archive

Видео

Документальный фильм «Открытие века». 1973. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/video/preview/10378358164070901 35

Документальный фильм «У нефтяного континента». 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rutube.ru/video/aba0e9086860dc85f2e89f9fac73aa2a/

Документальный фильм. Стратегия риска. ВГТРК-Тюмень. 1999.

Ровнин Л.И. Лекция об открытии нефти и газа в Западной Сибири [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rutube.ru/video/18c4d866f3463fa1c9ddb5f868e31fde/

Вещественные источники

Атрибуты геологоразведчика (сапоги-болотники, накомарник, компас, планшет, геологический молоток) // Музейный комплекс им. И.Я. Словцова г. Тюмень.

Гусеничный транспортер-тягач // Сургутский краеведческий музей. Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова».

Инсталляция внутреннего убранства палатки 1960-х гг. // Музей геологии нефти и газа г. Ханты-Мансийск.

Летняя одежда геологоразведчика // Сургутский краеведческий музей. Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова».

Магнитометр М-18 и Гравиметр наземный узко диапазонный с кварцевой системой ГНУ-2. // Музейный комплекс им. И.Я. Словцова г. Тюмень.

Одежда работника геологии // Музейно-выставочный центр г. Когалыма.

Полевая кухня // Музейно-выставочный центр г. Когалыма.

Рация типа 'ПР-4П' № 4332261. Радиоприёмник // Сургутский краеведческий музей. КП-8949.

Экспозиция «История бурового дела» // Сургутский краеведческий музей. Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова».

Художественная литература

Романы, повести

Андреев С.Ю., Гольдина Н.А. Чрезвычайные люди/С.Ю. Андреев, Н.А. Гольдин. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 336 с.

Вам, романтики! Проза и стихи / Отв. ред. К.Я. Лагунов. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1978. – 224 с.

Веселов В.В. Путешествие: повести и рассказы/В.В. Веселов. – М: Мол. гвардия, 1979. – 286 с.

Емельянова Н.А. На перекрестке ста дорог/Н.А. Емельянова. – М: Изд-во «Детская литература», 1968. – 270 с.

Колыхалов В.А. Дневник путешествий: повести/В.А. Колыханов. – М: Сов. Россия, 1980. – 368 с.

Куваев О.М. Территория: роман/О.М. Куваев. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 352 с.

Лагунов К.Я. Больно берег крут: роман/К.Я. Лагунов. – М: Сов. Россия, 1988. – 496 с.

Лагунов К.Я. Одержимые: роман/ К.Я. Лагунов. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1976. – 408 с.

Манец А.Ф. «Почем фунт лиха»: документальные повести и рассказы/А.Ф. Манец. – Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство «Северный дом», 1998. – 150 с.

Осипов И.З. Дальняя разведка/И.З. Осипов. – М: Советский писатель, 1962. – 228 с.

Осипов И.З. Земля искателей/И.З. Осипов. – М: Советский писатель, 1974. – 432 с.

Сибирское притяжение. Повести, рассказы, очерки / Сост. Р.И. Лыкосова. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. – 400 с.

Стихотворения

Васильев Г. У костра // История СНРЭ. Воспоминания, рассказы о людях-первооткрывателях: 1957-1985 гг. Ч. 2. Авт.-сост. Каденкова Л.Е. Тюмень, 1985. МБУК «СКМ» НВ-9316. С. 254.

Козлов В. Сейсмический отряд/В. Козлов // Тюменский геолог. – 10 сентября 1964. – № 10. – С. 1.

Козлов В. Наша профессия/В. Козлов // Тюменский геолог. – 20 мая 1965. – № 20 (46). – С. 2.

Седов А. Нам не впервые/А. Седов // Тюменский геолог. – 13 августа 1964. – № 6. – С. 1.

Сивков В. Золотые фонтаны/В. Сивков // Тюменский геолог. – 31 декабря 1964. – № 26. – С. 2.

Литература

Книги

70 лет тюменской геологии: служа Отечеству: в 2-х т. Т.1. Под общ. ред. А.М. Брехунцова и В.Н. Битюкова. – Тюмень: Сибирский научно-аналитический центр, 2018. – 384 с.

70 лет тюменской геологии: служа Отечеству: в 2-х т. Т.2. Под общ. ред. А.М. Брехунцова и В.Н. Битюкова. – Тюмень: Сибирский научно-аналитический центр, 2019. – 496 с.

Аксельруд С.Б. Организация работ геологоразведочных партий/С.Б. Аксельруд. 2-е изд., перераб. и доп. – М: Недра, 1966. – 147 с.

Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометеи сибирской нефти/В.В. Алексеев, В.А. Ламин. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 269 с.

Байбаков Н.К. Большая нефть Тюмени/Н.К. Байбаков. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. – 60 с.

Богатко С.А. По праву первых: очерки о первооткрывателях нефти и газа в Тюменской области/ С.А. Богатко. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. – 175 с.

Букин С.С., Исаев В.И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920-1960-е годы)/С.С. Букин, В.И. Исаев. – Новосибирск: Параллель, 2009. – 198 с.

Буксина О. Счастливый геолог/О. Буксина. – М.: ООО «Издательский дом Недра», 2018. – 223 с.

Веселкина В.В. Нефтегазовый комплекс и коренные народы Тюменского Севера/В.В. Веселкина. – Тюмень, 1984. – 152 с.

Габриэлянц Г.А. Геология нефтяных и газовых месторождений/ Г.А. Габриэлянц. – М.: изд-во «Недра», 1972. – 400 с.

Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.)/Н.Ю. Гаврилова. – Тюмень: Нефтегазовый ун-т, 2002. – 282 с.

Геологи Среднего Приобья: 65 лет пути / Под общ. ред. А.Н. Тюрина и В.В. Рашевского. – Сургут, Тюмень: Тюменский дом печати, 2023. – 127 с.

Геология и нефтегазоносность Западно-Сибирской низменности – новой нефтяной базы СССР / Под ред. Н.Н. Ростовцева, А.А. Трофимука. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1963. – 201 с.

Геология нефти и газа Западной Сибири/ А.Э. Конторович, И.И. Нестеров, Ф.К. Салманов, А.А. Трофимук и др. – М.: Недра, 1975. – 679 с.

Геология нефти и газа Сибирской платформы / Под ред. А.Э. Конторовича, В.С. Суркова, А А. Трофимука. – М.: Недра, 1981. – 552 с.

Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в./К. Гинзбург. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 272 с.

Глазычев В.Л. Городская среда. Технология развития: Настольная книга/В.Л. Глазычев. – М: Ладья, 1995. – 239 с.

Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция – открытие века/Ф.Г. Гурари. – Новосибирск: СНИИГГиМС, 1996. – 144 с.

Гурари Ф.Г. Геология и перспективы нефтегазоносности Обь Иртышского междуречья/Ф.Г. Гурари. – Л.: Гостоптехиздат, 1959. – 174 с.

Долголюк А.А., Тимошенко А.И. Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы)/А.А. Долголюк, А.И. Тимошенко. Сборник научных трудов Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1992. – 144 с.

Живая память: Антонина Георгиевна Григорьева / Авт. текста Г.В. Кондрякова. – Сургут: Диорит, 2008. – 24 с.

Живая память: Виктор Фёдоров / авт-сост. З.С. Сенькина. – Ханты-Манисйск: Полиграфист, 2007. – 24 с.

Живая память: Нажмиден Уакпаевич Жумажанов / авт.-сост. Г.В. Кондрякова. – Сургут; Омск: ООО «Омскбланкиздат», 2013. – 32 с.

Жидченко А.В., Рыженко В.Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950-60-е гг./А.В.Жидченко, В.Г. Рыженко. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2013. – 444 с.

Западная Сибирь: история поиска. 1940-1975 годы. (часть вторая)/Ред.-сост. Л.В. Цареградская. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 2008. – 272 с.

Западная Сибирь: история поиска. 1940-1975 годы/Ред.-сост. Л.В. Цареградская. – М.: Издательский дом «Зимородок», 2007. – 208 с.

Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации /В.П. Карпов, Н.Ю. Гаврилова, Г.Ю. Колева, М.В. Комгорт. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 392 с.

Запивалов Н.П., Кальман А.Ш. Будет сибирское Баку/ Н.П. Запивалов, А.Ш. Кальман. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1963. – 55 с.

Захаров И.П. Моя земля/И.П. Захаров. – Сургут: Нефть Приобья, 1999. – 214 с.

Иванов А.С. «Изъять, как антисоветский элемент…»: Калмыки в государственной политике (1943-1959 гг.)/А.С. Иванов. – М.: [б. и.], 2014. – 293 с.

Иванов А.С. Историографический анализ феномена ведомственности и роли различных звеньев управленческой цепи/А.С. Иванов // Советская ведомственность: коллективная монография. – М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 549 с.

Иванов Н.В. Записки хирурга/Н.В. Иванов – Тюмень: Мандр и Ка, 2011. – 286 с.

Из истории отечественной геологии нефти и газа. Вып. 1 / Ред. вып. А.Э. Конторович, Г.С. Фрадкин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. НИЦ ОИГГМ, 1998. – 198 с.

История геологического поиска: к 50-летию открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. – М: Пента, 2003. – 288 с.

История Нижневартовского района /Л.В. Алексеева, Я.Г. Солодкин, В.В. Цысь и др; Под общ. ред. Л.В. Алексеевой. – Екатеринбург: Изд-во Баско, 2013. – 336 с.

Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948-1990 гг.)/В.П. Карпов. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. – 315 с.

Карпов В.П. Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера/В.П. Карпов. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – 184 с.

Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности/В.П. Карпов, Н.Ю. Гаврилова. – Тюмень: Нефтегазовый ун-т, 2002. – 171 с.

Ким А.А. Ким Анатолий Индекович – эпоха и легенда геологии/А.А. Ким. – Салехард: Северное изд-во, 2019. – 143 с.

Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму/Л.Е. Киселев. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. – 268 с.

Козлов В.Н. Первопроходцы: Очерки истории разведочных работ на нефть и газ в Нижневартовском районе в лицах/В.Н. Козлов. – Екатеринбург: Банк культур. информации, 2003. – 540 с.

Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления/Г.Ю. Колева. Ч.2. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. нефтегаз. ун-та, 2005. – 160 с.

Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960-2000-е гг.)/Г.Ю. Колева. – Тюмень: Вектор Бук, 2010. – 258 с.

Комгорт М.В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия/М.В. Комгорт. – Тюмень: «Вектор Бук», 2008. – 190 с.

Комгорт М.В. Тюменская геология до «эпохи великих геологических открытий»/М.В. Комгорт. – Тюмень: ТИУ, 2019. – 172 с

Комгорт М.В., Колева Г.Ю. Н.Н. Ростовцев и становление геологической науки в Тюмени/М.В. Комгорт, Г.Ю. Колева. – Тюмень: «Вектор Бук», 2007. – 205 с.

Комгорт М.В., Майданов В.С. Лидер нефтегазовой революции (к 100-летию со дня рождения А.К. Протозанова)/ М.В. Комгорт, В.С. Майданов. – Тюмень: Сибирский изд. дом, 2013. – 520 с.

Люди и недра: к 75-летию тюменской геологии: в двух томах. Т. 1. / под общей редакцией А.М. Брехунцова. – Тюмень: МНП «ГЕОДАТА», 2023. – 420 с.

Люди и недра: к 75-летию тюменской геологии: в двух томах. Т. 2. / под общей редакцией А.М. Брехунцова. – Тюмень: МНП «ГЕОДАТА», 2023. – 412 с.

Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти/А. Людке. – М.: РОССПЭН; Герман. Ист. Ин-т в Москве, 2010. – 271 с.

Неменова Л.М. Главный геолог/Л.М. Неменова. – М: Советская Россия, 1975. – 224 с.

Нестеров И.И., Рябухин Г.Е. Тайны нефтяной колыбели/И.И. Нестеров, Г.Е. Рябухин. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. – 160 с.

Нефть Сибири /В.Д. Шашин, Б.Е. Щербина, В.И. Муравленко и др. – М: Недра, 1973. – 256 с.

Нефть СССР (1917-1987 гг.)/Ю.Г. Апанович, Н.М. Байков, М.А. Берлин. Под ред. В.А. Динкова. – М: Недра, 1987. – 384 с.

Обновленная Югра: К 40-летию Ханты-Мансийск. нац. округа / Общ. редколлегия: А.Г. Григорьева. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. – 107 с.

Окно в Югру. Атлас – путеводитель. 75-летию Ханты-Мансийского автономного округа посвящается (1930 – 2005) /Авт. Сост. В.М. Куриков. – Екатеринбург: ООО «Рекламно-издательский центр Зёбра», 2005. – 447 с.

Орлов Г.П. Свободное время и личность/Г.П. Орлов. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления/И.Б. Орлов. – М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2010. – 318 с.

Осипов И.З. Сокровища Конды: о разведчиках сибирской нефти/И.З. Осипов. – М: Советская Россия, 1964. – 58 с.

Открытые горизонты. Т.1 (1962 – 1980) / Сост. Брехунцов А.М., Битюков В.Н. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2002. – 680 с.

Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). Под ред. Р.Г. Пихои. – М., Х-М; проект «Академическая история Югры», 2020. – 610 с.

Пахотин С.С. Не-путеводитель по нефтегазовой столице России/С.С. Пахотин. б.м., 2019. – 342 с.

Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса 1964-1980/Н.М. Пашков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 240 с.

Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса Западной Сибири (1964-1977 гг.) /Н.М. Пашков. – Томск: изд-во Томского университета, 1988. – 261 с.

Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма/ШТ. Плаггенборг [Пер. с нем. И. Карташевой]. – СПб.: Журнал «Нева», 2000. – 416 с.

Прищепа А.И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века/А.И. Прищепа. – Сургут: Дефис, 2015. – 238 с.

Прищепа А.И. История Сургута второй половины XX века/А.И. Прищепа. – Сургут: Диорит, 2005. – 256 с.

Рафикова С.А. Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы/ С.А. Рафикова. – Красноярск: СибГТУ, 2007. – 253 с.

Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история/Л.П. Репина. – М.: URSS, 2009. – 316 с.

Салманов Ф.К. Путь к большой нефти/Ф.К. Салманов. – Свердловск: Средне-Уральское Книжное Издательство, 1970. – 107 с.

Салманов Ф.К. Ускорение поиска/Ф.К. Салманов. – М.: Недра, 1985. – 63 с.

Сенькина З.С. Под знаком Гигеи/З.С. Сенькина. – Сургут, 2003. – 95 с.

Сибирская нефть/В.И. Муравленко, В.И. Кремнев. – М.: Недра. 1977. – 255 с.

Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945-1991 гг./М.В. Славкина. – М: Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2007. – 384 с.

Славкина М.В. Российская добыча/М.В. Славкина. – М.: Родина МЕДИА, 2014. – 365 с.

Славкина М.В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960-1980-е гг. /М.В. Славкина. – М.: Наука, 2002. – 220 с.

Соколов Э.В. Свободное время и культура досуга/Э.В. Соколов. – Л.: Лениздат, 1977. – 207 с.

Стась И.Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.)/И.Н. Стась. – Курган: Курганский дом печати, 2018. – 167 с.

Сургут и сургутяне: рассказ о людях и времени /Г.В. Кондрякова. – Тюмень: Предприниматель Ю.Л. Мандрика, 1998. – 256 с.

Сургутский нефтеносный район. Вып. 19./И.И. Нестеров. – Тюмень: [б. и.], 1968. – 240 с.

Томпсон П. Устная история: Голос прошлого/П. Томпсон. – М.: Весь Мир, 2003. – 368 с.

Трофимук А.А. Сорок лет борения за развитие нефтегазодобывающей промышленности Сибири/А.А. Трофимук. – Новосибирск: Изд-во СО РАН : НИЦ ОИГГМ, 1997. – 370 с.

Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта/В.П. Карпов, Г.Ю. Колева, Н.Ю. Гаврилова, М.В. Комгорт. – Тюмень: «Вектор Бук», 2011. – 260 с.

Тюменский меридиан/под ред. Л.Ф. Декань. – М: Политиздат, 1983. – 336 с.

Тюменский самородок/Сост. А.А. Нежданов, Н.В. Димчевский. – М: Советская Россия, 1974. – 328 с.

Урай – город новых открытий: Историко-краеведческое издание/Г. Евсеева, А. Конев, О. Конева. – Тюмень: ОЛМАРПРЕСС, 2015. – 192 с.

Усть-Балык. Пионеры нефтяной целины/В.Ф. Редикульцев. – Тюмень, Изд-во «Вектор Бук», 2004. – 27 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город/Ш. Фицпатрик [пер. с англ. Л.Ю. Пантина]. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 336 с.

Цысь В.В. Геологоразведка Мегионского Приобья в конце 1950-х - начале 1980-х гг.: биография трудового подвига/ В.В. Цысь. – Екатеринбург: Региональный историко-культурный и экологический центр, 2024. – 127 с.

Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера материалы Всероссийской научной конференции, 17-18 ноября 2010 года / [редкол.: Г.Ю. Колева (отв. ред.) и др.]. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. – 199 с.

Швирикас А.И. Ф.К. Салманов: документальная повесть/А.И. Швирикас. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 112 с.

Штурман нефтегазового океана («открытие века» и судьба ученого)/Под ред. А.В. Рылькова, М.В. Комгорт. – Тюмень: ИП Суровежко О. С., 2014. – 318 с.

Эскина Н.К. Нефтеюганск: Усть-Балыкская экспедиция/Н.К. Эскина. – Нефтеюганск: Нефтеюганская типография, 2004. – 86 с.

Это нашей истории строки: 90 лет Сургутскому району. Автор текстов В.Ф. Домрачеев. – Красноярск: Платина, 2013. –140 с.

Югра: 75 ступеней вверх/Ред-сост. Ю.А. Дорохов. – Екатеринбург: Изд. дом «ПАКРУС», 2005. – 336 с.

Campbell R.W. Trends in Soviet oil and gas industry/R.W. Campbell. – Baltimore, 1976. – 125 p.

Connolly V. Siberia today and tomorrow. A study of economic resourses: problems and achievements/Connolly V. – Glasgow, 1975. – 248 p.

Dienes L., Shabad T. The Soviet energy system: resources use and politics/ L. Diene., T. Shabad. – Washington, 1979. – 298 p.

Forsyth J. A. History of the Peoples of Siberia. Russia’s North Asian colony 1581-1990/J. A. Forsyth. – Cambridge, 1994. – 455 p.

Granick D. Management of the Industrial Firm in the USSR, A Study in Soviet Economic Planning/ D. Granick. – New York: Columbia University Press, 1954. – 346 p.

Hoffmann D.L. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941/ D.L. Hoffmann. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2003. Pp. XVI. – 248 p.

Moskoff William. Labour and leisure in the Soviet Union/ William Moskoff. – Macmillan, 1984. – 225 p.

Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North/Y. Slezkine. – Ithaca; London: Cornell univ. press, 1994. – 484 p.

Wilson D. Soviet oil and gas to 1990/D. Wilson. – Cambridge, Massachusetts: Abt Books., 1982. – 230 p.

Статьи

Агапов М.Г., Клюева В.П. «Север зовет!»: мотив «северное притяжение» в истории освоения российской Арктики/М.Г. Агапов, В.П. Клюева // Сибирские исторические исследования. – 2018. – № 4. – С. 6-24.

Алексеев В.В. Открытие сибирской нефти/В.В. Алексеев // Вопросы истории. – 1986. – № 5. – С. 68-79.

Алексеев В.В., Пашков Н.М. Партийное руководство созданием и развитием нефтегазового комплекса в Западной Сибири/В.В. Алексеев, Н.М. Пашков // Вопросы истории КПСС. – 1983. – № 5. – С. 55-68.

Бодрова Е.В., Калинов В.В. Техническое оснащение геологоразведочных работ в ссср в 1950-1960-е гг./Е.В. Бодрова, В.В. Калинов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – №. 6. – С. 95-105.

Бодрова Е.В., Калинов В.В. Эволюция государственной политики в вопросе об освоении территории Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции в 1960-е гг. (по рассекреченным архивным документам)/Е.В.

Бодрова, В.В. Калинов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2024. – № 1 (78). – С. 64-72.

Бодрова Е.В., Калинов В.В. Начало освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции: альтернативные подходы/Е.В. Бодрова, В.В. Калинов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2024. – №. 6. – С. 77-85.

Болотова А.А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР/А.А. Болотова // Неприкосновенный запас: Дебаты о культуре и политике. – 2006. – №2 (46). – С. 68-84.

Волков В.В. Концепция культурности, 1935-1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени [Электронный ресурс]/В.В. Волков//Социологический журнал. –1996. – № 1/2. – Режим доступа: https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/issue/view/12

Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири 1960-1980 гг./ Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 111-118.

Гаврилова Н.Ю., Лутошкина М.Г. Социокультурное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 1960-1980-е гг./Н.Ю. Гаврилова, М.Г. Лутошкина // Тюменская область: опыт экономического и социального развития: Мат-лы Всерос. науно-практич. конф., посвященной 65-летию Тюменской области. – Тюмень: Изд-во Гос. образовательного учреждения высш. проф. образования "Тюменский гос. нефтегазовый ун-т", 2009. – С. 228-235.

Ганопольский М.Г., Карпов В.П. Проблемы роста и закрепления населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса/ М.Г. Ганопольский, В.П. Карпов // Горные ведомости. – Февраль 2013. – № 2 (105). – С. 92-97.

Гаспарян В.Г. «Общество досуга» в работах Ж. Дюмазедье, М. Каплана, К. Робертса/ В.Г. Гаспарян // Научный альманах. – 2018. – № 11-3(49). – С 191-194.

Гололобов Е.И. История взаимодействия человека и природы на Севере Западной Сибири/Е.И. Гололобов // Вестник Югорского государственного университета. – 2014. – № 3 (34). – С. 25-31.

Гололобов Е.И. Сибирский Север: динамика образа – от Barren Grounds к Northern Plain/Е.И. Гололобов // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5. – № 1. – С. 137-152

Григорьев А.Д. В.Т. Подшибякин – первооткрыватель нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири/А.Д. Григорьев // Российская нефть: история и повседневность. Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием. Сургутский государственный университет. 2016. – Курган: Издательство: ООО "Курганский Дом печати". – С. 483-494.

Гурари Ф.Г. Штурман нефтегазового океана // Энергия Ямала / Сост. В.Н. Битюков, А.М. Брехунцов. – Тюмень, 2000. – С. 214–221.

Гурари Ф.Г., Казаринов В.П. и др. Западно-Сибирская низменность – новая база нефтегазодобычи СССР/Ф.Г. Гурари, В.П. Казаринов // Геология и геофизика. – 1961. – № 10. – С. 3-14.

Гурьев В.И. Санитарно-гигиеническая характеристика условий труда и быта рабочих предприятий Главтюменьгеологии при глубоком разведочном бурении в условиях Крайнего Севера и Среднего Приобья Тюменской области/В.И. Гурьев // Медико-биологические проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. – Новосибирск: СФ АМН СССР, 1977. – С. 87–89.

Джарычев Т.М., Прищепа А.И. О первом визите Ф.К. Салманова в Сургут/Т.М.Джарычев, А.И. Прищепа // Накануне «Большой нефти: Югра в послевоенные годы» (1945-1950-е гг.). Сборник научных статей Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург:

Издательство: Общество с ограниченной ответственностью Универсальная Типография «Альфа Принт», 2020. – С. 187-190.

Долголюк А.А. Опыт стабилизации строительных коллективов районов нового освоения Сибири в 1950-1980-х гг./ А.А. Долголюк // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып.2. – Новосибирск: Параллель, 2007. – С. 126-149.

Евдошенко Ю.В. Геолог Н.А. Гедройц и его оценки перспектив нефтеносности Севера Западной Сибири/Ю.В. Евдошенко // Северный регион: наука, образование, культура. – 2022. – № 4. – С. 6-17.

Евдошенко Ю.В. Рождение нефтяной Сибири. Нефтеразведка против углеперегонки на рубеже 1920-1930-х гг. Ч. 2/Ю.В. Евдошенко // ЭКО. – 2023. – № 2 (584). – С. 172-192.

Жидкова Е.М. Организация питания и досуговые практики в дискуссии о советском человеке (1950-1960-е гг.)/Е.М. Жидкова // Проблемы российской истории. – 2013. – № 1. – С. 307-317.

Журавлев С.В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки/С.В. Журавлев // История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 3-27.

Иванчук П.К., Козлов И.Г., Грачев Р.И. Геологические результаты опорного бурения в СССР за период 1947-1957 гг./П.К.Иванчук, И.Г. Козлов, Р.И. Грачев // Труды ВНИГРИ. – 1959. – Вып. 132. – С. 110-111.

Калинов В.В., Бодрова Е.В. О стратегии освоения Западной Сибири в послевоенные десятилетия и их реализации/В.В.Калинов, Е.В. Бодрова // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего. – Тюмень: ТИУ, 2019. – С. 10-18.

Карпов В.П. «Третье Баку». Формирование и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960-90-е гг./В.П. Карпов // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2002. – С. 215-237.

Карпов В.П. Досуговая повседневность тюменских нефтяников в 1960-1980-е годы/В.П. Карпов // Повседневность в российской провинции XIX-XX вв.: Мат-лы Всерос. науч. конф. – Пермь: ПГГПУ, 2013. – Ч. 1. – С. 222-230.

Карпов В.П. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс как зеркало советской экономики 1960-1980 гг./В.П. Карпов // Горные ведомости. – 2006. – № 4 (23). – С. 110-115.

Карпов В.П. К вопросу о периодизации геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири/В.П. Карпов // Горные ведомости. – 2007. – № 1 (32). – С. 90-97.

Карпов В.П. К историографии создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса/В.П. Карпов // Горные ведомости. – 2008. – № 3 (46). – С. 92-98.

Карпов В.П. Организаторы тюменской геологоразведки в истории создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса/В.П. Карпов // История Сибири в биографиях: сб. науч. тр. / науч. ред. А.И. Прищепа. – Сургут: Изд. центр СурГУ, 2009. – С. 120-134.

Карпов В.П. Проблемы организации досуга населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. 1960-1980-е гг. /В.П. Карпов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4 (25). – С. 234-239.

Карпов В.П. Советский человек в пространстве тюменского нефтегазового Севера/В.П. Карпов // Горные ведомости. – 2012. – № 10 (101). – С. 74-90.

Карпов В.П. Спорные вопросы истории геологоразведки в публикациях тюменских историков/В.П. Карпов // Горные ведомости. – 2008. – № 5 (48). – С. 90-94.

Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. От макро к микроистории: смещение приоритетов в изучении процесса индустриализации Тюменского Севера/В.П. Карпов, Н.Ю. Гаврилова // Человек в условиях интенсивного

нефтегазового освоения Севера: материалы Всероссийской научной конференции. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. – С. 14-25.

Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Культурное строительство на Тюменском нефтегазовом Севере в 1960-80-е годы/В.П. Карпов, Н.Ю. Гаврилова // Культура и антикультура: определения и ценности. – Тюмень: ТИУ, 2016. – С. 149-160.

Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири 1960-1980 гг. /В.П. Карпов, Н.Ю. Гаврилова // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 111-118.

Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Повседневность Тюменского Севера в 1960-1980-е годы/В.П. Карпов, Н.Ю. Гаврилова // Горные ведомости. – 2011. – №1 (80). – С. 84-96.

Карпов В.П., Колева Г.Ю. А. Протозанов, Б. Щербина и тюменская нефть/В.П.Карпов, Г.Ю. Колева // Нефтяное хозяйство. – 2013. – № 9. – С. 126-128.

Карпов В.П., Панарин С.М. Нефтегазодобывающая промышленность Западной Сибири: Исторические корни современных проблем/В.П. Карпов, С.М. Панарин // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2002. – С. 228-237.

Клюева В.П. Не женское это дело или работа на равных? Нарративы геологов о работе в поле/В.П. Клюева // Уральский исторический вестник. – 2023. – № 1 (78). – С. 133-141.

Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Советский нефтяной экспорт 1950-1960-х гг. на фоне изменений на международной арене и деятельности СЭВ/Г.Ю. Колева, Ж.М. Колев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 66. – С. 44-57.

Комгорт М.В. К вопросу о датировке открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции/М.В. Комгорт // Горные ведомости. – 2010. – № 3. – С. 92-97.

Комгорт М.В. О некоторых спорных вопросах в становлении Тюменской нефтеразведки/М.В. Комгорт // Горные ведомости. – 2006. – № 8. – С. 114-117.

Комгорт М.В. От буровой партии до Главка (к 50-летию создания Главтюменьгеологии)/М.В. Комгорт // Горные ведомости. – 2016. – № 7. – С. 88-95; – № 8. – С. 88-99.

Комгорт М.В. Первая опорная скважина в Западной Сибири/М.В. Комгорт // Горные ведомости. – 2008. – № 12. – С. 84-90.

Комгорт М.В. Планомерные нефтепоисковые работы и открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (1948 – нач. 60-х гг.)/М.В. Комгорт // Горные ведомости. – 2008. № 7. – С. 78-96

Комгорт М.В. А.К. Протозанов – секретарь промышленного обкома.)/М.В. Комгорт // Горные ведомости. – 2013. – № 1 (104). – С. 88-100.

Комгорт М.В. Нефть была нужна. Бог с ними, с людьми… (начало нефтяной истории Тюмени в свидетельствах современников)/М.В. Комгорт // Человек в условиях модернизации XVIII-XX вв.: Сб. науч. статей Всерос. науч. конф. с международ. участ. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2015. – С. 354-361.

Комгорт М.В. Создание сибирской «нефтяной базы» в промышленной политике государства (1940–1960-е гг.)/М.В. Комгорт // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 8 (337). – С. 49–58.

Комгорт М.В., Габдульманов А.В., Габдульманов М.В. Р.С. Ильин: ссылка как «научная командировка»/М.В.Комгорт, А.В. Габдульманов, М.В. Габдульманов // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера. Материалы Всероссийской научной конференции. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. – С. 67-72.

Конторович А.Э. И.М. Губкин и А.А. Трофимук – выдающиеся геологи-нефтяники XX века/А.Э. Конторович // Новые вызовы фундаментальной и прикладной геологии нефти и газа – XXI век. Материалы

Всероссийской научной конференции с участием иностранных ученых, посвященной 150-летию академика АН СССР И.М. Губкина и 110-летию академика АН СССР и РАН А.А. Трофимука. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2021. – С. 4-14.

Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования/М.М. Кром // История повседневности. – СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2003. – С. 7-14.

Куляпин А.И., Скубач О.А. В стране советской жить: мифология повседневной жизни 1920-1950 гг./А.И.Куляпин, О.А. Скубач // Критика и семиотика. – 2007. – № 11. – С. 280-352.

Лагунов К.Я. Нефть и люди/К.Я. Лагунов // Новый мир. – 1966. – № 7. –С. 197-218.

Ламин В.А. Выбор генерального направления нефтепоиска в Сибири (1930-1950-е гг.)/В.А. Ламин // Разработка проблем промышленного освоения советской Сибири. – Новосибирск, 1992. – С. 148-160.

Маркевич А.М. Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг./А.М. Маркевич // Экономическая история. Ежегодник. – 2004. – С. 118-140.

Некрасов В.Л., Хромов Е.А. Партийные, региональные и ведомственные интересы в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961-1965)/В.Л. Некрасов, Е.А. Хромов // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 2(3). – С. 45-53.

Ним Б.А. Партийное руководство развитием геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири (1934-1966 гг.)/Б.А. Ним // Коммунисты Западной Сибири (1917-1967). Мат-лы науч. конф. преподавателей общественных наук вузов Тюменской области. – Тюмень: [б. и.], 1967. – С. 83-90.

Ним Б.А. Периодизация и основные направления деятельности Тюменской областной парторганизации по развитию геологоразведочных

работ на нефть и газ/Б.А. Ним // На путях строительства коммунизма. – Тюмень: [б. и.], 1968. – С. 64-79.

Николаи Ф.В. Ностальгия, советские вещи и антропология «стихийного материализма»/Ф.В. Николаи // Новое литературное обозрение. – 2022. – № 2. – С. 338-346.

Основные черты геологии и перспективы нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности // Труды ВНИГРИ. – 1959. – Вып. 132. – С. 85–93.

Отюцкий Г.П. Структура повседневности: методологическое подходы российских исследователей/Г.П. Отюцкий // Система ценностей современного общества: сборник материалов XXXVIII Международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, 31 декабря 2014 г. – Новосибирск, 2014. – С. 13-17.

Панарин С.М. Научно-технический прогресс на геологоразведочных предприятиях Западной Сибири. 1966-1975 гг./С.М. Панарин // Социально-экономические проблемы научно-технического прогресса в сибирской индустрии (1950-80-е гг.). – Новосибирск: Сиб. отд-ние, 1990. – С. 196-208.

Панарин С.М. Открытие сургутской нефти/С.М. Панарин // Очерки истории Сургута. – Сургут: Диорит, 2002. – С. 160-173.

Пахотин С.С. Начало пути: 50-летию высадки нефтяного десанта посящается/С.С. Пахотин // Полярная сова. – 2007. – № 4. – С. 6-11.

Пахотин С.С. Сургутские геологи наступают и выигрывают/С.С. Пахотин // Западная Сибирь: история поиска. 1940-1975 гг. Ч.1. – М., 2007. – С. 107-116.

Прищепа А.И. Нефтяные геологоразведочные работы в Ханты-Мансийском национальном округе в 1930-е-1950-е гг./А.И. Прищепа // Вопросы истории. – 2021. – № 5 (1). – С. 50-57.

Прищепа А.И. Первая в Северо-Западной Сибири скважина глубокого бурения/А.И. Прищепа // Накануне «Большой нефти: Югра в послевоенные годы» (1945-1950-е гг.). Сборник научных статей Всероссийской научной

конференции. 2020. – Екатеринбург: Издательство: Общество с ограниченной ответственностью Универсальная Типография «Альфа Принт». – С. 183-186.

Прищепа А.И. Сургутская геологоразведочная экспедиция и командно-административная система управления: опыт сопротивления/А.И. Прищепа // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. – С. 49-52.

Прищепа А.И. Нефтеразведочная экспедиция Фармана Курбановича Салманова в истории строительства города Сургута/А.И. Прищепа // Северный регион: наука, образование, культура. – 2024. – № 4. – С. 101-108.

Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе/Н.Л. Пушкарева, С.В. Любичанковский // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 1. – С. 7-21.

Пядухова Д. «Страна мужчин»: образы фемининности и маскулинности в нефтегазовом освоении Западной Сибири 1960-1970-х годов/Д. Пядухова // Новое литературное обозрение. – 2025. – № 1 (191). – С. 180-196.

Разумова И.А. Документальная литература ученых-геологов (о дискурсивных аспектах профессии)/И.А. Разумова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2022. – Т. 44. – № 6. – С. 91-98.

Рашевский В.В. В поисках «большой нефти»: «второй десант» геологов 1958 года в Среднее Приобье/В.В. Рашевский // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2022. – №6 (81). – С.142-152.

Рашевский В.В. Плацдарм «Большой нефти»: первый поселок геологоразведчиков в Сургуте/В.В. Рашевский // Вестник Нижневартовсокго государственного университета. – 2023. – №1(61). – С. 96-105.

Рейд С. Как обживались в позднесоветской модерности/С. Рейд // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953-1985): сборник статей / под ред. А. Пинского. – СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2018. – С. 352-397.

Ростовцев Н.Н., Симоненко Т.Н. О поисках нефти и газа в Западно-Сибирской низменности/ Н.Н. Ростовцев, Т.Н. Симоненко // Геология нефти и газа. – 1959. – № 6. – С. 8-13.

Славкина М.В. Как в 1960-е годы принималось решение об освоении Западной Сибири/М.В. Славкина // Нефть, газ и бизнес. – 2004. – № 8-9. – С. 68-72.

Славкина М.В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири/М.В. Славкина // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С. 146-163.

Стась И.Н. Антропология урбанизации Ханты-Мансийского округа в 1960-х гг.: социокультурное пространство городов/И.Н. Стась // Вестник Сургутского государственного университета. – 2015. – № 4 (10). – С. 68-74.

Стась И.Н. Социокультурная антропология городов Югры: опыт современной историографии/И.Н. Стась // Вестник угроведения. – 2015. – № 3 (22). – С. 77-89.

Стась И.Н. Формирующееся социокультурное пространство городов нефтяников Западной Сибири (1960-е гг.)/И.Н. Стась // Повседневность российской провинции XIX–XX вв.: сб. ст. Всерос. науч. конф. В 2 ч. Ч. 2. – Пермь: ПГГПУ, 2013. – С. 171-178.

Стась И.Н. Образ промышленного освоения: Ханты-Мансийский Север в ожидании перемен в послевоенные годы/И.Н. Стась // Вестник Сургутского педагогического университета. – 2019. – №6 (63). – С 139-151.

Стафеев О.Н. Воспоминания Ф.К. Салманова как исторический источник развития нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1960-1980-е гг./О.Н. Стафеев // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 166-169.

Сурова Е.Э., Бутонова Н.В. Досуговые практики в пространстве повседневности/Е.Э.Сурова, Н.В. Бутонова // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер.6. Философия. Культурология. – 2014. – № 2. – С. 53-60.

Ташлыкова М.В. Строительство объектов культурного назначения в Ханты-Мансийском автономном округе в 1965-1991 гг./Ташлыкова М.В. // Сибирские строители: события и судьбы: Сборник статей Всерос. Научной конф. – Курган: Курганский дом печати, 2017. – С. 286-300.

Трофимук А.А. Важные уроки истории открытия ЗападноСибирской нефтегазоносной провинции/А.А. Трофимук // Геология и геофизика. – 1974. – № 5. – С. 29-36.

Трофимук А.А. Некоторые проблемы развития Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции/А.А. Трофимук // Нефть и газ Тюмени. – 1969. – № 1. – С. 1-4.

Ушакин С. Ключ и двери ведомственности/С. Ушакин // Ab Imperio. – 2025. – № 4. – С. 137-144.

Фоминцева Н. Практика риска. Фарман Салманов/Н. Фоминцева // Журнал Тюмень. Нефтегазовый номер. – сентябрь-октябрь. 2012. – № 6. – С. 124.

Хупер С. «Новому советскому человеку» случается ошибаться: вместо героических фигур обыкновенные граждане, неуверенно ищущие счастье // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953-1985): сборник статей / под ред. А. Пинского. – СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2018. –С. 39-74.

Шмелев А.К. О речных сейсморазведочных работах в Западно-Сибирской низменности [Электронный ресурс]/А.К. Шмелев // Геология нефти и газа. – 1960. – № 08. – Режим доступа: http://www.geolib.ru/OilGasGeo/1960/08/Stat/stat09.html

Шубина М.Н. О понятии и природе повседневности [Электронный ресурс]/М.Н. Шубина // Известия Уральского государственного

университета. – 2006. – № 42. – С. 55-62. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=11932440

Эскина Н.К. Будни и праздники Усть-Балыкской экспедиции/Н.К. Эскина // Западная Сибирь: история поиска. 1940-1975 годы. Ч.1. – М., 2007. –С. 131-160.

Юськаев Э.Р. «А есть ли нефть?»: геологические изыскания на территории Сургутского района в 1930-е гг./Э.Р. Юськаев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3 (72). – С. 9-14.

Gregory P. Soviet Bureaucratic Behaviour: Khozyaistvenniki and Apparatchiki/ P. Gregory // Soviet Studies. – 1989. – № 4 (Volume 41). – P. 511-522.

Gregory P., Markevich A. Creating Soviet Industry: The House That Stalin Built/ P. Gregory, A. Markevich // Slavic Review. – 2002. – № 4 (Volume 61). – P. 787-814.

Oberländer A. Cushy Work, Backbreaking Leisure: Late Soviet Work Ethics Reconsidered/ A. Oberländer // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2017. – № 3 (Volume 18). – P. 569-590.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Диссертации

1. Жидченко А.В. Повседневная жизнь в новом городском районе: проблемы формирования городской среды, 1950-1960-е гг.: локальный аспект: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02/Жидченко Александр Владимирович. – Омск, 2013. – 249 с.

2. Карпов В.П. Создание и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: 1948-1990 гг.: дис. … докт. ист. наук: 07.00.02/ Карпов Виктор Петрович. – Тюмень, 2006. – 512 с.

3. Комгорт М.В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции: 1920-1960-е гг.: дис. … докт. ист. наук: 07.00.02/Комгорт Марина Валерьевна. – Екатеринбург, 2020. – 408 с.

4. Хромов Е.А. Формирование ведомственных и региональных интересов в нефтегазовом секторе СССР в 1957-1965 гг.: на примере освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02/Хромов Евгений Александрович. – Сургут, 2010. – 256 с.

Авторефераты диссертаций

1. Киселев Л.Е. История промышленного развития советского Красного Севера: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02/ Киселев Леонид Екимович. – М., 1964. – 28 с.

2. Колева Г.Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964-1989 гг.): автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.02/Колева Галина Юрьевна. – Томск, 2007. – 40 с.

3. Меха И.В. Руководство партийных организаций Западной Сибири строительством предприятий нефтепромышленного комплекса 1951-1970 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02/Меха Иван Васильевич. – Омск, 1983. – 22 с.

4. Мишенин С.Е. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по повышению культурно-технического уровня рабочих топливно-энергетических отраслей промышленности 1959-1970 гг.: автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.02/Мишенин Сергей Евгеньевич. – Кемерово, 1987. – 24 с.

5. Некрасов В.Л. Энергетическая политика СССР в 1961-1974 гг.: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02/Некрасов Вячеслав Лазаревич. – Сургут, 2007. – 27 с.

6. Панарин С.М. Создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1961-1975 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02/ Панарин Сергей Михайлович. – Екатеринбург, 1995. – 23 с.

7. Рафикова С.А. Повседневная жизнь сибирских горожан в 1960-е гг.: автореф. дис.… докт. ист. наук: 07.00.02/Рафикова Светлана Анатольевна. – Новосибирск, 2013. – 39 с.

8. Ростовцев Н.Н. Геологическое строение и перспективы нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности: автореф. дис. … докт. геол.- минер. наук: 25.00.12 /Ростовцев Николай Никитич. – Ленинград, 1955. – 90 с.

9. Санников А.Н. Борьба КПСС за создание и развитие нефтегазодобывающей промышленности в Западной Сибири 1951-1970: автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.02/ Санников Аркадий Николаевич. – Воронеж, 1972. – 22 с.

10. Славкина М.В. Влияние отечественного нефтегазового комплекса на модернизационные процессы в СССР-России (1939-2008 гг.): автореф. дис… докт. ист. наук: 07.00.02/Славкина Мария Владимировна. – М., 2012. – 46 с.

11. Стась И.Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е-начало 1990-х гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02/Стась Игорь Николаевич. – Томск, 2014. – 29 с.

12. Стафеев О.Н. Мемуары как источник по истории нефтегазового комплекса Западной Сибири: автореф. дис.…канд. ист. наук: 07.00.09/Стафеев Олег Николаевич – Томск, 2007. – 29 с.

Электронные ресурсы

1. Батищева Г. 65 лет назад в Сургуте высадился первый десант геологоразведчиков [Электронный ресурс] /Г. Батищева. – Режим доступа:

https://stribuna.ru/articles/society/65_let_nazad_v_surgute_vysadilsya_pervyy_desant_geologorazvedchikov/

2. Локосово. История поселения [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lokosovo.ru/o-nas/istoriya-poseleniya.php

3. Локосово. Страницы истории [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ugra.mk.ru/articles/2010/09/29/532745-lokosovo-stranitsyi-istorii.html

4. Людмила Захарова. Чернорабочие обских недр [Электронный ресурс]/Л. Захарова. – Режим доступа: https://siapress.ru/blogs/45686-chernorabochie-obskih-nedr

5. Маслова О. Меня называли фантазером [Электронный ресурс] /О. Маслова. – Режим доступа: https://ugra-news.ru/article/menya-nazyvali-fantazyerom/

6. Прокурор разъясняет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/activity/legal-education/explain?item=78404153

7. Фарман Салманов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://livingheritage.ru/brand/hanty-mansijskij-avtnomnyj-okrug-yugra/farman-salmanov

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Рис. 1. А.И. Гомберг. г. Тюмень. Личный архив автора. 2012 г.

Рис. 2. Н.А. Глух. г. Ханты-Мансийск. Личный архив автора. 2022 г.

Рис. 3. Т.В. Салманова. г. Сургут. Личный архив автора. 2016 г.

Рис. 4. Е.А. Тепляков. г. Тюмень. Личный архив автора. 2024 г.

Рис. 5. В.С. Теплякова. г. Тюмень. Личный архив автора. 2024 г.

Рис. 6. В.Н. Иванов и В.А. Пискулин. г. Сургут. Личный архив автора. 2010 г.

Рис. 7. И.И. Пискулина. г. Сургут. Личный архив автора. 2022 г.

Рис. 8. В.И. Перепелюк и Н.Е. Перепелюк-Кучеров. г. Тюмень. Личный архив автора. 2014 г.

Рис. 9. Б.М Суходолов. г. Тюмень. Личный архив автора. 2015 г.

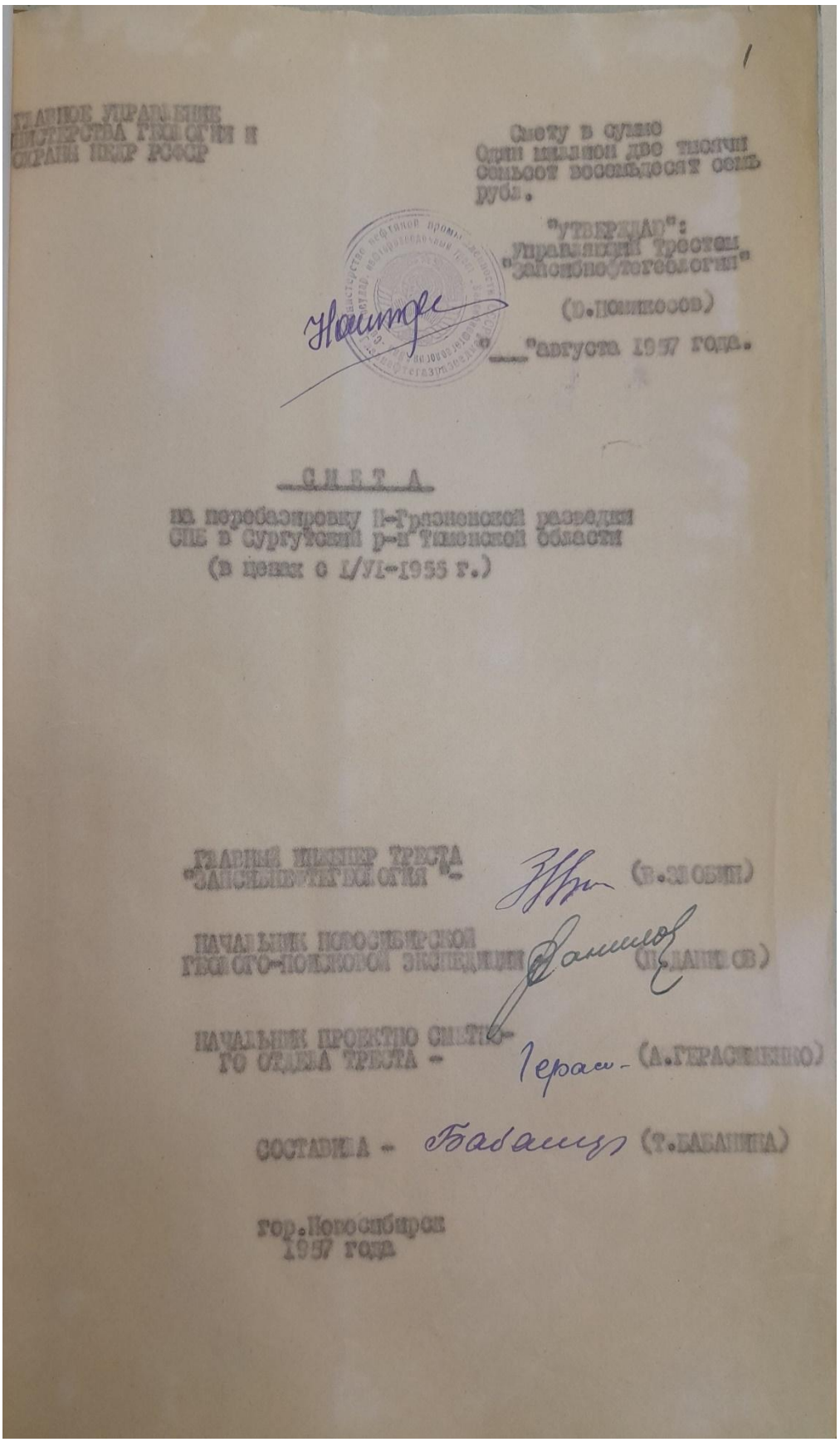
Рис. 10. М.Г. Рыжова, Э.М. Гильманова, Л.И. Халилова в мемориальном комплексе геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова». г. Сургут.
Личный архив автора. 2011 г.

Рис. 11. Ю.Е. Тверетин, Л.И. Халилова, А.Н. Тюрин у памятника Геологоразведчикам Среднего Приобья. г. Сургут.
Личный архив автора. 2020 г.

Рис. 12. Речная сейсморазведка. 70 лет тюменской геологии: служа Отечеству. Т.1. Тюмень, 2018. С. 81.

1

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МИНИСТЕРСТВА ГЕОЛОГИИ И
ОХРАНЫ НЕДР РСФСР

Смету в сумме
Один миллион две тысячи
семьсот восемьдесят семь
рубл.

"УТВЕРЖДАЮ":
Управляющий Трестом
"Западнефтегеология"
(О.Поликсов)
"___"августа 1957 года.

СМЕТА

на перебазировку II-Трехозерной разведки
СПЕ в Сургутский р-н Тюменской области
(в ценах с I/VI-1955 г.)

Главный инженер треста
"Западнефтегеология" (В.ЗЕЛОБИН)

Начальник Новосибирской
геолого-поисковой экспедиции (П.ДАНИЛОВ)

Начальник проектно сметно-
го отдела треста - (А.ГЕРАСИМЕНКО)

Составила - (Т.БАБАНИНА)

гор.Новосибирск
1957 года

Рис. 13. Титульный лист сметы на перебазировку в Сургут.
Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Д. 12. Л. 1.

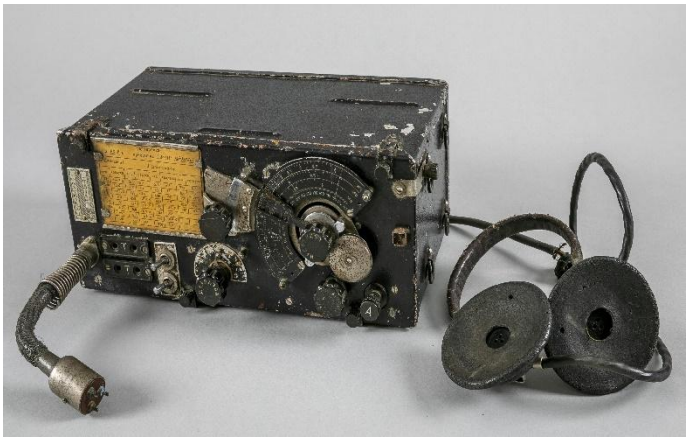
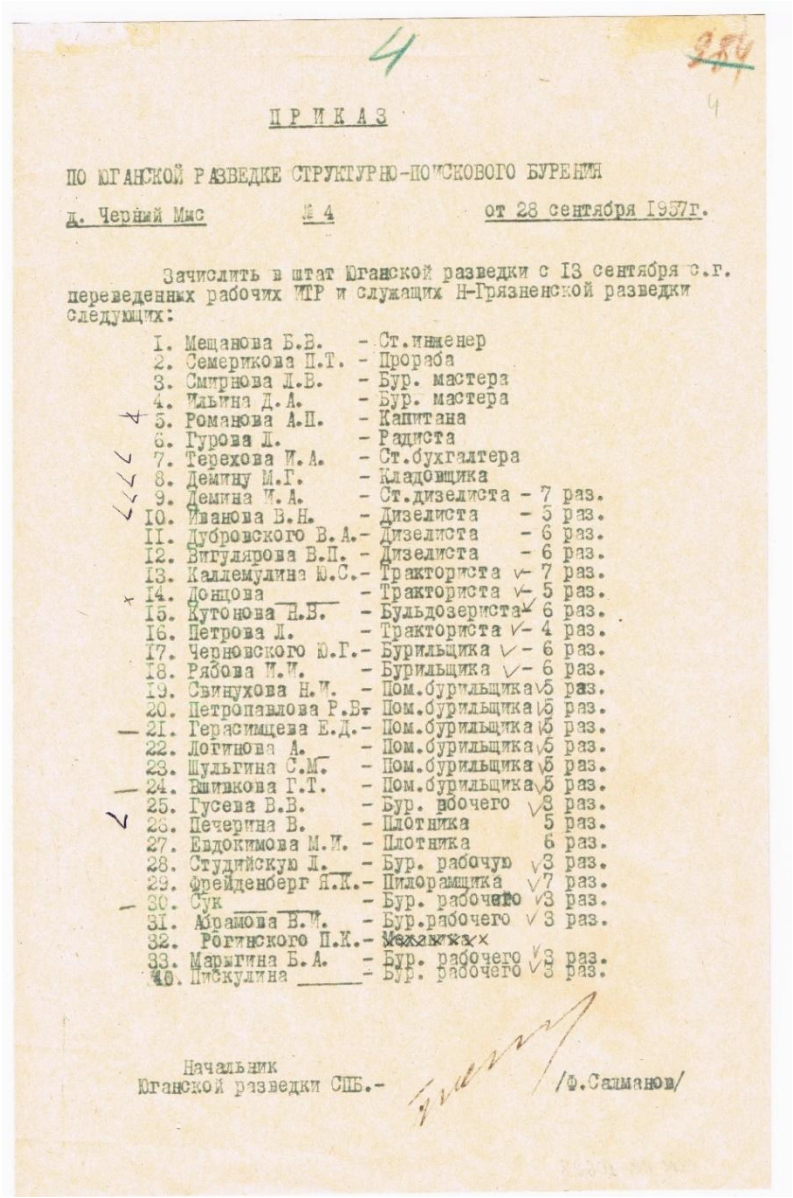

Рис. 14. Рация типа 'ПР-4П' № 4332261. Радиоприёмник.
Сургутский краеведческий музей. КП-8949.

ПРИКАЗ

ПО ЮГАНСКОЙ РАЗВЕДКЕ СТРУКТУРНО-ПОИСКОВОГО БУРЕНИЯ

д. Черный Мыс № 4 от 28 сентября 1957г.

Зачислить в штат Юганской разведки с 13 сентября с.г. переведенных рабочих ИТР и служащих Н-Грязненской разведки следующих:

1. Мещанова Б.В. - Ст.инженер
2. Семерикова П.Т. - Прораба
3. Смирнова Л.В. - Бур. мастера
4. Ильина Д.А. - Бур. мастера
5. Романова А.П. - Капитана
6. Гурова Л. - Радиста
7. Терехова И.А. - Ст.бухгалтера
8. Демину М.Г. - Кладовщика
9. Демина И.А. - Ст.дизелиста - 7 раз.
10. Иванова В.Н. - Дизелиста - 5 раз.
11. Дубровского В.А. - Дизелиста - 6 раз.
12. Вигулярова В.П. - Дизелиста - 6 раз.
13. Каллемулина Ю.С. - Тракториста - 7 раз.
14. Донцова _____ - Тракториста - 5 раз.
15. Кутонова Н.В. - Бульдозериста - 6 раз.
16. Петрова Л. - Тракториста - 4 раз.
17. Черновского Ю.Г. - Бурильщика - 6 раз.
18. Рябова И.И. - Бурильщика - 6 раз.
19. Свинухова Н.И. - Пом.бурильщика 5 раз.
20. Петропавлова Р.В. - Пом.бурильщика 5 раз.
21. Герасимцева Е.Д. - Пом.бурильщика 5 раз.
22. Логинова А. - Пом.бурильщика 5 раз.
23. Шульгина С.М. - Пом.бурильщика 5 раз.
24. Вшивкова Г.Т. - Пом.бурильщика 5 раз.
25. Гусева В.В. - Бур. рабочего 8 раз.
26. Печерина В. - Плотника 5 раз.
27. Евдокимова М.И. - Плотника 6 раз.
28. Студийскую Л. - Бур. рабочую 3 раз.
29. Фрейденберг Я.К. - Пилорамщика 7 раз.
30. Сук _____ - Бур. рабочего 3 раз.
31. Абрамова В.И. - Бур.рабочего 3 раз.
32. Рогинского П.К. - ~~Механика~~
33. Мазыгина Б.А. - Бур. рабочего 8 раз.
40. Пискулина _____ - Бур. рабочего 8 раз.

Начальник
Юганской разведки СПБ.- /Ф.Сашанов/

Рис. 15. Приказ по Юганской разведке структурно-поискового бурения. 28.09.1957.
Копия. Сургутский краеведческий музей. НВ-10628.

Рис. 16. Дом Ф.К. Салманова - объект культурного наследия.
Фотофонд Сургутского краеведческого музея. А.В. Заика. 2017 г.

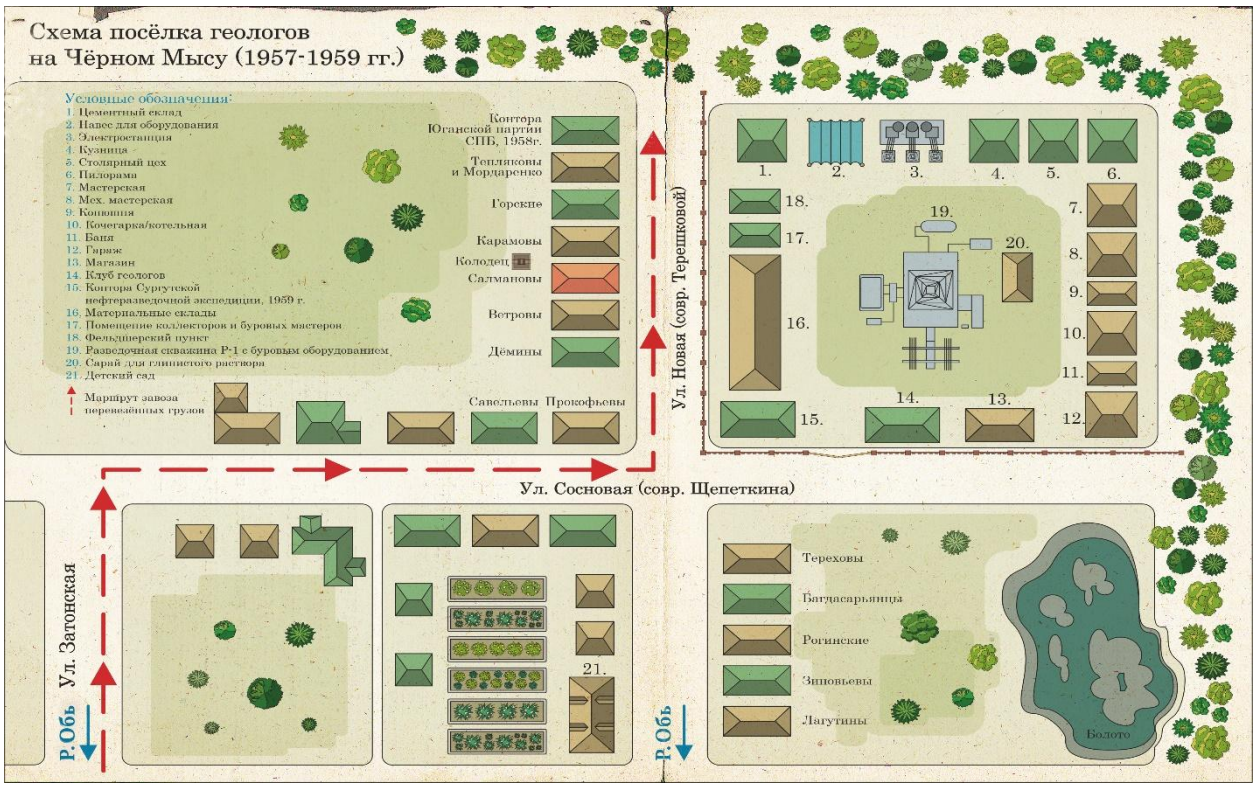

Рис. 17. Схема поселка геологов. Сост.: В.В. Рашевский. Дизайн: П.С. Санников. 2023 г.

Рис. 18. Артезианский фонтан с первой глубокой скважины Сургута Р-1. 1960 г. Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 19. Поселок Черный Мыс, снизу первый поселок геологов и контора СНРЭ. 1959 г. Сургутский краеведческий музей. НВ-1696.

Рис. 20. Заведующая магазином А.К. Гришкина за прилавком магазина №1 «Гастроном». 1960-е гг. Сургутский краеведческий музей. НВ-4291.

Рис. 21. Работники СНРЭ за праздничным столом. В центре малыш Стас Гончаров. Фото из личного архива С.В. Гончарова. 1963 г.

Рис. 22. Полевая печь на базе партии. Фото из личного архива А.И. Гомберга. 1950-е гг.

Рис. 23. Стоянка отряда близ деревни. Фото из личного архива А.И. Гомберга. Начало 1960-х гг.

Рис. 24. Полевая кухня. Музейно-выставочный центр г. Когалыма.
Личный архив автора. 2021 г.

Рис. 25. Доставка техники и оборудования для геологов. 1962 г.
Геологи Среднего Приобья: 65 лет пути лет. Сургут, Тюмень, 2023. С. 47.

Рис. 26. Олений воз. Фото из личного архива А.И. Гомберга. Конец 1950-х гг.

Рис. 27. Магнитометр М-18 и Гравиметр наземный узко диапазонный с кварцевой системой ГНУ-2. Выставка «Путь героев», посвященная 75-летию тюменской геологии. Музейный комплекс им. И.Я. Словцова, г. Тюмень. Личный архив автора. 2023 г.

Рис. 28. Атрибуты геологоразведчика (болотники, накомарник, компас, планшет, молоток). Выставка «Путь героев», посвященная 75-летию тюменской геологии. Музейный комплекс им. И.Я. Словцова, г. Тюмень. Личный архив автора. 2023 г.

Рис. 29. Вертолет Ми-4 разгружает речную самоходку. 1960-е гг. Архив Л. Шадриной. – URL: https://остяко-вогульск.рф/2020/10/21/iz-semejnogo-arhiva-lidii-shadrinoj/?ysclid=mgwhrt74ti457195669 (дата обращения 16.11.2020).

Рис. 30. Катер Костромич. Фото из личного архива А.Н. Тюрина. 1960-1970-е гг.

Рис. 31. Трактор С-80. 1960-е гг. Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 32. Гусеничный транспортер-тягач.
Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова», г. Сургут.
Фотофонд Сургутского краеведческого музея. А.В. Заика. 2009 г.

Рис. 33. Проходка ручным бурением. С.А. Брандис. 1940-1950-е гг.
Сургутский краеведческий музей. НВ-8510.

Рис. 34. Л.Е. Каденкова (2 справа) у буровой вышки в деревянном исполнении. Фото из личного архива семьи Каденковых. 1950-е гг.

Рис. 35. Тракторный караван. 1960-е гг. – URL: https://остяко-вогульск.рф/2019/03/12/geologi-rabotyagi-kopateli-hodoki/ (дата обращения 15.11.2020).

Рис. 36. Е.А. Тепляков у станка КАМ-500. Фото из личного архива Е.А. Теплякова. Конец 1950-х гг.

Рис. 37. Экспозиция «История бурового дела». В нижней части шарошечные долота. Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова», г. Сургут. Личный архив автора. 2019 г.

Рис. 38. Вертолет Ми-1 прибыл в бригаду В.П. Лагутина. 1960-е гг.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 39. Ми-4 завоз груза для Вахской нефтеразведки.1960-е гг.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 40. Геофизик Г.Г. Шаталов у самолета АН-2В. 1960-е гг.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 41. Работники Александровской нефтеразведки. 1950-е гг.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 42. Летняя одежда геологоразведчика. Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова», г. Сургут. Личный архив автора. 2024 г.

Рис. 43. Одежда работника геологии. Музейно-выставочный центр г. Когалыма. Личный архив автора. 2021 г.

Рис. 44. Геофизики в специальной одежде. п. Берёзово. 1950-е гг.
Музей геологии нефти и газа, г. Ханты-Мансийск. НВ-142.

Рис. 45. Геолог и сибирский гнус. 1960-е гг. Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 46. И.Ф. Волков (слева) с коллегами на буровой.
Фото из личного архива И.Ф. Волкова. 1960-е гг.

Рис. 47. Передовики СНРЭ. 1965 г.
Геологи Среднего Приобья: 65 лет пути лет. Сургут, Тюмень, 2023. С. 55.

Рис. 48. Работницы СНРЭ. 1960-е гг. Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 49. Слет женщин передовиков СНРЭ в сургутском клубе Рыбников. 1961 г. Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 50. Женщины-геологи СНРЭ. Н.И. Гончарова в центре с сыном Станиславом.
Фото из личного архив С.В. Гончарова. 1963 г.

Рис. 51. Стоянка геологов у водоема. 1960-е гг.
Сургутский краеведческий музей. КП-721_1

Рис. 52. Лагерь полевых работников. Березовский район.
Фото из личного архива А.И. Гомберга. 1950-е гг.

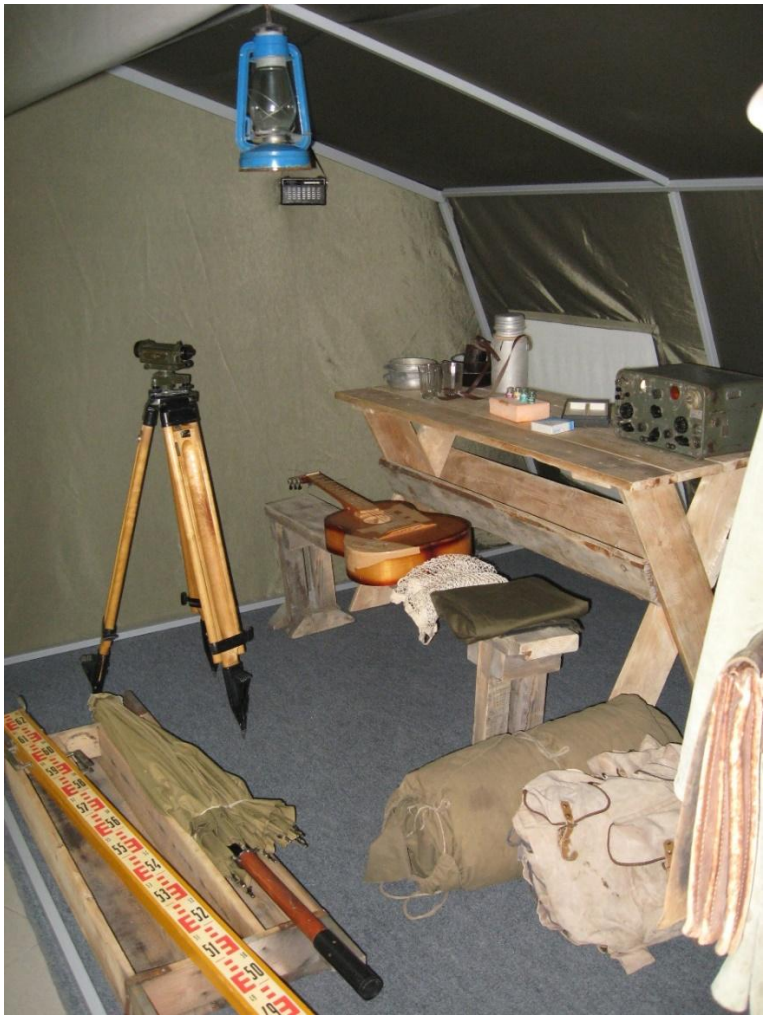

Рис. 53. Инсталляция внутреннего убранства палатки 1960-х гг.
Музей геологии нефти и газа, г. Ханты-Мансийск. Личный архив автора. 2018 г.

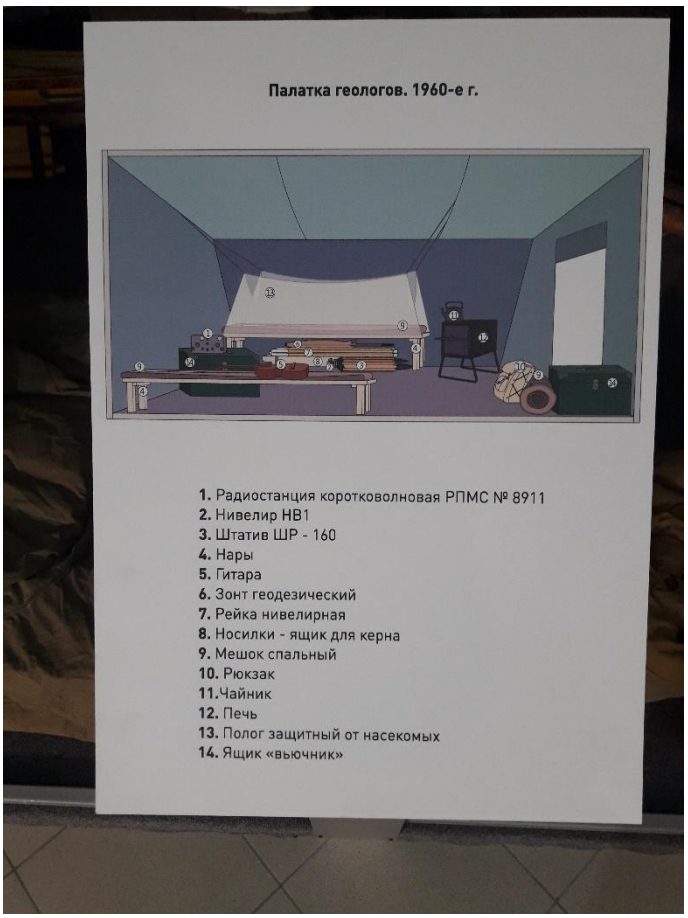

Рис. 54. Оснащение геологической палатки. Экспозиция Музея геологии нефти и газа, г. Ханты-Мансийск. Личный архив автора. 2018 г.

Рис. 55. Барак разведчиков при обустройстве Западно-Сургутского месторождения. Из личного архива В.А. Пискулина. 1962 г.

Рис. 56. Брандвахта.1960 г. Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 57. Вагончики на буровой. Фото из личного архива С.Ш. Сабахутдинова. 1960-е гг.

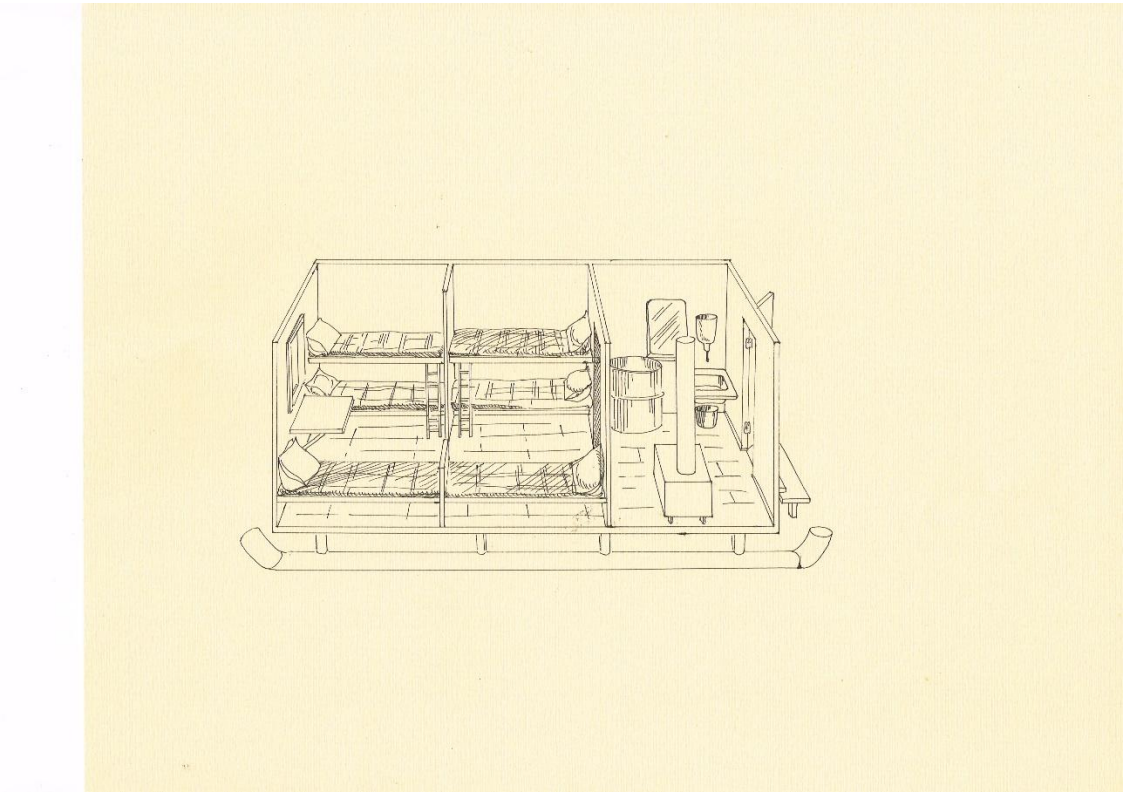

Рис. 58. Схема убранства жилого вагончика, представленного во внешней экспозиции мемориального комплекса геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова». Дизайн: А.В. Черномырдина.

Рис. 59. Вагончик-балок геофизического отряда (сейсмика). Фото из личного архива Т.В. Салмановой. 1960-е гг.

Рис. 60. Перевозка вагончика-балка сейсмотряда. 1960-е гг.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 61. Поселок первых геологов. В центре – Дом Ф.К. Салманова. Конец 1950-х гг.
Сургутский краеведческий музей. НВ-2555.

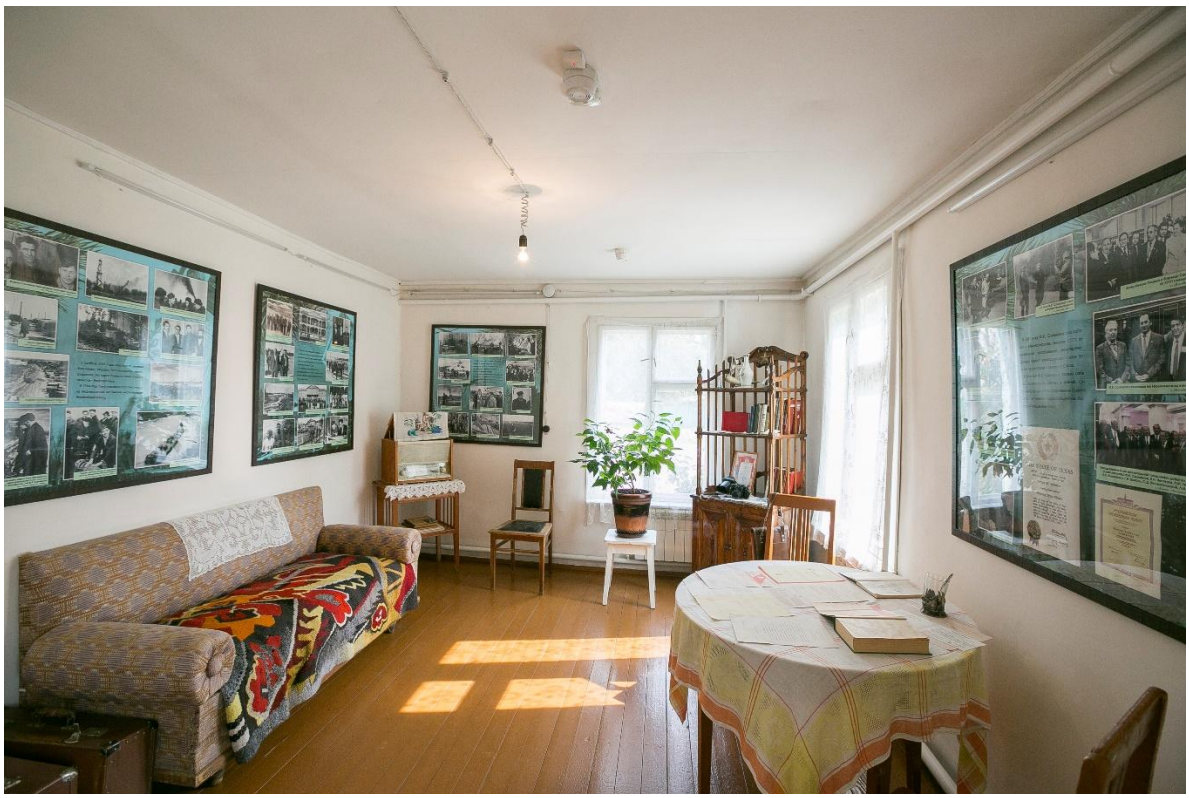

Рис. 62. Зал. Мемориальная экспозиция «Дом Ф.К. Салманова», г. Сургут.
Личный архив автора. 2019 г.

Рис. 63. Кухня. Мемориальная экспозиция «Дом Ф.К. Салманова», г. Сургут.
Личный архив автора. 2019 г.

Рис. 64. Спальня. Мемориальная экспозиция «Дом Ф.К. Салманова», г. Сургут. Личный архив автора. 2019 г.

Рис. 65. П.И. Чикина у своего дома в Сургуте. 1960-е гг. Сургутский краеведческий музей. КП-11894.

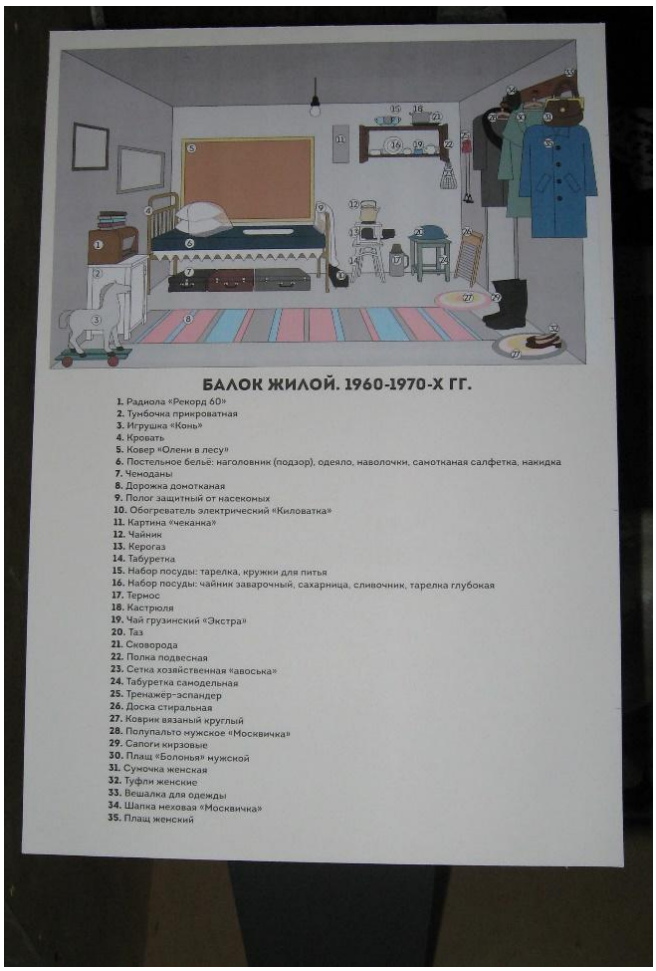

Рис. 66. Наполнение жилого балка геологов. Музей геологии нефти и газа, г. Ханты-Мансийск. Личный архив автора. 2018 г.

Рис. 67. Внутреннее убранства балка геологов. Музей геологии нефти и газа, г. Ханты-Мансийск. Личный архив автора. 2018 г.

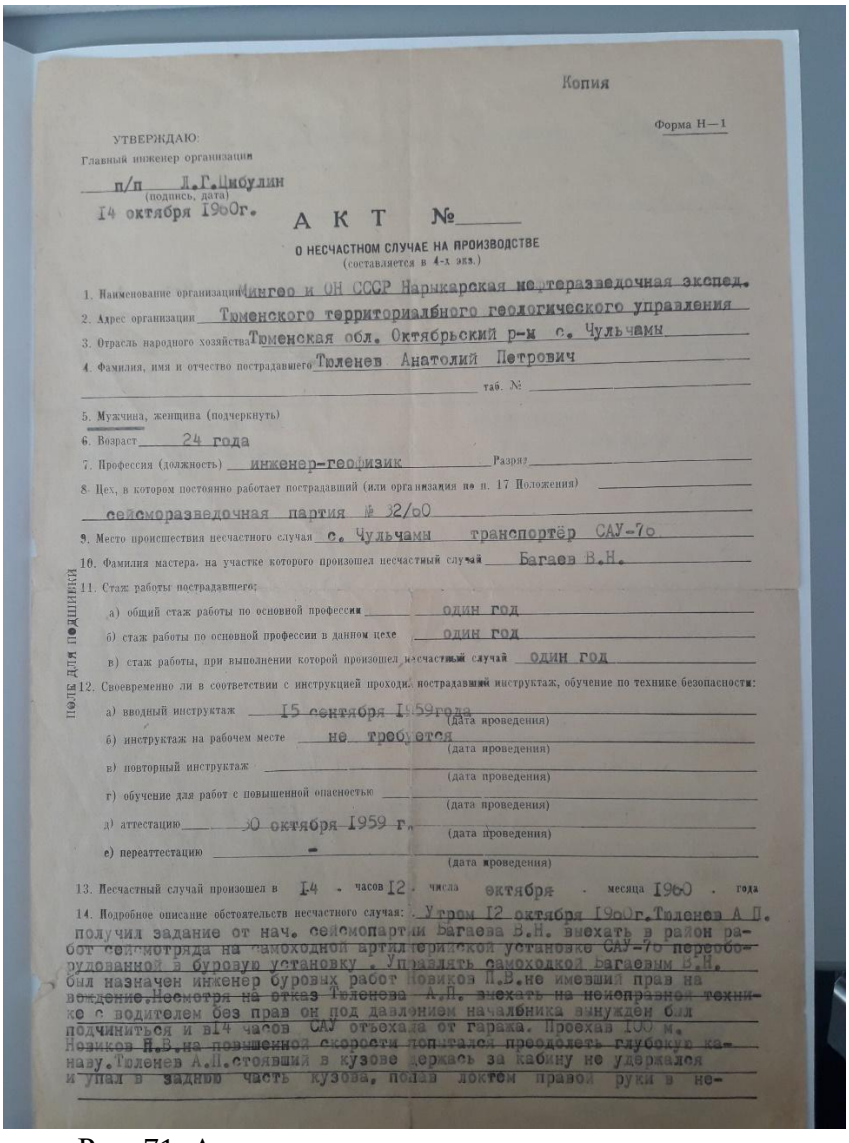
Рис. 68. Внутреннее убранства балка геологов. Музей геологии нефти и газа, г. Ханты-Мансийск. Личный архив автора. 2018 г.

Рис. 69. Первые двухэтажные дома в микрорайоне «Геолог». 1960-е гг. Фото А.Ф. Мясникова. Сургутский краеведческий музей. КП-750_1.

Рис. 70. Усть-Балык. Фото из личного архива А.А. Кима. Начало 1960-х гг.

Копия

Форма Н—1

УТВЕРЖДАЮ:
Главный инженер организации
п/п Л.Г.Цибулин
(подпись, дата)
I4 октября 1960г.

А К Т №_____

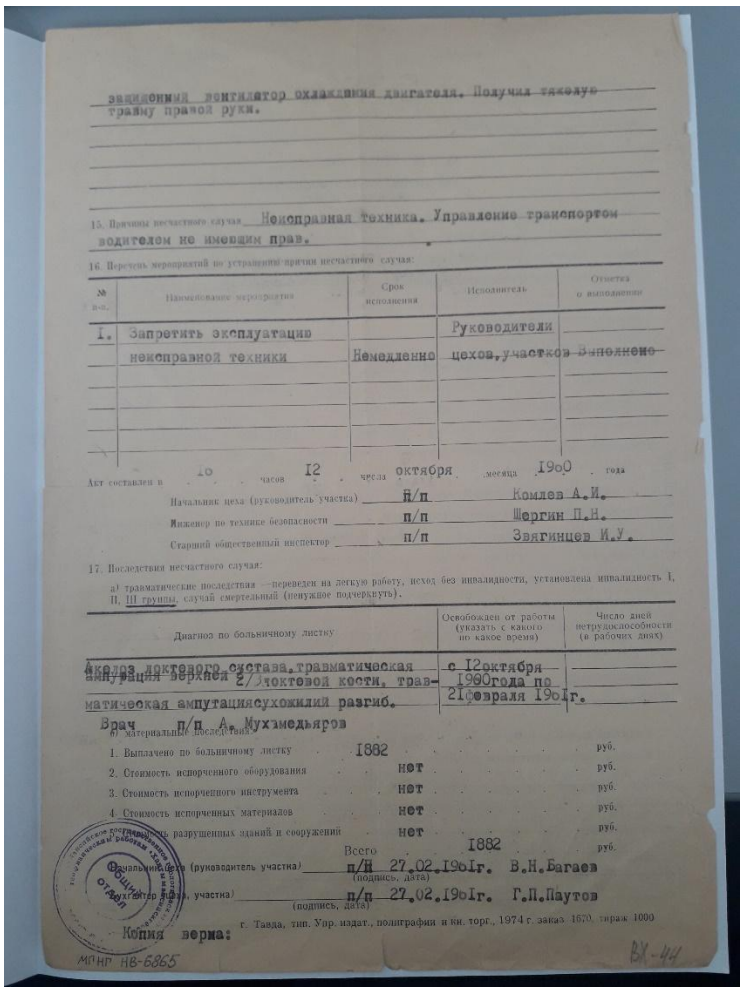
О НЕСЧАСТНОМ СЛУЧАЕ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

(составляется в 4-х экз.)

1. Наименование организации Ингео и ОН СССР Нарьянская нефтеразведочная экспед.
2. Адрес организации Тюменского территориального геологического управления
3. Отрасль народного хозяйства Тюменская обл. Октябрьский р-м с. Чульчамы
4. Фамилия, имя и отчество пострадавшего Тюленев Анатолий Петрович
таб. №
5. Мужчина, женщина (подчеркнуть)
6. Возраст 24 года
7. Профессия (должность) инженер-геофизик Разряд
8. Цех, в котором постоянно работает пострадавший (или организация по п. 17 Положения)
сейсморазведочная партия № 32/60
9. Место происшествия несчастного случая с. Чульчамы транспортёр САУ-7о
10. Фамилия мастера, на участке которого произошел несчастный случай Багаев В.Н.
11. Стаж работы пострадавшего:
а) общий стаж работы по основной профессии один год
б) стаж работы по основной профессии в данном цехе один год
в) стаж работы, при выполнении которой произошел несчастный случай один год
12. Своевременно ли в соответствии с инструкцией проходил пострадавший инструктаж, обучение по технике безопасности:
а) вводный инструктаж 15 сентября 1959года (дата проведения)
б) инструктаж на рабочем месте не требуется (дата проведения)
в) повторный инструктаж (дата проведения)
г) обучение для работ с повышенной опасностью (дата проведения)
д) аттестацию 30 октября 1959 г. (дата проведения)
е) переаттестацию – (дата проведения)
13. Несчастный случай произошел в I4 часов I2 числа октября месяца I960 года
14. Подробное описание обстоятельств несчастного случая: Утром I2 октября I960г.Тюленев А.П. получил задание от нач. сейсмопартии Багаева В.Н. выехать в район работ сейсмотряда на самоходной артиллерийской установке САУ-7о переоборудованной в буровую установку. Управлять самоходкой Багаевым В.Н. был назначен инженер буровых работ Новиков П.В.не имевший прав на вождение.Несмотря на отказ Тюленева А.П. выехать на неисправной технике с водителем без прав он под давлением начальника вынужден был подчиниться и в I4 часов САУ отъехала от гаража. Проехав I00 м. Новиков П.В.на повышенной скорости попытался преодолеть глубокую канаву.Тюленев А.П.стоявший в кузове держась за кабину не удержался и упал в заднюю часть кузова, ударив локтем правой руки в не-

ПОЛЬ ДЛЯ ПОДШИВКИ

Рис. 71. Акт о несчастном случае на производстве.
Музей геологии нефти и газа, г. Ханты-Мансийск. НВ-6865_1.

эвдиенный вентилятор охлаждения двигателя. Получил тяжелую травму правой руки.

15. Причины несчастного случая: Неисправная техника. Управление транспортом водителем не имеющим прав.

16. Перечень мероприятий по устранению причин несчастного случая:

№ п/п	Наименование мероприятия	Срок исполнения	Исполнитель	Отметка о выполнении
1.	Запретить эксплуатацию неисправной техники	Немедленно	Руководители цехов, участков	Выполнено

Акт составлен в 10 часов 12 числа октября месяца 1960 года

Начальник цеха (руководитель участка) п/п Комлев А.И.

Инженер по технике безопасности п/п Щергин П.Н.

Старший общественный инспектор п/п Звягинцев И.У.

17. Последствия несчастного случая:

а) травматические последствия — переведен на легкую работу, исход без инвалидности, установлена инвалидность I, II, III группы, случай смертельный (ненужное подчеркнуть).

Диагноз по больничному листу	Освобожден от работы (указать с какого по какое время)	Число дней нетрудоспособности (в рабочих днях)
Акклюз дистального отдела, травматическая ампутация верхней 2/3 локтевой кости, травматическая ампутация сухожилий разгиб.	с 12 октября 1960 года по 21 февраля 1961 г.	

Врач п/п А. Мухамедьяров

б) материальные последствия:

1. Выплачено по больничному листу	1882	руб.
2. Стоимость испорченного оборудования	нет	руб.
3. Стоимость испорченного инструмента	нет	руб.
4. Стоимость испорченных материалов	нет	руб.
5. Стоимость разрушенных зданий и сооружений	нет	руб.
Всего	1882	руб.

Начальник цеха (руководитель участка) п/п 27.02.1961г. В.Н.Багаев (подпись, дата)

Бухгалтер (нач. участка) п/п 27.02.1961г. Г.П.Паутов (подпись, дата)

г. Тында, тип. Упр. издат., полиграфия и кн. торг., 1974 г. заказ 1670, тираж 1000

Копия верна:

МОНГ НВ-6865

ВХ-44

Рис. 72. Акт о несчастном случае на производстве.
Музей геологии нефти и газа, г. Ханты-Мансийск. НВ-6865_2.

Рис. 73. Настил временной переправы из бревен. 1960 г.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 74. «Подтопленный» трактор. Фото из личного архива Е.А. Теплякова. 1960-е гг.

Рис. 75. Таёжный профиль. Фото из личного архива А.И. Гомберга. 1952 г.

Рис. 76. А.И. Гомберг с теодолитом. Фото из личного архива А.И. Гомберга. 1950-е гг.

Рис. 77. Работа зимой. Фото из личного архива А.И. Гомберга. 1950-е гг.

Рис. 78. Работник геодезической партии на маршруте.
Фото из личного архива А.И. Гомберга. 1950-е гг.

Рис. 79. Работники геофизической партии.
Фото из личного архива А.И. Гомберга. 1950-е гг.

Рис. 80. Геодезический отряд на маршруте.
Фото из личного архива А.И. Гомберга. 1950-е гг.

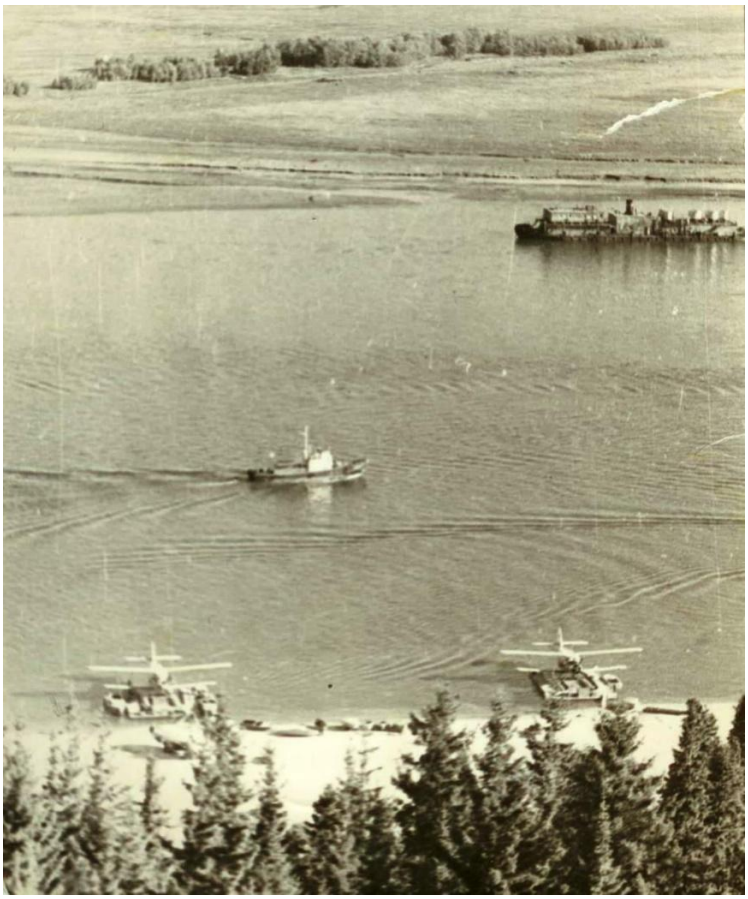

Рис. 81. Гидропорт на р. Иртыш. г. Ханты-Мансийск.
Фото из личного архива А.Н. Задоенко. 1960-е гг.

Рис. 82. А.И. Гомберг за управлением «зимним транспортом» геофизиков. Фото из личного архива А.И. Гомберга. 1950-е гг.

Рис. 83. Проведение сейсморабот. Фото из личного архива А.И. Гомберга. 1950-е гг.

Рис. 84. Геофизическая партия на стоянке. 1960-е гг.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

В Мегионской нефтеразведочной экспедиции заканчивается бурение скважины № 1 на новой Мыхпайской структуре.

НА СНИМКЕ: (слева направо): начальник вышкомонтажного цеха В. С. Васякин, главный геолог М. Ф. Синюткин, инженер-топограф А. Д. Бондарь, главный инженер В. К. Кардиалик у первоначальной отметки скважины № 1.

Рис. 85. Отбивка точки // Тюменский геолог. 11 ноября 1965. № 45 (71). С 2.

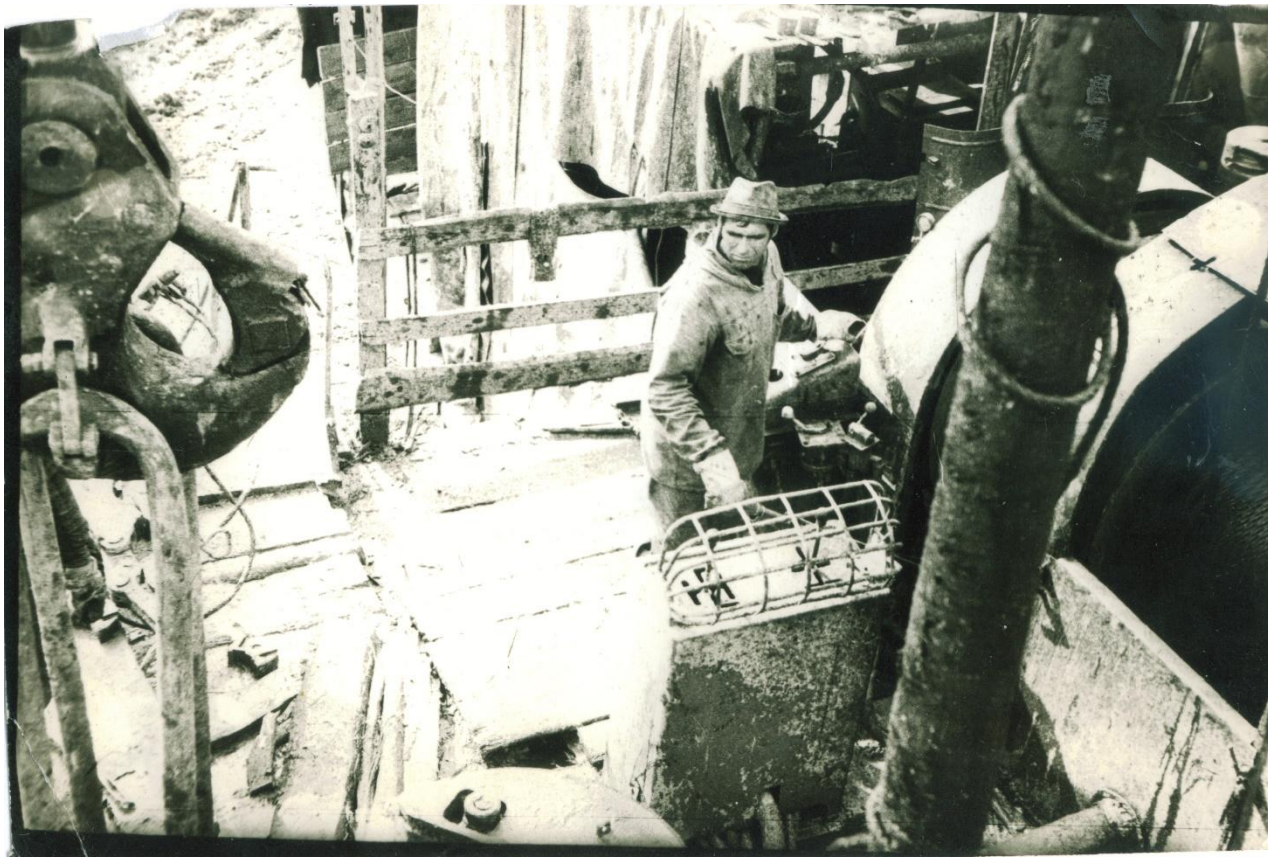

Рис. 86. Буровой мастер Юрий Лазаренко за пультом бурильщика. 1960-е гг.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 87. Рабочий процесс буровой бригады. 1960-е гг.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 88. Е.П. Малых с дочерью на заготовке дров. с. Сургут. 1958 г.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

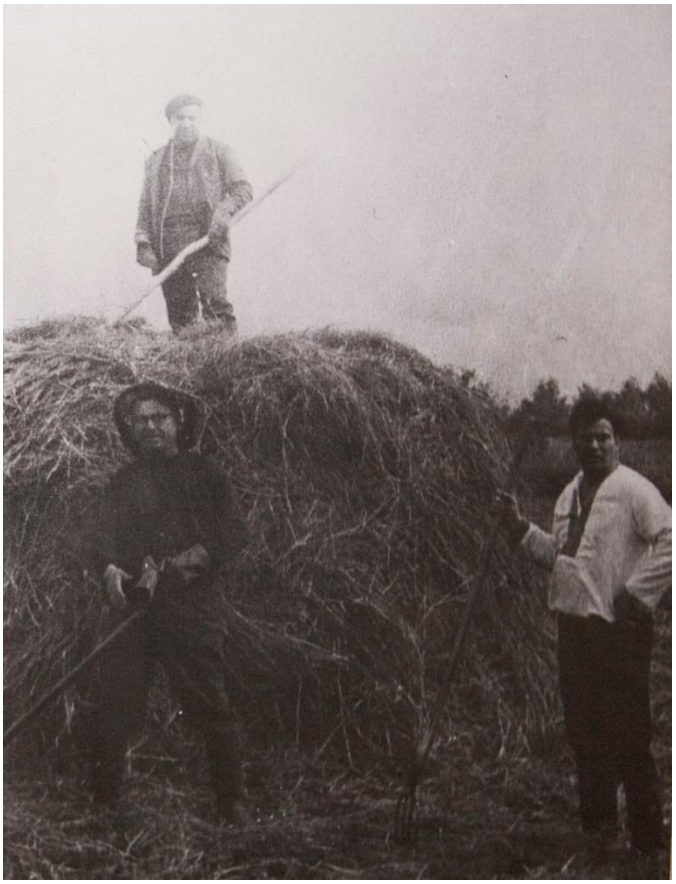

Рис. 89. На уборке сена. Снизу Н.И. Чабан и Н.Е. Перепелюк-Кучеров.
Фото из личного архива Н.Е. Перепелюка-Кучерова. 1960-е гг.

Рис. 90. Е.А. Тепляков на вывозе сена.
Фото из личного архива Е.А. Теплякова. 1960-е гг.

Рис. 91. Рейсовый автобус у средней школы №1 в Сургуте (будущий Дом пионеров). А.Ф. Мясников. 1960-е гг. Сургутский краеведческий музей. НВ-18-23_1.

Рис. 92. Клуб Сургутской нефтеразведочной экспедиции. 1960-е гг.
Архив ОО «Ветераны геологии г. Сургута».

Рис. 93. Сургутский дом культуры. Сургутский краеведческий музей. НВ-10173_1.

Рис. 94. Ф.Н. Людофун на шахматном турнире.
Фото из личного архива М.Г. Рыжовой. 1960-е гг.

Рис. 95. Игра в волейбол у буровой // 70 лет тюменской геологии: служа Отечеству. Т. 2. Тюмень, 2019. С 175.

Рис. 96. Игра в хоккей близ буровой.
Фото из личного архива Н.Е. Перепелюка-Кучерова. 1960-е гг.

Рис. 97. Сотрудники Ханты-Мансийского геофизического треста на лыжной прогулке. 1965 г. Архив Л. Шадриной. – URL: https://остяко-вогульск.рф/2020/10/21/iz-semejnogo-arhiva-lidii-shadrinoj/?ysclid=mgwhrt74ti457195669 (дата обращения 16.11.2020).

Рис. 98. Футбольный матч «Геолога» (Горноправдинск) в Ханты-Мансийские.
Фото из личного архива Б.М. Суходолова. 1960-е гг.

Рис. 99. Футбольный матч в Сургуте.
Фото из личного архива Е.В. Бахиловой. 1960-е гг.

Рис. 100. Соревнования по волейболу на сургутском стадионе. Сургутский краеведческий музей. НВ-14/57.

Рис. 101. Сургутянин на тренировке. Фото из личного архива А.А. Федулова. 1960-е гг.

Рис. 102. А.Н. Задоенко на соревнованиях по легкой атлетике.
Музей геологии нефти и газа, г. Ханты-Мансийск. НВ-9016.

Рис. 103. Команда Мегионской нефтеразведочной экспедиции по баскетболу.
Фото из личного архива В.А. Федотова. 1960-е гг.

Рис. 104. Ф.Н. Людофун с добычей. Личный архив М.Г. Рыжовой. 1960-е гг.

Рис. 105. Геологи варят уху на отдыхе. 1960-1970-е гг.
Сургутский краеведческий музей. НВ-7041.

Рис. 106. Рыбалка в минуты рабочего перерыва.
Фото из личного архива С.Ш. Сабахутдинова. 1960-е гг.

Приложение Б

Таблица 1. – Штатное расписание административно-управленческого и производственно-цехового персонала Сургутской нефтеразведочной экспедиции[848]

Наименование должности	Месячный фонд зарплаты
Административно-управленческий персонал	
Начальник разведки	2750
Старший инженер – заместитель начальника	2640
Старший геолог – заместитель начальника	2990
Старший инженер механик	1800
Техник по технике безопасности	1210
Инженер по труду	2040
Заместитель начальника по АХЧ	1400
Старший бухгалтер	1573
Бухгалтер по расчетам	700
Бухгалтер материалов	750
Счетовод-кассир	620

[848] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 13. Л. 281-283.

Инспектор по кадрам	600
Секретарь-машинистка	806
Заведующий хозяйством	790
Заведующий складами	869
Уборщица истопник	360
Сторожа (3)	360
Производственно-цеховой персонал	
Буровой мастер	2000
Техник по бурению	1320
Техник-геолог	1100
Лаборант	1170
Нормировщик	1210
Техник-прораб	1200
Радиотехник	1100
Заведующий полевой мехмастерской	1320
Инженер-механик транспорта и флота	2800
Производственно-цеховой персонал Пимского бурового участка	
Начальник участка	2730
Механик участка	2440
Нормировщик	1000
Радиотехник	900
Техник по учету	1100
Счетовод-кассир	620
Уборщица	360
Производственно-цеховой персонал Нижне-Мысовского бурового участка	
Начальник участка	2730
Инженер по технологии бурения	1834
Механик участка	1716
Нормировщик	1100
Буровой мастер	2200
Техник-геолог	1100
Коллектор	1209
Коллектор	1767
Радиотехник	900
Техник по учету	1100
Счетовод-кассир	550
Уборщица	360
Производственно-цеховой персонал Юганского бурового участка	
Начальник участка	2730
Инженер-геолог	1793
Коллектор	1116
Коллектор	930
Коллектор	1023
Коллектор	930
Механик участка	1872
Нормировщик	1560
Буровой мастер	2080
Буровой мастер	1600
Буровой мастер	2080

Техник по учету	1210
Счетовод кассир	550
Уборщица	360
Медицинский персонал	
Фельдшер Юганского участка	675
Фельдшер Пимского участка	600

Таблица 2. – Национальный состав работников Сургутской нефтеразведочной экспедиции на 31.12.1958[849]

Национальность	**Количество работающих**
Русский	323
Хакас	2
Белорус	5
Татарин	5
Армянин	1
Немец	3
Украинец	19
Молдованин	3
Латыш	2
Мордвин	5
Полька	1
Зырянин	1
Даргинец	1
Чуваш	3
Остяк	1
Румын	2
Эстонка	1
Азербайджанец	1
Хант	1
Удмурт	1
Лезгин	1

Таблица 3. – Общее количество работающих в Сургутской нефтеразведочной экспедиции на 01.01.1961 [850]

наименование	Всего работающих	Из них ИТР	высшее	среднее	практики	рабочие	служащие	МОП
Аппарат управления и детский сад	47	23	13	5	5	1	18	55
Сургутский участок глубокого	66	13	4	6	3	50	3	-

[849] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 26. Л. 300-314.

[850] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 91. Л. 37-38.

бурения								
Материально-техническая транспортная база	169	8	-	6	2	153	8	-
Строительный участок	66	4	-	2	2	60	2	-
Юганский участок глубокого бурения	55	10	3	4	3	43	2	-
Пимский буровой участок	54	12	1	9	2	41	1	
Нижне-Мысовской участок	58	7	1	3	3	49	2	
Нижне-Вартоская партия	174	24	5	10	9	140	7	33
Охтеурская партия	60	11	3	5	3	46	3	
Северо-сургутская сейсмическая партия	63	10	3	4	3	50	3	
Угутская сейсмическая партия	68	13	3	6	4	53	2	
Аганская сейсмическая партия	46	12	4	7	1	32	2	
Покурская сейсмическая партия	72	12	2	7	3	57	3	
Сабунская сейсмическая партия	31	16	1	8	7	13	2	
Средне-Обская промыслво-геофизическая партия	5	5	-	4	1	-	-	
Всего	1034	180	43	86	51	788	58	8

Таблица 4. – Штатное расписание административно-управленческого персонала на 1962 год[851]

Наименование должности	Количество единиц	Заработная плата
Начальник экспедиции	1	377
Главный инженер – заместитель	1	338
Главный геолог	1	338
Главный геофизик	1	338
Главный механик	1	273
Заместитель начальника	1	299
Начальник производственного отдела	1	273
Старший инженер	5	975
Инженер	2	299
Начальник планово-финансового отдела	1	208
Старший инженер экономист	2	351
Начальник отдела труда и зарплаты	1	208
Инженер связи	1	123-50
Радиооператор	4	416
Техник	3	351
Главный бухгалтер	1	221
Зам главного бухгалтера	1	175-50
Бухгалтер-ревизор	1	104
Старший бухгалтер	2	208
бухгалтер	2	182
Кассир-инкассатор	1	91
Старший инспектор по кадрам	1	136-50
Инспектор по фондам и спец работе	1	104
Инспектор по кадрам	1	104
Заведующий хозяйством - комендант	1	91
Делопроизводитель-машинистка	1	78
машинистка	1	71-50
телефонистка	1	58-50
Уборщица-истопник	1	58-50
Шофер легковой машины	1	75-40

Таблица 5. – Штатное расписание административно-управленческого персонала 1964 г[852].

[851] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 123. Л. 88-89.

Наименование должности	Количество единиц	Заработная плата
Начальник экспедиции	1	435
Главный инженер – заместитель	1	390
Главный геолог	1	390
Зам начальника экспедиции	1	330
Зам главного инженера по охране труда и технике безопасности	1	300
Старший инженер по капстсроительству	1	180
Производственно-технический отдел		
Начальник отдела	1	315
Старший инженер	1	255
Инженер	1	187-50
Техник	1	135
Производственный отдел		
Начальник отдела	1	315
Старщий инженер	2	510
Старщий инженер	1	225
Техник	1	135
Отдел главного механика		
Главный механик	1	315
Старший механик	1	210
Механик	1	187-50
Техник	1	135
Геологический отдел		
Начальник отдела	1	300
Старший геолог	1	240
Техник	1	135
Отдел технического снабжения		
Начальник отдела	1	225
Старший инженер	1	202-50
Инженер	1	165
Техник	1	135
Заведующий центральными складами	1	57-50
Заведующий складом ГСМ и сыпучих материалов	1	112-50
Отдел труда и зарплаты		
Начальник отдела	1	240
Старший инженер по нормированию	1	195
Плановый отдел		
Начальник отдела	1	240
Старший инженер экономист	2	405
инженер экономист	1	120

[852] Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 226. Л. 97.

Бухгалтерия		
Главный бухгалтер	1	255
Зам главного бухгалтера	1	195
Старший инженер по финансированию	1	180
Старший бухгалтер-ревизор	1	150
Старший бухгалтер	2	300
Бухгалтер	2	240
Кассир-инкассатор	1	112-50
Отдел кадров		
Начальник отдела	1	210
Старший инженер по фондам и спецработе	1	157-50
Старший инспектор по кадрам	1	157-50
Инспектор	1	120
Административно-хозяйственный отдел		
Начальник АХО	1	135
Секретарь-делопроизводитель	1	97-50
Машинистка	1	90
Уборщица-истопник	1	67-50
Всего	52	10545

Таблица 6. - Выборка фондов по ОРСу треста «Тюменьнефтегазгеология» 1957 г.

№ п/п	Наименование	Единица измерения	Фонд
1	Мясо	Цен	750
2	Колбасные изделия	Цен	800
3	Консервы мясные	Туб	333
4	Рыба	Цен	290
5	Сельдь	Цен	150
6	Масло растительное	Цен	420
7	Масло животное	Цен	1100
8	Сахар	Цен	2300
9	Кондитерские изделия	Цен	1300
10	Сыр	Цен	60
11	Консервы молочные	Туб	160
12	Консервы овощные	Туб	110
13	Крахмал	Цен	100
14	Варенье	Цен	130
15	Джем	Цен	180
16	Повидло	Цен	70
17	Кисель сухой	Цен	110
18	Сухие дрожжи	Цен	30
19	Перец черный	Цен	4
20	Яйцо/яичный порошок	Цен	63,7

21	Консервы фруктовые	Туб	100
22	Чай черный плиточный	Цен	20
23	Чай байховый	Цен	10
24	Водка	Дкл	3100
25	Вино	Дкл	2000
26	Консервы рыбные	Туб	40
27	Соль	Цен	500
28	Консервы мясорастительные	Туб	60
29	Лавровый лист	Цен	0,2
30	Томатный соус	Туб	10
31	Фруктовый соус	Туб	15
32	Горчица	Цен	5
33	Сода	Цен	5
34	Томат-паста	Туб	10
	Промтовары		
35	Х/бумажные ткани	Т.р.	1000
36	Шерстяные ткани	Т.р.	1500
37	Шелковые ткани	Т.р.	800
38	Льняные ткани	Т.р.	200
39	Платки	Т.р.	40
40	Швейные изделия	Т.р.	1800
41	Трикотажные изделия	Т.р.	600
42	Чулки – носки	Т.р.	200
43	Кожаная обувь	Т.р.	1000
44	Резиновая обувь	Т.р.	250
45	Валяная обувь	Т.р.	5000
46	Меха и меховые изделия	Т.р.	200
47	Овчино – шубные изделия	Т.р	250
48	Ковры и ковровые изделия	Кв.м.	800
49	Клеенка столовая	Метр	4500
50	Вата	Тон	6
51	Мыло хозяйственное	Тон	25
52	Мыло туалетное	Тон	25
53	Табачные изделия	т.р.	500
54	Махорка	ящ.	150
55	Сортовая посуда	т.р.	50
56	Фарфорно - фаяновая посуда	т.р.	140
57	Кровати металлические	шт.	550
58	Часы наручные	шт.	100
59	Часы карманные	шт.	50
60	Железо-эмалированная посуда	Тон	12,5
61	Швейные машины	шт.	240
62	Мотоциклы	шт.	16
63	Радиоприемники	шт.	150
64	Текстильная галантерея	т.р.	50
65	Тюле – гардинные изделия	т.р.	250
66	Стиральные машины	шт.	50
67	Шифер	г.уп.	15
68	Ружья охотничьи	шт.	50
69	Щипково – муз инструменты	шт.	75

70	Пухо – перовые изделия	т.р.	40
71	Дробь	Тон	2
72	Баяны	шт.	10
73	Гармошки	шт.	50
74	Аккордеоны	шт.	20
75	Тетради ученические	т. шт.	50
76	Карандаши	т. шт.	10
77	Перья ученические	кор.	50
78	Готовальни	шт.	50
79	Электролампы	т. шт.	10
80	Электросчетчики	шт.	50
81	Электропровод	мет.	2000
82	Электрошнур	мет.	3000
83	Машинки для стрижки волос	шт.	200
84	Бумажные изделия	т.р.	6
85	Зубные щетки	шт.	5000
86	Железо - оцинкованная посуда	тон.	10
87	Пианино	шт.	15
88	Железо кровельное	тон.	10
89	Стекло оконное	кв.м	2200
90	Зеркальные изделия	т.р.	20
Децзакупка товаров			
1	Яблоки	т.р.	208,6
2	Мандарины	т.р.	32,1
3	Лук	т.р.	140,2
4	Чеснок	т.р.	164,4
5	Капуста квашенная	т.р.	3,1
6	Швейные изделия	т.р.	252
7	Спички	т.р.	2,4
8	Часы	т.р.	32,1
9	Головные уборы	т.р.	24,9
10	Металлическая галантерея	т.р.	3,7
11	Кровати металлические	т.р.	9,8

Приложение В

Вопросы для интервьюирования

1. Ф.И.О., когда и где родились?
2. Что закончили, по какой специальности?
3. Начало трудовой деятельности?
4. Осознано ли выбирали свою будущую профессию и почему именно её?
5. Когда и куда приехали на Север?
6. Почему выбрали именно Север, а не другой регион страны?
7. Как Вы добирались, какие условия были при переезде, в какой должности трудились?
8. Каким был Сургут (иной населенный пункт) по приезду, чтобы Вы могли отметить?
9. Где расположились на первое время?
10. Когда обзавелись своим местом жительства? Каким был ваш дом?
11. Каким был быт?
12. Как выглядела обстановка в доме, какие предметы и вещи находились?
13. Каковы были условия труда?
14. Каким было питание на работе и дома?
15. Какое оборудование было, что особенного в процессе работы Вы могли бы отметить?
16. Какие виды поощрения были за труд?
17. Что можно было себе позволить на зарплату?
18. В каких предметах была особая необходимость?
19. Сколько по времени составлял рабочий день? Как он был организован (перерывы на обед, перекуры и тп.)?
20. Были ли нарушения трудовой дисциплины, каких видов?
21. Какой была рабочая и повседневная одежда?

22. В чем были сложности тяжелого климата, северной не обустроенности?

23. Как проводили свой досуг?

24. Какие праздники и знаковые даты отмечали, где и с кем?

25. Как проводили свой отдых, как отмечали праздники?

26. Какими были отношения приезжих и коренных жителей?

27. Как происходило взаимодействие с сургутянами (иными жителями)?

28. Привнесли ли геологи какие-то традиции, новые веяния в жизнь местных и коренных жителей?

29. Какие были отношения с представителями других национальностей, как работали и отдыхали?

30. Какие интересные факты из повседневной жизни Вам запомнились?

31. * Высказывания на свободную тему, по вопросам не затронутых при интервьюировании (по желанию респондента, чем бы он еще мог поделиться из своих историй).

А. Седов. Нам не впервые
Когда за буреломом – бурелом,
Дожди сифонят, душу пепеля,
И даже днем черным-черно кругом
И не поймешь, где небо, где земля,
И марей километры впереди,
И слов каленых не сдержать уже,
Тогда, геолог, песню заводи,
Такую, чтоб зарей цвела в душе!
Нам не впервые! Много кладовых
Открыли мы, всем тайнам вопреки,
Хоть нет для нас дорог и мостовых
К нетронутым сокровищам тайги!
Кому открыть их?
Мне, тебе, ему –
Ключи найдет геолога рука…
И, возвратясь, историю саму
Мы принесем в походных рюкзаках!
(Тюменский геолог. 13 августа 1964. № 6. С. 1.)

В. Козлов Сейсмический отряд
Детальной съемкой профилей
Мы пятна белые покроем.
Сейсмический отряд
Показывает класс:
Сейсмический отряд
Ведет разведку боем
Там, где «Макар телят не пас»!
В болотах вязнут трактора,
С досады чуть не воем,
Но движемся вперед
И день за днем подряд»!
Сейсмический отряд
Ведет разведку боем.
И взрывы мирные гремят!
Мы верим, что наверняка
Здесь встанут вышки строем.
И в праздник Октября
Оркестры загремят,
И город встанет здесь.
Где вел разведку боем
Сейсмический отряд!
(Тюменский геолог. 10 сентября 1964. № 10. С. 1.)

В. Сивков. Золотые фонтаны
В тюменской тайге, на просторах Ямала,
Упрятав на сотни веков,
Хранила планета сокровищ немало,
Надежнее тысяч замков.
Не выдала б тайну скупая природа,

Но вот следопыты земли,
По праву хозяев, для блага народа
Искать эти клады пришли.
И знают лишь вышки, тетрадь полевая
Сиянье полярных ночей,
Как труден их подвиг, – их жизнь кочевая,
Рекорды без лишних речей.
Успехом увенчан их труд неустанный –
И, словно победный салют,
Из темных глубин золотые фонтаны,
Ключом изобилия бьют.
Над северным краем, над ширью сибирской
Огни нефтевышек видны…
Спасибо за подвиг, за труд богатырский,
Геолог советской страны!
(Тюменский геолог. 31 декабря 1964. № 26. С. 2.)

В. Козлов. Наша профессия
Как-то после вахты мы зашли привычно
В свой балок-культбудку,
Весело расселись по скамейкам, стульям, -
Все идет отлично.
Площадь – сотня метров!
Кто-то бросил шутку
И культбудка наша загудела ульем…
Жаркая «буржуйка» весело гудела,
В ней дрова трещали тоже, словно шутки.
У нее от жару разгорелись щеки,
Как у нас от смеха!
За окном лохматым темнота густела,
И мороз трескучий был, наверно, жутким.
Не хотелось думать, что сейчас придется
По морозу ехать…
Как земля курилась, просыхая, робы.
Кто-то рукавицы подпалил у печки.
Свет не зажигали, по балку кидались
Рыжих бликов космы.
Эх, сейчас бы да бы,
Эх, да вот тепло бы – да побыть у моря,
Иль хотя б у речки…
И за всеми «эх бы» разговор стихийно
Перешел на космос…
Всех сейчас как видно, не кормите хлебом, –
Дайте только волю помечтать про небо!
И мы не исключение. И все это заслуженно.
Но и своей профессией гордиться тоже нужно!
Вот мы стоим у ротора, в жару – как у экватора,
И в холод – как на полюсе, грохочем элеватором!
И через вахту ходим без курева и спичек.
И по две смены бурим, коль план тебя приспичит!
И только жизнь наладится, как снова по привычке
Несет неудержимо нас аж к черту на кулички!

После разговоров согласились дружно,
Что топливо в ракетах нефтяной основы!
Ну, так чего ж, ребята, в дорогу снова нужно!
Все, должно, обсохли?
–Все… Давно… Готовы!
(Тюменский геолог. 20 мая 1965. № 20 (46). С. 2.)

Г. Васильев. У костра
У костра – самой древней печурки
Место красное – стол полевой.
Разговор деловой и не юркий
Нас ведет на маршрут по прямой
Снова рейку цепляют кусты,
Снова – груз и глазок нивелира.
Снова звезды, глаза бригадира
Метят карты складные листы.
У него всё и складно, и ладно:
И работа, и график, и план
Речь – по тексту сухого доклада
Для людей, не стремящихся к нам.
Волдыри от проклятого гнуса
И мозоли в расчет не идут.
Важен минуса факт и плюса.
Важен только затраченный труд.
Стена нашего дома – тайга,
Крыша – ткань первобытного неба.
Нам, геологам, долго шагать,
Чтоб открыть, не открыть – так разведать…
(История СНРЭ. Воспоминания, рассказы о людях-первооткрывателях: 1957-1985 гг. Ч. 2. Авт.-сост. Каденкова Л.Е. Тюмень, 1985. МБУК «СКМ» НВ-9316. С. 254.)